

Л.Р. Городецкий

ТЕКСТ И МИР НА ЛИСТЕ МЁБИУСА:

ЯЗЫКОВАЯ ГЕОМЕТРИЯ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

VERSUS ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Москва

2008

*Памяти моей матери,
Валентины Николаевны Городецкой-Лейкиной,
которая однажды принесла мне
из Военно-Политической Академии,
где она преподавала немецкий,
красную картонную папку
с фиолетовой машинописью
стихов Мандельштама*

Оглавление

Введение

Какое отношение имеет «лист Мёбиуса» к еврейской цивилизации, причем тут русский поэт Осип Мандельштам, и вообще, куда смотрят компетентные литературоведы?9

Глава 1. «Еврейская цивилизация» и ее система «примарных управляющих матриц (установок)»

1.1. Медиативность «еврейской цивилизации» (ЕЦ)	19
1.2. «Оксюморонность» ЕЦ	23
1.3. «Динамический прагматизм» ЕЦ	28
1.4. Установка ЕЦ на моногенез («поиск единства»)	28
1.5. ЕЦ и «текст»	29

Глава 2. Мандельштам – фокус системы управляющих матриц (установок) «еврейской цивилизации»

2.1. Мандельштам – интерцивилизационный медиатор, «человек интерфейса» <i>par excellence</i>	39
2.2. Установка ЕЦ на оксюморонность/двойничество, в особенности, лингвистическая, мощно проявляется в дискурсе и поведении Мандельштама	50
2.3. «Динамический прагматизм» ЕЦ в экзистенции и творчестве Мандельштама	58
2.4. «Управляющая матрица» (архетип) ЕЦ, состоящая в ориентации всюду на поиск единства, единой исходной точки, ярко проявилась в дискурсе и поведении Мандельштама	62
2.5. Отношения Мандельштама с текстом вполне соответствуют отношениям ЕЦ с текстом	64
2.6. Тешува (возвращение к еврейству) русского поэта Осипа Мандельштама	70

Глава 3. Манделъштам и «германская» цивилизация

- 3.1. Германо-русская медиативность Манделъштама 71
- 3.2. Немецкий язык в дискурсе Манделъштама. 74

Глава 4. Манделъштам и «ашкеназская» (немецко-еврейская) цивилизация

- 4.1. Немецко-еврейская культура vs. Манделъштам 93
- 4.2. Отношения Манделъштама с языком идиш 96
- 4.3. Характеристики идиша Манделъштама. Статистика, диалектная классификация..... 101

Глава 5. Неприятие Манделъштамом «русской цивилизации». «Оппозиция Шпенглера» (культура vs. цивилизация) в этом контексте. Манделъштам – «межцивилизационный колобок»

- 5.1. Отношение М к русской цивилизации/культуре 107
- 5.2. «Эффект колобка»: уход, бегство отовсюду – от ВСЕХ цивилизаций..... 117

Глава 6. Отторжение Манделъштама «русской цивилизацией». Манифестация этого процесса в критике и мемуаристике. Факторы, способствующие реакции отторжения

- 6.1. Отношение русской цивилизации к Манделъштаму 121
- 6.2. Манифестация в критике отношения РЦ к Манделъштаму . 121
- 6.3. Специфика критического дискурса о Манделъштаме 140
- 6.4. Общие причины специфичности критического дискурса о Манделъштаме 144
- 6.5. Типология причин «подсознательных» реакций критики 147

Глава 7. Языковая картина мира «межцивилизационного колобка». Ее «сдвинутость». Специфика «языковой геометрии» Манделъштама и причины, ее порождающие

- 7.1. Дефиниционное предисловие. Что такое «языковая картина мира» (ЯКМ)? 177
- 7.2. Специфичность ЯКМ Манделъштама 178
- 7.3. «Скрытая геометрия» ЯКМ Манделъштама 179
- 7.4. «Еврейскость» ЯКМ Манделъштама 182
- 7.5. Специфичные для Манделъштама системные механизмы изменения (сдвига) ЯКМ: аппараты *«германского монитора» и *СИ -функций 183

7.6. Различия стандартной русской ЯКМ и ЯКМ Манделъштама	185
7.7. Некоторые выводы	200

Глава 8. Примеры влияния «сдвинутой языковой картины мира» Манделъштама на смыслы его текстов. Семантический разбор нескольких стихотворных и прозаических блоков, где анализ результатов действия «германского монитора» и других специфических для ЯКМ Манделъштама явлений облегчает «расшифровку» подтекстов и комментирование всего текста

8.1. «Реквием» на смерть А. Белого	201
8.2. Пример сложной семантической «игры» идишизмов и германизмов в ЯКМ и в текстах Манделъштама	212
8.3. Выявление скрытого подтекста	214
8.4. Суггестия картинки (ситуации, психологического состояния)	216

Приложение 1

Словарь германизмов у Манделъштама. Немецкие словоформы и словосочетания (эксплицитные и суггестируемые) в текстах М и комментарии к ним	221
--	-----

Приложение 2

Словарь идишизмов у Манделъштама. Идишские словоформы и словосочетания (эксплицитные и суггестируемые) в текстах М и комментарии к ним	291
--	-----

Глоссарий	322
-----------------	-----

Библиография	330
--------------------	-----

Сокращения и условные обозначения в тексте:

*	= «см. глоссарий»
ЕМ	«Египетская марка»
ЕЦ	«еврейская цивилизация»
М	Мандельштам
М-ЯКМ	ЯКМ Мандельштама
РД	«Разговор о Данте»
РЦ	«русская цивилизация»
Р-ЯКМ	«стандартная» русская ЯКМ
ЧП	«Четвертая проза»
ШВ	«Шум времени», автобиографическая проза М
ЯКМ	языковая картина мира
G	немецкий язык; относящийся к немецкому языку и т.п.
Y	язык идиш; относящийся к языку идиш и т.п.
YL	«литовско-белорусский» диалект идиша
YP	«польский» диалект идиша

Тексты Мандельштама (и их датировки) цитируются, в основном, по изданию [1], см. Библиографию; римск. I обозначает первый том этого издания, римск. II – второй том.

Введение

Какое отношение имеет «лист Мёбиуса» к «еврейской цивилизации», причем тут русский поэт Осип Мандельштам, и вообще, куда смотрят компетентные литературоведы?

Топологическая виньетка

Лист Мёбиуса (см. рисунок на обложке¹) – это геометрический оксюморон. Это, в каком-то смысле, «беззаконный» феномен в кругу расчисленном «нормальных» поверхностей, «нормально» вложенных в обычное трехмерное пространство. Его экзистенция принципиально странна и требует усилия для осознания².

Его можно, поэтому, рассматривать как геометрический **символ *еврейской цивилизации**.

Дело в том, что *лист Мёбиуса – вполне простой и, одновременно, внутренне совсем необычный объект: это односторонняя, связная (единая) и при этом как-то странно «косоперевернутая»³ поверхность.

А главное – это самый простой пример поверхности, принципиально неориентируемой, нарушающей элементарные правила ориентации.

¹ А также более подробное описание в Глоссарии.

² Интересно, что популярность листа Мёбиуса «в публике» в последнее время явно возрастает. Не в том ли причина, что этот парадоксальный геометрический объект (образ) эксплицирует **что-то**, «зашитое» в психику и подсознательно ощущаемое современным человеком как существенное?

³ По сравнению с «обычной» цилиндрической поверхностью. Для продолжения метафоры заметим, что математики даже называют этот геометрический объект *косым произведением*.

Но так же одина⁴, и при этом «перевернута», принципиально «неориентируема» по сравнению с «обычной» *цивилизацией, «оксюморонна»⁵ и эфемерна – *еврейская цивилизация (ЕЦ). Она как бы непонятно почему существует, сама ее экзистенция представляет собой вызов, провокацию, «строгий перпендикуляр» для «нормально» ориентированного мышления: в ней «все на свете наизнанку», как сказал Мандельштам⁶.

Эту странную геометрическую метафору я решил применить в подражание Мандельштаму, который любил делать всякого рода наглядные «научные» сравнения: математические, физико-химические и био-гео-логические. Кроме того, геометрическую метафорику применял А. Бергсон, французский философ, идеи которого оказали сильное воздействие на Мандельштама, см. 7.2.1.

Не менее существенно, что лист Мёбиуса – не только «символ ЕЦ», но, может быть, лучшая геометрическая модель («картинка») мандельштамовской *хронотопии⁷, подробнее см. 7.3.2.

Культурологическая виньетка

Тема «еврейского Мандельштама», открытая, по-видимому, М. Каганской в 1977 г. в статье [36] и С. Липкиным в мемуарах 1977-1981 гг.⁸, и обсуждавшаяся в ряде работ американских ис-

⁴ Специфическое единство, *фрактальность ЕЦ, блестяще сформулированная в ШВ («Как крошка мускуса наполняет весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь»), также красиво метафоризируется «односторонностью» листа Мёбиуса: если его разрезать по средней линии, получится **одна** точно такая же поверхность!

⁵ Топологическая неориентируемость + связность листа Мёбиуса (матем. определение этих феноменов – в Глоссарии) являются метафорой «матрицы оксюморонности» ЕЦ, т.е. рутинной «установки» на одновременное присутствие и непрерывное (связное) перетекание друг в друга двух «дополнительных по Бору» событий, подробнее см. 1.2.

⁶ Стихи «щеглиного цикла», Воронеж, декабрь 1936 г.

⁷ Интересно, в этой связи, что К. Мочульский однажды назвал Мандельштама «гениальным **геометром** жизни» (рецензия на ШВ, 1925 г.).

⁸ Мемуары С. Липкина «Угль, пылающий огнем» (опубликованы в 80-х гг.) см. [72, с. 7-32].

следователей⁹, получила в последнее время мощное развитие в монографии Л. Кациса [3] и в других работах.

Мне представлялось необходимым для лучшего понимания происходящего применить в этом поле системные подходы и ракурсы, до сих пор недостаточно использовавшиеся в мандельштамоведческой литературе, в частности, «культурно-цивилизационный» ракурс, включающий рассмотрение сюжетов типа: «поэт в зоне конфликта цивилизаций»¹⁰, «поэт vs. критик в ситуации коммуникационного провала, несовпадения культурно-цивилизационных кодов» и т. п.

При этом наша аргументация базируется, в значительной степени, на лингвистических рассуждениях.

В рамках этого подхода крайне существенным является положение о том, что **Мандельштам является «носителем генома» *еврейской ашкеназской цивилизации**: он, «как чечевица», сфокусировал¹¹ в себе *управляющие установки, главные *порождающие матрицы¹² этой уникальной системы¹³. В этом смысле, «национально-ориентированный» ашкеназский интеллеktуал мог бы сказать: «Мандельштам – это наше всё».

Я пытаюсь аргументировать это утверждение в первых двух главах.

В третьей-шестой главах рассматриваются отношения Мандельштама с «германской» и немецко-еврейской культурно-

⁹ Обзор этих работ см. напр. в монографии Н. Поллак [133, pp. 1-4].

¹⁰ Ср. пушкинские сюжеты типа «гибели нарушителя на стыке двух миров», рассмотренные М. Вайскопфом в [75, с.10]. Поэт Иосиф Бродский подразумевает, кажется, этот же сюжет, когда говорит в очерке «Сын цивилизации» о возраставшем «осознании им [М] архетипической драмы “поэт против империй”».

¹¹ Ср. высказывание И. Бродского о Мандельштаме в очерке «Сын цивилизации»: «[М] представляет собой крайне одинокую фигуру в контексте русской поэзии, именно **резкость его фокуса** объясняет обособленность». Здесь имеется в виду не только фокус взгляда, но и то, что сама экзистенция поэта резко фокусирует в себе «ничто».

¹² С. Аверинцев в своем предисловии к двухтомнику Мандельштама 1990 г. (которое является, вообще говоря, шедевром дискурса христианского интелеktуала о феномене Мандельштама) называет некие подобные объекты «законами мысли и жизни» [I, с. 32].

¹³ Если воспроизводить ту же тему, используя либретто «из другой оперы», это прозвучит так: «миф Мандельштама» **изоморфен** «мифу ЕЦ».

цивилизационными системами, а также с *русской цивилизацией (РЦ). Я хочу показать, что, будучи «фокусом» архетипических черт, установок и паттернов еврейской цивилизации, **Мандельштам отвергает русскую цивилизацию**, одновременно считая себя представителем русской культуры, тем самым как бы следуя здесь *оппозиции культура/цивилизация Шпенглера.

Русская цивилизация, в свою очередь, как «океан» в левомском «Солярисе», отвергает, отталкивает, **извергает из себя Мандельштама**, озвучивая этот процесс голосами журналистов, критиков и писателей. Существенно здесь, что РЦ и «труженики пера», ее озвучивающие, реагируют на резкую фокусировку упомянутого «генома» ЕЦ в экзистенции М и поэтому переносят на Мандельштама in toto комплекс представлений и мифологем РЦ, касающийся **евреев** вообще. Эта своеобразная «глобальная метафора» РЦ-критики изучается в Гл. 6.

Я собираюсь показать, что дело здесь обстоит даже глубже, чем несовместимость Мандельштама и РЦ. Дело в том, что Мандельштам, как колобок из «сыромятной русской сказки», уходил от любой цивилизации (в смысле Шпенглера), даже от еврейской, являясь в то же время представителем ЕЦ par excellence.

В этом смысле, экзистенция Мандельштама – это жизнь «на границе», на грани «цивилизационного разлома», на той линии «столкновения цивилизаций», которую С. Хантингтон, автор этого концепта¹⁴, называет геологическим термином the fault line ‘линия разлома’. В английском слове fault ‘геол. разлом’ Мандельштам, непревзойденный мастер двойного смысла, любивший, к тому же, геологическую терминологию, не преминул бы увидеть и обыграть его второй смысл: ‘вина, обвинение, заблуждение’.

Экзистенциальная «вина» Мандельштама в этой системе координат состояла в том, что он, как «сталкер» Стругацких, в некотором смысле, сам себя поместил в опасную «зону» кон-

¹⁴ Для наших рассмотрений концепция Хантингтона (как и теория «супер-этносов» Л. Гумилева) является не столько научной теорией, сколько «языком» для попытки описания чего-то существующего, грозного и непонятного, но имевшего прямое отношение к жизни и смерти Мандельштама: «но дай мне имя, дай мне имя!».

фликта «еврейской» и «русской» цивилизаций, конфликта, максимальное обострение которого пришлось именно на первую треть 20 века, т. е. на время сознательной жизни Мандельштама¹⁵.

В этой же системе отсчета гибель Мандельштама представляется нормальным следствием его пребывания в этой опасной зоне. При этом совершенно естественно, что именно *писатели* и *критики*, эти киплингговские «бандарлоги», угадывавшие и вербализовавшие колебания и шевеления русско-советской цивилизации, и потребовали прямым текстом от властей «окончательного решения мандельштамовского вопроса»; аппарат же НКВД со своими тюрьмами и пересылками был всего лишь подходящим техническим средством.

Лингвистическая виньетка

Понятно, что обсуждаемые культурно-цивилизационные рассмотрения – это некий «злой и вязкий омут», из которого трудно выбраться: в одном только определении терминов (концептов) цивилизация/культура можно увязнуть навсегда¹⁶. В мандельштамовских штудиях лучшая «материальная база» для всяческих общих идей и утверждений – это лингвистические рассмотрения. Потому что «случай Мандельштама» – это «лингвистический случай» по преимуществу, экзистенция Мандельштама насквозь «лингвистична»¹⁷.

Пытаясь создать эту «базу» для наших рассмотрений, я в третьей и четвертой главах рассматриваю отношения Мандельштама с языками немецкий и идиш, рефлексy которых (в особенности, немецкого) в его дискурсе наиболее массовы¹⁸.

¹⁵ Анализ этого «конфликта» без экзальтированных объяснений в любви/ненависти – дело будущего. Одним из первых шагов в этом направлении является, пусть во многом спорная, работа Ю. Слезкина [70].

¹⁶ В [157, с. 12] приводятся статистические данные, из которых явствует, что количество различных определений «культуры» растет с экспоненциальной (!) быстрой.

¹⁷ Вполне точно сказал об этом Б. Успенский: «Мандельштам был подлинным филологом <...> метафора Мандельштама выступает как средство филологического познания мира» [102, с. 326, 330].

¹⁸ Хотя есть и рефлексy 6-7 других языков, но не столь мощные.

В приложениях 1 и 2 дается полный¹⁹ «семантический словарь» эксплицитных и суггестируемых «германизмов» и «идишизов» в зафиксированном дискурсе Мандельштама.

В седьмой главе изучаются некоторые специфические для Мандельштама механизмы генерирования текста (элементы его «поэтического механизма») и намечаются некоторые основные черты «языковой картины мира» (ЯКМ) Мандельштама, ее соотношенность со «стандартной еврейской ЯКМ» и ее отличие от «стандартной русской ЯКМ». Я осознаю неуклюжесть и недостаточность этих «пугливых шагов» в построении мандельштамовской ЯКМ, но они представляются необходимыми²⁰.

Наконец, в восьмой главе результаты наших рассуждений применяются «на практике» – для лучшего понимания «темных мест» (а они у Мандельштама чуть ли не в каждой синтагме) в ряде поэтических и прозаических блоков текста Мандельштама.

Гоголевская виньетка: послесловие к предисловию.

Без Гоголя никак здесь не обойтись: ведь сама фамилия поэта резко паронимична немецко/идишскому слову *Mantelstamm* = «шинельное (шубное) происхождение», что немедленно отсылает к формуле «все мы вышли из гоголевской шинели»²¹.

Мандельштам – это гоголевский Янкель²² в русской литературе, какой-то «скособоченный», суетливый и, главное, смеш-

¹⁹ Понятно, что слово «полный» здесь выполняет модальную функцию и выражает, скорее, намерения и стремления автора.

²⁰ Следует, разумеется, отметить, что ряд элементов ЯКМ Мандельштама фактически уже изучался ранее. Соответствующие ссылки см. в Гл. 7.

²¹ Заметим, что все переводы гоголевской «Шинели» на немецкий имеют заглавие «Der Mantel». М, конечно, не мог пройти мимо этой смешной суггестии, ведь известно, насколько он был чувствителен к различным вариантам паронимического обыгрывания своей фамилии и имени. Ср. также замечание Л. Видгофа: «Само это имя – воплощенный курьёз: **гоголевски**-простонародное “Осип” (наивно замаскированный под русского Иосиф) и звучно-раввинское “Мандельштам”» [143, с. 450].

²² Гоголь, конечно, не случайно, выбрал для «тарасбульбовского жида» архетипичное еврейское имя. Янкель (в УР-произношении) – это Яаков, Иаков; в еврейской традиции одно из самоназваний евреев – «сыны Иакова».

ной для русского восприятия²³, «непорядочный»²⁴ и жуликоватый²⁵, «двурушник» Янкель, в которого «враждебной властью»²⁶ с какой-то целью вложен огромный дар Мастера – «...но ведь он мастер, мастер?»²⁷. Примерно так же, как Пушкин для многих современников – «арапская обезьяна» с невероятным поэтическим даром.

Евреи в Восточной Европе, эти Янкели, поэты, чекисты, партийцы, музыканты, разведчики, бандиты и торговцы – были и остаются в «сознании общества» олицетворением западной (или не западной, а просто чуждой) **цивилизации**²⁸ и чего-то не совсем понятного, но вызывающего дискомфорт²⁹ и описываемого раздражающими концептами типа «глобализация»³⁰,

²³ В частности, вызывающий смех своими странными «шарнирными» телодвижениями. Ср. высказывание А. Ремизова (про М): «...Он был весь **движущийся**, не костяной, а пружинный», цит. по [94, с. 139].

²⁴ Ср. «Чуковский говорил мне [о Мандельштаме]: “Не понимаю, как М., этот элементарно непорядочный человек [в другом месте: “этот карманный вор” – Л.Г.] может быть так чист в своем деле”» [22, с. 149, 401].

²⁵ Ср. «Есть в нем [в М], извините, что-то “жуликоватое”, отчего его ум, начитанность, “культурность” выглядят особенно неприятно» – А. Белый в письме 1933 г., цит. по [94, с. 121].

²⁶ Пушкин: «Кто меня враждебной властью / Из ничтожества воззвал...».

²⁷ Сталин в известном телефонном разговоре с Б. Пастернаком в июне 1934 г. (в передаче Пастернака).

²⁸ Критик А. Коваленков замечательно точно заявил уже в 1957 г., что Мандельштама **за эту цивилизационную чуждость** нужно было бить: «За каждой строкой [М] <...> стоял призрак БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что» (см. 6.2).

²⁹ «Дискомфортно» даже само имя Янкель. По какому-то «странному сближению», П. Флоренский, выдающийся представитель русской культуры и, некоторым образом, «цивилизационный антипод» М, писал в 20-х гг. о своем детском восприятии имени Янкель: «...не знаю почему, но **Янкель**...показалось знаменательно зловещим, каким-то ядовитым, льстиво-коварным и губительным... я трепетал пред этим словом» [139, с. 34]. В работе «Имена» Флоренский говорит, что с именем Яков: «связаны вихри, около имени Яков возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет... первые испарения крови, клубящейся около имени Якова... стущаются в кровавые призраки» [140, с. 55-56].

³⁰ Уже в 1909 г. А. Белый в «культурно-цивилизационной» статье в «Весах» [145, с. 72] резко протестует против общеевропейского процесса глобализации (интернационализации) культуры, инструментом которого являются евреи,

очередная «универсалистская» доктрина, и прочие несообразности и безобразия.

Россия же, как известно, колеблется между двумя полярными состояниями:

первое – открытость к европейской западной цивилизации, западничество, глобальные культурно-цивилизационные идеи, «товарищи, мы будем братья, идите к нам, идите на Урал!» и т.д.;

второе – закрытость, антиглобализм, славянофильство, почвенничество, автаркия, западофобия, «мы повернемся к вам своєю азиатской рожей, не тронемся, когда свирепый гунн...» и т.д.

Соответственно, в каждый данный момент, отношение к евреям, как к архетипическим носителям «глобализма», определяется сегодняшней точкой траектории России между этими двумя полюсами.

Замечательно, что и отношение к Мандельштаму также определяется этой точкой.

«Открытая Россия» – помнит М, любит М, считает его своим, «мирволит» ему, усыновляет (пусть ощущая некоторую его чуждость), становится «родиной щегла» – даже впадает в мандельштамоманию.

«Закрытая Россия» – относится к М с подозрением, не считает своим сыном («мачеха щегла»), «забывает», усиливается антисемитская составляющая, отвергающая «жидовский нарост на теле русской поэзии», мандельштамомания проходит, М уходит в некий элитарный андерграунд и т.д.

Характерно, что на отношение российского общества к Мандельштаму влияют даже скучно-рутинные политические процессы, происходящие в России, например, колебательный процесс усиления или ослабления государственной власти.

Если даже это – миф, то миф, вполне работающий и влияющий на «реальность». Совсем недавно в эфире московской радиостанции ведущий программы (журналист и критик) сказал: «Популярность Пастернака сейчас возрастает, даже [есть]

пастернакомания, а популярность Мандельштама – будет падать, – потому что Пастернак был государственник и хотел примириться, жить мирно с государством, а Мандельштам – антигосударственник и не хотел примириться с государством».

Впрочем, «межцивилизационный колобок» Мандельштам сам замечательно сказал про этот «колебательный процесс» еще в 1922:

Чтобы силой или лаской
Чудный выманить припек,
Время – царственный подпасок –
Ловит слово-колобок.
И свое находит место
Черствый пасынок веков...

Лев Городецкий
Москва, март 2008.

Глава I

«Еврейская цивилизация» и ее система примарных порождающих матриц (управ- ляющих архетипов, установок)¹

*Еврейство – историко-этнографическое понятие,
выражающее отношение евреев к еврейству*

Л. Кон-Цадкес,
химик-мандельштамовед

Дефиниции понятий «цивилизация», «порождающая матрица» (она же управляющий цивилизационный архетип, или «установка», или «принцип») и сопряженные обсуждения вынесены в Глоссарий. Здесь мы пытаемся свести систему таковых матриц для «еврейской цивилизации»² (ЕЦ) к набору основных, «примарных», порождающих остальные. Этот набор удобно еще называть «цивилизационным геномом» ЕЦ.

Я вполне осознаю размер *хуцны*³, необходимой для попытки изложить на десятке страниц то, что требует сотен страниц аккуратного анализа, но нам для дальнейших рассмотрений нужна «здесь и сейчас» **компактная** редукционистская модель этого «генома».

1.1. Медиативность (информационность) «еврейской цивилизации» (ЕЦ).

Дело в том, что *raison d'être* еврейской ЦИВИЛИЗАЦИИ как таковой⁴, заключается, прежде всего, в её «интерфейсности»,

¹ Глава 1 зеркально-симметрична Главе 2: каждый пункт из Гл.2 является «ограничением на Мандельштама» соответствующего по номеру пункта Главы 1. Поэтому можно просматривать текст этих глав не последовательно, а параллельно, скажем, пп. 1.3 и 2.3; пп. 1.4 и 2.4 и т.д.

² Везде далее имеется в виду «постбиблейская», диаспоральная ЕЦ.

³ *хуцна* (иврит → идиш) – ключевой концепт, описывающий поведенческие паттерны ЕЦ и означающий, в зависимости от ситуации, 'наглость, дерзость, активность, драйв и т.п.'

⁴ Речь идет – в смысле *оппозиции Шпенглера – именно о цивилизации, а не о культуре, тем более не о религии.

«буферности», медиативности, ориентации на информационное посредничество, на сохранение и передачу информации через время и пространство от одной цивилизации (социума) к другой.

В этом смысле еврейскую цивилизацию можно назвать **информационной мета-цивилизацией**⁵, главная функция которой – установление связей между «цивилизациями»⁶ и между своими собственными элементами.

Еврей между «другими»⁷ – по преимуществу медиатор и прежде всего информационный посредник, передатчик информации⁸, будь то внедрение монотеистических или других глобалистских представлений (еврей – разносчик марксистской или анти-марксистской заразы, так же как несколько ранее – бацилл чумы), или «дигитализация» окружающего мира с помощью его денежной оценки (еврей – money-monger, «меняла», банкир, финансист)⁹, или даже опасная секретная информация (еврей – «чужой» шпион, или «свой»

⁵ Я хочу подчеркнуть, что в нашем контексте «медиативность» = «информационность», хотя бы потому, что медиаторство есть установление СВЯ-ЗЕЙ и, поэтому, есть СПОСОБ увеличения инфо, а установка на обработку и ПЕРЕДАЧУ инфо тривиальным образом имплицитно устанавливает установку на медиативность.

⁶ В частности, установление связей между собой и другими «цивилизациями». В этом смысле ЕЦ можно рассматривать как гигантский метатекст, потенциально включающий все комментарии на самого себя, см. ниже п. 2.5.

⁷ Имеются в виду архетипы «еврея» и «неевреев».

⁸ Посмотрим на диаспоральные еврейские архетипы: аристократ Мордехай из библейской Книги Эсфири, владеющий 70 языками, подслушивает разговор на редком диалекте и передает царю жизненно важную инфо о заговоре – дальше на это опирается весь сюжет. Гоголевский «разночинец» Янкель из «Тараса Бульбы» владеет меньшим количеством языков, но стремится осуществить инфо-медиативную функцию между «всеми, что движется».

⁹ Ср. замечательный по культурологической пронизательности афоризм К. Маркса в его ранней штудии «К еврейскому вопросу» (Zur Judenfrage, 1843): «Der Wechsel ist der wirkliche Gott des Juden. Sein Gott ist nur der illusorische Wechsel» («Вексель – это действительный Бог еврея. Его Бог – это лишь иллюзорный вексель»). Слово «вексель» в русский пришло (через польский?) из нем. Wechsel = «смена, обмен, обменный документ и т.п.» Интересно, что в немецкий эту основу, по-видимому, импортировали из латинского те же евреи, взяв ее сначала в идиш: Y[veksl] ← лат. vices = «та же базовая коннотация обмена».

разведчик), или, наконец, просто некая «инсайдерская» информация¹⁰.

Показательно, что образ «менялы» частотен в текстах ранних христиан (еще находящихся в сфере ЕЦ). Стандартный для раннехристианских текстов призыв распознавать лже-пророков использует этот характерный для ЕЦ образ и выглядит так: «Будьте опытными МЕНЯЛАМИ» [74, с. 107].

В недавно опубликованной монографии [70] Ю. Слезкин называет эту специфическую «посредническую» функцию еврейской (а также армянской, цыганской, китайской и т.п.) диаспоры – «меркурианством», а самих евреев – «меркурианцами». Он, в частности, причисляет культурное посредничество к «старейшим еврейским специальностям» [70, с. 9].

«Ген» медиаторства ЕЦ проявляется в специфической «интертекстуальности» ЕЦ, в её отношении к миру как к единому тексту, ее ориентации на связывание между собой в этом «супер-тексте» текстов самых различных периодов и культур. Этот супер-текст включает (в идеале) все комментарии на самого себя¹¹ и все модификации/«исправления» себя же¹².

Эта специфическая интертекстуальность ЕЦ, конечно, может рассматриваться и как проявление объемлющего управляющего принципа **поиска единства** (см. 1.4).

Подробнее о паре ЕЦ versus ТЕКСТ см. ниже в 1.5.

Медиативность ЕЦ «реализуется» еще и в том, что «пост-библейские» евреи – в принципе городское население. Еврейская диаспоральная цивилизация – в принципе, «в архетипе» – цивилизация города, а город – это всегда «точка плотности» (концентрации) медиативности: торговой, сервисной, образовательной, информационной и т.д.¹³ Для наших рассмотрений

¹⁰ Характерный пример: информационная функция «еврейского» шута при испанском дворе 14-16 вв., состоявшая в сообщении придворных новостей и компромата на окружающих, см. [164, с. 215].

¹¹ Т. е. «авто-мета-текст».

¹² Ср. присутствующее в еврейской мистической традиции стремление к *тикун ha'олам* (совершенствованию мира) с помощью языка, т.е. посредством управления аппаратом порождения текста.

¹³ В. Топоров относит *город* к архетипам места, «где совершается **универсальный обмен**» [161, с. 130].

важно, что «город» – это еще и точка плотности языковой/межязыковой медиативности¹⁴.

Важным для «мандельштамовских» рассмотрений является еще одна медиативная функция ашкеназской ЕЦ – ее «интерфейсная» позиция между русской и западноевропейской цивилизациями, часто способствовавшая не только «нормальному» обмену идеями, информацией, материальными ценностями, но даже нелегальной транспортировке через еврейские центры идей, литературы и людей. Например, народоволец В. Иохельсон вспоминал про 1870-е годы¹⁵: «Вильна сделалась центром для сношения Петербурга и Москвы с заграницей».

Русская цивилизация в целом негативно реагировала на еврейскую медиативность. Это манифестировалось ярче всего в «печатном слове», демонстрирующем еврейские эксплицитно-медиативные типы часто с негативными функциями шпиона, соглядатая или проводника¹⁶.

М. Вайскопф в своем исследовании литературы русского романтизма 1820-30гг. цитирует «известный» (по его выражению) рецепт «Москвитянина» относительно **типовой** исторической повести: «Между историческими лицами появлялось лицо вымышленное или чудесное, колдун, цыган или жид. Этот жид являлся повсюду, как *deus ex machina*, связывая или развязывая все узлы происшествия» [75, с. 317].

Архетипом диаспорального медиативного еврея в русской литературе является гоголевский жид Янкель¹⁷ из «Тараса Бульбы», который осуществляет медиаторскую деятельность в любой физически доступной для него сфере. В народном же представлении такой «профессиональный медиатор» Янкель часто вполне естественно рассматривался и как посредник между «запредельным» миром демонов и миром обычных лю-

¹⁴ «На протяжении почти шеститысячелетней письменной истории больших городов <...> они отличались наличием нескольких языков, используемых одновременно» [76, с. 122].

¹⁵ Очерк в сборнике «Былое» (июль 1918), цит. по [70, с. 205].

¹⁶ Ср. русск. «проходимец».

¹⁷ Про которого уже говорилось в «гоголевской виньетке» во Введении.

дей, т.е. как «колдун», «ведьма» и т.п.¹⁸, что также не добавляло народных симпатий к Янкелям.

Ген МЕДИАТОРСТВА (включая интертекстуальность, восприятие мира как единого текста, ориентированность «на город», на связь с «западной» цивилизацией и т.п.) мощно проявился в дискурсе и экзистенции М. (см. 2.1).

1.2. Оксюморонность ЕЦ.

В систему «управляющих» матриц (архетипов) еврейской цивилизации входит, кроме «интерфейсности/медиативности» (п. 1.1), нечто, что можно условно назвать «оксюморонностью» ЕЦ, т.е. психологическая, дискурсная и поведенческая установка на **одновременное** присутствие, соединение и взаимодействие взаимоисключающих противоположностей, на «парадоксальность», на «двойничество», двойственность, «шизоидность», «дополнительность» в смысле Бора¹⁹ и т.п.

Мартин Бубер, который, возможно, ярче других философов осознал и эксплицировал «геном» ЕЦ, писал в работе «Беседы о еврействе»: «Это [еврейство] – ПОЛЯРНЫЙ феномен. <...> Человек переживает полноту своей действительности и возможностей как живую субстанцию, устремленную к двум ПОЛЮСАМ. <...> Но ни в одном человеке структура выбора [на

¹⁸ См. напр. [55, с. 117]. Ср. также сообщение в работе О. Беловой и В. Петрухина о представлении украинцев Подолии «о том, что **края земли** не может достигнуть ни один живой человек; это под силу только купцам-евреям» [166, с. 428]. М. Вайскопф пишет, исследуя сюжеты Гоголя, что в Янкеле, как и в прочих еврейских персонажах «Тараса Бульбы», доминирует «традиционный тип **демона-проводника** и наставника» [168, с. 608]. По данным О. Беловой, для жителей Восточной Европы евреи – лучший платный канал для прохождения молитвы, обращения за помощью к Богу и т.п. Белова пишет: «Если хотели отомстить за злодейство, то жертвовали деньги на еврейскую школу или синагогу, надеясь, что евреи **скорее** Бога умолят <...> так же жители Белоруссии стремились избавиться от тяжелой болезни – считалось, что после пожертвования евреи упроят Бога о выздоровлении христианина» [170, с. 272].

¹⁹ «Квантово-механические» вербализации, аллюзии и метафоры в этом контексте – это не какое-то нелепое show-off, но, похоже, глубинно-обусловленная необходимость при попытке понять «странный мир» ЕЦ и, далее, Мандельштама. Интересно, что М это понимал. В черновых набросках к РД он заявил про Данта (и, конечно, про себя): «Дант может быть понят лишь при помощи теории квант» [72, т. 3, с. 402].

перепутье] не обнажалась столь сильно, не была столь господствующей и центральной, как в еврее» [69, с. 42–44].

Ср. вполне характерное высказывание раввина 19 века Менахема Менделя из Варки²⁰: «Приличествуют нам три вещи: коленопреклонение – не сгибая колен, беззвучный крик и пляска без движенья».

Ср. также цитируемое Бубером высказывание польского хасидского рабби Бунема²¹: «есть нечто такое, чего не отыщешь нигде <...> и все же существует место, где это можно найти» [69, с. 96].

В «дискурсе ЕЦ» есть даже идиш-поговорка, описывающая вполне характерную лексико-семантическую оксюморонность (расщепленность, шизоидность) ЕЦ, когда два несовместимых смысла «мигают» в сознании, вытесняя один другой и одновременно «дополнительно» присутствуя: «a kluger faršteyt fun eyn vort tsvey» = ‘умный создает в своем восприятии из одного слова – два’ [58, с. 17]. Многие идиш-поговорки вводят «двойные слова», двойные смыслы, обычно используя типичную идиш-игру в омофонию²².

К этому же кругу лингвистически манифестируемой «оксюморонности» относится постоянное присутствие в идиш-дискурсе кодирования, шифрованных калек и «семантических перевертышей». В частности, при упоминании неевреев, всего христианского общественного сектора²³ и т.п.

Подобные игры вполне традиционны для еврейских текстов и еврейского дискурса еще со времен Мишны, Мидраша и Талмуда. Вполне показательны примеры дискурса хасидских рабби (архетипических носителей традиции), цитируемые М. Бубером:

Польский хасидский рабби Мордехай из Несхижа в своем высказывании совершенно рутинным образом обыгрывает па-

²⁰ M. Buber, *Opowisci chasydow*. Poznan, 1989, цит. по [37, с. 253]

²¹ Напоминающее – не случайно, как уже было сказано – популярное изложение какого-то квантово-механического эффекта.

²² Это демонстрирует, например, поговорка *kain is nit hevel* (‘Каин – это не Абель’ = ‘жевать, есть – это не пустяк’).

²³ Типа *Y[švartse-tume]* = ‘черная нечисть’ = Белая Церковь; другие случаи см. напр. в [70, с. 147]

ронимию (в идише) гебраизмов $Y[xoyde\dot{s}] = \text{'месяц'}$ и $Y[xode\dot{s}] = \text{'новый'}$ [69, с. 120].

Маггид из Кожниц в своем толковании стиха Быт. 21:15 даже дважды использует игру омонимов, получая двойной смысл: 'и бросила мальчика ПОД одним из КУСТОВ' = 'и бросила мальчика РАДИ одной из БЕСЕД' [69, с. 153].

Паронимической игрой (гебраизмов в ашкеназском произношении) пользуется в своем дискурсе и Ружинский рабби [69, с. 171].

Главным оксюмороном ЕЦ является, конечно, сочетание этой самой, присущей ЕЦ, оксюморонности/двойничества с ориентацией её же на поиск единства, см. 1.4.

В. Топоров в своей работе о концепте «движения» рассматривает оксюморон «беспорядок vs. порядок первозданного Хаоса». Если вместо «Хаос» подставить известное выражение Осипа Мандельштама «хаос иудейский», мы получим дискурс выдающегося русского ученого об «оксюморонности» ЕЦ: «В ходе творения Творец преодолел Хаос <...>. Тем не менее, было бы ошибкой вывести из этой полной противоположности исходного и обретенного состояний заключение об абсолютном отвержении хаотической стихии Творцом. <...> И **“беспорядок”** Хаоса – его **порядок**, хотя и совсем непохожий на порядок космологически организованной Вселенной, <...> порядок, поскольку в нем <...> потенция движения, “иррационального”, отрицательно ориентированного “анти-движения”...”²⁴ [77, с.17].

1.2.1. Важным частным проявлением рассматриваемой в 1.2 «оксюморонности» еврейской ашкеназской цивилизации (и, в целом, «постбиблейской» еврейской цивилизации/культуры), является ее склонность к автопародийности, самонасмешке²⁵, а также вообще к пародийности, насмешке и смеху.

²⁴ Ср. здесь геометрическую метафору движения («анти-движения»!) по неориентируемому «листу Мёбиуса», см. Введение.

²⁵ Исследователи отмечают, что еврейские анекдоты «отличаются особой направленностью “внутри” культуры», т.е. высмеивают себя, а не других [163, с. 144]. Необычную склонность евреев к смеху «над своим собственным существом» отмечал З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному».

В «смехе», вообще, присутствует оксюморонное «выворачивание мира наизнанку», превращение мира в антимир, разрушение существующей культурно-цивилизационной системы²⁶, «мудрая глупость». В этом смысле ашкеназский смех относится, по-видимому, к типу «средневекового смеха» по Бахтину.

Но уже в Талмуде (т. е. еще до классического европейского средневековья), в базисном тексте еврейской «постбиблейской» цивилизации, встречаются многочисленные «смеховые», комедийные, карнавальные ситуации. Это же явление наблюдается и в пост-талмудических мидрашах²⁷.

Исследователи отмечают КАРНАВАЛЬНОСТЬ ашкеназской народной культуры и идишской литературы²⁸.

Ориентация на комизм, пародийность²⁹, смех особенно наглядно проявляется в традиции «пуримшпилей» и, вообще, в обычаях празднования Пурима. Здесь еще дело в том, что «пуримский фестиваль» в целом является мощным фокусом черт и архетипов еврейской «диаспоральной» цивилизации.

Эта специфическая «смеховая» ориентация вполне ярко проявилась в личности и творчестве М.

1.2.2. Ориентация ашкеназского цивилизационного архетипа на автопародийность и самонасмешку симметрично сопрягается с тем, что субъект поведения или дискурса сам выглядит смешным (часто неприятно смешным) в глазах окружающих.

²⁶ Ср. «Он [смех] как бы возвращает миру его “изначальную” хаотичность <...> смех нарушает и разрушает всю знаковую систему <...>. Разрушая, он строит и нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически неоправданных соотношений, мир свободы от условностей <...>. Смех делит мир надвое, создает бесконечное количество двойников, создает смеховую “тьень” действительности, раскалывает эту действительность» [151, сс. 3, 45].

²⁷ См. [63, с. 130] о фарсовости в талмудических текстах («агада – СЕРЬЕЗНО-СМЕХОВАЯ литература»), о карнавальности и комедийности Мидраша.

²⁸ См. [49, с. 219, 225].

²⁹ Пародийность, по-видимому – более поздний феномен, но, начиная с 17 в., она проявилась в «пуримном дискурсе» исключительно мощно, см. об этом: I. Davidson “The History of Purim Parody” [158, с. 330-355].

В рамках литературо-центричной «русской цивилизации» (РЦ) это, как и многое другое, проявляется и формулируется яснее всего в литературе.

Критик Д. Заславский в [24] подробно демонстрирует «обязательность» комических черт для образа еврея в русской литературе 19 века:

«Есть что-то смешное в евреях даже тогда, когда их топят, и это смешное, как НЕОБХОДИМУЮ черту в еврейском образе, Гоголь считал нужным отметить. <...> Еврей прежде всего смешон. Смешны его жесты, его разговор, его одежда, манера <...> не может серьезный, печальный, вдумчивый Достоевский без улыбки смотреть на еврея, который видом похож на «цыпленка», поет какой-то «смешной мотив», во время молитвы делает «смешные жесты»» [24, с. 59-62].

Заславский приводит конкретные «типовые» для русской литературы комические черты образа еврея: «заячья торопливость», смешная жестикуляция, «карикатурный нос», тонкий голос, шепелявость, щуплость, похожесть на «цыпленка» или на «ощипанную птицу» и т.п.

Весь этот набор самым удивительным образом соответствует образу М у мемуаристов, см. в 2.2.2 цитаты из мемуаров.

Р. Спивак добавляет к анализу Заславского: «В ряде случаев еврей в русской литературе XIX в. выступает СУБЪЕКТОМ смеха, но, в отличие от смеха русских персонажей, смех евреев не бывает созидательным, животворящим, гармонизирующим мир. Он либо поддельный, корыстный, т.е. превращенный в свою противоположность, своего рода смех-бизнес, либо несет в себе вызов, выражает презрение к окружающим, злое чувство. На нем печать искусственности, натужности, он заключает в себе скрытую ассоциацию с дьявольским смехом, возрождая средневековую ассоциацию евреев с дьяволом» [39, с. 271].

Разумеется, эта специфическая еврейская «смехотворность» вполне ясно проявилась в гештальте М у мемуаристов и критиков, см. 2.2.2.

1.2.3. Еще одним важным частным проявлением «гена оксюморности» ЕЦ является встроенный в присущее ЕЦ и культивируемое ею Weltanschauung архетип ощущения «эфемерно-

сти» жизни, «экзистенциальной ненадежности», специфической неуверенности в бытии.

Характерные высказывания и обозначения представителей ашкеназской ЕЦ, входящие в еврейскую «языковую картину мира»: «Жизнь – узкий мостик над пропастью», Y[luftmenšn] = ‘люди воздуха, подвешенные, не прикрепленные устойчиво ни к какому занятию и вообще ни к чему’.

Эта установка ЕЦ вполне ярко (и очень рано) проявилась у М.

1.3. «Динамический прагматизм» ЕЦ.

Третьей «управляющей матрицей (установкой)» еврейской цивилизации является ее «динамичность», примат действия над рефлексией, принцип *paase wenišma* = ‘будем исполнять и [после этого] будем слушать’ [Исх. 24:7], примат передвижения над статичным пребыванием в одной точке (принцип *mešanne maqom – mešanne mazal* = ‘меняешь место – меняешь «удачу», судьбу’).

В этом смысле, ЕЦ – цивилизация движения (как физического, так и информационного), передвижения, передачи («традиции» в буквальном смысле лат. *traditio*).

Герман Коген сказал об этом свойстве ЕЦ: «вместо бытия дано действие»³⁰.

Из «установки на действие» возникает своеобразный прагматизм ЕЦ, общая «ментальная установка на реализацию»³¹. В частности, установка на «реализацию на практике религиозного идеала», т.е., по-видимому, то, что М называет «практическим монотеизмом»³².

М является ярко выраженным носителем этого архетипа ЕЦ, см. 2.3.

1.4. Установка ЕЦ на моногенез («поиск единства»).

Четвертая «управляющая матрица (установка)» еврейской цивилизации (но при этом как бы «объемлющая», «замыкаю-

³⁰ В работе “Die Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums”, цит. по [47, с. 62].

³¹ См. об этом, например, работу О. Хазанова [48, с. 297].

³² «О природе слова» [II, с. 173].

щая», включающая другие матрицы, установки, паттерны и т.п.) – это ориентированность везде на поиск исходной точки, моногенеза, «единства».

Об этом писал, в частности, Мартин Бубер в работе «Беседы о еврействе»: «...чудесное стремление еврея к цельности <...> и есть то, что превращает еврейство в совершенно особый феномен для человечества. <...> вновь и вновь оно [еврейство] выдвигает требование ЕДИНСТВА, требование, рождающееся из собственной раздвоенности и стремления освободиться от нее. <...> у евреев недостаточно развито отношение к предметному бытию и к вещам; в гораздо большей мере оно [еврейство] может дать человечеству новое ЕДИНСТВО для его идей, новые возможности синтеза. <...> **еврей более способен усматривать связи между явлениями, чем отдельные явления**³³» [69, с. 44, 59].

В «сухом остатке» этот философический дискурс Бубера дает некую «цивилизационную матрицу», которую М в программной статье «О природе слова» и называет «практическим монотеизмом».

Эта «матрица», задающая «операцию» приведения всего к единой точке, «сжатия» до точки, в частности (но эта «частность» исключительно важна), включает ориентацию на «синхронистичность» времени, ориентацию на совмещение всех событий, прошлых и будущих, в одной «пространственно-временной» точке, как бы «здесь и сейчас». Ср. в тексте еврейского пасхального ритуала: «должен человек видеть себя так, как будто он [сам] вышел из Египта».

Этот «архетип единства» также ярко и вполне осознанно проявился в дискурсе и поведении М.

1.5. ЕЦ и «текст».

Отношения ЕЦ с текстом (в самом широком смысле) вполне специфичны. Деятельность, которую можно определить как «работа с текстом», составляет одну из основных, если не главную, «специализацию» диаспоральных евреев. Поэтому, если

³³ Это, фактически, замечательный афоризм Бубера о «примарной ЕЦ-матрице медиативности», см. 1.1.

даже эти «отношения» являются следствиями (проявлениями) примарного «управляющего генома», намеченного в пп. 1.1.-1.4, стоит рассмотреть их в отдельном блоке. К тому же, это полезно для рассмотрений в рамках темы «Мандельштам versus ЕЦ» (см. 2. 5).

1.5.0. Мир = текст.

Мы уже говорили в п. 1.1 о характерном отношении ЕЦ к миру как к единому тексту, к тому же исходящему из одной точки – ср. внедряемое в ЕЦ представление о происхождении всего мира из буквы \aleph – первой буквы текста Пятикнижия. Этот супер-текст включает (в идеале) все комментарии на самого себя.

Архетипом (рабочей моделью) такого текста является в рамках ЕЦ текст Талмуда и текст «Устной Торы», не обязательно полностью фиксированный письменно, но постоянно расширяющийся, модифицирующийся³⁴ и, в потенциале, «содержащий всё».

Конечно, супер-текст в виде объединения всего комплекса традиционных текстов является одновременно гигантским автомета-описанием ЕЦ. Но замечательно, что внутри этого огромного супер-текста присутствует небольшой «ядерный» текст, который в концентрированном виде содержит набор «управляющих архетипов» и «порождающих матриц» ЕЦ. Напрашивается неизбежное биологическое сравнение с ядром клетки, содержащим «геном» некоего организма. Таковым текстуальным «носителем генома» диаспоральной («постбиблейской») ЕЦ, является Мегиллат Эстер, или Свиток (Книга) Эсфири.

Здесь имеются в виду, конечно, не только несколько страниц в ТАНАХе, но и весь еврейский культурно-цивилизационный

³⁴ Установка на постоянную модификацию, на «контролируемое обновление» этого супертекста соответствует психологической установке ЕЦ на постоянный и повсеместный (то есть «хронотопический») *хиддуш* (ивр. = 'обновление, новизна, инновация'). Установка ЕЦ на «инновацию» ранее рассматривалась исследователями, см. напр. [160]. В нашей модели «генома ЕЦ» упомянутые установки (матрицы) являются, как легко показать, «производными», то есть суперпозициями примарных порождающих матриц, рассмотренных в 1.1-1.4. См. к этому еще в 1.5.2. о «горячей» фарисейской ЕЦ.

дискурс вокруг Мегиллы, включающий определенную систему концептов, паттернов поведения, систему соответствующей метафорики³⁵, систему празднования Пурима, пуримшпили etc.

Этот замечательный текст содержит, в частности, архетипический образ диаспорального еврея (Мордехай) и «паттерны» его поведения, *inter alia*, принципиально медиативного³⁶.

Отношение к миру как к тексту – крайне характерная черта (матрица) ЕЦ.

Ю. Слезкин в упоминавшейся в п. 1.1 работе удачно называет диаспоральных евреев «главными специалистами по МАНИПУЛИРОВАНИЮ ТЕКСТАМИ» [70, с. 45].

Простейшим (и, при этом, важнейшим) способом такого «манипулирования» является воздействие на аппарат порождения текстов, т.е., прежде всего, на **язык**. Поэтому «геном» диаспоральной ЕЦ содержит матрицу (установку), создающую из языка окружающей чуждой цивилизации некую его «генную модификацию», продуцирующую модифицированную *языковую картину мира, отвечающую нуждам ЕЦ (или более комфортную для носителей ЕЦ).

Архетипом такого языка в Европе является идиш, но побочными продуктами деятельности этой «цивилизационной матрицы» являются и т. н. «тайные языки», как например, Rotwelsch в Германии или пласт ЕЦ-лексики в «блатном» субязыке в южной России, и, по-видимому, огромный пласт сокращений и акронимов в русской общественно-политической лексике первой трети 20 века (см. подробнее в 1.5.3).

Применяя известную метафору Мандельштама, можно сказать, что ЕЦ модифицирует **чужую речь**, создавая некую «защитную языковую оболочку»³⁷.

³⁵ Например, смешная в глазах многих традиционная инструкция напивать-ся в Пурим до того, чтобы «не отличать благословенного от проклятого» есть, на самом деле, метафора стремления к достижению «оксюморонного» состояния, т.е. работа соответствующей «примарной матрицы» ЕЦ, см. п. 1.2.

³⁶ О медиативности ЕЦ и Мордехая как протагониста «постбиблейской» ЕЦ см. п. 1.1.

³⁷ Ю. Слезкин считает (может быть, излишне драматизируя ситуацию), что цель этого процесса: «увечковечение отличий, сознательное сохранение странности, а значит – чуждости» [70, с. 32].

1.5.1. Интертекстуальность.

Отношение к чтению и к интертекстуальной интерпретации читаемого текста как к принципиально главному средству познания мира и ориентации в мире – не менее характерная черта ЕЦ. Установка на интертекстуальность проявляется в диаспоральной ЕЦ на самых разных уровнях³⁸ и в самых различных ситуациях. Понятно, что комментаторы священных текстов, раввины, и, вообще, интерпретаторы «еврейской традиции» – это «интертекстуалисты» *par excellence*. Но вот пример из совсем, казалось бы, далекой области. В своей книге «The Generation» Дж. Шатц рассказывает о еврейских марксистских кружках в довоенной Польше: «Мы вели себя, как студенты ешибота <...>. К текстам классиков они [члены кружков] относились с чрезвычайным благоговением <...>. Практическое затруднение состояло в том, чтобы подыскать НАИБОЛЕЕ ПОДХОДЯЩИЙ ФРАГМЕНТ и правильно его истолковать – так чтобы скрытый в нем ответ стал явным»³⁹.

1.5.2. Комментарий важнее комментируемого.

Наблюдается вполне «оксюморонная» ориентация ЕЦ на сохранение текста путем его изменения, модификации. Другими словами, реализуется оксюморонная установка: «измени, чтобы сохранить».

Если снова воспользоваться «биологической» метафорикой: ЕЦ стремится создать из текста (в архетипе – текста Устной Торы) самостоятельный организм, сохраняющий ГЕНОТИП (с возможными мутациями, необходимыми для выживания и сохранения ОСНОВНОГО генотипа).

Поэтому КОММЕНТАРИИ (= мутации)⁴⁰ к тексту, сразу включающиеся в текст, совершенно рутинным образом становятся в каком-то (культурно-цивилизационном) смысле, бо-

³⁸ В частности, эта ориентация влечет «понижение профиля» автора-творца текста в рамках ЕЦ.

³⁹ Цит. по [70, с. 130].

⁴⁰ Уместно здесь напомнить, что лат. *mutatio* – это не только ‘изменение’, но и ‘обмен, мена’ (как и в словах с русской основой МЕН), поэтому эта метафора неизбежно снова имплицитно феномен интертекстуальности, т.е. «обмена» между разными текстами или частями одного текста.

лее РЕЛЕВАНТНЫМИ, чем исходный текст! Чтение Талмуда, «работа с текстом» Талмуда становится в ЕЦ экзистенциально более важным занятием, чем чтение ТАНАХа, а чтение Гемары в каком-то смысле важнее чтения Мишны.

По-видимому, эта картина укладывается в рамки оппозиции «горячая/холодная» культура по Леви-Строссу [152]: «холодная» саддукейская ЕЦ, ориентированная исключительно на сохранение уже существующего текста, уступила⁴¹ место «горячей» фарисейской ЕЦ, стремящейся генерировать новые интерпретации и новые информационные тексты⁴². Понятно, что «горячие фарисейские парни», фактически запрограммировавшие и создавшие диаспоральную ЕЦ⁴³, требуют для своего рассмотрения отдельного большого текстового пространства. Здесь мы лишь снова отметим постоянно генерируемую в диаспоральной ЕЦ ситуативную оксюморонность: «горячая» культура здесь выполняет функцию сохранения, т.е. основную функцию совершенно не совместимой с ней «холодной» культуры.

1.5.3. Массовость и рутинность «сверток» и сокращений в традиционном ЕЦ-тексте. Одна из частотных и рутинных техник Талмуда – техника «свертки», когда одним-двумя словами «кодируется» целая ситуация, для полного вербального описания которой надо эту «свертку» развернуть в несколько предложений.

Кроме того, в традиционных текстах диаспоральной (пост-библейской) ЕЦ присутствует вполне рутинным образом огромная масса аббревиатур и, в частности, акронимов⁴⁴.

Этот феномен является одним из самых характерных идентифицирующих маркеров текста ЕЦ и поэтому привлекает

⁴¹ В результате «революции» середины 1-го – середины 2-го веков.

⁴² Ср. «установку ЕЦ на модификацию, *хиддуш*, инновацию» – см. 1.5.0 (сноска).

⁴³ Цивилизацию, «включающую» как правила генерирования новых текстов, так и сами эти «еще не родившиеся» тексты. М сформулировал «текстуальный слоган» ЕЦ: «Быть может, прежде губ уже родился шепот / И в бездренности кружились листы...».

⁴⁴ Об этом уже говорилось в 1.5.0.

пристальное внимание во время обострения «цивилизационного конфликта» между ЕЦ и РЦ.

Во второй половине 20-х вышла работа А. Селищева об изменениях в русском языке в первом послереволюционном десятилетии⁴⁵. В исследовании, говоря о терминологии революционеров конца/начала века, Селищев отмечает: «они прибегали к употреблению терминов, образованных по названию начальных букв тех слов, которые входят в состав сочетания, служащего названием того или иного предмета или явления. <...> Такие сокращенные термины были многочисленны в речи революционеров, действовавших в Польше и соседних юго-западных русских краях <...>, продуктивность таких образований была обусловлена не только конспиративностью, но и другими обстоятельствами. Одно из них – стремление к краткости терминов. <...> Другое обстоятельство, <...> находилось в связи с тем, что многие революционные деятели Польши и Юго-западного края происходили из еврейской среды. А в еврейской среде издавна употребляются образования названий по начальным буквам слов. <...> Такой способ образования мог отразиться (в той или иной степени) и на языке партийных деятелей» [10, с. 44–45].

Еще за 20 лет до работы Селищева А. Куприн писал в известном «антиеврейском» письме Д. Батюшкову от 18.03.1909 [65]: «Ведь именно они [евреи] внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, ТОРГОВО-УСЛОВНЫХ, ТЕЛЕГРАФНО-СОКРАЩЕННЫХ, нелепых и противных слов. Они создали ужасную к языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюратину».

В подобных высказываниях озвучивалось резко негативное отношение РЦ к языку и тексту ЕЦ, которое «спроецировалось» на отношение критиков к текстам М (см. далее 6.5.10).

1.5.4. Принципиальная **нелинейность**, **многомерность** традиционного еврейского текста. Подчеркнем еще раз, что здесь речь идет о диаспоральной ЕЦ, архетипом дискурса которой является дискурс Талмуда. Текст Талмуда настолько «плотно»

⁴⁵ Подробно о полемике вокруг этой работы см. [3, с. 399 и далее].

пронизан перекрестными ссылками и аллюзиями, что его невозможно описать как линейный, в отличие от текста ТАНАХа, «текста свитка». Полная «развертка» текста Талмуда представляет собой не «линейный свиток», но некую многомерную структуру. Это вполне принципиально и является как бы элементом «генотипа» текста. Разумеется, это свойство связано с общей «интертекстуальностью», см. 1.5.1.

1.5.5. Диалогичность → полилогичность традиционного еврейского текста.

В традиционном отношении ЕЦ к тексту присутствует установка на вовлечение «читателя» в процесс создания «читаемого»⁴⁶, в частности, путем психологического поощрения создания комментариев, которые становятся как бы частью «воспринимаемого» дискурса, см. 1.5.2. Возникает совершенно нетривиальная (оксюморонная) ситуация взаимодействия между «текстом» и «читателем», когда «читатель» становится «автором», строителем «текста», а «текст» воздействует на «читателя», «строит» его⁴⁷.

Здесь проявляются примарные (матрицы) установки на общую интертекстуальность⁴⁸ и на оксюморонность⁴⁹, см. 1.1 и 1.2.

В Талмуде частотны не только места, но и технические текстуальные средства, обслуживающие ситуацию обращения «говорящего» к «слушателю» с целью вовлечения слушающего в диалог. Пример: П"ק. Это техническое сокращение разворачивается в слова IM TOMAR = 'если ты скажешь', являющиеся стандартным приглашением слушателя к дискуссии. Их полная смысловая развертка: «если ты сейчас выразишь мне возражение, заключающееся в том, что... то, смотри,....».

⁴⁶ Неизбежно напрашивается здесь «физическая» метафора, связанная с ситуацией воздействия наблюдателя на наблюдаемый объект.

⁴⁷ Этот психологический феномен рассматривал еще Юнг на примере «архетипичной» ситуации взаимовлияния Гете и создаваемого им текста «Фауста».

⁴⁸ Читатель «вклеивает» (может быть, лишь в своем сознании) ссылки на «свои собственные» тексты в «читаемый» текст.

⁴⁹ Одновременное и взаимоисключающее присутствие «процесса создания» и процесса восприятия (post factum) этого созданного. Все это порождает специфическую «шизофреничность» отношения ЕЦ к тексту и к миру, воспринимаемому как текст.

В Талмуде (Гемара) также частотны места, где ломается «линейный» синтаксис и создается четкое ощущение одновременного дискурса (полилога) двух и более участников.

Известные шуточные формулы: «еврей отвечает вопросом на вопрос» или «евреи все говорят одновременно» вполне точно демонстрируют ориентацию традиционного еврейского дискурса на «синхронный» диалог (полилог).

1.5.6. Установка ЕЦ на мультилингвистичность дискурса, на игру РАЗНОЯЗЫЧНЫХ смыслов в высказывании.

Исключительно показательна (особенно для наших последующих мандельштамовских рассмотрений) хасидская притча, пересказываемая М. Бубером в его «Хасидских рассказах» [69, с. 103]. В этой притче Бааль-Шем-Тов разъясняет ученикам кажущееся им невероятным сообщение Талмуда: «Пришел Гавриил и научил Иосифа семидесяти языкам»:

«Начал Бааль-Шем-Тов произносить поучение, но оно, казалось, совсем не имело отношения к вопросу <...>. И тут случилась удивительная вещь, какой никто не слыхивал. Внимая словам учителя, ударил рабби Гершон из Полонного по столу⁵⁰ и воскликнул: “Турецкий!”, а через некоторое время: “Татарский!”, а еще мгновенье спустя: “Греческий!”, и так называл язык за языком. Постепенно его товарищи поняли: в словах поучения, говоривших, казалось бы, совсем о других вещах, он услышал и узнал исток и суть каждого языка...»

Рабби Гершон в этом рассказе слышит чужую речь в идиш-речи, и это вполне «рабочий» принцип ЕЦ – слышать и «узнавать» чужую речь в СВОЕМ РОДНОМ дискурсе и таким путем слышать и понимать больше.

Макс Вайнрайх в своей классической «Истории идиша» с удивлением отмечает СИСТЕМНУЮ ориентацию носителей идиша на мгновенный анализ ДИАФОНЕМ, на мгновенную ПЕРЕКОДИРОВКУ из одного диалекта в другой, т.е. на одновременное слышание в своем диалекте чужого диалекта. Вайнрайх пишет: “surprisingly not only the linguist is adept at this, a certain awareness of systems exists also among the naïve Y speakers” [78, с. 16].

⁵⁰ aha-effect в гештальт-психологии!

1.5.7. Повышенная частотность и рутинность **игры слов**, ориентация на полисемантичесность отдельных слов, сочетаний и целых блоков текста.

Еврейские анекдоты, поговорки в значительной степени построены на каламбурах и игре слов. Пуримшпили частотным образом «продуцируют» комизм из игры слов⁵¹.

Но гораздо более интересно здесь, что такой, казалось бы, принципиально сухой, совсем не склонный к шуткам и карнавальности, технический **цивилизационный** текст, как «Киццур Шульхан Арух» р. Ш. Ганцфрида использует «игру слов» не как «игру», а как вполне рутинный инструмент для передачи информации. Уже в первой главе этого «технического» текста читаем, например, рекомендацию к тематике занятий после полуночи: «Лучше всего изучение порции Мишны, и этим приобретаешь душу, т.к. буквенный⁵² состав слов *Мишна* и *нешама* [душа] одинаков» [137, с. 9].

1.5.8. Частотность **синтаксических нарушений**.

Дело не в том, что «традиционные» тексты ЕЦ намеренно нарушают «обычный» синтаксис. Они как бы пренебрегают этим синтаксисом, он им как бы не очень существен. Это проявляется как на уровне синтаксиса предложения, так и на уровне блоков текста (сегментная незавершенность).

Проще выражаясь, если в таком тексте встречается нечто вроде: «сказал рабби А сказал рабби Б казнить нельзя помиловать», то здесь нет никаких намеренных шифровок или искажений, а есть ряд «сверток», «встроенных» аллюзий и «ассоциативных отсылок» на определенные места «единого супер-текста», которые предполагаются известными читателю, и эта система «исправления синтаксических нарушений»⁵³ реконструирует для читателя «правильный» синтаксис исходной фразы в том виде, в каком он ему нужен в данный момент.

⁵¹ Часто из «межязыковой» игры слов (напр. иврит $\leftarrow \rightarrow$ идиш). См. об этом, напр., I. Davidson "The History of Purim Parody" [158, с. 330-355].

⁵² И, главное, консонантный.

⁵³ В частности, развертывания синтаксических «сверток».

Глава II

Мандельштам – фокус системы управляющих матриц (установок) «еврейской цивилизации»

*А все-таки, Осип Эмильевич,
мозги у вас еврейские*

С. Клычков, русский поэт

Идеология этой главы – ужасна

Ю. Веселовский, психиатр-
мандельштамовед.

Эта глава, по своей структуре, зеркально симметрична первой¹. Мы хотим, основываясь на текстах самого М и мемуаристов, показать, что поведение и «жизненные векторы» М, его творческий и обыденный дискурс являются концентрированным выражением разобранных в Главе I «управляющих матриц» (установок) ЕЦ.

Другими словами, утверждается, что М, «как чечевица», сфокусировал в своей экзистенции «геном» ЕЦ.

2.1. М – интерцивилизационный медиатор, «человек интерфейса» par excellence.

М, который, по удачному выражению Л. Гинзбург, «мыслил культурами»², ощущал одной из «сверхзадач» своего творчества и, может быть, своей экзистенции вообще, – интеркультурное (интерцивилизационное) медиаторство³.

Для М характерен поиск единства, гармонии мира через интеркультурное медиаторство сквозь время и пространство, сопровождающееся (в разные периоды) мессианским стремлением к слиянию цивилизаций в одну.

¹ См. сноску 1 в самом начале Гл. 1.

² [22, с. 427]. Ср. высказывание И. Бродского в очерке «Сын цивилизации»: «Не то чтобы Мандельштам был “культурным” поэтом, он был скорее поэтом цивилизации и для цивилизации».

³ Одну из реализаций общего управляющего принципа «стремления к единству», см. 1.4.

2.1.1. Медиативность М как писателя.

Поэт для М – передатчик смысла «через четыре измерения» – через время (например, от античности до современности) и пространство от одной современной культуры до другой:

«Поэзия – плуг, взрывающий время. <...> Она воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было» [II, с. 169-170].

Поэт – «выпрямитель сознания еще не рожденных эпох» [I, с. 536], поэт – это семантический интерфейс, не важно, на каком языке, пусть даже «он говорит на совершенно неизвестном языке».

В статье «Преодолевшие символизм» 1916 г. В. Жирмунский писал: «Мандельштаму свойственно вчувствоваться в своеобразии чужих <...> художественных культур, и эти культуры он воспроизводит по-своему, <...> Он делает понятными чужие песни, пересказывает чужие сны, творческим синтезом воспроизводит чужое. <...> Говоря его словами:

Я получил блаженное наследство –
Чужих певцов блуждающие сны...»⁴ [17, с. 388].

О. Ронен в статье «Осип Мандельштам» (1986) писал об этой управляющей матрице М: «... он дорожил органическим принципом “творящего обмена”, ведущим к беспрестанному возвращению и обновлению “радостного узнавания”» [2, с. 512].

М. Гаспаров пишет о мироощущении М во второй половине 20-х гг.: «Теперь он ищет самоутверждения, стараясь поделить-ся мировой культурой с новым обществом, и делает это вполне искренне» [26, с. 235].

Переводчик (на немецкий) и биограф Мандельштама Ralph Dutli говорит, фактически, о медиативной «жизненной программе» поэта, комментируя⁵ выражение М «Флоренция в Москве»⁶:

⁴ Интересно, что «блаженное наследство» в этом тексте «паронимически ресемантизируется» через польско-идишское Y[blundžen] ‘блуждать’, получая смысл: «блуждающее наследство», см. Приложение 2. То же относится к «блаженным словам» в других текстах М.

⁵ В биографической работе (2003) «Meine Zeit, mein Tier».

⁶ В стихотворении М «В разногосице девического хора...» (1916), посвященном Цветаевой.

«die Formel “Florenz in Moskau” ist mehr als ein poetisches Suchbild: Es ist das lebenslange programm des Dichters Mandelstam genuin Russisches mit Westeuropäischem eine neue Synthese eingehen zu lassen» [61, с. 139].

На идеологию медиативности, интерфейсности, «чужелюбия», стремления к существованию в межкультурном пространстве указывают многочисленные высказывания самого М, начиная с программного текста 1908 г., эксплицитно заявляющего эту идеологию:

(1908) «В непринужденности ТВОРЯЩЕГО ОБМЕНА

Суровость Тютчева – с ребячеством Верлена –

Скажите – кто бы мог искусно сочетать,

Соединению придав свою печать?» [I, с. 262].

(1913) «Люблю ОБМЕН» («Веселая скороговорка») [I, с. 289].

(1913) «Мне все равно, когда и где существовать!»

(«Адмиралтейство», вариант) [I, с. 464].

(1915) «Так в поэзии разрушаются грани национального, и стихия одного языка перекликается с другой через головы пространства и времени ибо все языки связаны братским союзом... братски родственны и по-домашнему аукаются» [II, с. 167].

(1921) «Поэзия – плут, взрывающий время, <...> человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, жаждет целины времен <...> вчерашний день еще не родился <...> Серебряная труба Кагулла: Ad claras Asiae volumus urbes – мучит и тревожит сильнее, чем любая футуристическая загадка. Этого нет по-русски. Но ведь это ДОЛЖНО быть по-русски» [II, с. 169].

(1921) «...поэты говорят на языке всех времен, всех культур <...> Синтетический поэт современности <...>. В нем поют идеи, научные системы, государственные теории» [II, с. 171–172].

(1922) В статье «Девятнадцатый век» М формулирует программу своеобразного медиаторства (культуртрегерства) между мирами во времени с элементами мессианизма: «...наше столетие начинается под знаком величественной нетерпимости и сознательного непониманья других миров. Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие <...> задача <...> выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк. И в этой работе легче

опереться не на вчерашний, а на позавчерашний исторический день» [II, с. 200].

(1922) «Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому, / И шарить в пустоте, и терпеливо ждать» [I, с. 140].

(1923) М вполне осознавал опасность⁷ своей интерфейсной ситуации, своего «чужелюбия»: «Двурушник я, с двойной душой...» [I, с. 150]. Позднее (1933) он писал: «О как мучительно дается ЧУЖОГО клеткота полет. / За незаконные восторги лихая плата стережет. / <...> Получишь уксусную губку ты для ИЗМЕННИЧЕСКИХ губ» [I, с. 196].

(1931–1932) «Путешествие в Армению»: «Нет ничего более поучительного и радостного, чем ПОГРУЖЕНИЕ СЕБЯ в общество людей совершенно ИНОЙ РАСЫ, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой ВЧУЖЕ гордишься. <...> ЧУЖЕЛЮБИЕ вообще не входит в число наших добродетелей» [II, с. 104–105].

(1933–1935) «О, если б распахнуть, да как нельзя скорее, / На Адриатику широкое окно.» [I, с. 195].

(1933) «Татары узбеки и ненцы, / И весь украинский народ, / И даже приволжские немцы / К себе переводчиков ждут. // И, может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит / И прямо мне в душу проник / ...» [I, с. 200].

2.1.2. Медиативность М как критика. «Медиаторская» ориентация проявляется в дискурсе М и когда он выступает как критик или как культуролог.

(1921) В статье «О природе слова» М дает высокую оценку идеологии «связи явлений» Бергсона, явно (по крайней мере, в этот момент) являясь адептом системы взглядов этого, по выражению М, «глубоко иудаистического ума»: «Его интересует исключительно ВНУТРЕННЯЯ СВЯЗЬ явлений...[Бергсон] выдвигает *проблему связи*, лишённую всякого привкуса метафизики и, именно потому, более плодотворную...» [II, с. 172].

(1922) В статье «Письмо о русской поэзии» М видит одну из главных заслуг И. Анненского в том, что он дал (в частности, А. Ахматовой)

⁷ И, возможно, какую-то экзистенциальную бессмысленность, безнадежность, см. предыдущую цитату.

«поэтическую форму», которая «приспособлена для переноса психологической пыльцы с одного цветка на другой» [II, с. 266]. Вообще, для М в Анненском более всего важно выполнение (или невыполнение) им «медиаторской» функции, ср. в статье «О природе слова» (1922): «Неспособность Анненского служить каким бы то ни было влиянием, быть ПОСРЕДНИКОМ, переводчиком, прямо поразительна. Оригинальнейшей хваткой он когтил ЧУЖОЕ и <...> выпускал из когтей добычу <...>. И орел его поэзии <...> ничего не приносил нам в своих лапах. <...>. Мне кажется, когда европейцы его узнают, смиренно воспитают свои поколения на изучении русского языка⁸ <...> они испугаются дерзости этого царственного хищника» [II, с. 180–181].

(1922) В Блоке и в Пушкине для М, так же как и в Анненском, очень важна открытость к Европе и стремление к культурному синтезу. В статье «А. Блок» М пишет: «...почти пушкинская жажда прикоснуться горячими устами к утоляющим в своей чистоте и разобщенности отдельно бьющим ключам европейского народного творчества: английского, французского, германского – издавна мучила Блока» [II, с. 189].

(1923) Именно во «внешнекультурности», в культуртрегерстве М видит главный смысл символизма, который он называет «чужестранным»: «...это бурное явление [символизм] по существу имело ВНЕШНЕКУЛЬТУРНЫЙ смысл. Ранний русский символизм был сильнейшим сквозняком с Запада, <...> «КУЛЬТУРТРЕГЕРОМ», ПЕРЕНОСИТЕЛЕМ поэтической культуры с одной почвы на другую» (ст. «Бурия и натиск») [II, с. 283].

(1921–1923) М понимал акмеизм как попытку создания (точнее, улучшения создаваемого символизмом) межкультурного интерфейса: «Акмеизм – тоска по мировой культуре», стремление к «спокойному обладанию сокровищами западной мысли», в то время как «русский символизм не что иное, как запоздалый вид наивного западничества, перенесенного в область художественных воззрений» [II, с. 283]. «Акмеистический ветер перевернул страницы классиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи», ст. «О природе слова» [II, с. 186].

(1933) Главным в «Божественной Комедии» Данта М также счита-

⁸ Снова проявляется стремление М к «обмену».

ет (в РД) определенный системный «лингво-медиативный» результат: «Творенье Данта есть прежде всего выход на мировую арену современной ему итальянской речи – как целого, как системы» [II, с. 216]. В набросках к РД М пишет в этом же «медиативном» ключе: «Необходимо создать новый комментарий к Данту, обращенный лицом в будущее и вскрывающий его СВЯЗЬ с новой европейской поэзией» [72, с. 410].

* * *

Основные пути реализации идеологии «медиаторства» у М:

2.1.3. Интертекстуальность.

(а). Массовая и явно осознанная интертекстуальность творчества М, связывание между собой текстов, относящихся к разным временным и культурным пластам, ориентация на включение ВСЕХ текстов в некий единый текст. В этом причина «понижения профиля» автора-творца текста в восприятии М⁹.

В этом также глубинная причина того, что всю продукцию М можно рассматривать как единый текст, включающий автокомментарий¹⁰. Ср. высказывание М в РД про текст Данте и, как обычно, про свой собственный текст: «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”» [II, с. 253].

И. Семенко в 1968 г. писала про «интертекстуальные» свойства прозы М: «Фрагментарная запись – основа мандельштамовской прозы. <...> Отказ Мандельштама-прозаика от прин-

⁹ Н. Мандельштам вспоминает: «Он [М] сам говорил, что “подражает” всем, даже Бенедикту Лившицу» [159, с. 198]. В статье «Слово и культура» М пишет: «глубокая радость повторения охватывает его [поэта]», «поэт не боится повторений» [II, с. 170] Следует отметить, что в этом «понижении профиля» автора и в «радости повторения» (это буквально «иудаистическое» выражение: «радость Мишны», ивр. *мишна* = 'повторение!') – одна из точек сближения М и «текстуальной традиции» ЕЦ, подробнее в 1.5.1 и 2.5.

¹⁰ О «единстве» текста М говорилось еще в «работе пяти» [82].

ципа “сплошного” повествования входил в систему его эстетических воззрений...»¹¹.

Г. Струве еще в середине 60-х в критической статье-предисловии к собранию М говорил о технике стандартных семантических блоков для генерирования интертекстуальности у М: «... в зрелых стихах Мандельштама встречаются в самых неожиданных сочетаниях, в самом непредвиденном контексте некоторые излюбленные слова-образы – «ласточки», «звезды», «соль». Это и есть те слова-Психеи, о которых он говорит, что они блуждают свободно вокруг вещи, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела. Эти блуждающие, упорно возвращающиеся слова играют роль своего рода сигнальных звоночков, через них не связанные как будто одно с другим стихотворения друг с другом перекликаются» [51, т. 1, с. LVIII].

За всеми этими феноменами, конечно, стоит удивительная похожесть отношения М к тексту и отношения ЕЦ к тексту, а также сходство устройства текста у М с устройством талмудического и вообще традиционного еврейского текста, см. подробнее 1.5 и 2.5.

(б). **Перевод.** Это, вообще говоря, частный случай, отдельный аспект интертекстуальности – связывание между собой множеств текстов на двух данных языках. М вкладывает в переводческую работу высший смысл, называя адекватный перевод «живой перекличкой культуры народов»¹². Перевод для М – это технический способ межкультурного посредничества, способ «прививки чужого плода».

Поэтому не случайна и не только с зарабатыванием денег связана интенсивная переводческая деятельность М, хотя он был, по-видимому, классным профессиональным переводчиком¹³.

Характерна его постоянная ориентация на «перевод» в самом широком смысле, на поиск эквивалентных и дополнительных значений в «чужих наречиях».

¹¹ Цит. по [51, т. 3, с. 369].

¹² Статья 1929 г. «Жак родился и умер» [51, т. 3, с. 60].

¹³ Ср. записанная С. Рудаковым в 1935 г. сценка работы М над переводом с французского «Иветты» Ги де Мопассана: «То ругает, то хвалит Иветту – и страшно гладко и быстро ее переводит», цит. по [8, с. 137].

Наиболее мощным результатом такой ориентации на привлечение «чужих наречий» является присутствие у М т.н. *германского монитора (G-монитора), отслеживающего возможные немецко/идиш/русские связи¹⁴.

Примером «переводчика *par excellence*» среди поэтов для М является Константин Бальмонт, и в программной статье «О природе слова» М говорит о Бальмонте слова, которые (М это, похоже, сознательно не хочет эксплицировать) в значительной степени относятся к самому М:

«Россия – не Америка, к нам нет филологического ввозу: <...> Разве что Бальмонт, самый НЕРУССКИЙ из поэтов, ЧУЖЕСТРАННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК эоловой арфы, каких никогда не бывает на Западе, – переводчик по призванию, по рождению, в оригинальных своих произведениях. Положение Бальмонта в России – это ИНОСТРАННОЕ представительство от несуществующей фонетической державы, редкий случай типичного перевода без оригинала. Хотя Бальмонт и москвич, между ним и Россией лежит океан. Это поэт совершенно ЧУЖОЙ русской поэзии...» [II, с. 180].

2.1.4. В этом же «медиаторском» контексте находится постоянная «компаративистская» ориентация М, стремление сравнивать, сближать часто «далековатые» образы, идеи, явления, от конкретно-лексических до глобальных «культурно-цивилизационных». Эта «компаративистичность» является, одновременно, манифестацией специфической «динамичности» и «оксюморонности» мира М, см. 2.2 и 2.3.

(1923) «Воздух дрожит от сравнений./ Ни одно слово не лучше другого, / Земля гудит метафорой...» («Нашедшему подкову») [I, с. 146].

(1924) «В моем восприятии Мервеса¹⁵ просвечивают образы: греческого сатира, несчастного певца-кифареда, временами маска еврипидовского актера, временами <...> голая грудь русского ночлежника или эпилептика»¹⁶ [II, с. 81].

¹⁴ Результаты работы G-монитора приводятся в наших работах [16], [18], [97] и здесь в Гл. 8 и в Приложениях 1 и 2.

¹⁵ Еврейского портного в «Египетской марке».

¹⁶ Д. Сегал видит здесь «...продолженное в сторону России, сближение еврейства и эллинизма» [15, с. 234].

(1933) «Я сравниваю, значит я живу...», «само бытие есть сравнение», «Сравнения – суть членораздельные порывы»¹⁷.

(1933) «Соединив несоединимое, Дант изменил структуру времени, а может быть, и наоборот: вынужден был пойти на глоссолалию фактов, на синхронизм разорванных веками событий, имен и преданий именно потому, что слышал обертона времени» («Разговор о Данте») [II, с. 251]¹⁸.

В текстах М встречаются даже экскурсы в современную ему компаративистскую лингвистику, идеология которой, включающая сближение (часто, на первый взгляд, парадоксальное) «далековатых» феноменов, была ему явно близка, даже в своем сомнительном «яфетическом» варианте¹⁹:

(1931–1932) «Голова по-армянски: глух², с коротким придыханием после “х” и мягким “л”... Тот же корень, что по-русски... А яфетическая новелла? Пожалуйста. Видеть, слышать и понимать – все эти значения сливались когда-то в одном семантическом пучке...» («Путешествие в Армению») [II, с. 106].

2.1.5. В идеологическую систему «медиаторства» укладывается повышенное и острое внимание М к языку (главному коммуникативному инструменту культуры/цивилизации) как к абсолютной ценности, экзистенциально важнейшей и даже сакральной²⁰. В 1934 г. М сказал (о Белом и о себе):

«Прямизна нашей речи не только пугач для детей – /
Не бумажные дести, а вести спасают людей»
[вариант: «нужны для людей»],
[I, с. 207, 535].

¹⁷ «Разговор о Данте» и наброски, см. [II, с. 253] и [34, с. 852].

¹⁸ Понятно, что в «РД» М говорит больше о себе, чем о Данте.

¹⁹ М был, видимо, знаком с некоторыми «компаративистскими» работами основателя «яфетической» теории Н. Марра и/или его последователей. Иногда М «популярно пересказывает» пассажи из этих работ, в других местах он использует некоторые конгениальные своим взглядам технические термины и формулировки из этих работ, например, «семантический пучок».

²⁰ В особенности, в парадигматике «информационной метацивилизации» ЕЦ, см. 1.1.

М. Гаспаров объясняет феномен повышенного внимания к языку в этот период тем, что «революция отняла у людей все материальное», и «нужно было закрепить за собой хотя бы все нематериальное, чтобы его нельзя было отнять», поэтому слово «превращается в самодовлеющую абсолютную ценность»²¹ [26, с. 225].

Мне все же представляется, что рассматриваемый феномен (проявившийся у М задолго до 1917 г.) обусловлен, скорее, «цивилизационно», т.е. является элементом исключительно ярко выраженной в ЕЦ (и в поведении М) ориентации на медиативность.

Об этом говорит ряд высказываний самого М, начиная с самых ранних текстов:

(1909) «Скучен мне понятный наш язык!» [I, с. 457].

(1911) «Я люблю непонятный язык!» [34, с. 717].

(1920) «Слаще пенья итальянской речи /

Для меня родной язык, / Ибо в нем таинственно лепечет /

ЧУЖЕЗЕМНЫХ арф родник...» [I, с. 132].

Характерно, что именно в контексте языка как главного коммуникативно-информационного инструмента цивилизации М отстаивает право на существование русской цивилизации²², полемизируя с Чаадаевым в программной статье «О природе слова» (1921): «Чаадаев, утверждая свое мнение, что <...> Россия принадлежит к неорганизованному, неисторическому кругу культурных явлений, упустил одно обстоятельство, именно: язык. Столь высоко организованный, столь органический язык не только дверь в историю, но и сама история. <...> каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории» [II, с. 177, 180].

²¹ Формулировка Гаспарова удивительно напоминает мысли о роли и значении языка (применимо к еврейской национальной истории), которые высказывал в публичных выступлениях и статьях 1917-1918 гг. Х.-Н. Бялик, выдающийся еврейский поэт.

²² Которую М, вообще говоря, не любит и отвергает, см. Главу 5.

2.1.6. Исключительно мощно «медиаторская» культурно-цивилизационная ориентация М проявилась в аспекте германорусских культурных связей. В этом же контексте лежит и внимание М к немецко-еврейской культуре. Дело в том, что еврейская ашкеназская цивилизация в начале 20 века являлась естественным интерфейсом (или буфером) для контактов восточно-европейской и западно-европейской (прежде всего, германской) цивилизаций²³. Этот феномен достаточно точно ощущался многими современниками²⁴, и М здесь, безусловно, не составлял исключения.

Подробно об этих феноменах говорится в Главах 3 и 4.

2.1.7. «Ген медиативности» проявляется у М и в его ярко выраженной и неоднократно декларируемой «ориентации» на город, на городской *modus vivendi*, на городскую ментальность: он «горожанин и друг горожан». Мир «вне города» для М либо антипатичен и непереносим, как например, русская деревня, либо аттрактивен, но мало «реален», как, скажем, армянские горы. Этот феномен, разумеется, соответствует резкой «ориентации на город», характерной для диаспоральной ЕЦ, см. 1.1 (в конце).

2.1.8. Для полноты картины следует (пусть с долей юмора) отметить, что «ген медиаторства» подталкивал М даже к попыткам заняться, в стиле своих предков-купцов, «торговым посредничеством». Э. Миндлин сообщает о попытках М в Феодосии в 1919-20 гг. заняться посредническим бизнесом, конечно, вполне безуспешных [132, с. 91].

²³ В действительности, ашкеназы выполняли эту медиаторскую функцию по всей Европе, но это выходит за рамки наших рассмотрений. Отметим лишь один яркий современный М пример: на рубеже 19-20 вв. ашкеназские (в частности, эльзасские) евреи во Франции играли роль важнейшего «интерфейса» в культурно-цивилизационных франко-германских контактах в тот период.

²⁴ Ср. характерное высказывание Б. Эйхенбаума в автобиографическом тексте 1929 г.: «Смесь еврейской крови с русской образует, очевидно, особое химическое соединение, имеющее сходство с кровью романо-германских народов» [136, с. 51].

2.2. Установка ЕЦ на оксюморонность/двойничество²⁵, в особенности, лингвистическая, мощно проявляется в дискурсе и поведении М и фиксируется мемуаристами.

Еще в статье «пяти авторов» (середина 70-х) отмечалось, что для поэтики Мандельштама характерно «подчеркивание смыслового единства мира путем проведения через *весь* текст <...> смысловых сочетаний, построенных по принципу логического противоречия (оксюмороны, амбивалентные антитезы и т.п.), что приобретает масштабы глобального принципа, организующего мировоззрение. Возникающий при этом комплекс имеет, как правило, характер “неслиянной нераздельности”. В нем одновременно сосуществуют противоположные смыслы...» [82, с. 297].

«Пять авторов» говорят здесь почему-то только о поэтике, во время как рассматриваемый феномен имеет место и в прозе М и, вообще, во всем дискурсе и даже поведении М.

Вот подтверждающие этот «глобальный принцип²⁶, организующий мировоззрение», высказывания самого М и мемуаристов:

(1908) (М – 17 лет) он пишет в письме В. Гиппиусу: «Но я всегда видел в вас представителя какого-то дорогого и вместе враждебного начала, причем двойственность этого начала составляла даже его прелесть».

(1910-е годы) Г. Иванов пишет про отношения М и Гумилева в 10-х годах: «Их отношения в творческом плане <...> были настоящая ЛЮБОВЬ-НЕНАВИСТЬ. “Я борюсь с ним, как Иаков с Богом”, – говорил Мандельштам» [30, с. 618].

(1918) «Это двойник – пустое привиденье – / Бессмысленно глядит в холодное окно!». Здесь же эпиграф из стих. Г. Гейне «Двойник»: “Du, Doppelgänger! Du, bleicher Geselle!” [I, с. 120, 481].

(1932 ?) В тексте <Литературный стиль Дарвина> М формулирует нечто вроде теоретической базы для этой своей психологической, поведенческой и творческой установки: «Я имею в виду закон ГЕТЕРОГЕННОСТИ, который побуждает художника соединять в один ряд по возможности РАЗНОКАЧЕСТВЕННЫЕ звуки, РАЗНОПРИРОДНЫЕ понятия и ОТЧУЖДЕН-

²⁵ Рассмотренная в 1.2.

²⁶ ЕЦ-принцип!

НЬЕ друг от друга образы. <...> В поисках различных опорных точек он [Дарвин] создает настоящие ГЕТЕРОГЕННЫЕ ряды, т.е. группирует несхожее, КОНТРАСТИРУЮЩЕЕ, различно окрашенное» [II, с. 371–372].

Даже в высказывании М об идише проявилась эта установка на оксюморонность: «лишь потом я наслышался этой певучей речи... с резкими ударами на полутонах» («Шум времени»).

Вполне закономерно для М и его высказывание про язык в письме Н. Тихонову от 31.02.36: «Как любой язык чтит БОРЬБУ с ним поэта и каким холодом платит он за равнодушие...» [I, с. 554].

По свидетельству Н. Мандельштам, выражение М. Ломоносова «сопряжение далековатых идей» «было очень ценимо Мандельштамом» [9, с. 504].

Характерно в этом контексте, что и в отношениях с окружающей средой М предпочитал «свежий ветер вражды и сочувствия современников» «унылому комментарию» [8, с. 189].

Следует заметить, что оксюморонность/«шизоидность» ашкеназской культурно-цивилизационной парадигмы резонировала с собственной шизоидностью М, продуцируя совершенно неожиданные (часто неприемлемые) для окружающих поведенческие и творческие результаты.

* * *

Масса «оксюморонных» ситуаций присутствует в текстах и в устном дискурсе М:

(1910) «незвучный хор» («Слух чуткий парус напрягает...»)

(1911) «в одном ощущеньи вся жестокость, вся кротость» («Дождик ласковый...») [34, с. 717]

(1914) «в покое рук – тайник движенья» («Автопортрет»)

(1919) «добрая свирепость» («В хрустальном омуте какая крутизна...»)

(1920) «В сухой реке пустой челнок плывет», «А на губах, как черный лед, горит» («Ласточка»)

(1920) «горячий снег» («Чуть мерцает призрачная сцена»)

(1920) «крови сухая возня» («За то, что я руки твои не сумел удержать...»)

- (1923) «зрячий взгляд слепого» («Нюэн-Ай-Как», очерк)
- (1923) «зубов молочных ряд на деснах старческих» («Париж»)
- (1923) «печь, пышущая льдом» (ШВ, гл. «В не по чину...»)
- (1926) «очаровательно нелепый пешеход», «парадоксальный театр», «грустный восторг», «мудрое беснование», «страдальческий восторг» (<Михоэльс> и наброски) [72, с. 448, 558-559].
- (1928) «Иногда несчастные бывают очень счастливыми» (в разговоре с Э. Герштейн [8, с. 10])
- (1930) «Какая роскошь в нищенском селеньи» («Армения», 10).
- (1931) «робко приосанюсь», «и не живу, и все-таки живу» («Еще далеко мне до патриарха...»)
- (1931) «сухая <...> вода» («Отрывки из уничтоженных стихов»)
- (1934) «прямызна речей, запутанных, как честные зигзаги» («10 января...»)
- (1935) «сухая влажность» («Стансы»)
- (1936) «снегом пышущий» («Эта область в темноводье...»)
- (1937) «складки бурного покоя» («Улыбнись, ягненок гневный...»)
- и т.д.²⁷.

2.2.1. Как уже было сказано в Главе I, специфическая **смеховая ориентация** ЕЦ (частный случай установки на «оксюморонность») вполне ярко проявилась в личности и творчестве М.

С. Маковский вспоминал в мемуарах 50-х годов о 10-х годах: «В жизни чаще всего вспоминается мне Мандельштам смеющимся. Смешлив он был чрезвычайно – рассказывает о какой-нибудь своей неудаче и задохнется от неудержимого хохота...» [131, с. 409].

²⁷ Сюда же, видимо, нужно отнести присутствующие у М стихотворные «двойчатки», т.е. варианты (например, концовки) с противоположными и дополнительными смыслами. М. Гаспаров, комментируя концовки стихотворения (1914) «Природа – тот же Рим...» и его варианта «Когда держался Рим в союзе с естеством...», отмечает: «Такие “двойчатки” с равноправными противоположными вариантами будут потом встречаться у ОМ все чаще» [34, с. 747].

И. Одоевцева пишет в [19, с. 127]: «Никто не умел так совсем по-невзрослому заливаться смехом по всякому поводу и даже без повода. – От иррационального комизма, переполняющего мир, – объяснял он приступы своего НЕПОНЯТНОГО смеха. – А вам разве не смешно? – с удивлением спрашивал он собеседника. – Ведь можно лопнуть со смеху от всего, что происходит в мире».

Г. Иванов вспоминает в [30, с. 86]: «Мандельштам – самое смешливое существо на свете. <...> – Зачем пишется юмористика? – искренне недоумевает Мандельштам. – Ведь и так *все* смешно».

А. Ахматова пишет об этом же в «Листках из дневника»: «Смешили мы друг друга так, что падали на поющий всеми пружинами диван на “Тучке”²⁸ и хохотали до обморочного состояния, как кондитерские девушки в “Улиссе” Джойса». Там же Ахматова говорит о «свойственной ему [М] прелестной САМОИРОНИИ» [72, т. 1, с. 8].

В. Шкловский писал в мемуарах 1924 г. (о петербургском «Доме Искусств» в 1920 г.) о полупародийном впечатлении от стихотворения М «Возьми на радость из моих ладоней...»: «И кажется все это почти ШУТКОЙ, так нагружено все собственными именами и славянизмами. Так, как будто писал Козьма Прутков. Эти стихи написаны НА ГРАНИ СМЕШНОГО»²⁹.

В «ЕМ» М смеётся над своим alter ego Парноком и, тем самым, над самим собой. Описывая внешний вид Парнока, М использует « типовые » характеристики, применяемые другими по отношению к нему самому: «У него [Парнока] была ТОНКАЯ ПТИЧЬЯ ШЕЯ³⁰ <...> У него был обиженный и надменный вид... » [62, с. 71].

Я. Рогинский, описывая встречи с М летом 1935 г. в Воронеже, вспоминает провокативное поведение М в концерте и его **самонасмешку**: «Все уже сели, когда вдруг Мандельштам встал и начал аплодировать, широко отводя негнущиеся руки и также сводя их обратно на манер Буратино. Покосясь и увидев мое удивленное лицо, он объяснил:

²⁸ «Студенческая комната» Н. Гумилева.

²⁹ Цит. по [51, т. 1, с. 452].

³⁰ Ср. в 2.2.2 « типовую » характеристику вида М – «цыплячий».

– Знаете, почти в каждом городе есть концертный СУМАС-ШЕДШИЙ. Здесь, в Воронеже – это я» [71, с. 43].

Н. Мандельштам отмечала в [7, с. 133]: «Шутка Мандельштама построена на абсурде. <...> В шутке Мандельштама всегда есть элемент «блаженного бессмысленного слова».

В комментариях к «Оде» [1, с. 587] отмечается, что она «содержит скрытое пародийное начало».

В статье 2004 г. польский критик А. Пахольский говорит о раннем М и о «характерной для него мягкой насмешливости» [46].

2.2.2. Специфическая еврейская **смехотворность** ясно проявилась в гештальте М у мемуаристов (и критиков, о которых см. подробнее в Главе 6).

«Весь какой-то вызывающий насмешки...» пишет С. Маковский в своих поздних мемуарах, вспоминая М 10-х годов [131, с. 409].

Еще в 1920 г. И. Эренбург создает в своих «Портретах русских поэтов» (опубликовано в 1922 г.) **смешной** портрет, который, возможно, послужил «матрицей» для описаний М в серии более поздних мемуаров: «Мандельштам? ах, не смешите меня», и ручейками бегут веселые рассказы. Не то герой Рабле, не то современный бурсак, не то Франсуа Вильон, не то анекдот в вагоне. <...> Мандельштам суетлив, он не может говорить о чем-либо более трех минут, он сидит на кончике стула, всегда готовый убежать куда-то <...> бегаёт и суетится. Щуплый, маленький, с закинутой назад головкой, на которой волосы встают хохолком, он важно запекает баском свои торжественные оды, похожий на молоденького петушка...» [93, с. 102–103].

Г. Иванов пишет в своих мемуарах середины 20-х гг.: «Мандельштам обижался за то, что <...> стихов его не слушают, над пафосом его смеются». Далее Г. Иванов сообщает о случаях смеха публики над М (в 10-х гг.) во время чтения им стихов: «...чтение Мандельштама, да еще при его оригинальной наружности, производило впечатление самое ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ. Улыбавшиеся на манеру X-а или Y-а, когда появлялся Мандельштам, начинали ХОХОТАТЬ. Однажды в Тенишевском зале Мандельштам читал <...> Смешки и подхихикивания становились все

явственной. <...> – Свины! – вдруг крикнул Мандельштам в публику, обрывая стихи, и убежал за сцену» [30, с. 87, 203].

21 июля 1916 г. крымская газета «Южные ведомости» в отчете о вечере в Летнем театре в Феодосии (18 июля), на котором выступали поэты, в частности, Макс. Волошин и М, сообщила, что стихи М вызвали «сплошной СМЕХ».

Уже в 90-х годах А. Седых сообщает об аналогичной реакции публики на чтение М своих стихов в той же Феодосии в 1920 г.: «Сначала на лицах появились улыбки, потом послышались смешки, – люди смеялись над тем, чего не могли понять, <...> в зале раздался уже откровенный и грубый смех <...>. Мандельштам вдруг остановился, вскипел, топнул ногой, и смех только усилился... “Варвары!” – воскликнул он, сходя с эстрады» [41, с. 46].

Э. Гурвич³¹ сообщает (записано в 1986 г.) свои впечатления от выступлений М в январе-марте 1920 г. во ФЛАКе³²: «Худенький, миниатюрный, голова закинута назад, волосы торчат хохолком, оттопыренные уши – он показался СМЕШНЫМ. А стихи понравились!» [89, с. 39].

М. Волошин в своих записях 1932 г. говорит о Мандельштаме зимы 1919/20 гг.: «М-м был часто невыразимо КОМИЧЕН» [91, с. 300].

Седых вместе с другими мемуаристами приводит явно комические (и при этом совершенно типовые для образа еврея в русской литературе³³) черты внешности и поведения М: «Производил он впечатление человека страшно СЛАБОГО, худенького, а на голове вместо волос рос рыжеватый ЦЫПЛЯЧИЙ ПУХ, «ТОНЕНЬКИМ ФАЛЬЦЕТОМ декламировал-напевал <...>, откинул назад ПТИЧЬЮ голову»; «И он показывал при этом на свою ЦЫПЛЯЧЬЮ грудь» [41, с. 45-46, 51].

Этот же «типовой» цыплячий вид отмечает и М. Карпович в воспоминаниях о М в декабре 1907 г. в Париже: «Больше всего он был похож на ЦЫПЛЕНКА, и это сходство придавало ему несколько КОМИЧЕСКИЙ вид», [59, с. 264]. Даже во вполне се-

³¹ Жена Александра, «среднего» брата М.

³² Феодосийский Литературно-Артистический Кружок.

³³ См. в 1.2.2 типичные комические черты евреев в русской литературе, анализируемые в [24] и [39].

рвезном образе М, слушающего «в трансе» речь Б. Савинкова, Карпович видит комические черты: «Должен признаться, что вид у него был довольно КОМИЧЕСКИЙ. Помню, как сидевшие с другой стороны прохода А.О. Фондаминская и Л.С. Гавронская, несмотря на всю серьезность момента, не могли удержаться от СМЕХА, глядя на Мандельштама» [59, с. 266].

Комические (даже «уморительные») черты считает нужным отметить в своем дневнике и А. Оношкович-Яцына, описывающая, казалось бы, не слишком располагающую к юмору сцену панихиды по Пушкину 10 февраля 1921 г. в Исаакиевском соборе в Петрограде, организованной М: «Идея панихиды принадлежит Мандельштаму. Он бродит под колоннами, выпятив колесом узенькую³⁴ грудь, УМОРИТЕЛЬНО-ТОРЖЕСТВЕННЫЙ»³⁵.

Б. Горнунг³⁶ в стихотворении 1927 г., посвященном М, описывает его так: «...надменный и НЕЛЕПЫЙ/ СМЕШНОЙ и царственный иерофант и ШУТ» [162, с. 122].

Описание Э. Герштейн (в мемуарах 90-х годов) походки и внешности М в 1928-29 гг. в точности соответствует описанию нарочито КОМИЧНОЙ внешности клоуна в цирке или героя Чарли Чаплина³⁷: «он удаляется от меня своей СТРАННОЙ, ШАРКАЮЩЕЙ походкой, ВЫВОРАЧИВАЯ НОСКИ», «у Мандельштама было СТРАННОЕ сложение, <...> разросшийся в кости таз, очень заметный из-за неправильной постановки ног: пятки вместе, носки врозь. Это создавало отчасти ШАРКАЮЩУЮ, отчасти и вовсе не поддающуюся определению походку» [8, с. 10, 21].

С. Рудаков описывает комическое впечатление, производимое М на публику³⁸ в воронежском кинотеатре в 1935 г.: «А впечатлительный О. по окончании, как свет зажегся и все встали, на весь зал изумился: “Надюша, как же это может быть такой конец? Это плохая фильма?...Как же?” Публика на отчаяние его

³⁴ Цыплячью! – Л.Г.

³⁵ Цит. по [66, с. 119].

³⁶ Поэт и филолог, друг и поклонник М в 20-х гг.

³⁷ Ср. у А. Тарковского в стих. «Поэт» (об «обличье» М): «Так елозит по экрану / С реверансами, как спьяну, / Старый клоун в котелке...».

³⁸ И, что существенно, на самого Рудакова.

интонации стала ХИХИКАТЬ. А он и взволнован и взъерошен, как воробей»³⁹. Там же Рудаков насмешливо описывает, как Н. Мандельштам смеется и иногда издевается над М: «И так все время: “ДУРАК, хочешь чаю?” etc. <...> Или еще. О. сидит с ногами на кровати, а Н.: “Видала, что детей и стариков ссылают, но чтобы ОБЕЗЬЯНУ ссылали – первый раз вижу”. А О. улыбается С ВИДОМ ДУРАЧКА»⁴⁰.

В 1936 г. С. Рудаков с явной неприязнью и насмешкой отмечает то, что он называет «юродством» М: «...начинается ЮРОДСТВО и спекуляция»⁴¹.

Следует добавить в пакет «комических» свойств М и отмечаемую всеми мемуаристами ШЕПЕЛЯВОСТЬ М.

М осознавал эту свою «комичность» в глазах окружающих и часто высказывал недоумение и досаду.

В разговоре с И. Одоевцевой зимой 1920–1921 гг. М сказал: «И все-таки больше всего смеются надо мной. <...> Неужели я уж такой шут гороховый, что надо мной нельзя не издеваться?» [19, с. 145].

В разговоре с Н. Вольпин (1927) М сказал: «Ведь я же мэтр! Почему же они ко мне относятся так – ПОЛУЮМОРИСТИЧЕСКИ?» [66, с. 92].

В стих. 1934 г. «Голубые глаза...» (про Белого и себя): «На тебя надевали тиару – юрода колпак, / Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!» [I, с. 206]. Вариант: «Продавец паутины, ледящий писатель, пустяк. <...> немецкий крикун, скomorох» [I, с. 535, 536]. Вариант: «Голубая тужурка, немецкий пискун, скomorох» [34, с. 715].

В 1935 г. в разговоре с П. Калецким и С. Рудаковым в Воронеже, досадуя на недооценку себя местными литераторами, М сказал: «Я не Хлебников <...> я Кюхельбекер – **комическая**

³⁹ В записях С. Рудакова, цит. по [8, с. 162].

⁴⁰ Рудаков не замечает (или не хочет замечать), что М, скорее всего, нравилось выглядеть одновременно смешным и похожим на Пушкина: в монтаже В. Вересаева «Пушкин в жизни» (опубл. в конце 20-х), который М наверняка читал, неоднократно упоминается, что Пушкин любил сидеть на постели, скрепив по-турецки ноги. Вересаев же приводит отзывы современников, которым Пушкин напоминал «обезьяну».

⁴¹ Там же, с. 177.

сейчас, а может быть, и всегда, фигура. Оценку выковывали символисты и формалисты. Моя цена в полушку и у тех и у других...»⁴². После этого (по записям Рудакова) М выбежал на улицу, а сам Рудаков, играя в шахматы, прочитал НАСМЕШЛИВОЕ (по отношению к М) шуточное стихотворение.

2.2.3. Эфемерность, неустойчивость существования. Эта матрица ЕЦ (см. п. 1.2.3) ярко (и очень рано) проявилась у М в его текстах, поведении и даже в цветовом восприятии: например, желтый цвет для него маркирует одновременно *Judentum* и катастрофичность, ненадежность бытия.

- (1909) «На стекла вечности уже легло / Мое дыхание, мое тепло»
 (1911) «Неужели я настоящий, / И действительно смерть придет?»
 (1927) Парнок в ЕМ – типичный «luftmensch»
 (1931) «И не живу, и все-таки живу» («Еще далеко мне до патриарха...»)
 (1931) «Его холсты, на которых размазана яичница катастрофы...» – о желтом цвете у Ван-Гога («Французы»).

Это явление было отмечено мемуаристами и критиками, см. например, в Гл. 6: *Волков (1947), *Турков (1966). А. Жолковский считает архетип «неустойчивости» главным «инвариантом» у М, порождающим почти всю остальную систему инвариантных мотивов [84, с. 60]⁴³.

2.3. «Динамический прагматизм» в экзистенции и творчестве Мандельштама.

М со своим «динамически-прагматическим» стремлением к РЕАЛЬНОМУ миру⁴⁴ является ярко выраженным носителем

⁴² Там же, с. 153.

⁴³ В работе 70-х гг. А. Жолковский формулирует «глубинную тему» поэзии М как «самочувствие, в котором преобладают...неустойчивость, неуверенность в себе, личное ('слабое', 'теплое', 'родное') начало, нечто "неправильное", пугающее...» [84, с. 60].

⁴⁴ Например, акмеизм для М – прорыв к миру РЕАЛЬНОСТИ, миру ДЕЙСТВИЯ и прагматическому РЕЗУЛЬТАТУ действия. В статье «Утро акмеизма» (1912/13) М говорит (о себе и своих единомышленниках: «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, которые сами можем построить» [II, с. 145].

этой (см. 1. 3) матрицы (установки) ЕЦ как в своем поведении, так и в своем мировоззрении, в своей ЯКМ и в творчестве. «Установка» М на динамику отмечалась рядом исследователей⁴⁵.

2.3.1. Примеры текстов М, в которых эксплицитно заявляется психологическая «установка» на динамику, движение, перемещение.

(1912) «Бродяга⁴⁶ – я люблю движенье», сказал он о себе еще в 1912 г. в стихотворении «Шарманка» [I, с. 287].

(1914) О себе же в стих. «Автопортрет»: «В закрытыи глаз, в покое рук – / Тайник движенья непочатыи. / Так вот кому летать и петь / <...> Чтоб прирожденную неловкость / Врожденным ритмом одолеть!» [I, с. 295].

(1929 ?) Э. Герштейн в своих мемуарах сообщает, что М был недоволен статичностью просмотренного фильма «Потомок Чингис-хана»: «Он объяснял недовольно: кинематографу нужно ДВИЖЕНИЕ, а не статика»⁴⁷ [8, с. 17].

(1933) В РД: «Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное ПУТЕШЕСТВИЕ <...> говорить – значит всегда находиться В ДОРОГЕ».

Еще пример: в «Путешествии в Армению» М восхищенно говорит об армянах, в обычном для себя стиле идентифицируя себя с объектом своего дискурса: «...их неизъяснимое отвращение ко всякой метафизике и прекрасная фамильярность с миром реальных вещей – все это говорило мне: ты бодрствуешь, не бойся своего времени, не лукавь» [II, с. 104].

⁴⁵ Например, С. Шиндин в статье 1996 г. говорит об идее «активной, динамической нестабильности, характеризующей мандельштамовский мир в целом и проявляющейся в самых разнообразных смысловых сферах» [31, с. 353].

⁴⁶ Ср. более позднее высказывание Ахматовой о М (в материалах П. Лукницкого): «Это был человек с душой БРОДЯГИ в самом высоком смысле этого слова, что и доказала его биография. Его вечно тянул к себе юг, море, новые места» [57, с. 85]. Ср. также (пусть несколько обиженно-раздраженное) высказывание Тициана Табидзе о пребывании М в Грузии (1921) в заметках 1922 г.: «...этот голодный БРОДЯГА, Агасфер, пользовался случаем и попрошайничал», цит. по [94, с. 91].

⁴⁷ Л. Панова по близкому поводу пронципально отмечает, что некоторые стихотворения М «построены не по принципу “статической” живописи, а по принципу “движущейся” живописи, которой и является кинематограф в самых лучших своих проявлениях» [142, с. 216].

(1933) «Надо всегда путешествовать, а не только в Армению и в Таджикистан», – в письме к М. Шагинян⁴⁸.

(1935) «Жизнь – это ДВИЖЕНИЕ, событие – его нельзя описать. <...> поэзия понимается <...> как отказ от твердых форм значения за счет углубления роли сочетаний. Здесь куча частных. Программа: все это В ДВИЖЕНЬЕ. О нем, О ДВИЖЕНЬЕ, написан “Дант”», – в разговоре с С. Рудаковым⁴⁹.

2.3.2. Мемуаристы фиксировали **повышенную динамику** физического облика и поведения М.

Э. Миндлин, вспоминая 1919-20 гг. в Феодосии, говорит о «его [М] БЫСТРОЙ в движениях, СТРЕМИТЕЛЬНОЙ фигуре <...>, весь остроугольный, очень БЫСТРЫЙ»⁵⁰.

В. Шкловская-Корди, рассказывая о М начала 20-х, постоянно употребляет глагол «бегать»: «А Осип Эмильевич БЕГАЛ по всем своим знакомым <...>, он вдруг ПРИБЕЖАЛ ко мне и говорит <...>. Он не говорил, а БЕГАЛ, БЕГАЛ по всем вот этим вот комнатам...» [66, с. 103-104].

Э. Герштейн (в передаче Варвары Шкловской-Корди) об М (начала 30-х ?): «...Шкловский сидел по-турецки (он любил сидеть по-турецки) на кровати Мандельштама, а Мандельштам БЕГАЛ, БЕГАЛ, они спорили о литературе...» [66, с. 294].

Э. Герштейн, вспоминая М в 1929 г. и в начале 30-х, также часто употребляет слова, передающие быстрое движение (даже для передачи его внутреннего состояния): «БЕГАНЬЕ из комнаты в коридор к телефону» [8, с. 16], «ходил по комнате, почти ТАНЦУЯ» [8, с. 20], «пребывал в постоянном внутреннем ДВИЖЕНИИ» [8, с. 21], «БЕГАЛ по комнате» [8, с. 408], «вдруг Осип Эмильевич стал СУЕТЛИВО беспокоиться <...>, БЕГОТНЯ в коридор к аппарату» [8, с. 425].

О. Кретова описывает манеру М двигаться (в Воронеже по-видимому, в конце 1934 и в 1935): «...манера неожиданно вскидывать голову, и привычка “МЫКАТЬСЯ” туда-сюда даже

⁴⁸ Цит. по [64, с. 287].

⁴⁹ В письме С. Рудакова, цит. по [8, с. 130-131].

⁵⁰ Цит. по [51, т. II, с. 511, 515]

на скудном пространстве нашей заставленной канцелярскими столами комнатки...» [71, с. 36].

С. Рудаков описывает М в письме (август 1935 г.): «Веселый БЕГАЕТ по комнате, ПОДПРЫГИВАЕТ, МАШЕТ руками...» [цит. по 8, с. 126].

2.3.3. В серии текстов М **пытается нащупать язык ЕЦ как «цивилизации движения»** и описать («передать») его – здесь М снова выступает в своей функции «медиатора» (2.1).

(1926) В очерке <Михоэльс> (плюс черновые наброски) М пытается передать эту «иудейскую динамику движения», говоря о театре «иудаистического актера» Михоэlsa: «...сила еврейства в том, что оно выработало и пронесло через столетия ощущение формы и ДВИЖЕНИЯ, обладающее всеми чертами моды, непреходящей, тысячелетней» [II, с. 307], «Вся сила юдаизма, весь ритм отвлеченной пляшущей мысли, вся гордость пляски <...> уходит в дрожание рук, в вибрацию мыслящих пальцев, одухотворенных, как членораздельная речь» [II, с. 308], «...это пляска мыслящего тела, которой учит нас Михоэльс» [II, с. 374], «...трудный и славный путь от иудейской созерцательности <...> к раскованной мудрой пляске...» [II, с. 374].

Там же М говорит в своем обычном «интерфейсном» (см. 2.1) стиле об искусстве Михоэlsa: «...тогда стираются границы национального и начинается ХАОС трагического искусства. <...> еврейскому <нрзб> из Москвы мелькает тень Еврипида».

Здесь дело в том, что для М «хаос» не есть статический антином «порядка-космоса», но динамический маркер трагического процесса и его результата, в частности, процесса и результата разрушения. Например, в ШВ «иудейский хаос» = «иудейские развалины»⁵¹.

Замечательная иллюстрация к способу понимания Мандельштамом взаимодействия управляющих архетипов «информационности» (см. 1.1) и «динамичности» (см. 1.3) ЕЦ – это

⁵¹ Ср. приводимое в 1.2 рассмотрение В. Топоровым пары: «порядок vs. беспорядок» Хаоса.

высказывание⁵² о стихотворении «Вы помните, как бегуны...», приводимое в комментарии Н. Манделъштам: «о старике, который бегаёт быстрее, потому что он больше знает» [2, с. 421].

Еще один пример попытки М нащупать язык ЕЦ как «цивилизации движения» и описать его, мы встречаем в набросках к очерку «Французы» [II, с. 361], на этот раз в контексте живописи: «И я начинал понимать, <...> что цвет не что иное, как чувство старта, окрашенное дистанцией...».

В «Канцоне» М сказал про красный цвет, связанный для него в этом тексте с еврейством («малиновая ласка начальника евреев»), что «в красной [краске] – нетерпенье» (перед стартом!).

2.4. «Управляющая матрица» (установка) ЕЦ, состоящая в ориентации всюду на поиск единства, единой исходной точки (см. 1.4), ярко и вполне осознанно проявилась в дискурсе и поведении М.

- (а) Поиск некоего религиозного единства. Например, марксизм связан у М с религиозными переживаниями (письмо В. Гиппиусу). Позднее⁵³ М пишет: «...русской поэтической мысли снова открылся Запад, новый, соблазнительный, воспринятый весь сразу, как **единая религия**» [II, с. 264].
- (б) Поиск некоего «культурно-цивилизационного» единства. «На Западе **единство!**» – одобрительно восклицает М, говоря о духовных поисках Чаадаева.
- (в) Поиски **единого языка** поэзии, «синтетической» поэзии: «...поэты говорят на языке ВСЕХ времен, ВСЕХ культур <...> СИНТЕТИЧЕСКИЙ поэт современности <...> говорит на совершенно неизвестном языке...» [II, с. 172].
- (г) Ориентация на включение ВСЕХ текстов в некий **единый текст**. См. 2.1.3.
- (д) В программной статье «О природе слова» (1921–1922) М говорит о Бергсоне, явно разделяя его «иудаистический» подход: «Чтобы

⁵² По-видимому, скрытая цитата из устного высказывания М.

⁵³ «Письмо о русской поэзии», 1922.

- спасти ПРИНЦИП ЕДИНСТВА в вихре перемен и безостановочном потоке явлений, современная философия, в лице Бергсона, чей глубоко ИУДАИСТИЧЕСКИЙ ум одержим настойчивой потребностью ПРАКТИЧЕСКОГО МОНОТЕИЗМА, предлагает нам учение о системе явлений. <...> Движение бесконечной цепи явлений, без начала и конца, есть именно дурная бесконечность, ничего не говорящая уму, ИЩУЩЕМУ ЕДИНСТВА И СВЯЗИ...» [II, с. 173].
- (е) **Единство времени и пространства.** М ориентирован (возможно, отчасти под влиянием А. Бергсона) на «синхронистичность» времени, на совмещение всех событий, прошлых и будущих, в одной «пространственно-временной» точке. Как бы установка на «сжатие» в точку «здесь и сейчас»⁵⁴.
- (ж) По-видимому, с этой же психологической установкой М «на поиск единства» связан его постоянный интерес к личности и работам Гете, у которого он видел такую же «установку» на моногенез во всем и везде⁵⁵.

Вот еще высказывания самого М:

- (1915) «Взят в руки **целый мир**, как яблоко простое» [I, с. 300].
- (1923) «Оглядываясь на весь девятнадцатый век русской культуры – <...> вижу в нем **единство** непомерной стужи, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночь» [II, с. 49].
- (1933) «...вся поэма [Данта] представляет собой одну единственную, **единую**⁵⁶ и недробимую строфу», «Время для Данта есть содержание истории, понимаемой как **единый** синхронистический акт»⁵⁷ [II, с. 224, 234].
- (1935) «И вы, часов кремлевские бои, – / Язык пространства, **сжато до точки**»⁵⁸ [I, с. 212].

⁵⁴ О «синхроничном» восприятию М истории писали «пять авторов» [82, с. 284].

⁵⁵ См. об этом подробнее в [133, Ch. 2].

⁵⁶ Отсюда явствует, что и все свое творчество М рассматривал как единый текст.

⁵⁷ Как и все в РД, это относится, одновременно, к самому М и его текстам.

⁵⁸ Здесь слово ЧАСЫ относится в большей степени к концепту времени, чем к аппарату кремлевских часов, а ПРОСТРАНСТВО – это «пространственно-временной континуум».

2.5. Отношения М с текстом вполне соответствуют отношениям ЕЦ с текстом (см. 1. 5).

2.5.1. **Мир как текст. Интертекстуальность.** В 2.1.3. мы уже рассматривали ориентацию М на интертекстуальность как частное проявление общей «управляющей матрицы» медиативности М.

Но следует подчеркнуть, что отношение к миру как к единому тексту, отношение к порождению собственного текста (а также к чтению и интертекстуальной интерпретации читаемого текста) как к экзистенциально главному средству⁵⁹ познания мира, средству для ориентации в мире и даже для управления собственным поведением⁶⁰ – в высшей степени характерная черта его личности⁶¹.

Е. Таборисская в работе 1990 г. определила это явление так: «...у Мандельштама – первенство словесного образа, подчиняющего себе реальные явления и их пропорции» [71, с. 518]. Сравним высказывание М. Бубера: «у евреев недостаточно развито отношение к бытию». Замечательным образом дискурс Бубера начала 20-го века о евреях совпадает с дискурсом современного исследователя о Мандельштаме.

2.5.2. Комментарий для М важнее комментируемого.

Вот характерное высказывание М (в ЕМ): «Уничтожьте рукопись, но сохраняйте то, что вы начертали сбоку...» [II, с. 86].

⁵⁹ При этом самому «надежному» средству. Ср. высказывание М о книге: «Из всего материального, из всех физических тел книга – предмет, внушающий человеку наибольшее доверие» [II, с. 121].

⁶⁰ Например, главная акция в ситуации «измены жене» для М – это создание **текста**, обращенного к другой женщине. Н. Мандельштам пишет в своих мемуарах: «...он [М] болезненно переживал всякое стихотворение, обращенное к другой женщине, считая их несравненно большей изменой, чем все другое» [159, с. 152]. Губительная ситуация «измены родине», актуализированная в СССР к началу 30-х гг., точно так же связывается у М, прежде всего, с чтением (губами) или созданием **текстов** на «чужих наречиях»: «не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть», «получишь уксусную губку ты для изменнических губ», «себя губя...мне хочется уйти из нашей речи» и т.п. Отчасти – это преломление у М традиционной РЦ-установки на подозрительное отношение к текстам на «чужих наречиях».

⁶¹ Как и всей ЕЦ: см. пп. 1.1, 1.5.0 и 1.5.1.

Это высказывание «оксюморонно», потому что, в понимании М (и в соответствии с традиционной установкой ЕЦ, см. 1.5.2), маргиналии способствуют СОХРАНЕНИЮ ядерного текста⁶².

Фактически об этом же М говорит в РД: «...сохранность черновика – закон сохранения энергии произведения» [II, с. 231].

Ср. (упоминавшееся в 2.1.3) высказывание М в РД про текст Данте (и, конечно, свой собственный): «...комментарий (разъяснительный) – неотъемлемая структурная часть самой “Комедии”» [II, с. 253].

2.5.3. Массовость и рутинность «сверток» и сокращений в текстах М.

См. об этом подробнее в 6.5.10 – высказывания критика Н. Берковского и др. О соответствующем феномене в традиционных текстах ЕЦ см. 1.5.3.

Наиболее частотный для М способ создания сверток – это «ре-семантизация» («поли-семантизация») слова в тексте, т.е. намеренная «загрузка» его различными, часто изначально не связанными, смыслами. Например, поли-семантизация через межъязыковую омофонию, когда «блуд» означает одновременно и ‘блуд’ и ‘кровь’ и т.п. Еще один способ – это «разрушение» синтаксиса, позволяющее сокращать целый ряд связок, соединителей, разделителей и т.п., платя за это повышенной «криптограммностью» текста.

2.5.4. Принципиальная нелинейность, многомерность текста М. Текст М, «плотно» пронизанный ссылками и аллюзиями⁶³ на другие тексты и на себя самого, совершенно удивительным образом, структурно напоминает текст Талмуда или Мидраша⁶⁴. Как и в случае традиционного еврейского текста, полная

⁶² Про это писала Н. Поллак: «The present poet's work is just such a marginal commentary to the work of the past (and what is written in the margins preserves what lies in the center)» [133, с. 9].

⁶³ Часто межъязыковыми, см. п. 2.5.6.

⁶⁴ Интересно, что еще соученик М по Тенишевскому училищу Борис Синани называл М «оратором-талмудистом», по-видимому, имея в виду какие-то особенности его дискурса [150, с. 34]. М. Эпштейн в эссе [149] (конец 80-х) также называет М «талмудистом», сравнивая его с Пастернаком, которого Эп-

«развертка» текста М принципиальным образом представляет собой не линейную, но многомерную структуру – «мало в нем было ЛИНЕЙНОГО...».

Вот пассаж в РД, иллюстрирующий **многомерное восприятие** Мандельштамом текста: «...композиция⁶⁵ складывается не в результате накопления⁶⁶ частных, а вследствие того, что одна за другой деталь отрывается от вещи, уходит от нее, выпархивает, отщепляется от системы, уходит в свое функционально пространство, или ИЗМЕРЕНИЕ, но каждый раз в строго узаконенный срок и при условии достаточно зрелой для этого и единственной ситуации» [II, с. 218].

2.5.5. **Диалогичность** → **полилогичность** текста М. Просматривается установка на «диалог» текста (т. е. читаемого) с читателем, на «соучастие» читателя в процессе формирования «читаемого».

Этот феномен⁶⁷, который можно рассматривать как проявление общей интертекстуальности, относится как к собственным текстам М («Читателя! советчика! врача! На лестнице ключей разговора б!»)⁶⁸, так и к восприятию «чужих». В «Путешествии в Армению» М пишет о «физиологии чтения», явно подразумевая эту установку на активное «соучастие»: «Книга,

штейн квалифицирует как «хасида». Эпштейн пишет одновременно про текст М и Пастернака: «Речь отчуждена от языка — словно бы проступает в ней другой язык, подлежащий многозначной, хитроумной расшифровке. Чтобы разгадать эту систему отсылок, переносов, аллюзий, сквозящую иным, еще не прочитанным текстом, каждый читатель поневоле становится талмудистом и каббалистом». Эпштейн указывает на принципиальную интертекстуальность дискурса М, на его ориентацию на комментарий и говорит, что М «...стал величайшим талмудистом именно на светском поприще, превратив поэзию в своеобразную талмудическую дисциплину, кропотливую и законопослушное истолкование знаков мировой культуры. Культура выступает как священная книга, требующая все новых добросовестных комментариев и расшифровок». О некоторых «талмудических» особенностях текста М упоминает и Н. Поллак в монографии [133].

⁶⁵ Т. е. **структура** текста: Данте и своего собственного.

⁶⁶ Т. е. «линейного» процесса нанизывания деталей.

⁶⁷ Полностью совпадающий с одной из установок «традиционного» дискурса ЕЦ, см. 1.5.5.

⁶⁸ «Куда мне деться в этом январе» [I, с. 237].

утвержденная на читательском пюпитре, уподобляется холсту, натянутаго на подрамник» [II, с. 121]⁶⁹.

Более того, можно утверждать, что в случае М имеет место⁷⁰ оксюморонная ситуация активного взаимодействия (диалога) автора, «генератора текста», с «генерируемым текстом»: порождаемый «автором» текст «воздействует» на автора, изменяет его, «строит» его⁷¹.

2.5.6. Установка М на мультилингвистичность дискурса, на «межъязыковую интерференцию», на игру РАЗНОЯЗЫЧНЫХ смыслов в высказывании. Масса примеров в Приложениях 1 и 2.

2.5.7. Повышенная частотность и даже рутинность «игры слов», ориентация на полисемантичесность отдельных слов, сочетаний и целых блоков текста М. Многочисленные примеры см. в Гл. 8 и в Приложениях.

2.5.8. Частотность синтаксических нарушений в тексте М.

В текстах М наблюдается усиливающаяся ориентация на разрушение, «выворачивание» стандартного синтаксиса, даже на полный «отказ» от синтаксиса. Характерные высказывания М в РД⁷²: «Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв...», «...нас путает синтаксис. Все именительные падежи следует заменить указующими направлением дательными. <...>... Здесь все вывернуто: существительное является целью, а не подлежащим фразы» [II, с. 250, 254].

Приведем простейший пример намеренного разрушения синтаксиса у М.

⁶⁹ Этот смысл отметила в своей монографии Н. Поллак: «The comparison of the reader to the painter suggests the reader's active role in determining what is read. This reader is another hypostasis of the poet who proceeds by quotation; his relation to the poet is like the poet's relation to the voices of the past» [133, с. 5].

⁷⁰ В полном соответствии с системой установок ЕЦ, см. 1.5.5.

⁷¹ В. Топоров рассматривает эту ситуацию для случая Мандельштама в работе «О "психофизиологическом" компоненте поэзии Мандельштама» [98, с. 428-445].

⁷² Про текст Данте и, как обычно, про свой собственный текст.

В стих. «Адмиралтейство» (1913) в строфе «Ладья воздушная и мачта-недотрога, / Служа линейкою преемникам Петра, / Он учит: красота – не прихоть полубога...» – полное синтаксическое рассогласование всех 3 строк⁷³. Среди синтаксических «нарушений» в текстах М (в особенности, в 30-х гг.) исследователи отмечают частотное несогласование грамматического времени в глаголах⁷⁴.

Статья «пяти авторов» [82, с. 296] очень точно описывает феномен «разрушенного синтаксиса» у М: «Существенным фактором создания [семантической] неопределенности является расшатывание [в тексте М] обычного “прозаического” синтаксиса. Отдельные элементы изолируются, появляется отчетливая тенденция к повышению удельного веса односоставных предложений без “нормальной” предикативной связи. Часто встречаются случаи, когда неясна синтаксическая соотнесенность сегментов или сегменты являются синтаксически незаконченными. В том же направлении действует и “немотивированное” употребление союзов: так *и* употребляется при отсутствии семантической общности в объединяемых сегментах, *но* – при отсутствии противопоставления и т.п. Сказанное распространяется и на “макросинтаксис” – на синтаксическую организацию текста как целого <...> в силу преобладания нефабульных принципов организации, логические и реальные связи ослаблены, их место занимают, прежде всего, семантические связи».

Отметим, что этот пассаж написан так, как если бы «пять авторов» анализировали синтаксис Талмуда (см. к этому 1.5.8).

⁷³ Этот пример приводится в [142, с. 444] Л. Пановой, которая считает, что «десинтаксизация» здесь служит для «синхронизации Петра Великого, его преемников и нас, живущих сейчас».

⁷⁴ Л. Панова отмечает у М «безразличие к тому, каким временем обозначить действие». Она называет М «аграмматическим поэтом» [142, с. 475-476]. Эта характеристика (совершенно не случайно) отсылает к высказыванию И. Бабеля, в большей степени, чем М, подвергнувшегося в юности воздействию «талмудического дискурса»: «В Одессе я освобождаюсь от уз грамматики. Мне хочется подойти к киоску и произнести: “Налейте мне стакан вода”» (мемуары С. Липкина).

2.5.9. **Выводы.** Таким образом, мы наблюдаем поразительное соответствие между «устройством» традиционного еврейского текста и «устройством» текста М. Причина этого феномена не ясна. Ведь не могли же несколько уроков древнееврейского языка и традиции, данные юному М «еврейским учителем» (и упомянутые в ШВ), так мощно повлиять на дискурс М.

Рабочая гипотеза здесь – это воздействие на М в раннем возрасте дискурса отца. В ШВ Мандельштам (который в этом тексте вообще отрекается от еврейства) презирает и отвергает этот дискурс, попутно сообщая детали, ясно демонстрирующие, что дискурс Эмилия Вениаминовича был как раз «традиционно еврейским» во многих отношениях, даже «талмудическим»:

«Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами <...>, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки»⁷⁵ [II, с. 20].

При всем демонстративном пренебрежении к речи и мировоззрению отца («косноязычие и безъязычие», «замысловатый талмудический пантеизм»), проговорки типа «отец переносил меня в совершенно чужой век» показывают массивное воздействие дискурса отца на сознание М в раннем детстве.

Существенно в этом контексте, что во второй половине 20-х М как бы «возвращается» к отцу, подчеркивая (напр. в письмах) их с отцом духовную близость, см. 2.6.

Можно утверждать, что к моменту завершения «Египетской марки»⁷⁶ Мандельштам изменил свое отношение к языку Талмуда (вообще, к еврейскому традиционному дискурсу) и к

⁷⁵ Ср. явно похожий, но «позитивный» по отношению к отцу, дискурс А. Нимцовича, знаменитого гроссмейстера и теоретика шахмат: «...Все усилия моих воспитателей, а главным образом отца, были направлены именно к тому, чтобы развить во мне комбинационный дар и любовь к тому миру **схоластических** умозаключений и **витиеватых** хитросплетений, который так хорошо известен каждому, кто когда-либо занимался изучением Талмуда».

⁷⁶ Текста, к которому в полной мере относится вышеприведенный (в 2.5.8) пассаж «пяти авторов».

языку своих собственных текстов, на диаметрально противоположное (!), что, по-видимому, было связано со своеобразной **тешувой** самого Мандельштама, см. 2.6.

* * *

2.6. Тешува⁷⁷ русского поэта Осипа Мандельштама.

Процесс осознанного «возвращения к Judentum» оформился у М, по нашей оценке, где-то во второй половине 1926 г.⁷⁸

Характерно, что уже начиная с ЕМ и, совершенно явно, с 1930 г., М пытается вытеснить из своего (под)сознания негативные детские ассоциации, связанные, в основном, с Петербургом⁷⁹: «рыбий жир фонарей», «отчего ж до сих пор этот город довлеет чувствам и мыслям моим», «лэди Годива, прощай... Я не помню, Годива...».

Но негативное отношение к еврейству (связанное с неприятием отца, с неприятием идиша⁸⁰, Yiddishkeit и т.п.) входит в число этих самых детских ассоциаций. Здесь происходит у М своеобразное «отрицание отрицания»: отрицая свою «детскую болезнь», он как бы подтверждает свою **тешуву**.

Изменение его отношения к еврейству – конечно, не случайно – совпадает с изменением отношения к отцу, ср. письмо М к отцу в декабре 1932: «Я все более убеждаюсь, что между нами очень много общего именно в интеллектуальном отношении, чего я не понимал, когда был мальчишкой» [95, с. 205].

⁷⁷ Тешува = 'возвращение, ответ' – термин ЕЦ, означающий возвращение к еврейству «блудного сына» (или дочери), связанное с раскаянием и отказом от предшествовавшей неправильной жизни.

⁷⁸ Развернутая аргументация этого утверждения будет проведена в отдельной работе.

⁷⁹ «Петербург – его детская болезнь», сказал М про Парнока и про себя в «Египетской марке».

⁸⁰ См. 4.2.1.

Глава III

Мандельштам и «германская» цивилизация

Чужая речь мне будет оболочкой.
К немецкой речи, 1932.

*Aber auch die Mandel
fällt nicht weit von Stamm*

Ralph Dutli, переводчик
Мандельштама на немецкий

3.1. Германо-русская медиативность М.

Мы уже говорили в Главе 2, что «медиаторская» культурно-цивилизационная ориентация М проявилась исключительно сильно в аспекте немецкой культуры, германо-русских культурных связей.

По-видимому, М ощущал себя частью германской (понимаемой в широком смысле – включая «еврейско-немецкую») культуры не меньше, если не больше, чем русской, и стремился быть мостом между ними.

Конечно, любой крупный поэт – в какой-то степени *kulturträger*. Но резкое отличие М от, например, германофила Пастернака – в осознанной и постоянно действующей установке М на оплодотворение «германской пылью» русских цветов.

Об этом говорят свидетельства современников и собственные высказывания М, даже некоторые его «программные заявления», например, в стихотворениях «Зверинец» или «К немецкой речи», в которых звучит то, что он сам мог бы назвать «тоска по германской культуре»:

- Характерно, что И. Эренбург пишет в 1920 г.: «А ведь “Камень” грешит многодумностью, давит грузом, я сказал бы, **германского** ума» [93, с. 102].
- (1916, 1935) «А я пою вино времен – / <...> / И в колыбели праарийской / Славянский и германский лен!» [I, с. 108]. Цветаева назвала

эти слова М «гениальной формулой нашего с Германией отгородься и навек союза»¹.

- (1918) «Нам пели Шуберта – РОДНАЯ КОЛЫБЕЛЬ!» [I, с. 119].
- (1921) Постоянная увлеченность М немецкой культурой вызывала временами недоумение (или даже раздражение) окружающих. Одоевцева вспоминает «костюмированный бал в Доме искусств в январе 1921»: «Мандельштам почему-то решил, что появится на нем немецким романтиком, и это решение принесло ему немало хлопот. Костюм раздобыть нелегко. Но Мандельштам с несвойственной ему энергией победил все трудности <...>. – Не понимаю, – говорит Гумилев, пожимая плечами, – чего это Златозуб суетится. Я просто надену мой фрак» [19, с. 150].
- В 20-х годах М много переводил современных немецких экспрессионистов: М. Бартеля, Э. Толлера, Ф. Верфеля, А. Лихтенштейна, Р. Шикеле². В библиотеке М постоянно присутствует немецкая поэзия – Гете, Бюргер и др. [I, с. 526].
- В 20–30-х М, по свидетельству Н. Мандельштам, читает много итальянских и латинских поэтов в немецких прозаических переводах, «потому что немцы, как переводчики, точнее французов» [9, с. 288]. В 1937 г. (?) М, по свидетельству Ахматовой, читал Джойса в немецком переводе: «В то же время мы с ним одновременно читали “Улисса” Джойса. Он в хорошем немецком переводе, я в подлиннике»³.
- (1922) В статье «О русской поэзии» М подчеркивает значительность влияния немецкой культуры на Блока и, как обычно, выделяет медиативную (Россия ↔ Германия) функцию Блока: «Блок развивался нормально <...> он стал русским романтиком, умудренным германскими и английскими братьями <...>. Через Блока мы видели и Пушкина, и Гете, и Боратынского, и Новалиса, но в новом порядке, ибо все они предстали перед нами как притоки несущейся вдаль русской поэзии, единой и неоскудевающей в вечном движении. Всегда будет чрезвычайно любопытным и загадочным, откуда пришел поэт Блок... Он пришел из дебрей ГЕРМАНСКОЙ натурфилософии... [II, с. 265].

¹ Цит. по [I, с. 474].

² См. об этом подробнее в 4.1.

³ «Листки из дневника», цит. по [66, с. 223].

- (1923) В критическом обзоре «Буря и натиск» М явно считает, что главное достижение А. Белого лежит в «медиаторской» сфере: «Андрей Белый в “Урне” обогатил русскую лирику острыми прозаизмами ГЕРМАНСКОГО метафизического словаря...» [II, с. 285].
- (1927) В неопубликованном фрагменте (варианте) ЕМ, Парнок, alter ego М, посещает какие-то «германфильские» тусовки, и это имеет для него большое значение: «Теперь все рушилось. Без визитки нельзя было сунуться ни к ГЕРМАНОФИЛАМ, ни к теософам» [62, с. 70].
- (1929) Даже в заявке в Госиздат на написание «документальной» повести «Фагот» о Киеве «эпохи убийства Столыпина» М во вполне «медиаторском» духе стремится «дать» германскую тему: «Второе действие – поиски утерянной неизвестной песенки Шуберта – позволяет дать в музыкальном плане историческую тему (Германия)» [II, с. 412].
- (1930) “Italienische Reise” Гете была единственной книгой, которую М взял с собой в Армению, о чем он сообщает в набросках к «Путешествию в Армению» [II, с. 364]⁴. Это, очевидно, время сильного влияния Гете на М: в «Путешествии в Армению» он подробно, с немецкими цитатами, пересказывает сюжет про «насмешника Ярно» из повести Гете “Wilhelm Meisters Wanderjahre” [II, с. 113-114].
- (1932) Н. Мандельштам так комментирует стихотворение «К немецкой речи» с вариантами (1932): «...в стихах (черновиках) говорится о воспоминаниях – из эпохи Семилетней войны, о том, что он сам стоит где-то на Рейне – “в беседке виноградной” – “весь будущим прорезан” – словно из того времени и места он видит себя в будущем – в другой стране, где он вспомнит о своей кровной связи с землей, откуда в Россию пришли его предки. Не древняя средиземноморская родина, а более недавняя – Германия <...>. Такое ощущение родового прошлого у О.М. бывало редко и глубоко прикрито»

⁴ Н. Поллак, изучавшая «рефлексы» текстов Гете у М, сравнивает, в частности, высказывание Гете: “Ich glaube dem Wie der Organisation sehr nahe zu rücken” в “Italienische Reise” с пассажем М в набросках к главке «Вокруг натуралистов» в «Путешествии...»: «Мы приближаемся к тайнам органической жизни. Ведь для взрослого человека самое трудное – это переход от мышления неорганического <...> к первообразу мышления органического» [133, с. 16-17]. См. подробнее в Прил. 1.

[2, с. 425]. «Так я стою и нет со мною сладу» – говорит об этом же сам М в варианте «К немецкой речи» [I, с. 400].

- (1934) Строфа в стих. М «10 января 1934» относится не меньше к самому М, чем к А. Белому: «Ему солей трехъярусных растворы, / И мудрецов германских голоса, / И русских первенцев блистательные споры / Представились в полвека, в полчаса».
- В 1935 г. в Воронеже М делает радиопостановку «Юность Гете». Это еще раз показывает пристальное внимание М к личности Гете в 30-е гг.
- В декабре 1935 г. в зимнем Тамбове М чудится Германия, он говорит потом С. Рудакову: «Чудные дворянские особняки, какие могут быть и в германском старом городе...»⁵.

В заключение следует отметить, что феномен *германского монитора⁶ (а не, скажем, «французского монитора») является, может быть, самым точным свидетельством мощной ориентации М именно на «германскую» (немецко-еврейскую) культурно-цивилизационную систему.

3.2. Немецкий язык в дискурсе Осипа Мандельштама.

Наша цель здесь: описать «отношения» Мандельштама с немецким языком, который присутствовал в его жизни с самого её начала («сроки жизни необъятны: от постижения готической немецкой азбуки до...»), к которому он хотел «уйти из нашей речи» и к помощи которого он настолько часто прибегал в своем дискурсе, что его можно считать русско-немецким поэтическим билингом.

3.2.1. Имеющийся корпус текстов М (его собственные письменные тексты и отрезки устной речи, зафиксированные собеседниками и слушателями), показывают, что отношение М к немецкому языку и, соответственно, присутствие «германизмов» (в самом широком смысле) в его дискурсе, меняется со време-

⁵ В записях С. Рудакова, цит. по [8, с. 164].

⁶ См. Глоссарий.

нем. Этот процесс похож на изменение его отношения к идишу (см. Гл. 4), но только отчасти.

3.2.1.1. Детство (1891–1899). М был знаком с немецкой речью с самого раннего детства⁷. Возможно, что этот язык (или какая-то его макароническая смесь с идишем) с характерным диалектным грассированием, был первым языком, который он услышал в жизни: «жизнь начиналась в корыте картовою мокрою шопотью».

Разумеется, раннему знакомству М с каким-то вариантом немецкого способствовало хорошее знание этого языка его отцом Эмилом Вениаминовичем, который в молодости учился в Берлине, тяготел к немецкой культуре и (позднее) даже «писал невероятным почерком по-немецки воспоминания о своих странствиях» [9, с. 271].

Родители Эмиля (т. е. дед и бабка Осипа), курляндские евреи, по-русски даже не понимали (об этом сообщается в автобиографическом «Шуме времени»), сам он родился в литовском местечке и жил почти до 40 лет в Прибалтике и Польше, где в Варшаве и родился Осип.

Поэтому русский язык, видимо, долго оставался для отца М чужим. В 1925 г. он пишет письма сыну по-немецки, что не нравится (из-за «невероятного» почерка?) Осипу, который отвечает отцу в декабре 1925 г.: «Получил твое доброе и хорошее письмо; хоть по-немецки – но разобрал все <...>. У меня к тебе большая просьба: не пиши по-немецки: половину не разбираю...» [88, с. 51-52].

Но в конце апреля 1926 г. Осип уже готов воспринимать немецкий дискурс отца: «...твои письма мне большая, большая радость (немецкий почерк разбираю!). <...> каждый оборот твоего письма, каждая фраза мне близка и понятна» [88, с. 82].

Э. Герштейн в конце 1933 г. фиксирует «нерусский» акцент Э. Мандельштама и пишет об этом в мемуарах 80-90-х годов: «Отец Мандельштама <...> тайно жаловался мне со своим СТРАННЫМ НЕМЕЦКО-ЕВРЕЙСКИМ выговором: “Мне плё-

⁷ Отметим, что в [94, с. 12] сообщается (без ссылки): «Родным языком матери поэта был русский, хотя с мужем она иногда говорила по-немецки».

хо...» (Это выражение я помню из-за того, что оно вошло у нас с Левои⁸ в поговорку)» [8, с. 47].

«Своим» же вернакуляром для Эмиля Вениаминовича, по крайней мере, в течение детства Осипа, являлся, по-видимому, русско-немецкий «суржик» (смесь идиша и немецкого): ср. «еврейские деловые разговоры отца» в ШВ. Есть основания полагать, что родители М разговаривали между собой, в значительной степени, именно на этом вернакуляре и/или на «польско-литовском» идише⁹.

В ШВ Мандельштам признаёт, что язык отца повлиял на его собственный: «Речь отца и речь матери – не слиянием ли этих двух питается долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер?», но подчеркивает свою антипатию к языку отца – «косноязычие и безъязычие» отца, и свою симпатию к (русскому) дискурсу матери: «ясная и звонкая речь матери, без малейшей чужестранной примеси, <...> литературная великорусская речь».

В любом случае, язык раннего детства М («язык семьи») – это, в значительной степени, язык отца, т.е. макаронизированный идиш-немецко-русский «суржик». Это, видимо, то, что он сам называет «косноязычьем рожденья» (II, с. 41).

В ШВ (II, с. 20) М отказывается даже назвать этот суржик языком: «У отца совсем не было языка <...>. Совершенно отвлеченный, придуманный язык, <...> причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки»¹⁰.

Многочисленные примеры немецко-русских «связей» в текстах М также демонстрируют присутствие немецкого уже в его раннем детстве, см. Приложение 1.

⁸ Л.Н. Гумилев.

⁹ Флора Осиповна, мать М, родилась и до замужества жила в Вильне.

¹⁰ Талмуд возникает здесь пусть в негативном свете (с использованием стандартного для русской культуры набора пейоративных характеристик талмудического языка), но совершенно не случайно – своеобразная «макароничность» дискурса и языковые игры Талмуда обусловлены, в значительной степени, его языковой «суржиковостью» (смесью иврита и арамейского, литературного и разговорного регистров) и напоминают удивительные явления, происходившие впоследствии в текстах самого М. Подробнее об этом см. в 2.5.

3.2.1.2. Тенишевское училище (1900–1907). В начале 20 века для большинства русскоязычного еврейского среднего класса, немецкий – это основной язык культуры и цивилизации, «главный» в то время европейский язык, основной канал коммуникации с внешним миром. Семейство Мандельштамов следует, в этом аспекте, большинству, и соответствующее отношение к немецкому передается детям.

С занятиями немецким в училище у М были связаны явно позитивные (оставшиеся на всю жизнь) эмоции – ср. «Свидетельство об успехах за 3-й класс»: «К делу [предмет – немецкий язык] относится прекрасно»¹¹. Через 20 лет М пишет в ШВ: «...в немецких книжках [детей в Тенишевском] больше духовности и внутреннего строя, чем в жизни взрослых» [II, с. 28]. Но в аттестате отметка М по немецкому – 4 (такая же, как по русскому языку и словесности) [II, с. 393].

Владение М немецкой орфографией после училища остается неполным – через 2 года после выпуска, осенью 1909 г., заполняя по-немецки Anmeldeformular для поступления в Гейдельбергский университет, он сделал орфографическую ошибку, записав «сословие отца» (купец “Kauffmann” с удвоенным f)¹². Можно высказать гипотезу, что к 18 годам М владел (хотя бы пассивно) неким СЕМЕЙНЫМ УСТНЫМ немецко-еврейским суржилом, что и генерировало ряд немецко-русских суггестий в его текстах 1908-1909 гг. и позднее.

3.2.1.3. Гейдельберг и Берлин (1909–1910). Полгода (октябрь 1909 – весна 1910) в Гейдельбергском университете, разумеется, способствовали усвоению М «живого» (диалектного) немецкого. Здешний «рейнский» диалект близок к группе «южных» немецких диалектов, фонетические черты которых «проступают» в текстах М.

Здесь, в Rheinland, заполнился «всклень» уже накопленный в детстве и скрытый до времени резервуар немецко-русско-идишских связей, актуализированных уже в дебютных «аполлоновских» стихах августа 1910. Некоторые

¹¹ Воспоминания Е. Мандельштама.

¹² Факсимиле формуляра см., например, в [61, с. 72].

из этих стихов были написаны в Германии: на автографе стихотворения «Ни о чем не нужно говорить...» помета «Heidelberg, декабрь 1909» [I, с. 457]; стихи «Не говорите мне о вечности...», «Если утро зимнее темно...», «Дыханье веще в стихах моих...», «Нету иного пути...» были приложены к письмам М Вячеславу Иванову из Гейдельберга в ноябре-декабре 1909» [I, с. 572–573].

3.2.1.4. 1910–1923 (?). В стихах М этого периода, особенно в его начале и в «Грифельной Оде» в конце, масса G-суггестий, G/Y – суггестий и даже явных G/Y-конструкций, типа «имею тело», «не имею шарфа». Эти элементы поэтики М вызывают неприятие (часто, возможно, подсознательное) у многих, включая даже друзей и почитателей.

Очень характерно воспоминание Вадима Андреева, сына писателя, о поразившем его в дебютном «аполлоновском» стихотворении М 1910 г., наряду с необычным ритмом, «**неприятном обороте**» «имею тело», см. 6.2.

Н. Гумилев написал в двух¹³ вполне положительных рецензиях на издания «Камня»: «Его [Мандельштама] вдохновителями были только русский язык, сложнейшим оборотам которого ему приходилось учиться, и не всегда успешно, да его <...> мысль» [2, с. 388]; «В “Камне” есть режущие ухо ошибки против языка...» [2, с. 390].

С. Городецкий в рецензии 1916 г. [I, с. 450] указывает на «ограниченность словаря, ломкость скрепляющих союзов» в языке «Камня» и снисходительно резюмирует: «Автор похож на человека, только что перешедшего через глубокий ручей по качающейся перекладине...».

В статье 1923 г. А. Горнфельд¹⁴ также указывает на недостатки русского языка М, называя М в числе «...русско-еврейских писателей», которые «пришли с русских (больше с полу-русских) окраин, из чужого культурного мира, в их семьях говорили на жаргоне <...>. На чужом языке, который <...> стал для них род-

¹³ 1914 и 1916 гг.

¹⁴ Критик, переводчик с немецкого и будущий «враг» М по «делу об Уленшпигеле».

ным языком, они, конечно, не могли быть самостоятельными»¹⁵ [4, с. 192].

М в этот период, по-видимому, стесняется подобных упреков, исправляет замеченные, может быть, не всегда осознанные, G/Y-неправильности, например, «имею тело» в следующей публикации превращается в «дано мне тело», «не имею шарфа» тоже позднее заменяется.

В ШВ М стремится защитить от насмешки (может быть, и самонасмешки) свою как бы унаследованную от матери¹⁶ аутентичность, укорененность в русском языке и русской культуре. Там же он создает миф о своем незнакомстве в детстве с идишем: «В детстве я совсем не слышал жаргона...»¹⁷ [II, с. 19].

Но вполне характерно для М, для всей его «лингвистической», по преимуществу, экзистенции, что противоположный и вполне устойчивый миф о его «чужести», его внеположенности русской культуре, зародился именно в языковом контексте. Языковая область – первая, где его начинают считать «не своим» даже друзья, те, кого нельзя было заподозрить, например, в рутинном антисемитизме. *Der lebenslang Fremde*¹⁸ – скажет о М через полвека Пауль Целан.

Несмотря на большое количество «германо-идишизмов» в этом периоде, М пишет в 1923-27 гг. в очерке «Заметки о поэзии»: «Всякий, кто поманит родную поэзию звуком и образом чужой речи, будет <...> соблазнителем. <...> Для российской поэтической судьбы глубокие, пленительные гюковские тайны ... не в санскрите и не в эллинизме а в последовательном обмирщении поэтической речи» [II, с. 209].

Но в дальнейшем для достижения этой (в действительности, стратегической для себя цели) «обмирщения» речи, т. е. вывода её в широкий объемлющий мир, М массивно использует именно «чужую» речь – германизмы.

¹⁵ Подробнее см. в 4.2.1.

¹⁶ Ср. в ШВ: «в нём [в языке матери] есть что-то коренное и уверенное» [II, с. 20].

¹⁷ См. подробнее в 4.2.1.

¹⁸ = пожизненный чужак/иностранец.

3.2.1.5. 1924–1930 (приблизительно совпадает с периодом «отсутствия стихов»).

«Антитезис» М (к более раннему «тезису» об отстраненности от *Judentum*)¹⁹ в это время: я еврей, немецкий еврей по преимуществу, со средиземноморскими (Испания, Палестина) корнями. В этот период М сознательно использует германо/идишизмы для шуток и стеба: «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже», «Никакой другой Иосиф не есть Осип Мандельштам».

М уже не отрицает свою культурную связь с миром германского еврейства, (как в ШВ), но, наоборот, заявляет ее эксплицитно и даже вызывающе²⁰. Плотность G/Y-суггестий в некоторых местах «Египетской марки» и «Четвертой прозы» явно демонстративна.

В этот период М совершает своеобразный «возврат к корням», очень похожий на возврат (или попытки возврата) ассимилированных немецких евреев начала 20 века к своим корням через культивирование интереса к восточно-европейскому («аутентичному») еврейству²¹. Германоязычная ориентация М вполне релевантна для этого процесса.

3.2.1.6. Период «синтеза». Использование «германизмов» осознанно «программным» образом.

Начиная с 1930 г., когда «снова пошли стихи», М сознательно вводит в поэтический текст германизмы и идишизмы как стройматериал для того, что М. Гаспаров назвал «синтетическая поэтика» [26, с. 196]. Сам же М назвал подобный процесс модификации своих текстов²² «выбором того воздуха, которым хочешь дышать» [II, с. 312].

«Чужая речь мне будет оболочкой» – совершенно программное заявление этого периода. Вместо жесткой установки середины 20-х: «Неверно, что в русской речи спит латынь, неверно, что спит в ней Эллада. С тем же правом можно расколдо-

¹⁹ См. об этом подробнее в 4.2.2.

²⁰ См. об этом же в несколько другом ракурсе в 4.2.2.

²¹ См. об этом в работе Л. Кациса [3, с. 468].

²² И, вообще, своей ЯКМ, см. Гл. 8.

вать в музыке русской речи негритянские барабаны...»²³, появляется в РД (1933 г.) совершенно противоположное отношение к игре с «чужим» языком: «... если вслушаться внимательнее, то окажется, что певец²⁴ внутренне импровизирует на любимом заветном греческом²⁵ языке, пользуясь для этого – лишь как фонетикой и тканью – родным итальянским²⁶ наречием» [II, с. 233].

Подобная работа с немецким (немецко-еврейским) языком в оболочке русского, или, наоборот, с русским «в оболочке чужой речи», становится для М сейчас одним из способов «обмирщения» своего поэтического языка.

Стратегическая цель «обмирщения» языка была намечена М в середине 20-х гг., см. 3.2.1.4. Идеал языкового состояния для М в это время – «черная поденная речь Лютера» [II, с. 209]. Исследователи отмечают «пласты разговорной речи», возникшие в текстах М в 30-х гг.²⁷

Идеалом же отношения к языку для М является в это время Хлебников – «он наметил пути развития языка». Существенно, что именно Хлебников (независимо от М) начал регулярно использовать билингвистические омофонные игры и в этом отношении М является как бы продолжателем их общего дела.

В этот период М, используя ряд технических приемов, развивает свой же ранний «билингвистический» подход для дальнейшего «обмирщения» своего языка: русский текст выходит через немецкий омоним (понимаемый в широком смысле, включая «консонантную омонимию») в более широкое семантическое пространство, слово из узкого рутинного семантического «мирка» выходит в широкий «мир» значений, объектов и связей.

Отметим, что в 1925 г. в предисловии к своему переводу на русский «Обормотов» Жюль Ромэна, повести о французском студенчестве, М использует для передачи необходимого ему концепта именно немецкую (а не французскую!) идиому: «Луч-

²³ [II, с. 209].

²⁴ Дант, отождествляемый с М.

²⁵ Для М – немецком/идише.

²⁶ Для М – русским.

²⁷ О. Ронен, см. [2, с. 537]

ше всего это отношение²⁸ передается немецким выражением *austoben*: студенчество должно перебеситься» [72, т. 2, с. 419].

Характерно, что начиная с конца 1930 г. М посвящает много времени чтению классической немецкой литературы: «в Армении О.М. вернулся к немцам и в тридцатых годах усиленно их покупал – Гете, романтиков <...>. Еще он добыл кое-кого из писавших по средне-немецки» [9, с. 288].

Последнее сообщение мемуариста интересно еще и тем, что многие «средне-немецкие» слова ближе к своим Y-когнатам, чем соответствующие современные G-словоформы.

Немецкий продолжает в 30-х гг. служить *lingua franca* для М: об этом говорят отрывочные свидетельства мемуаристов.

Летом 1930 г. на Севане М общается с не владеющим русским языком армянским профессором именно по-немецки: «разговорившись кой как по-немецки, мы сели в баркас...» [II, с. 101].

В 1935 г. (?) в перерыве собрания воронежской писательской организации М в коридоре разговаривает со своими знакомыми (также высланными в Воронеж) Калецким, Стефаном и Айчем по-немецки, что вызывает негативную реакцию окружающих [90, с. 41-42].

В октябре 1935 г. в Воронеже в гостях у немца-флейтиста Шваба, М разговаривает с ним, в основном, по-немецки: «Почкой и семейный чай. Разговор почти по-немецки» [8, с. 157].

Наконец, следует отметить, что немецкие (или G/Y) выражения в ряде случаев – как бы «на кончике языка» у М, что фиксируется мемуаристами. Например, Э. Герштейн в своих мемуарах о начале 1934 г. упоминает, что в разговоре с ней (о поэзии Ахматовой) «...Мандельштам проговаривает с осуждением: «...АУТОэротизм» [8, с. 53]. Здесь мемуарист фиксирует именно немецкое (а не французское, не русское и не идишское) произношение приставки *auto-*.

²⁸ Имеется в виду отношение к господствующему в обществе мировоззрению.

3.2.2. Германизмы в текстах М: статистика, классификация, вид, пересечение с идишем.

3.2.2.1. Общая статистика. Всего выявлено около 450 «германизмов» в текстах Мандельштама²⁹. Из них 62-65 % могли бы быть идишизмами, т.е. являются *когнатами соответствующих Y-слов или конструкций. В особенности высока плотность этих «пересечений» с Y в дебютные годы М, т.е. с 1909 по 1916 гг. включительно.

3.2.2.2. Характеристики немецкого языка М.

Произношение. В G-суггестиях в текстах М явно проступают некоторые черты южнонемецких (+ рейнский) диалектов.

В частности,

- (а) сибилантное произношение графемы ch = [š], проявляющееся в G-суггестиях у М, характерно для диалекта Рейнской области, к которой относится Гейдельберг, см. [92, с. 56]
- (б) стяжение дифтонга [au] → [a]. Это черта южнонемецких диалектов³⁰. Возможно также влияние идиша отца («польского» диалекта Y?).

Примеры стяжения дифтонга:

- «Сусальным золотом горят...», 1908: «В кустах ('куст' = Strauch [štrax]) игрушечные волки глазами СТРАШными глядят».
- «Два трамвая», 1925: «сонный ('сон' = Traum [tram]) трамвай».
- «Сегодня можно снять декалькомани...», 1931: «И Фауста бес [fastabes, для сохранения размера] – сухой и молодежавый...».
- «Фазтонщик», 1931: «Карабахе (→ raubgierig [rabkierix] 'хищный'), в ХИЩНОМ городе Шуше».
- «10 января 1934»: «У конькобежца в пламень (Flamme) голубой, – / Морозный пух (Flaum [flam] 'пух') в железной крутят тяге...».
- «Стихи о неизвестном солдате» (вариант), 1937: «В глубине черно-мраморной устрицы / Аустерлица [asterlitsa, для сохранения размера] погас огонек».

²⁹ Все они приводятся в Приложении 1.

³⁰ Например, баварского, см. [96, с. 100].

3.2.2.3 Соотношение немецкого и идиша в дискурсе М.

Из данных п. 3.2.2.1 следует, что большинство G-суггестий конкурируют с Y-суггестиями, причем плотность конкуренции выше в первые годы творчества М. Это – аргумент в пользу того, что «коренной, внутренний» немецкий М был немецким его отца, т.е. «немецко-идишским суржилом». При этом «идиш» самого М являлся смесью литовско-курляндского (мать – из Вильны, отец – из Жагор на границе Литвы и Курляндии) и польского диалектов.

В устах же отца М, по-видимому, часто звучал «германизированный» (т.е. с повышенной плотностью немецкой лексики) идиш.

Поэтому в сознании М многие Y-слова контаминировались с соответствующими немецкими, и для отделения идишизмов от «германизмов» у М требуются иногда достаточно тонкие рассуждения, иногда же просто не хватает информации.

Обычно при этом возникает один из 2 случаев:

Ситуация 1. Оба конкурента – фонетически различные (иногда почти не различные) «германские» когнаты.

Пример: в стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910).

В стр. «Соскучившись по милом иле, / То – как соломинка, минуя глубину...» «ил» связывается с «соломинкой» фонетически через Schlamm = Y[šlam] = 'ил'.

Но Schlamm и Y[šlam] фонетически почти идентичны и при отсутствии какой-либо дополнительной информации, окончательный выбор невозможен.

Ситуация 2. Y-конкурент осложнен гебраизмом.

Пример: в стих. «Фазтонщик» (1931).

В стр. «Там, в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше/» в подтексте слова «Карабах» происходит контаминация немецкого raubgierig 'хищный' и идишизмов YL [reyb-xaye] 'хищник', Y [royb-xayeš] 'хищный', где основа [xaye] 'зверь' – гебраизм.

Без дополнительной информации этих конкурентов невозможно развести.

3.2.3. Технические приемы использования германизмов в текстах М.

3.2.3.1. Лексема через свой G-эквивалент выходит на расширенное множество синонимов, омонимов, вообще расширяет свой семантический ареал.

Пример. Слово «нежный» получает «право» на использование широкого семантического спектра немецкого *fein* 'мелкий, изящный, деликатный, нежный, прекрасный, хитрый, умный' и становится, в зависимости от своего желания («Слово – Психея!»), любой частью этого спектра и наоборот. Поэтому [I, с. 130] «мелкий дождик» становится «нежным дождиком», «в нежной сутолке» означает «в деликатной сутолке», «народец мелкий» может означать «народец умный», а «самый нежный ум» [I, с. 135] может быть «самым хитрым умом» и т.д.

3.2.3.2. Словосочетание достигает результата 3.2.3.1, проектируясь в немецкое (идиш) объединенное «сложное слово», и «выкачивая» из него измененную семантику.

Примеры:

- «сонные казни» в «Разговоре о Данте», Гл. II, приобретают в результате этой процедуры нестандартную семантику немецкого *Traumstrafen* = 'воображаемые (напр. в сновидении) казни'.
- точно так же в строке «Сонным обзором я жизнь воскрешаю»³¹ имеется в виду не сонное состояние «обозревателя», а обзор, являющийся как бы видением, галлюцинацией, т.е. нечто вроде немецкого *Traumübersicht*.

3.2.3.3. Лексема достигает результата 3.2.3.1, но не через «полное тело» своего G-эквивалента, а через использование его консонантного костяка – генерируются связи с русскими словоформами с тем же (может быть, переставленным) консонантным составом. Эта техника³² продуцирует странные, на первый

³¹ Вариант к стих. «Нет, не мигрень...» [I, с. 394].

³² Работающая, разумеется, в обоих направлениях: как от исходной немецкой словоформы, так и от исходной русской словоформы.

взгляд, связи: «часто пишется казнь, а читается правильно песнь» [I, с. 207].

Пример. В том же стих. «Голубые глаза...» 1934 г. слово «казнь» через свой консонантный набор [k/g-z-n] связывается с G/Y-словом *Gesang* [gezank] = 'песня, стих', что и имплицитно русское слово «песнь», см. подробнее Приложение 1.

3.2.3.4. Изначально работает сквозной набор консонант (возникающий чаще всего, из какой-то русской или G/Y – словоформы), генерируя G/R-связи и смыслы – «поэтическую речь живит блуждающий многосмысленный корень» [II, с. 209]. Эта техника параллельна рассмотренному еще О. Роненом в работе 1973 г. приему анаграммирования ключевого слова в тексте М [29, с. 244].

Пример. Набор консонант (PRSTN) в «Грифельной Оде» генерирует слова «кремень» (через *Feuerstein* = 'кремень'), «старая песня», «перстень» и далее через весь текст.

3.2.3.5. М часто использует устойчивые ассоциативные ряды, порождаемые G/R-связями, как. стандартные ассоциативные блоки.

Примеры таких стандартных блоков:

(1) шум-пена-музыка, (2) хлеб-плоть-слово, (3) дремучий-густой-поэтический, (4) шелест-хмель, (5) глаз-стекло-стакан-рюмка, (6) кровь-цвет и т.д.

3.2.3.6. М использует скрытые G-словоформы для придания дискурсу (или усилению) эффекта разговорности, спонтанности, эмоционального контакта с «собеседником», для получения того, что в гештальт-психологии называют *aha-effect*. Этим эффектам способствует «структурная неожиданность», изолированность, выключенность этих слов из синтаксиса фразы, их врезание как бы в скобках в тело фразы³³. Сюда же типоло-

³³ Интересно, что приблизительно то же (использование грамматически изолированных элементов, «тенденция к диалогичности», «направленность на контакт с собеседником») говорит Л. Найдич, анализируя стиль Пауля Целана, немецко-еврейского поэта, переведившего М на немецкий и во многом себя М отождествлявшего [6, с. 197].

гически относится направленная «макаронизация» текста для достижения определенного стиливого эффекта.

Пример. «Это есть художник Альтман...».

3.2.3.7. Скрытые G-словоформы используются М для «прозаизации» дискурса, для получения в тексте эффектов, которые он в статье «Буря и натиск» (1923) квалифицирует как свойства прозы: «Проза асимметрична <...>; настоящая проза – разнობой, разлад, многоголосие, контрапункт; ...» [II, с. 293].

3.2.4. «Германизмы» («германо-идишизмы») в текстах М – явление настолько массовое, что возникает ощущение присутствия «в голове М» некоего постоянно работающего механизма, который мы назовем *германским монитором³⁴.

Германский монитор или «G-монитор» в тексте Мандельштама – это процесс отслеживания в порождаемом тексте G/Y/R-связей и модификации на их основе уже созданного и создаваемого текста.

Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь вдоль уже созданного текста, отслеживает возможные ситуации германорусской омофонии, омонимии, паронимии, эквиконсонантизма (совпадения наборов консонант в словоформах) и т.д. и генерирует их проекции «вперед и назад» в создаваемый текст.

Перефразируя высказывание Мандельштама про Хлебникова в статье «Буря и натиск»³⁵, можно было бы назвать этот процесс «идиотическим синхронным переводчиком».

Это явление, возможно, уникально³⁶ и дело здесь, похоже, не столько в использовании техники паронимазии и других релевантных технических приемов, сколько в какой-то скрытой

³⁴ Это явление ранее рассматривалось нами в работе [97]. Напомним, что «германизмы» в текстах М (т.е. результаты «работы» G-монитора) собраны в Приложениях 1 и 2.

³⁵ «Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или “Слово о полку Игореве”».

³⁶ Отметим, что В. Хазан, исследователь творчества Довида Кнута, описывает (анализируя кнутовское стихотворение «Молчу в тишине») феномен, который в нашей терминологии можно было бы назвать «фонетическим французским монитором» у Кнута: «...оба потока “фонических ассоциаций” – русских

сверхзадаче (может быть, не осознанной в ранний период творчества), см. 3.2.5.

Интересно, что G-монитор работает, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама, но может «включаться» на одном отрезке текста и «выключаться» на другом.

Иногда G-монитор «вылезает на поверхность», как например, в 16-й главке «Четвертой прозы», где в текст «потока сознания» вдруг врезается «идиотический синхронный переводчик»: «Ходят армяне из города Эривани с зелеными крашеными селедками. Ich bin arm – я беден».

3.2.5. Реконструкция причин появления этого поразительного феномена – работы «G-монитора» в текстах М – требует рассмотрения более широкого контекста. Здесь мы приводим набор соответствующих причин/факторов в конспективном виде, не давая в (вообще говоря, необходимое) обсуждение ряда дефиниций и утверждений.

(а) Культурно-цивилизационная сверхзадача. «Встроенная» медиативность, интерфейсность Мандельштама³⁷. Ориентация на «переключку» между культурами, на «перенос пыльцы»

и французских – встречаются, переплетаются, образуя причудливые билингвистические узоры. Создается впечатление, что Кнут пишет текст как бы одновременно на двух языках <...> текстовые элементы структурируются как бы из двух языков, один из которых является, условно говоря, «основным», «актуальным», полностью подчиняющим себе план выражения (на нем пишется стихотворение), а другой – «подтекстным», существующим только как потенциальный план содержания и институцированным в виде виртуальной реальности. В целом этот способ письма живо напоминает перекодировку «своего» и «чужого» слова в потоке того, что принято называть бахтинским термином «двуликой» речи (заметим, что мы говорим о просодической стороне текста, и, стало быть, упомянутые перекодировки касаются, прежде всего, его фонетического строя) [148, с. 26]. Но примеры русско-французских «фонетических филиаций», приводимые Хазаном, крайне скудны и, на наш взгляд, недостаточно обоснованы даже для одного рассмотренного стихотворения. Поэтому идея о присутствии «французского монитора» у Кнута остается пока интересной гипотезой. Заметим, что в феномене «германского монитора» у М принципиально важна «демонстративная» массовость его проявлений.

³⁷ Характерная, вообще говоря, для ЕЦ, фокусом управляющих матриц которой М является, см. об этом Гл. 2.

одной культуры на «цветы» другой. «... поэты говорят на языке всех времен, всех культур <...> говорящий не знает языка, на котором говорит. Он говорит на совершенно неизвестном языке. И всем и ему кажется, что он говорит по-гречески или по-халдейски»³⁸.

В этом контексте использование омонимов, омофонов, паронимов и консонантных «пакетов информации», ассоциаций и суггестий – являются для М техническими способами и инструментами для межкультурной и межъязыковой (в основном, русско-немецко-идишской) «переклички».

(б) «Двойничество», оксюморонность как один из «управляющих архетипов» ЕЦ, носителем которых является М (см. 2.2), проявляется в оксюморонности лексико-семантической. В частности, G/Y/R-омонимия и омофония доставляет пример такой «оксюморонности»: ДВА взаимоисключающих слова/смысла в одном слове³⁹.

Конечно, вообще говоря, имеет место некое встроенное общечеловеческое «двойничество»⁴⁰. Но дело в том, что у М (и вообще в парадигме ЕЦ) это явление проявляется необычно мощно и вполне осознанно-программно. Уже в ранней статье 1910 г. М говорит о «лирическом гермафродитизме» поэта: «Лирический поэт, по природе своей, – двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога»⁴¹ [II, с. 138].

В. Топоров в работе 1991 г. «О “психофизиологическом” компоненте поэзии Мандельштама» говорит об этом явлении в психике и текстах М: «авторerefлексивность возвращает нас к проблеме “двойничества” в широком ее понимании: два объекта в одном месте ...» [98, с. 434].

³⁸ «Слово и культура» [II, с. 171–172].

³⁹ Напомним рассмотренную в п. 1.2 характерную для дискурса ЕЦ «языковую» Y-поговорку, описывающую это явление: «a kluger faršteyt fun eyn vort tsvey», ‘умный создает в своем восприятии из одного слова – два’ [58, с. 17].

⁴⁰ Например, Г. Зиммель говорит: «В глубине нашей души кроется, очевидно, некий дуализм, который, не позволяя нам воспринимать картину мира как неразрывное единство, постоянно разлагает ее на целый ряд противоположностей», цит. по [77, с. 78].

⁴¹ См. к этому пункт (в) о «шизоидности».

(в) Шизоидность психики М. Гештальт-нарушения. Шизоидный билингвизм. Скорее всего, к М вполне применим диагноз, поставленный Хлебникову харьковскими психиатрами в 1919 г. «амбивалентность», «наклонность удерживать в сознании полярно-противоположные содержания».

(г) По-видимому, М подвергся в рассматриваемом аспекте мощному внешнему идеологическому воздействию со стороны сначала Анненского (влияние которого на себя подчеркивал сам М), затем Хлебникова и Белого.

Ср. С. Маковский об И. Анненском: «Больше, чем кто-либо из русских поэтов, он любил неологизмы и галлицизмы. <...> Сочетаниями иностранных заимствований и народных оборотов он особенно дорожил, и это характерно для всего склада его личности, пронизанной средиземноморской культурой и вместе такой до предела русской! <...> Анненский всегда на земле и всегда где-то в иной духовной действительности, и это ДВОЕРЕЧИЕ придает произносимым словам как бы новый смысл: они насыщаются смыслом всего, что угадывается сквозь них, за ними» [59, с. 112–113].

Ср. Ф. Степун об А. Белом: «Эта явная раскосость его взора, связанная с ДВУПЛАННОСТЬЮ сознания, поражала меня всегда <...>. Своей ширококрылой ассоциацией он в полете речи связывает во все новые парадоксы самые, казалось бы, несвязуемые друг с другом мысли. Логика речи все чаще форсируется фонетикой: человек провозглашается челом века, истина – одновременно и истиной (по Платону) и ъстиной (по Марксу) <...> минутами смысл речи почти исчезает. Но <...> Белый ни на минуту не теряет <...> изумительного дара своего высшего словотворчества» [59, с. 199].

С воздействием Хлебникова, для которого поэтический язык должен был быть «странным», «чужим», резонировали собственные психические особенности М (см. пункт «в»).

Ср. высказывания Хлебникова в «Досках судьбы»⁴²:

«Слово особенно звучит, когда через него просвечивает иной “второй смысл”, когда оно стекло для смутной, закрывает

⁴² Цит. по [99, с. 236–237, 245].

мой им тайны, спрятанной за ним, тогда через слюду и блеск обыденного смысла светится второй, смотрится темной избой в окно слов. <...> я ощущал обжигающий смысл поговорки, точно полный тока проводник, тугой силами молнии, коснулся меня <...>.

Такие сельские окошки на бревнах человеческой речи бывают нередко. И в них первый видимый смысл – просто спокойный седок страшной силы, второго смысла. Это речь дважды разумная, двоякоумная=двуумная. Обыденный смысл лишь одежда для тайного».

(д) «Динамический прагматизм», одна из управляющих матриц «еврейской цивилизации», носителем которых является М (см. подробнее 2.3), проявляется в динамичности лексико-семантической. Специфическая «динамическая семантика», сдвинутость, размытость смысла, «семантический импрессионизм». Резкое проявление этой ориентации в постоянных попытках «ухода из нашей речи» (семантики) в другую, обычно, в G/Y-дискурс⁴³.

⁴³ Точнее, в парадигму «межъязыковой интерференции», в рамках которой G/Y-дискурс у М наиболее массовиден.

Глава IV

Мандельштам и «ашкеназская» (немецко-еврейская) цивилизация

В наследство от прошлого он получил горсточку слов, скудный словарь и немного образов.

Египетская марка

Все это не релевантно, потому что идиша Мандельштам не знал.

П. Фрейбургер, географ-мандельштамовед

4.1. Немецко-еврейская культура vs. Мандельштам

Еврейская ашкеназская культурно-цивилизационная система в начале 20 века являлась естественным интерфейсом (или буфером) для контактов восточно-европейской и западно-европейской (прежде всего, германской) цивилизаций, и М должен был это ощущать очень точно.

Не случайно в ШВ присутствует некий «немецко-еврейский» персонаж, являющийся архетипическим субъектом этого буфера, «человеком интерфейса»¹:

«На Пушкинской, в очень приличной квартире, жил бывший немецкий банкир, по фамилии Гольдберг, редактор-издатель журнальчика “Поэт”. Гольдберг, обрюзглый буржуа, считал себя немецким поэтом и вступал со своими клиентами в следующее соглашение: он печатал их стихи безвозмездно в журнале “Поэт”, а за это они должны были выслушивать его, Гольдберга, сочинения немецкую философскую поэму под названием “Парламент насекомых” – по-немецки, а в случае незнания языка – в русском переводе. <...> Этот старый банкир-неудачник с шиллерообразным своим помощником (он же

¹ М дает насмешливое и, одновременно, очень точное описание этого человека: видно, что это персонаж из реальной жизни: он, похоже, напечатал первое издание «Камня». Кроме всего прочего, он явно напоминал М собственно отца, Эмилия Вениаминовича.

переводчик “Парламента насекомых” на русский язык) бескорыстно трудился над милым уродливым журналом. Толстым пальцем Гольдберга водила **странная банкирская муза**. <...> Впрочем, в Германии в хорошие времена Гольдберг отпечатал полное собрание своих сочинений и сам мне его показывал» [II, с. 39].

Отмеченное в 3.1 повышенное внимание М к немецким экспрессионистам, по-видимому, связано с этой же «странной (= странствующей) ашкеназской музой интерфейса». Д. Заславский, еврейский критик, будущий враг М по «делу Уленшпигеля», писал в 1924 г. в статье о немецких писателях-евреях, которая не могла пройти мимо М: «Из названных выше 16 авторов² по крайней мере семеро евреи. Это – Шикелз, Штернгейм, Деблин, Верфель, Вольфенштейн, Кафка и Брод. Это уж и само по себе дает основание говорить о выдающейся роли евреев в современной немецкой литературе» [23, с. 111].

Пытаясь сформулировать, в чем состоят «характерные для немецких писателей-евреев черты», Заславский ссылается на Бубера: «... Мартин Бубер приходит к заключению, что главными идеями еврейства являются идеи единства, действия и будущности». Но, процитировав Бубера, Заславский пространно описывает «первую и главную черту» группы еврейских экспрессионистов: «отсутствие цельности в творчестве, двойственность, внутреннее противоречие <...> у всех в груди живут две души. Борьба двух начал – излюбленный и необходимый мотив...»³ [23, с. 116].

Влияние немецких экспрессионистов на М видно по явным и скрытым цитатам в некоторых текстах М. Очень интересным примером в этом отношении является стихотворение «Я молю как жалости и милости...» (1937)⁴.

Л. Кацис в [3, с. 459] утверждает, что «...только через немецко-еврейский экспрессионизм Первой мировой войны лежит путь к адекватному пониманию “Стихов о неизвест-

² Экспрессионистов.

³ Интересно сравнить это высказывание со строкой из опубликованной за год до статьи Заславского «Грифельной Оды» Мандельштама: «Двурушник я, с ДВОЙНОЙ ДУШОЙ, / Я ночи друг, я дня застрельщик».

⁴ См. подробнее в конце Приложения 2.

ном солдате». <...> При этом мы имеем в виду не только общелитературные, стилистические и сюжетные связи между стихами Мандельштама и творчеством его современников-экспрессионистов, но и те идейные и жизнестроительные потенции, связанные с проблемой национального самоопределения евреев Европы, которые отразил О. Мандельштам уже на русской почве. <...> Ко времени написания «Четвертой прозы» Мандельштам находился на переднем крае той целостной, независимой от конкретных языков, европейско-еврейской культуры, которая расцвела в послевоенной Европе между мировыми войнами».

В начале 20 в. в Германии была популярна идущая еще от Гейне идея родства между евреями-ашкеназами и немцами (германцами), даже идея «симбиоза» между ними. Экспрессионист Альфред Вольфенштейн писал в 1921/22 в статье «Еврейская сущность и поэзия» о родстве «еврейской сущности» (*Jüdisches Wesen*) и немецкого языка⁵, о «суверенности еврейской сущности» в рамках немецкого языка, с которым она «связана как пловец со своей стихией»⁶.

Подобная идеология также не могла пройти мимо Мандельштама. Л. Кацис утверждает: «Эта поразительно близкая Мандельштаму позиция имеет и свою историю, выходящую за пределы собственно языка» [3, с. 513]. В подтверждение Кацис приводит цитату из «Девушек и женщин Шекспира» Гейне: «В самом деле, поразительно, какое глубокое сродство существует между евреями и германцами, *этими народами-носителями нравственности...*».

М вряд ли разделял идеи о «сродстве» между евреями и немцами⁷ – он, скорее, «отталкивался» от «наций», уходил от

⁵ Интересно, что Вольфенштейн сближает «еврейскую сущность» и немецкий язык по примарной ЕЦ-матрице «динамического прагматизма» (1.3): немецкий язык для Вольфенштейна – это «*der Ausdruck der deutschen **Ruhelosigkeit** eines Wesens der Bewegung*», и он это соотносит с «*jüdischen **ruhelosen** Sucht nach Unbedingtheit*», цит. по [32, с. 189].

⁶ «...*souverän, ihr verbunden wie ein Schwimmer seinem Element*», цит. по [32, с. 189].

⁷ Или между евреями и русскими.

германской, еврейской (и русской) цивилизаций⁸. Но идеи Вольфенштейна (и, отчасти, Гейне) о «межцивилизационном симбиозе», он, видимо, разделял в суженной сфере «языкового симбиоза»⁹, т.е. в специфически «еврейской» интерфейсно-коммуникационной парадигме. В сущности, намеренная «германизованность» семантики текста М (в частности, феномен *германского монитора) и есть попытка осуществления на практике «симбиоза» немецкого (+ идиш) и русского языков.

Отметим в заключение, что ситуация «М vs. немецкий экспрессионизм», похоже, сфокусировала в себе основные черты ситуации «М vs. еврейско-немецкая культура». Наблюдается ряд удивительных совпадений в «системе установок», в *Weltanschauung*, в ЯКМ и т.д. Поэтому отношения М с немецкими экспрессионистами¹⁰ требуют подробного исследования.

4.2. Отношения Мандельштама с языком идиш.

Имеющийся корпус текстов М (его собственные письменные тексты и отрезки устной речи, сообщенные собеседниками и слушателями), показывают, что отношение М к идишу и, соответственно, присутствие (понимаемое в самом широком смысле) Y в его дискурсе, меняется со временем. Этот процесс делится на 3 периода, как бы следуя одной из популярных советских идеологием 20-х годов – триаде Гегеля: «тезис, антитезис, синтез».

4.2.1. До середины 20-х годов – до начала периода поэтической «немоты». «Тезис» М в это время: я с еврейством вообще и с Y, в частности, не знаком, несмотря на происхождение – характерное отталкивание от Y, подчеркивание отсутствия каких бы то ни было связей.

В 1925 г. эта позиция эксплицитно формулируется в автобиографическом «Шуме времени» (ШВ). Идиш для М в это время – это «жаргон», не настоящий язык. Настоящий еврейский язык – это иврит, «дивный» и чужой.

⁸ Но не от **культуры** (в смысле *опозиции Шпенглера) – см. Главу 2.

⁹ Взаимопроникновения, интерференции.

¹⁰ Отнюдь не только с «этнически еврейскими» экспрессионистами: необходимо, например, прояснить влияние на М текстов Г. Майринка и др.

Здесь М следует (даже в формулировках) системе образов, принятой подавляющим большинством русскоязычной еврейской интеллигенции начала 20 века. Его будущий враг А. Горнфельд писал в 1909 г. в журнале «Еврейский Мир» (подобные статьи, конечно, участвовали в формировании системы взглядов молодого М) о неполноценности идиша как языка интеллигента и писателя: «настоящей интеллигенции <...> жаргон не имеет, <...> он страшно отстал от духовных потребностей народа, который для своих высоких интересов имел всегда другой язык с его возвышенным размахом» [127, с. 70].

Заявив в ШВ: «Речь отца и речь матери – не слиянием ли этих двух питается долгую жизнь наш язык, не они ли слагают его характер?», М там же подчеркивает свою симпатию к дискурсу матери, семейного архетипа носителя русской культуры («ясная и звонкая речь матери») и своё неприятие дискурса отца, семейного архетипа носителя еврейской идишистской культуры: «косноязычие и безъязычие» отца, «причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза» [II, с. 20].

В ШВ М считал должным явно указать на свое незнакомство в детстве с У: «В детстве я совсем не слышал жаргона, лишь потом я наслушался этой певучей, всегда удивленной и разочарованной, вопросительной речи с резкими ударениями на полутонах» [II, с. 66]. Там же М вполне «позитивно» отвечает об иврите (литургическом), как бы подчеркивая его просодические отличия от «жаргона»¹¹: «дивное равновесие гласных и согласных».

В результате ШВ вызывает недоуменные вопросы:

(а) Звучание какого языка, зафиксированное детской памятью М, упоминается в строке «Жизнь начиналась в корыте КАРТАВОЮ мокрою шопотью»¹²? Это, очевидно, «шопоть» матери, про русский дискурс которой в ШВ сказано: «Речь матери <...> без малейшей чужестранной примеси, <...> литературная великорусская речь». Грассирование («картавость») является, конечно же, «чужестранной примесью» для «великорусской»

¹¹ Интенсивное внимание к просодике, вообще, характерно для М.

¹² «Нет, не мигрень...», 1931.

речи. Между тем, Флора Осиповна выросла в Вильне, а ведь для ЛИТОВСКОГО диалекта идиша как раз характерно грассирование, см. 4.3. Не идиш ли был ПЕРВЫМ языком, услышанным М в своей жизни?

(б) «Жаргона» М, по его утверждению, совсем не слышал, а «еврейские деловые разговоры» отца¹³, которые, конечно, слышал, были на «косноязычном» русском, что ли? Здесь слово «еврейские», скорее всего, указывает именно на язык (идиш), иначе получается некий странный плеоназм.

(в) А с родственницей из литовского местечка, которая «прожила в доме неделю», говорили только на «звонком и ясном» литовском или польском?

(г) А с «бородатыми длиннополыми талмудическими философами» в доме разговаривали на «звонком и ясном» вавилонском арамейском или же на косноязычном русском?

(д) А как общались в присутствии маленького М его родители с рижской бабушкой, которая знала по-русски только одно слово?

* * *

Чтобы получить сколько-нибудь адекватную реконструкцию ситуации, сформулируем «правдоподобную гипотезу»: М в детстве был вполне (хотя бы пассивно) знаком с Y, и именно это обстоятельство породило резервуар Y-суггестий в его дискурсе, актуализированных, начиная с дебютных «аполлоновских» текстов 1910 г.

Но при этом сам М в 20-е годы создал миф о своем незнании с Y, поддержанный впоследствии Надеждой Мандельштам, см. о «незнакомом М языке [Михоэлса]» [7, с. 327].

Мощным мотивом к созданию этого мифа послужило стремление М защитить (в частности, перед самим собой) свою «укорененность» в русском языке и русской культуре от насмешек, хорошо отразившихся в статье¹⁴ 1923 г. того же Горнфельда, где

¹³ По-видимому, с еврейскими партнерами по бизнесу: «Весь этот ворох военщины <...> плохо вязался <...> с отцовским кабинетом, пропахшим кожами, лайками и опойками, с еврейскими деловыми разговорами» [II, с. 11].

¹⁴ Уже упоминавшейся в 3.2.1.4.

критик снисходительно-доброжелательно называет М в числе «очень не значительных русско-еврейских писателей», которые «пришли с русских (больше с полу-русских) окраин, из чужого культурного мира, **в их семьях говорили на жаргоне** <...>. На чужом языке, который <...> стал для них родным языком, они, конечно, не могли быть самостоятельными...»¹⁵ [4, с. 192], подробнее см. в [3].

Однако, «идишизмы» в этот период вполне имеют место в текстах М.

4.2.2. Период «поэтической немоты» (1925–1930 гг.). «Анти-тезис» М в это время: я еврей, и ничто еврейское (включая Y) мне не чуждо. Теперь он уже не замалчивает свою культурную связь с «еврейским миром», (как до ШВ) и не отрицает ее (как в ШВ), но, наоборот, выпячивает, «предъявляет» ее вполне вызывающее, иногда даже истерически. Истерику способствует, начиная с 1928 (а может быть, и с более раннего момента) атмосфера скандала, вызывающая у М неадекватные реакции на фоне развивающейся у него психопатии.

Для наших рассуждений существенна одна из этих реакций – стремление продемонстрировать преследующей его «рогатой нечисти»¹⁶, что он – еврей не меньше, а даже больше (и более «настоящий»), чем они¹⁷.

Для текстов М этого периода («Египетская марка», «Четвертая проза», шуточные стихи) характерны юродство¹⁸, стебное введение в текст «повторяющихся уничижительных вульгаризмов»¹⁹.

¹⁵ А. Горнфельд был, допустим, для М потенциальный «враг», скандал с которым зрел уже с начала 20-х. Но не меньше раздражали М снисходительные замечания «симпатизантов» и даже друзей о его «неполном» владении русским языком, «ненаследственности» для него русского языка и т.п. См. в начале пункта 6.2 высказывания, например, Н. Гумилева, С. Городецкого, С. Маковского.

¹⁶ В большинстве своем, советским литераторам (и, вообще, прикормленным властью интеллигентам) еврейского происхождения, которых М ненавидел больше, чем тогдашние антисемиты.

¹⁷ Идеологически этот феномен связан с **тешуевой** М, см. 2.6.

¹⁸ «На тебя надевали тиару – юрода колпак» – скажет М в 1934 г. про Белого и, одновременно, про себя.

¹⁹ В кавычках – выражение М. Гаспарова [26, с. 290].

Маркеры еврейства (включая учащающиеся в этот период явные идишизмы и Y-суггестии), по-видимому, являются в тот период для М такими сознательно и ернически вызывающе вводимыми в текст «вульгаризмами», основная функция которых – маркирование «карнавальности», «пародийности» ситуации, введения масок, смеха, «оксюморонности», архетипично присутствующих в еврейско-ашкеназской цивилизационной парадигме и в экзистенции самого М²⁰.

4.2.3. Период «синтеза». Начиная с 1930 г., когда «снова пошли стихи», М продолжает сознательно вводить в свой текст идишизмы.

Но, кроме функций маркирования «еврейства» и «генератора вульгаризмов», как в прозе «немного периода», идишизмы начинают выполнять функцию маркеров живой речи, являются инструментом для «прозаизации» стиха. Дело здесь в том, что «прозаизация» (как и «обмирщение») поэтической речи является с двадцатых годов одним из стратегических ориентиров М, ср. его высказывание в статье «Андрей Белый. Записки чудака» (1923): «Проза асимметрична: <...> настоящая проза – разнобой, разлад, многоголосие, контрапункт...» [II, с. 293].

Пример 1. В стих. «Еще далеко мне до патриарха...»:

«Еще меня ругают за глаза /
На языке трамвайных перебранок, /
В котором нет ни смысла, ни аза: /
Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь...»

Здесь идишизм АЗА = ‘такой’ – является маркером блока живой речи в тексте, где намеренно генерируется «вульгаризованная» лингвистическая среда.

Пример 2. В «Посохе» 1914 г. М, использует немецкие основы компонентов своей фамилии для получения ее интерпретации в высоком штиле – «посох мой (Mandel → миндальный посох пророка в Иер. 11, 1) – моя свобода, сердцевина (Stamm)

²⁰ См. об этом подробно в 1.2 и 2.2.

бытия»²¹. Но в 1933 г. в «Холодной весне» он использует уже Y-основы для получения из своей фамилии живого смысла в стиле вполне традиционной «еврейской» само-насмешки: «пасхальной глупостью украшенный миндаль», см. Приложение 2.

4.3. Характеристики идиша М. Статистика, диалектная классификация.

4.3.1. Общая статистика. Всего нами выявлены (и приводятся в Приложении 2) порядка 150 явных и суггестируемых «идишизов» в текстах М. Здесь учитываются ВСЕ манифестации идиша в текстах, т.е. одна лексема (например, «ласка», которая, к тому же, у М восходит к двум омонимам совершенно различного происхождения!) могла быть учтена несколько раз.

Для полноты обзора следует также знать и статистику «равновероятных» германизмов/идишизов, которые не учитывались здесь.

В Приложении 1 приводятся около 450 «германизмов», выявленных нами в текстах М. Из них около 2/3 являются с вероятностью 50% идишизмами, т.е. являются когнатами соответствующих Y-слов и конструкций, с неуловимыми (по тексту) фонетическими отклонениями. В особенности высока плотность этих «пересечений» с Y в дебютные годы М, т.е. с 1909 по 1916 включительно.

4.3.2. Явные и «просвечивающие» Y-слова, приведенные в Приложении 2, показывают, что «своим» идишем для М являлась смесь диалектов: «польского» (YP), «литовско-белорусского» (YL), и, по-видимому, «курляндского».

Этот компонентный «состав», конечно, соответствует происхождению родителей М: отец родился в местечке Жагоры на самой границе Литвы и Курляндии, а в молодости много жил в Польше, мать родилась и до замужества жила в Вильне. М в ШВ называет своего отца «польским евреем» и отрицает (тем самым, допуская ее возможность!) «курляндскую» специфику в его речи.

²¹ См. о других «еврейских» коннотациях этого стихотворения в [3].

В свою очередь, Э. Герштейн пишет²² об акценте Э. Мандельштама конца 1933 г.: «Отец Мандельштама <...> тайно жаловался мне со своим СТРАННЫМ НЕМЕЦКО-ЕВРЕЙСКИМ выговором: “Мне плёхо...”» [8, с. 47].

На присутствие YP в текстах М указывает, прежде всего YP-фонетика ряда суггестируемых Y-слов, например, [mure] в «Нет, не спрятаться мне от великой муры...», [maɣuxa] в «Дикая кошка – армянская речь...», [ruʒenke] («лодочка, ГРУЖЕНАЯ изюмом» в ЕМ), словоформы [kan], [kraɣs/kras].

На присутствие YP также косвенным образом указывает тот факт, что 80% «полонизмов» в текстах М являются одновременно идишизмами, зафиксированными в Y-словарях²³.

На присутствие YL в текстах М указывает YL-фонетика ряда Y-слов, например, [meɣe] ‘страх’²⁴. К тому же, ранние детские реминисценции в строке «Жизнь начиналась в корыте КАРТАВОЮ мокрою шопотью», по-видимому, фиксируют тот факт, что в раннем детстве М слышал от матери ЛИТОВСКИЙ идиш, для которого характерно грассирование («картавость»). Именно идиш, а не «картавый» русский, потому что, как уже указывалось, «чистоту» русского произношения матери М подчеркивает в ШВ: «Речь матери, ясная и звонкая, **без малейшей чужестранной примеси**, <...> литературная великорусская речь...».

Курляндский диалект фонетически в значительной степени совпадает с YL. Например, в курляндском идише дифтонг [oɥ] «переходит» в [eɥ], в точности как в YL, ср. идишизмы [meɣe] ‘страх’ и [reɥʒn] ‘розы’, суггестируемые в ЕМ. Max Weinreich [78, с. 580] и S. Birnbaum [128, с. 95] относят YL, курляндский Y и белорусский Y к одному «СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМУ» диалекту восточного Y. Поэтому можно утверждать, что родители М владели (в разной степени) одним и тем же Y.

В этом «северо-восточном» литовско-белорусско-курляндском диалекте идиша отмечается произношение «исконного немецкого» [s] после гласного как [ʒ] = [ж]²⁵. Проявления этого

²² В мемуарах 90-х годов.

²³ Напр. ВАРЬЯТКА = Y[varyatke] ‘сумасшедшая’ (ЕМ).

²⁴ См. в Приложении 2 идишизмы в «Египетской марке».

²⁵ См. об этом фонетическом переходе в литовско-белорусском Y у Жирмунского [96, с. 106].

перехода в суггестируемых Y-словоформах у М²⁶ – дополнительное свидетельство того, что «родительский диалект Y» был в раннем детстве у М «на слуху».

Наконец, следует отметить, что примеры типа [tam] ‘наивный (глупый) сын из семейного пасхального ритуала’²⁷ также подтверждают присутствие Y вообще (и YP в частности) с детства М.

4.3.3. Отношения «идишизмов» и «германизмов» в текстах М, классификация отличий.

4.3.3.1. Пересечения. Из данных п. 4.3.1 следует, что большинство G-суггестий конкурируют с Y-суггестиями, причем плотность конкуренции выше в первые годы творчества М. Это – аргумент в пользу того, что «коренной, внутренний» идиш М был языком его отца, а именно, «G/Y-суржиком»²⁸, т.е. то ли «германизированным» (с повышенной плотностью немецкой лексики) идишем, то ли «идишизированным» немецким.

Один из компонентов «суржика», «польский» идиш (YP), к тому же, фонетически ближе к немецкому, чем другие «восточные» диалекты Y, см., например, [128, с. 101-105].

В пассаже об отце в ШВ М презрительно характеризует его дискурс как некий странный и неполноценный суржик, и, в результате, вообще отрицает наличие у отца «нормального» языка:

«У отца совсем не было языка, это было косноязычие и безъязычие. Русская речь ПОЛЬСКОГО еврея? – Нет. Речь НЕМЕЦКОГО еврея? – Тоже нет. Может быть, особый КУРЛЯНДСКИЙ АКЦЕНТ? – Я таких не слышал. Совершенно отвлеченный, придуманный язык, витиеватая и закрученная речь самоучки, где обычные слова переплетаются со старинными философскими терминами Гердера, Лейбница и Спинозы, причудливый синтаксис талмудиста, искусственная, не всегда договоренная фраза – это было все что угодно, но не язык, все равно – по-русски или по-немецки» [II, с. 20].

²⁶ Например, Y[reyʒn] ‘розы’ («к ЖИРНЫМ РОЗАМ» в ЕМ).

²⁷ См. идишизмы в стих. «Крым» в Прил. 2.

²⁸ Где Y, в свою очередь, являлся смесью диалектов, см. 4.3.2.

В результате воздействия «языка отца» в сознании М, видимому, многие Y-слова контаминировались с соответствующими немецкими, и для отделения идишизмов от «германизмов» в текстах М часто просто не хватает информации (см. 3.2.2.3).

Пример равновероятной Y/G суггестии, не включенной²⁹ в Приложение 2:

В стих. 1937 г. <Ода> [I, с. 311].

В стр. «Художник, береги и охраняй бойца : /
Лес человечества за ним поет, густея»

ХУДОЖНИК («поэт») = Y[dixter], нем. Dichter → (ом.) → Y[gedixter], нем. dichter ‘густой’ → (acc.) Y[gedixter-vald], нем. dichter Wald = ‘густой лес’ → ЛЕС...ГУСТЕЯ

4.3.3.2. Классификация не пересекающихся с «германизмами» «идишизмов» в текстах М.

«Равновероятные» случаи опускались, и Y-слово включалось в «словарь» в Приложении 2, только если его «вероятность» была по какой-то причине значительно больше, чем у немецкого конкурента или же немецкий конкурент отсутствовал.

Обычно при этом возникает один из 5 случаев:

- а) гебраизмы не входящие в G, напр. Y[meure] ‘страх’ в ЕМ и других текстах.
- б) гебраизмы, входящие в G, но с измененным значением, напр. Y[karoge] ‘ни на что не годный’ в «Я буду метаться по табору...».
- в) «германские» слова с «измененным (идишизированным) произношением», герм. слова, отсутствующие в стандартном немецком, напр. Y [otemen] ←→ Atmen ‘дыхание, дышать’ в «Из омота злого и вязкого...».
- г) полонизмы/украинизмы в Y, напр. Y=польск.[veverke] ‘белка’ в «Полюбил я лес прекрасный...», или Y= укр.[вечере] ‘ужин’ в очерке «Киев».

²⁹ По причине «равновероятности».

Существенно, что почти все (80%) «полонизмы» и «украинизмы» у М являются одновременно идишизмами, т.е. заимствованиями из этих языков в Y.

д) Y-форманты, напр. Y[-el] = диминутивный суффикс в слове «грифель» = 'грифеныш' в «Грифельной Оде».

Глава V

Неприятие Мандельштамом «русской цивилизации». «Оппозиция Шпенглера» (культура vs. цивилизация) в этом контексте. Мандельштам – «межцивилизационный колобок»

*Но нас учил иному Мандельштам./
Он говорил: “Отделимся, и – крышка!”*

Б. Горнунг, стих. 1927 г.

*Подобные неосторожные игры
с понятием «цивилизация» могут
привести к усилению антисемитизма.*

С. Аржанский,
культуролог-мандельштамовед.

5.0. Основной тезис (к Главам 5 и 6).

Экзистенция М, являясь фокусом архетипов ЕЦ, несовместима с русской¹ цивилизацией (РЦ), примерно так же, как ЕЦ плохо совместима с РЦ. М отталкивается от РЦ, и она, в свою очередь, отторгает М, манифестируя это, прежде всего, в КРИТИКЕ и, вообще, в «печатном слове»².

5.1. Отношение М к русской цивилизации/культуре.

М, по-видимому, считал себя (свое творчество) частью русской культуры, но не русской цивилизации à la Spengler.

В этом контексте не является случайным отмеченное современниками повышенное внимание М к известной работе О. Шпенглера “Der Untergang des Abendlandes”³, в которой развивается идея оппозиции «культуры» и «цивилизации»⁴.

¹ Точнее, российской = Slavic-Orthodox.

² В этом тезисе есть, конечно, определенная (полемиическая?) заостренность. Но...

³ «Закат Европы» в русском переводе 1923 г.

⁴ Например, ряд мест в РД свидетельствует о внимательном прочтении Мандельштамом «Заката Европы»: «Шпенглер, посвятивший Данту превосходные страницы...», «...пресловутой шпенглеровской коричневости Данта», «Этим сопоставлением я обязан Шпенглеру» и т.п. Э.Герштейн в интервью 1999 г. рас-

В «шпенглеровской» понятийной системе «литература» для М есть часть (для него очень существенная, может быть, центральная часть) «цивилизации»⁵. «Литература» противопоставляется «поэзии», которая принадлежит «культуре»⁶. М. Гаспаров пишет в комментариях к 12-13 гл. ЧП: «Слово *литература* здесь – в унижающем, верленовском смысле. Ей противопоставляется “поэзия”, произведения “без разрешения...” [34, с. 830].

Ср. в ШВ про В. Гиппиуса, но, как обычно у М, не в меньшей степени и про него самого: «У него было звериное отношение к литературе как к единственному источнику животного тепла. Он грелся о литературу, терся о нее шерстью, рыжей щетиной волос и небритых щек. Он был Ромулом, НЕНАВИДЯЩИМ свою волчицу...» [II, с. 45].

Поэтому разрыв с РЦ влечет окончательный разрыв с «литературой», и наоборот, что и фиксируется в соответствующем пассаже в ЧП, где вместо РЦ подставляется образ «шубы»⁷: «Я срываю с себя ЛИТЕРАТУРНУЮ ШУБУ и топчу ее ногами» [II, с. 97].

Отношение же М к русской КУЛЬТУРЕ (фокусом которой для него является Пушкин) похоже на незаконную в каком-то «общественном» смысле (и поэтому трагическую) любовь. Ахматова в «Листках из дневника» говорит об этом: «К Пушкину у Мандельштама было небывалое, какое-то ГРОЗНОЕ отношение <...>. Всякий пушкинизм⁸ ему был противен».

сказывает, как Мандельштамы заиграли (в начале 30-х?) ее экземпляр «Закат Европы», который в результате доехал с Н. Мандельштам до Твери [68, с. 711]. Она же вспоминает о разговоре с М в 1933 г.: «...мне послышался тогда в его словах отзвук философии Шпенглера, но я хорошо помню, как, читая “Закат Европы”, Осип Эмильевич раздраженно бормотал: “Немецкий профессор!”» [8, с. 46].

⁵ Тем более, «литературо-центричной» РЦ.

⁶ Ср. воспоминания О. Гильдебрандт-Арбениной (в записи Р. Тименчика 1972 г.): «У Лившица сказала О. М. фразу критика: “Все *поэты* жмутся к Пастернаку”, а тот сказал [в другом месте мемуаров: «со своим обычным взывом вскричал» – Л. Г.]: “Вся *литература* теперь жмется к Пастернаку”», цит. по [171, сс. 163, 285].

⁷ Цивилизационного (греющего!) символа РЦ, см. ниже.

⁸ Одна из функций современной РЦ!

Ахматова там же описывает полупрезрительную реакцию М на ее собственную пушкиноведческую статью о «Золотом петушке»: «Прямо – шахматная партия». Там же Ахматова с некоторым удивлением фиксирует подчеркнутое недоброжелательное равнодушие М к пушкинским царскосельским местам, к лицу, где сам М с женой жил осенью 1926 г.: «Для О.Э. несколько не было интересно, что там когда-то жили и Жуковский и Карамзин. Уверена, что он нарочно, приглашая меня вместе с ними идти покупать папиросы или сахар, говорил: “Пойдем в европейскую часть города”, будто это Бахчисарай или что-то столь же экзотическое. То же подчеркнутое невнимание в строке – “Там улыбаются уланы”. В Царском сроду уланов не было...» [72, с. 17-18].

Но ведь это – «подчеркнутое невнимание» не к самому Пушкину, а к комплексу сакральных для РЦ топосов и концептов, от которых М вполне сознательно отталкивается, как «Ромул, ненавидящий свою волчицу».

Может быть, осознание некоей «трагической незаконности» и продуцировало странности в отношении М к Пушкину (как к архетипу русской культуры), например, отмечаемую мемуаристами явную «табуированность» упоминания Пушкина в дискурсе М. Удивительно точно передают подобный комплекс чувств слова другого русско-еврейского поэта, Александра Галича. Одна из баллад Галича (конец 60-х ?), с явным омерзением описывающая различные явления русско-советской цивилизации, заканчивается так: «Но есть еще Черная Речка, но есть еще Черная Речка!.. – Об этом не надо, молчи...».

В культурно-цивилизационном аспекте М – это Чаадаев в поэзии, не случайно он одно время увлекался Чаадаевым, которого так же отвергала русская цивилизация, так же считала чужим, высокомерным, неприятным, «нерусским»⁹, так же считала сумасшедшим¹⁰, и так же не публиковала.

Но М отталкивается от русской цивилизации резче, чем Чаадаев, и это эксплицируется в его поведении, дискурсе, в ряде

⁹ Ср. В. Розанов в письме: «...какой отвратительный рот у Чаадаева. Какое высокомерие, несносное для русского» [50, с. 215].

¹⁰ Ср., напр., в 6.3.3 высказывание В. Катаева о М.

текстов, прежде всего в прозе, где некоторые пассажи И. Шафаревич¹¹ не преминул бы отнести к «русофобским».

Примеры многочисленны:

- (1908) Письмо матери от 20 апреля: «Маленькая аномалия: “Тоску по родине” испытываю не о России, а о Финляндии» [II, с. 391].
- (1914) Программный «цивилизационный дискурс» в статье «Петр Чаадаев»: «Есть великая славянская мечта о прекращении истории <...> во всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое “миром”. <...> Мысль Чаадаева¹² – строгий перпендикуляр, восставленный к традиционному русскому мышлению. Он БЕЖАЛ, как чумы, этого БЕСФОРМЕННОГО РАЯ» [II, с. 154-155].
- (1916) Неприятие Мандельштамом РЦ, даже страх перед РЦ, очень четко проявились во время его летнего пребывания в Александровской Слободе у Цветаевой. Владимирщина, Александров – архетипические РЦ-места: монашки, избы, кладбище и т.п. Для М все это странно, чуждо и даже грозит опасностью: «Но в этой темной, деревянной / И юридической слободе / С такой монашкой туманной / Остаться – значит, быть беде».

Цветаева, «дарившая Мандельштаму Москву», пытавшаяся его «приобщить» к РЦ¹³, сама являлась в значительной степени фокусом архетипов (в частности, эротических) РЦ. Поэтому бегство М из Слободы («я – здесь больше не могу») и от Цветаевой¹⁴ в этом контексте – это рутинно-библейская ситуация бегства «еврея» от «прекрасной мидианитянки/моавитянки/египтянки/россиянки», бегство Иосифа от соблазняющей его «жены Потифара».

Страхом перед окружающими его (и предлагаемыми ему) реалиями, маркерами и символами РЦ, неприятием/неприятностью к РЦ пронизано стихотворение 1916 г. «На развалинах, уложенных соломой...»: «Худые мужики и злые бабы /

¹¹ Исследователь феномена «русофобии».

¹² И, конечно, самого М!

¹³ «...я то же говорила Вашему любимому поэту Мандельштаму: – “Что Марина – когда Россия?!...”». – Из письма М. Цветаевой А. Бахраху от 25.07.23; цит. по [51, т. 1, с. 429].

¹⁴ Описанное М. Цветаевой в очерке «История одного посвящения».

Переминались у ворот», «Царевича везут, немеет страшно тело...».

«Оппозиция Шпенглера» (еще до прочтения «Der Untergang des Abendlandes») проявляется здесь у М в явном противостоянии двух текстов 1916 г.: «О, этот воздух...» (восхищение «иностранца» «вином русской культуры»¹⁵, попытка приобщиться) и «На развальнях...» (страх, стремление бежать, спастись от РЦ).

– (1918) Стих.: «Все ЧУЖДО нам в столице непотребной: / Её сухая черствая земля, / И буйный торг на Сухаревке хлебной, / И страшный вид разбойного Кремля. / Она, дремучая, всем миром правит, / Миллионами скрипучих арб она / Качнулась в путь – и полвселенной давит / Её базаров бабья ширина. / <...> Она в торговле ХИТРАЯ лисица, / А перед князем – жалкая РАБА» [I, с. 303]¹⁶.

– (1919) Негативное отношение М к образу «офицера», одному из ключевых «позитивных» символов и архетипов РЦ¹⁷, зафиксировала Н. Мандельштам. В мемуарах 60-х гг. она вспоминает презрительно-насмешливые высказывания М на эту тему: «...я спросила в дни нашего первого знакомства об этом¹⁸. Он [М] рассмеялся и ответил, что А.А. никогда не ошибается: только “офицерня”. Это слово означало у него особый физиологический тип¹⁹» [159, с. 135]. При этом образ **немецкого** офицера (в стих. 1932 г.) – абсолютно позитивен, и у него даже стоит поучиться (офицерской?) чести: «Я вспоминаю немца-офицера: И за эфес его цеплялись розы...», «Почувствуем ж серьезности и чести на Западе...» и т. д.

¹⁵ Интересно здесь, что содержательные символы русской культуры (но не цивилизации!) воспринимаются М как нечто «потаенное» и описываются соответствующим вокабуляром: «запечатанные соборы», «скрытое горенье», «спрятанный огонь», «вино в амфорах» и т.п. – это отмечено Л. Пановой в [142, с. 737]. Это явление следует, разумеется, сравнить с отношением М к Пушкину, о котором шла речь выше в этом параграфе.

¹⁶ См. ниже («Сухаревка», 1923) о «цивилизационной нагруженности» отношения М к торговле.

¹⁷ Включающему концепты «мужества», «чести», позитивную иконку и т.д.

¹⁸ О «легендарном» романе Ахматовой с Блоком.

¹⁹ Очевидно, «физиологически отталкивающий» тип. Дальше в машинописи мемуаров Н. Мандельштам следует зачеркнутый текст: «– рослые мужчины с подозрительно благородным видом и мускулами, которые потом оказываются “испуганным мясом”. И про меня тоже офицерня: “твоя офицерня”» [159, с. 218].

- (1922) «Письмо о русской поэзии». М пишет об Анненском, имея в виду, как обычно, также себя и свое отношение к РЦ: «Дух ОТКАЗА, проникающий поэзию Анненского, питается сознанием невозможности трагедии в современном русском искусстве благодаря ОТСУТСТВИЮ СИНТЕТИЧЕСКОГО НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ...» [II, с. 266].
- (1922) «Шуба». Шуба здесь, как и в ряде других текстов М – содержательный символ русской цивилизации²⁰, дисконформный для М. Соответственно, «запах ладана» – архетипически «позитивный» аромат для РЦ («Ваши пальцы пахнут ладаном...» и т.п.), есть «негативный» для М аромат: «...шуба чистая, просторная, и носить бы её, даром что с чужого плеча, не могу привыкнуть, ПАХНЕТ чем-то НЕХОРОШИМ, сундуком да ЛАДАНОМ, духовным завещанием»²¹ [II, с. 272]. Известно, что неприятный (не-приемлемый) запах «носителей» или материальных символов данной цивилизации является одним из самых ярких маркеров чуждости и «неприемлемости» этой цивилизации для «владельца носа»²².
- (1924) ШВ, гл. «В не по чину барственной шубе». Опять «шуба» как один из символов РЦ и снова слегка насмешливая и злобная чуждость Мандельштама РЦ, её архетипам и её философам (Леонтьев): «ЗЛИТСЯ литератор-разночинец в не по чину барственной шубе. Ба! <...> портрет: в меховой шапке-митре – колючий зверь, первосвященник мороза и государства. Холодно тебе, Византия? Зябнет

²⁰ Л. Видгоф пишет про образ «шубы» у М: «Шуба – символ комфорта на российском государственном морозе, знак встроенности в систему, указатель, что носитель шубы, так или иначе, “свой”» [143, с. 447].

²¹ Летом 1916 г. в Александрове М чувствует себя «неуютно» от запаха ладана, как какой-то смешной гоголевский черт. Вот его высказывание про монашку, с насмешкой цитируемое Цветаевой в ее очерке: «– А скоро она уйдет? Ведь это НЕУЮТНО, наконец. Я совершенно достоверно ощущаю запах ладана» [51, т. 3, с. 323].

²² Примеров много. Исследователи О. Белова и В. Петрухин пишут о запахе «чужого» как об одном «из самых устойчивых стереотипов народной культуры – это и известные со времен Средневековья общеевропейские представления о “foetor judaicus” – “еврейском зловонии” <...>, верования болгар о специфическом запахе, присущем туркам...» [166, с. 274]. В этом контексте писатель П. Павленко вполне точно охарактеризовал совершенно «цивилизационно чуждый» ему язык поэта О. Мандельштама: «...темен и пахнет Пастернаком» («внутренняя рецензия» для СП и НКВД, 1938, подробнее см. 6.2.).

и ЗЛИТСЯ писатель-разночинец в не по чину барственной шубе» [II, с. 44]. Ясно, что «по чину» такие шубы и такие шапки русским философам, РЦ-философам – как Константин Леонтьев с его «византизмом».

- (1923) «Сухаревка». Знаковый в «цивилизационном» аспекте текст. Дело в том, что система торговли («обмена»), ментальность торговца (и отношение к ним извне) есть один из наиболее ярких элементов, фокусирующих отличия данной цивилизации (и отношения к ней извне) от других цивилизаций. Поэтому высказывания М о «русской» торговле (в сравнении с его симпатией к «кавказской» торговле в этом тексте и с его восхищением системой торговли, формирующей британскую и западноевропейскую цивилизацию²³) вполне точно показывают его неприятие РЦ:

«Я видел тифлисский майдан и черные базары Баку, разгоряченные, лукавые, но в подвижной и страстной выразительности всегда ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ лица грузинских, армянских и тюркских купцов, – но нигде никогда не видел ничего похожего на НИЧТОЖЕСТВО и ОДНООБРАЗИЕ ЛИЦ сухаревских торгашей. Это какая-то ПОМЕСЬ ХОРЬКА И ЧЕЛОВЕКА, подлинно «УБОГАЯ» СЛАВЯНЩИНА²⁴. Слово эти ХИТРЫЕ ГЛАЗКИ, эти МАЛЕНЬКИЕ УШИ, эти ВОЛЧЬИ ЛБЫ, этот кустарный румянец на щеку ВЫДАВАЛИСЬ ИМ ВСЕМ ПОРОВНУ <...>, русские базары, как Сухаревка, особенно ЖЕСТОКИ и ПЕЧАЛЬНЫ...» [II, с. 297–298]²⁵.

- (1924) ШВ, гл. «Комиссаржевская». Может быть, не столь резко, но вполне показательно демонстративное неприятие и «непонимание» М русских «повестей о детстве», канонического жанра литературы РЦ, современной М²⁶: «Никогда я не мог понять Толстых и Аксако-

²³ В «Литературном стиле Дарвина»: «купеческое здравомыслие, чувство инициативы, солидарности, бесстрашие».

²⁴ Под «славянщиной» М (как явствует из дальнейшего текста) понимает именно «восточных славян», т.е. прежде всего, русских – главных носителей и субъектов отвергаемой им РЦ. См. еще ниже «варварскую славянщину» в черновиках к РД (1933).

²⁵ См. к этому выше стих. «Все чуждо нам в столице непотребной...» (1918)

²⁶ «Культурно-цивилизационная» маркированность этого жанра в рамках РЦ анализируется в работе «Образы детства» М. Эпштейна и Е. Юркиной. Ср.: «...ни в одной другой национальной литературе нет жанра “аксаковской повести о детстве”, нет такого ощущения родственности человека с вещами, обжи-

- вых, Багровых-внуков, влюбленных в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаниями. Повторяю – память моя не любовна, а враждебна, и работает она не над воспроизведением, а над отстранением прошлого» [II, с. 41].
- (ноябрь 1928) В мемуарах Э. Герштейн 90-х гг. фиксируется явное отталкивание М от реалий и стереотипов РЦ (как современной, так и дореволюционной): «Я остро воспринимала не только темные пруды и аллеи осеннего парка с таинственно светящимися окнами бывшего господского дома, но и беспорядочно растущие оголенные деревья, низкий серый горизонт, редкие домики по краям дороги. Мне хотелось, чтобы Осип Эмильевич разделял мое настроение. Но нет: слякоть, уныние, убогие здания, бесцветные физиономии встречаемых – ОН НЕНАВИДЕЛ ВСЕ ЭТО! «Я – горожанин», – заявил он» [8, с. 11].
 - (1929?) Э. Герштейн вспоминает о разговоре с М о дореволюционном времени: «Ничего, ничего я там не оставил», страстно восклицал он. Он признавал только настоящее. Прошлого дня для него не существовало. Возвращаться некуда. «Завели и бросили» – вот словное резюме его речи о нашей современности...» [8, с. 18].
 - (январь 1931) В стих. «С миром державным...» в числе прочих «чужих» для М атрибутов РЦ опять появляется «шуба», негативный для М символ/маркер РЦ, на этот раз в виде «бобровой митры»²⁷:

«С миром державным я был лишь ребячески связан, /
Устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья – /
И ни крупницей души я ему не обязан, /
Как я ни мучил себя по чужому подобию. /
С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой /
Я не стоял под языческим портиком банка, /
И над лимонной Невою под хруст сторублевый /
Мне никогда, никогда не плясала цыганка...» [I, с.168].
 - (март 1931) В стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...», среди прочих сжатых и крайне негативных характеристик современной РЦ, снова возникает «шуба», играющая, как и ранее, роль «пространственной метафоры» РЦ:

тими предками, с землей, сужденной навек – все это совершенно отсутствует в образе “буржуазного”, или “городского”, детства...» [130, с. 250].

²⁷ См. выше « меховую шапку-митру» Леонтьева в ШВ.

«...Запихай меня лучше, как шапку, в рукав, /
Жаркой шубы сибирских степей... /
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы, /
Ни кровавых костей в колесе...» [I, с. 172].

- (1931) «Путешествие в Армению», гл. «Севан». Здесь поражает контраст между симпатией к армянам, людям «совершенно иной расы, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой вчуже гордишься» [II, с. 104], и явной антипатией к цивилизации их русских соседей – даже ящур от них: «... к нам пожаловал ящур, занесенный в бидонах молока с дальнего берега Зайналу, где отмалчивались в УГРЮМЫХ РУССКИХ ИЗБАХ какие-то экс-хлысты, давно переставшие радеть» [II, с. 103].
- (1931) «Путешествие в Армению», гл. «Москва», о русских соседях М и их «замоскворецкой» (архетипически российской) городской цивилизации: «Рядом со мной проживали СУРОВЫЕ семьи трудящихся. Бог отказал этим людям в приветливости <...>. Они УГРЮМО сцепились в страстно-потребительскую ассоциацию <...> эти люди с СЛАВЯНСКИ ПРЕСНЫМИ И ЖЕСТОКИМИ ЛИЦАМИ <...>. И я благодарил свое рождение за то, что я лишь СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ Замоскворечья²⁸ и в нем не проведу лучших своих лет. Нигде и никогда я не чувствовал с такой силой АРБУЗНУЮ ПУСТОТУ РОССИИ; <...> Мне хотелось поскорее вернуться туда, где черепа людей одинаково прекрасны и в гробу, и в труде. Кругом были не дай бог какие веселенькие домики с НИЗКИМИ ДУШОНКАМИ и ТРУСЛИВО поставленными окнами. Всего лишь семьдесят лет тому назад здесь продавали крепостных девок ...» [II, с. 107-108].
- (1931) «Путешествие в Армению», гл. «Аштарак»: «Я испытал РАДОСТЬ произносить звуки, ЗАПРЕЩЕННЫЕ для РУССКИХ УСТ, тайные, отверженные и, может, даже -- на какой-то глубине постыдные»²⁹ [II, с. 127].
- (1932) «К немецкой речи». Программный текст.

²⁸ Почти по еврейской молитве: «благодарю Тебя, Господи, за то, что не создал меня...» русским!

²⁹ Ср.: «Мне хочется УЙТИ из нашей речи...» (1932) и «ДВУРУШНИК я, с двойной душой» (1923).

«Себя губя, себе противореча, /
 Как моль летит на огонек полночный /
 Мне хочется УЙТИ из нашей речи /
 За все, чем я обязан ей бессрочно...» [I, с. 192].

Н. Мандельштам в своих комментариях видит в этих стихах «...какое-то повышенное ощущение верности, преданности, когда любовь к чужой поэзии ощущается как нечто запретное»³⁰. Но кроме того (и скорее всего), здесь зафиксировано осознание того, что в парадигме РЦ уход к другой культуре – «постыдное предательство», ср. написанное М через год: «получишь укусную губку ты для изменнических губ»³¹.

– (1933) <Вокруг «Разговора о Данте»>.

«...песнь XXXII “Inferno” внезапно заболевает ВАРВАРСКОЙ СЛАВЯНЩИНОЙ³², совершенно НЕВЫНОСИМОЙ и НЕПОТРЕБНОЙ для итальянского слуха...» [72, с. 404].

– (1935) <О Чехове>³³.

«Какая невыразительная и тусклая головоломка. Почему они³⁴ все вместе? <...>. Никакого ДЕЙСТВИЯ в его³⁵ пьесах НЕТ, а есть только соседство с вытекающими из него неприятностями. <...>. Люди живут вместе и никак не могут разъехаться. Вот и все. Выдать им билеты – например, “трем сестрам”, – и пьеса кончится. Возьмите список действующих лиц хотя бы у Гольдони. Это виноградная гроздь с ягодами и листьями, это нечто ЖИВОЕ и ЦЕЛОЕ, что можно С УДОВОЛЬСТВИЕМ взять в руки <...>. [Тут ясно, что люди СОЕДИНИЛИСЬ для]... Тут мы имеем дело с цветущим соединением, с ГИБКИМ и СВОБОДНЫМ сочетанием действующих сил на

³⁰ Цит. по [I, с. 525].

³¹ «Не ищущай чужих наречий, но постарайся их забыть...» (1933).

³² Она же «убогая славянощина» в «Сухаревке» (1923): см. выше примечание к семантике «славянощины» в «Сухаревке».

³³ М явно считает, что текст Чехова отражает существенные черты современной РЦ и «вшифровывает» в негативный дискурс о пьесах Чехова свое негативное отношение и неприятие РЦ, с ее плоской, атомизированной и мертвой (в его восприятии) статикой – в проигрышном для РЦ сравнении с западно-европейской цивилизацией в ее (наиболее симпатичной для М в этот момент) живой, цельной и объемной итальянской ипостаси.

³⁴ Действующие лица чеховской пьесы.

³⁵ Чехова.

ОДНОЙ упругой ветке. Но Чехов и упругость – понятия несовместимые. [Чехов калечит людей] <...> А и хорошо же у нас Чехов: люди у него муравьями оборачиваются» [72, с. 414].

5.2. «Эффект колобка»: уход, бегство отовсюду – от ВСЕХ цивилизаций.

Примеры предыдущего пункта показывают, что для прозы М характерно демонстративное отчуждение, отталкивание от русского «мира», от русской цивилизации, как таковой.

Очень условно³⁶ можно сказать, что проза Мандельштама³⁷ – это его «цивилизационный» дискурс, манифестация его ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО «само-позиционирования», в то время как его поэзия есть его «культурный» дискурс и, несомненно, относится (прежде всего, им самим относится) к русской КУЛЬТУРЕ.

Эту бросающуюся в глаза текстуальную дихотомию у М отметил С. Аверинцев в своей критической статье [21]: «Но функциональное размежевание между стихами и прозой “Шума времени” и “Египетской марки”, какая-то мандельштамовская диглоссия, — это феномен, о котором пока еще недостаточно говорили».

Аверинцев, реакция которого на дискурс М очень существенна и даже «знакова» для наших рассуждений, не хочет видеть в этой прозе принципиальный «цивилизационный» дискурс. Его, выдающегося представителя русской цивилизации, раздражает «уход», «бегство» М от РЦ. Аверинцев скрывает внутреннее (и вполне российское!) неприятие подобного бегства за упреками М в тривиальном, «не нужном» для уровня М, возврате к этничности.

Аверинцев говорит в [21]: «Еврейская тема — это для Зеева Жаботинского, не для О. М. Я понимаю еврейского патриота и почитателя Зеева, который огорченно, даже оскорбленно, сказал мне о поэте: “Что там, он от нас сбежал”. С одной стороны, уж если кто “не мальчик, но муж”, так это Зеев, а Оська как

³⁶ В понятийной системе Шпенглера, что вполне оправданно в этом контексте.

³⁷ Прежде всего, ШВ, ЕМ и ЧП.

раз выходит вечный мальчишка; но ведь с другой стороны, на фоне внутреннего опыта поэзии О. М., Зеев со своим сионистским героизмом — наивное дитя. Если бы для О. М. все сводилось к тому, что нужно развеять псевдоморфозу ребяческой связи с миром державным, вспомнить о своей еврейской идентичности, высвободить еврейское ядро от гойской скорлупы... Всего-то».

Аверинцева³⁸ раздражает дискурс прозы М, который он представляет как попытку («наивную, ребяческую», конечно) «возврата к еврейской идентичности».

Но «шиш»³⁹, дело глубже: М в каком-то смысле убежал от ВСЕХ цивилизаций, как колобок⁴⁰ – и от еврейской (в этом «еврейский патриот» прав) и от русской, и от германской (западноевропейской), а «восточные» цивилизации (исламская, буддистская) были для М неприемлемы в принципе.

М сам выражает идеологию «ухода», ментальность «цивилизационного колобка» в ряде текстов:

(1914) В программном в этом смысле стихотворении «Посох» М эксплицирует «уход вообще» и уход (одновременно) от РЦ – «черные пашни», и от ЕЦ – «виноградники домашние», в частности:

«Посох мой – моя свобода, / Сердцевина бытия. /
 <...> Посох взял, возвеселился / И в далекий Рим пошел. /
 Знаю, снег на черных пашнях / Не растает никогда, /
 Виноградников домашних / Не пьянит меня вода. /
 Вариант: И печаль моих домашних / Мне по-прежнему чужда.»

(1933) «Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть...»:

«Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас, /
 Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?»

³⁸ Как и «еврейского патриота» – не случайно здесь «я понимаю...»: оба они, и Аверинцев, и «еврейский патриот», порождены одной – российской – цивилизацией.

³⁹ Выражение Аверинцева в [21].

⁴⁰ Или как *grenzgänger* Чарли Чаплина, или как такой же *grenzgänger* Пауль Целан?

Этот пример приведен М. Каганской в [36, с. 184]. В этой же статье Каганская говорит о манделштамовских «Агасферовых странствиях по культурным диаспорам»⁴¹.

В ряде текстов и мемуарных свидетельств мы видим, что М отталкивается и от современной западноевропейской цивилизации⁴² – но не от западноевропейской *культуры* (в смысле *дихотомии Шпенглера!), которая фокусируется для М в фигурах Данта и Гете.

Примеры:

- (1923) «Андрей Белый. Записки чудака»: «Книжка Белого – в полном соответствии с немецкими учебниками теософии, и бунтарство ее пахнет ячменным кофе и здоровым вегетарианством. Теософия – вязаная фуфайка вырождающейся религии. <...> Чистенький нейтральный кусочек земли и в то же время в сытом своем международном благополучии самый нечистый угол Европы. <...> “Записки чудака” свидетельствуют о культурной отсталости и запущенности берлинской провинции и художественном одичании даже лучших ее представителей» [II, с. 292-294].
- (1928) Э. Герштейн описывает⁴³ реакцию М на текст Пруста: «...наконец он [М] процитировал законченную фразу из Пруста и воскликнул с отвращением: “Только француз мог так сказать”» [8, с. 13].
- (1930) Э. Герштейн фиксирует в мемуарах впечатление М от встречи с Л. Каменевым: «Манделштам отозвался о Каменеве сдержанно: “Gelehrter” <...>, указывая на ОГРАНИЧЕННОСТЬ мышления Каменева и НЕМЕЦКУЮ АККУРАТНОСТЬ в его кабинете» [8, с. 396].
- (1933) Э. Герштейн пишет в мемуарах: «... я хорошо помню, как, читая “Закат Европы”, Осип Эмильевич раздраженно бормотал: “Немецкий профессор!”» [8, с. 46].

⁴¹ Но М явно сложнее, чем простак Агасфер. Хотя бы потому, что геометрическая метафора «пространства передвижений» у Агасфера – ориентируемая сфера (поверхность земного шара), в то время как для М соответствующая геометрическая метафора – неориентируемый лист Мёбиуса, см. Введение.

⁴² В ее немецкой и французской ипостасях, выраженных для М, прежде всего, разумеется, в тексте, в ЛИТЕРАТУРЕ.

⁴³ В мемуарах 90-х гг.

- (1935, апрель) С. Рудаков отмечает демонстративные негативные высказывания М о французской литературе («литературе!»)⁴⁴: «...О.Э. переводит “Иветту”⁴⁵ и ЗЛОБСТВУЕТ ОТ НЕЛЮБВИ <...>. Переводя Иветту, он РАЗЪЯРИЛСЯ окончательно и сказал бессмертную фразу: “Что французы? о чем можно говорить с французом? Это кошка, опоившаяся валерьянкой. У них один Мериме чего-нибудь стоит”»⁴⁶.
- (1935, ноябрь) С. Рудаков записывает реакцию М на культурологическую немецкую книгу: «Об этой книге⁴⁷ с О. разговоры, сводящиеся к ПРОКЛЯТИЯМ Запада как СИСТЕМЫ НАЦИЙ»⁴⁸.

* * *

Итак, «уход» отовсюду. Но дело в том, что, «убегая», М-«колобок» использовал еврейскую «пограничную метацивилизацию», точнее, ее «механизм» (см. Главу 1), как **канал** (способ) для осуществления этого «бегства», для того, что П. Целан, который в значительной степени являлся «реинкарнацией» М, назовет позже *Grenzgängerei*⁴⁹ [6, с. 66].

Здесь неизбежно напрашивается точное сравнение с «буквальным» образом *Grenzgängerei* в одном из фильмов Чаплина⁵⁰: герой пытается уйти от преследования, убегая вдоль государственной границы, так что ноги находятся в разных государствах.

⁴⁴ Может быть, сознательно пародирующие известный пушкинский курс о «французской словесности».

⁴⁵ Мопассана.

⁴⁶ В записях С. Рудакова, цит. по [8, с. 136, 138].

⁴⁷ Г. Вельфлин. “Основные понятия истории искусства. Проблемы эволюции стиля в новом искусстве”, перевод с нем., Academia, 1930.

⁴⁸ Записи С. Рудакова, цит. по [8, с. 161].

⁴⁹ = ‘приграничные переходы, пересечения границ’.

⁵⁰ Которому М явно симпатизировал и с которым, судя по некоторым текстам, в значительной степени себя отождествлял в 30-х гг.

Глава VI

Отторжение Мандельштама «русской цивилизацией». Манифестация этого процесса в критике и мемуаристике. Факторы, способствующие реакции отторжения

*Мандельштама нужно отправить
обратно к дяде в Ригу*

В. Хлебников

*Сергей Есенин однажды даже пытался
бить Мандельштама. И было за что*

А. Коваленков,
критик-мемуарист.

6.1. Отношение русской цивилизации к М.

Русская цивилизация не остается в долгу – она активно отталкивает, отторгает М, манифестируя это, прежде всего, конечно, в быту, ср. насмешливое, но вполне характерное, свидетельство Г. Иванова в его мемуарах о 10-х годах: «Как ВСЕ горничные, родственники его друзей, швейцары и т.п. посторонние поэзии, но вынужденные иметь с Мандельштамом дело, она [горничная] его НЕНАВИДЕЛА» [30, с. 201].

Ср. в ЕМ о Парноке (alter ego М): «ПРЕЗИРАЕМЫЙ швейцарами и женщинами» [II, с. 64]. Можно было бы добавить в список «выразителей общественного презрения» еще один, вполне показательный элемент: мальчишек на улице. Е. Пастернак вспоминает М зимой 1933/34 г. в Доме Герцена: «Помню, как смеялись над ним наши дворовые мальчишки»¹.

Ср. также замечание М в набросках к очерку «Москва»: «Им² не был чужд и культ умерших, и даже некоторое уважение к отсутствующим. [Мы напоминаем и тех и других]» [II, с. 357].

6.2. Манифестация в критике отношения РЦ к М.

Но РЕГУЛЯРНЫМ образом это отторжение (6.1) проявляется в критике. «Унылых комментариев» было мало, а «свежего

¹ Цит. по [94, с. 156].

² Соседям по квартире.

ветра вражды» сверхдостаточно. К отношениям М с критикой применимы слова Блока про художников 19 века: «Европейское общественное мнение и критика жестоко мстили художникам за измену началам гуманной цивилизации»; только слово «гуманной» надо в случае М заменить на «русской»³.

Критики не всегда могли осознать, почему М чужд и неприемлем для них – часто это подсознательная реакция на его тексты. Вполне показательны, что это отторжение проявляется даже в «критическом дискурсе» друзей, поклонников и единомышленников, см. например, *Гумилев в 1914, *Эйхенбаум в 1933, *Пастернак в 1934, *Маковский в 1955, *Аверинцев в 1998.

* * *

Приводимая ниже выборка включает не только критические и мемуарные пассажи, но и, например, ряд стихотворных отрывков, в которых проявляется восприятие личности и творчества М автором текста.

* 1909 г. А. Белый (Б. Бугаев) публикует в «Весах» взволнованную «антиеврейскую»⁴ статью «Штемпелеванная культура». До литературного дебюта М еще год, но ряд формулировок в статье Белого «предваряет» последующий критический дискурс о М, задает темы и паттерны для этого дискурса. Белый пишет: «Нам грозит опасность “штемпелеванной”⁵ культуры, т.е. интернациональной фабрики по поставке гениев, нам грозит фабричное производство мыслей <...>. Кто же эти ПО-

³ В статье «Крушение гуманизма», 1919 г.

⁴ Белый, разумеется, не является рутинным антисемитом. В этой статье он (в обстановке обостряющегося конфликта РЦ и ЕЦ), фактически, заявляет о своем неприятии ЕЦ. Принадлежа к элите РЦ, Белый ощущает (в обычном для себя гипертрофированном формате) опасность, исходящую от ЕЦ, и пытается ее, эту опасность, вербализовать. *Saveant consules!* («Пусть консулы будут бдительны!») призывает он, правда, не ясно, кого.

⁵ Ср. распространенный впоследствии термин «мандельштамп». Станным и макабрическим совпадением выглядит то, что в одном из последних «мест свидания» М и РЦ – на допросе в Бутырке 17.05.38 – следователь Шилкин по ошибке вписал в протокол фамилию «Мандельштамп!» [146, с. 131].

СРЕДНИКИ между народом и его культурой в мире гениев? Кто стремится “интернациональной культурой” и “модерн-искусством” разделить плоть нации от ее духа <...>. Странно и страшно сказать, но приходится. Это – пришлые люди: обыкновенно оторванные от той нации, в недрах которой они живут <...>; конечно, не понимают они глубин народного духа в его звуковом, красочном и словесном выражении. И чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек, и далее: всему оригинальному, идущему вне русла эсперанто и бессознательно (а иногда и сознательно), объявляется бойкот. Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон <...>, в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого национализма: юдаизма <...>, бесспорно, что упорство воли и страстность, свойственная семитской расе, проявляется у евреев в форсированном интересе одновременно к искусству ВСЕХ культур. Но, но и но... Интерес ко “всему культурному” порождает эклектизм; вместо глубокого проникновения в одну нацию (нация эта не родная) рождается поверхностный интерес ко всем нациям; так возникает международный базар искусства (нечто среднее из искусств всех наций) <...>, и – пошла писать “штемпелеванная культура” <...>; и вот процесс этого инстинктивного и вполне законного поглощения евреями чуждых культур (приложением своего штемпеля) преподносится нам как некоторое стремление к интернациональному искусству; вы посмотрите списки сотрудников газет и журналов России: кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев <...>. Общая масса еврейских критиков совершенно чужда русскому искусству, пишет на жаргоне “эсперанто” и терроризирует всякую попытку углубить и обогатить русский язык. <...> становится страшно за судьбы родного искусства» [145, с. 72–80].

* 1913 г. В. Хлебников выступил по отношению к М как критик очень коротко, но емко, в момент вполне знаковой «полемической дуэли» с М в ноябре в «Бродячей собаке», описанной

Н. Харджиевым⁶ (со слов М): «Одно неправильно понятое суждение Хлебникова⁷ вызвало возражения Филонова, Ахматовой и других посетителей подвала. С наибольшей резкостью выступил против Хлебникова Мандельштам. Отвечая ему, Хлебников ДАЛ ОТРИЦАТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ ЕГО СТИХАМ. Заключительная часть выступления Хлебникова озадачила всех присутствующих» своей неожиданностью:

“А теперь Мандельштама нужно ОТПРАВИТЬ ОБРАТНО к дяде в Ригу”. Привожу устный комментарий Мандельштама:

“Это было поразительно, потому что в Риге действительно жили два моих дяди. Об этом ни Хлебников, ни кто-нибудь другой знать не могли. С дядями я тогда даже не переписывался. Хлебников угадал это только силою ненависти”⁸.

* 1914 г. Н. Гумилев написал в двух (1914 и 1916 гг.) вполне положительных рецензиях на издания «Камня»: «Его [Мандельштама] вдохновителями были только русский язык, сложнейшим оборотам которого ему приходилось учиться, и не всегда успешно, да его <...> мысль» [2, с. 388]; «В “Камне” есть режущие ухо ОШИБКИ против языка...» [2, с. 390].

* 1910-е гг. С. Маковский пишет в поздних (50-е гг.) мемуарах о Мандельштаме 10-х гг.: «...магическая музыка сплошь да рядом так оригинально складывалась у него [у М], что самый русский язык начинал звучать как-то по-новому. Объясняется это, вероятно, и тем отчасти, что он не ощущал русского языка на-

⁶ Харджиев Н. В Хлебникове есть все! // Литературная газета, 1992, 3 июля, цит. по [66, с. 44].

⁷ По свидетельству В. Шкловского [66, с. 43]: «Хлебников в “Бродячей собаке” прочел антисемитские стихи с обвинением евреев в употреблении христианской крови, там были Ющинский и “13”».

⁸ Вряд ли Хлебников знал что-либо о рижских родственниках М. Здесь имеет место, по-видимому, «цивилизационный дискурс»: «Рига» для Хлебникова – символ, архетип, ближайшая точка фокусировки чуждой (западноевропейской, германской, германско-еврейской и т.п.) цивилизации, из которой пришел (stammt) М, и в которую желательно отправить обратно НЕ-приятного, НЕ-приемлемого, ненавидимого и отторгаемого им в данный момент Мандельштама, со своими стихами, дядями, Бейлисами, ригуальными процессами и вообще со всем своим «Stamm-ом».

следственно своим, любовался им немного СО СТОРОНЫ, открывая его красоты так же почти, как красоты греческого или латыни, неумоимо вслушиваясь в него и загораясь от таинственных ПОБЕД над ним» [131, с. 402]. Дальше критик приводит примеры «нерусских» конструкций, которые М «как будто и убедительно» встраивает в свой русский текст. Например, про «арбу воловью» из стихотворения «О временах простых и грубых...» Маковский говорит: «...конечно – не совсем по-русски (мы не скажем “лошадиная карета” или “ослиная повозка”)». О языке стихотворения «На страшной высоте блуждающий огонь...» критик пишет: «Слова-символы НЕРАЗБОРЧИВЫ, СБИВЧИВЫ, ПОЛУЗАУМНЫ...» [131, с. 410]. О манере письма более поздних («после “Tristia”») стихов М критик говорит, что она «доведена до предельной “КРИПТОГРАММНОСТИ”»; для ее описания критик употребляет также характеристики: «ребусность», «словесная эквилибристика у “мрачной бездны на краю»» и т.п. [131, с. 413-414].

* 1915 г. Художник Лев Бруни писал в критической статье (о Н. Альтмане)⁹: «Как в поэзии Мандельштам СДЕЛАЛ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА ЛАТЫНЬ не потому, что язык нашел свои законченные формы и перестал развиваться, а потому, что еврейская кровь требует такой чеканки, что вялостью кажется еврею гибкость русского языка, – такое же желание вылить свое живописное чувство в абстрактные т.е. органические формы, есть и у Альтмана...»¹⁰.

* февраль 1916 г. В. Шершеневич (под псевдонимом В. Гальский) в рецензии на «Камень» говорит: «...из певучего, льющегося русского языка он сделал “медь торжественной ЛАТЫНИ”»¹¹.

* 1916 г. С. Городецкий в рецензии указывает на «ограниченность словаря, ломкость скрепляющих союзов» в языке «Кам-

⁹ «Новый журнал для всех», 1915, №4, с. 37.

¹⁰ Ср. Ю. Тынянов в 1929 г. о «чужеземных арфах» в языке «чужеземца» Мандельштама.

¹¹ Февральский номер журнала «Новая жизнь» за 1916, с. 219. Цит. по [144, с. 147].

ня» и снисходительно резюмирует: «Автор похож на человека, только что перешедшего через глубокий ручей по качающейся перекладине...»¹².

* 1916 г. И. Оксенов в критической статье¹³ утверждал, что: «красота [стихов М] не их собственная... ЧУЖАЯ, Мандельштама же, как поэта, нет»¹⁴.

* 1916 г. А. Серебров в критической статье назвал М «прекрасным ювелиром ЧУЖИХ драгоценностей»¹⁵.

* март 1916 г. М. Цветаева в «московских стихах» говорит о М так: «К Нечаянным Радости в саду / Я ГОСТЯ ЧУЖЕЗЕМНОГО веду».

* 1920 г. И. Одоевцева: «Он был не лучше и не хуже, а совсем ДРУГОЙ. Это чувствовали многие, даже, пожалуй, все. Человек из другого мира...» [19, с. 129].

* апрель 1921 г. А. Блок в своей критической «антиакмеистической» статье «Без божества, без вдохновенья» не упоминает М вообще. Само по себе это «зияние» – знаково, оно показывает, насколько чужд и не-приятен, не-приемлем был для Блока «жидочек». Но чуть ранее, в октябре 1920 г., Блок¹⁶ записал в своем дневнике¹⁷: «жидочек прячется – виден артист», присвоив этим М, очевидно, высшую категорию по своей классификации.

¹² Цит. по [I, с. 450].

¹³ Цит. по [I, с. 449].

¹⁴ Ср. аналогичный вердикт, вынесенный Мандельштаму поэтом Н. Глазковым уже в 1977 г.!

¹⁵ Цит. по [I, с. 449].

¹⁶ Перешедший к этому моменту (под влиянием Шпенглера?) на позиции неприятия любой цивилизации вообще и объявивший в своей статье «Крушение гуманизма»: «Формируется новый человек: человек – животное гуманное, животное общественное, животное нравственное перестраивается в артиста, говоря языком Вагнера».

¹⁷ После выступления М на вечере в Клубе поэтов 21.10.20.

* В статье 1923 г. А. Горнфельд (критик, переводчик с немецкого и будущий «враг» М по делу об Уленшпигеле) также снисходительно-доброжелательно называет М в числе «очень не значительных русско-еврейских писателей», которые «пришли с русских (больше с полу-русских) окраин, из ЧУЖОГО культурного мира, в их семьях говорили на жаргоне <...>. На чужом языке, который <...> стал для них родным языком, они, конечно, не могли быть самостоятельными;...» [4, с. 192].

* 1923 г. Критик С. Бобров пишет в рецензии на «Tristia» о всем предшествующем творчестве М: «Мандельштам <...> ухитрился писать СТИХИ НИ О ЧЕМ, просто подбирать слова в том порядке, который был приятен при символистах, совершенно не беспокоясь, чтобы этот склад захватанных выражений что-нибудь значил»¹⁸. Бобров далее говорит о «снобистской болтовне, ленивой и ЛИШЕННОЙ ВСЯКОГО СМЫСЛА» и о «роскошной БЕССМЫСЛИЦЕ» стихов М до книжки «Tristia», многие стихи которой критику нравятся.

* 1923 г. В. Брюсов: «Оторванная от общественной жизни, от интересов социальных и политических, оторванная от проблем современной науки, от поисков современного мирозерцания, поэзия Мандельштама...»¹⁹.

* 1923 г. М. Цветаева в письме: «Почему люблю Мандельштама, с его ПУТАННОЙ, СЛАБОЙ, хаотической мыслью, порой БЕССМЫСЛИЦЕЙ <...> и неизменной МАГИЕЙ каждой строчки. Дело не в «классицизме», – в ЧАРАХ...»²⁰.

* 1924 г. Критик и литературовед Ю. Тынянов в статье «Промежуток» пишет: «В видимой близости к Пастернаку²¹, а на самом деле ЧУЖОЙ ему, пришедший с ДРУГОЙ стороны – Мандельштам» [40, с. 190]. Далее Тынянов пишет о текстах М:

¹⁸ Печать и революция, №4, цит. по [51, т. 1, с. 389].

¹⁹ Печать и революция, №6, цит. по [1, с. 454].

²⁰ Цит. по [51, т. 1, с. 388].

²¹ Которого Тынянов здесь же называет «бродилком», «дрожжами» современной русской поэзии.

«СТРАННЫЙ порядок [слов] <...>, почти БЕЗУМНАЯ ассоциация, <...> СТРАННЫЕ смыслы <...> ЧУЖЕЗЕМНАЯ арфа, построенная почти без чужеземных слов». Говоря о стихах М «Я изучал науку расставанья...» и «Идем туда, где разные науки...», Тынянов замечает [40, с. 190]: «Достаточно маленькой ЧУЖЕЗЕМНОЙ прививки для этой восприимчивой стиховой культуры, чтобы “расставанье”, “простоволосых”, “ожиданье” стали ЛАТЫНЬЮ вроде “вигилий” <...>. Характерно признание Мандельштама о себе:

И с известью в крови для племени чужого
Ночные травы собирать.

Его работа – это работа почти ЧУЖЕЗЕМЦА над литературным языком»²².

* 1925 г. А. Лежнев в обзоре «Литературные заметки» о ШВ: «...совершенно неуместен тон высокомерного превосходства, явственно звучащий у автора»²³.

* 1925 г. А. Ахматова в «критическом дискурсе» об акмеизме в разговоре с П. Лукницким: «Мандельштам: его поэзия – ТЕМНАЯ, НЕПОНЯТНАЯ для публики, византийская...»²⁴.

* 1925 г. Ю. Айхенвальд в критической статье об ШВ: «...верно то, что, вопреки психологии, память Мандельштама не любовна, а ВРАЖДЕБНА, память у него злопамятна. Тон ВЫСОКОМЕРИЯ и НАСМЕШКИ проникает всю его книгу...»²⁵.

* 1925 г. Д. Святополк-Мирский в критической статье о ШВ: «Эти качества [острый ум, зоркая историческая интуиция] затемнены КОСНОЯЗЫЧИЕМ, и это косноязычие придает СТРАННУЮ ПУТАННОСТЬ его замечательной, очень мало известной прозе»²⁶.

²² Ср. Л. Бруни (1915): «Мандельштам сделал из русского языка латынь...».

²³ Печать и революция, №6, цит. по [II, с. 380].

²⁴ Дневник П. Лукницкого от 18.07, цит. по [57, с. 142].

²⁵ Газета «Руль», Берлин, 9 декабря, цит. по [II, с. 383].

²⁶ «Современные записки», XXV, Париж, цит. по [51, т. II, с. 620].

* середина 20-х (?) гг. В. Маяковский в разговоре с В. Шкловским после выступления В. Шкловского о М: «Не надо пропагандировать людей, которые нам ВРАЖДЕБНЫ»²⁷.

* 1926 г. (и позже). Г. Адамович в парижских критических статьях о языке «Шума времени»: «Цветисто и чопорно... В прозе своей Мандельштам как будто теряется <...> остается стремление к латыни» [II, с. 385].

* 1926 г. В. Парнах в критической статье о русской литературе²⁸ о М: «ОТОРВАННЫЙ совершенно от общественных движений своего времени, <...> он находил радость в сооружении самых СТРАННЫХ литературных построек, <...> он принадлежит девятнадцатому веку, а иногда даже Средним Векам. Несмотря на попытки усвоить манеру Пастернака, он всегда ОТСТАЕТ ОТ ВРЕМЕНИ»²⁹.

* ноябрь 1928 г. Э. Герштейн вспоминает в мемуарах 90-х годов: «Я почувствовала в нем что-то ЧУЖОЕ. Как будто он уводил на какие-то боковые тропинки, причудливые, изысканные...» [8, с. 12].

* 1929 г. О. Бескин пишет в критической статье о сборнике «О поэзии»: «Логика рассуждений Мандельштама должна, естественно, привести его к антиобщественной поэзии, поэзии экстерриториальной, подчиненной особым «консульским» законам своей же касты...»³⁰.

* 1929 г. Н. Берковский в критической работе «О прозе Мандельштама» пишет: «... Мандельштам с умыслом именуется вещи не впадет, берет их “не той рукою”, вместо “постижений” у Мандельштама остроумная словесная игра...<...> из “широкого” факта готовится АББРЕВИАТУРА, стиснутый в малом пространстве отвар специфического. <...>

²⁷ Цит. по [66, с. 49].

²⁸ В американском еврейском трехмесячнике “The Menorah Journal”.

²⁹ Цит. по [51, т. 3, с. 400], см. еще 6.5.5.

³⁰ Печать и революция, 1929, кн. 6, цит. по [II, с. 436].

Мандельштам работает в литературе, как на монетном дворе. Он подходит к грудам вещей и дает им в словах “денежный эквивалент”, приводит материальные ценности, громоздкие, занимающие площадь, к удобной монетной аббревиатуре»³¹. В этой же статье, перепечатанной (с небольшими изменениями) через год в сборнике критических работ автора, Н. Берковский пишет о М: «Эстетствующий разночинец, навьюченный филологическим богатством буржуазии. Точка. Да еще вдобавок норовящий указанные богатства сбывать на станциях СССР, на всех местах, где можно разгрузаться. Пожалуй, такая характеристика останется для Мандельштама правильной до конца, но дальнейший анализ покажет в этом разночинец <...> писателя **нужного** и во многом **“примерного”**³² для текущей советской литературы <...>. Мандельштам покамест только писатель о культурном эпизоде ПРОШЛОГО. Настоящего и будущего он не достигает» [167, с. 166].

* 1929 г. А. Тарасенков в критической статье о «Египетской марке» пишет: «...писатель бесконечно далек от нашей эпохи»³³. В статье 1930 г. А. Тарасенков писал: «...стиль Мандельштама – это стиль сумбурно смещенных плоскостей, стиль, порожденный распадающимся бытием буржуа, сознание которого видит во всем хаос, аномальность, бессмысленное соединение несоединимого»³⁴.

* 1929 г., осень. Поэт А. Сурков в разговоре в «доме Герцена» с начинающим литератором А. Глуховым-Шуриным: «Чего ради ты отираешься вокруг этих Городецкого и Мандельштама? Ведь они ЧУЖДЫЙ нам элемент» [71, с. 24].

* конец 1929 г. Б. Пастернак пишет Н. Тихонову в связи с «делом Уленшигеля»: «Мандельштам превратится для меня в совер-

³¹ Звезда, № 5, цит. по [51, т. 2, с. 554–556].

³² За подобное снисхождение к «чуждому» Мандельштаму Берковский подвергся нападкам коллеги-критика А. Тарасенкова, см. 6.5.11.

³³ На литературном посту, №3, цит. по [II, с. 406].

³⁴ Печать и революция, №1, цит. по [51, т. 2, с. 559].

шенную ЗАГАДКУ, если не почерпнет ничего высокого из того, что с ним стряслось в последнее время»³⁵.

* 1931 г. Искусствовед Л. Розенталь пишет в рукописной книге воспоминаний, датированной 1931 годом: «За годы скитаний поэзия Мандельштама не приобрела ни опыта, ни мудрости, а лишь утратила прежнюю образность. Стихи обращались в поток слов, в сплошной “улалюм”. В начале эпохи нэпа Мандельштам читал стихи в Доме Герцена. В Москве он был ЧУЖИМ» [89, с. 35].

* 1932 г. Б. Пастернак сказал о стихах М и о нем самом после вечера (чтения) в редакции «Литературной газеты»: «Я завидую вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников. И такой же ЧУЖОЙ. Мне нужна несвобода»³⁶.

* 1932 г. «Литературная энциклопедия» о М: «Для мирозерцания Мандельштама характерен крайний фатализм и ХОЛОД РАВНОДУШИЯ ко всему происходящему... Это лишь чрезвычайно “сублимированное” и ЗАШИФРОВАННОЕ идеологическое увековечение капитализма и его культуры...»³⁷.

* 1933 г. Очень характерны высказывания критика Н. Коварского о сборнике «О поэзии»: «неприемлемо то высокомерие, с которым относится Мандельштам...<...>, система странных ассоциаций и сопоставлений, в которой смешаны все исторические планы, <...> здесь есть только то ощущение, которое испытывает нумизмат, прикасаясь к металлической поверхности недавно приобретенной старинной монеты. Подлинно, для Мандельштама слово как монета для нумизмата». Вывод критика: «Здесь страшная опасность для современной поэзии, опасность срыва в систему Мандельштама»³⁸.

³⁵ Цит. по [94, с. 127].

³⁶ Письмо Н. Харджиева Б. Эйхенбауму, цит. по [13, с. 532].

³⁷ Цит. по [51, т. 1, с. 399].

³⁸ Лит. современник, №1, цит. по [II, с. 436]

* 1933 г., 14 марта. Критик Б. Эйхенбаум во вступительном слове к «вечеру» М в Политехническом музее³⁹: «... [Мандельштам] намеренно, почти программно УХОДИТ иной раз от русского синтаксиса. У него слово “штаны” неожиданно ЗВУЧИТ КАК ЛАТЫНЬ. Словозвучание многих стихотворений – как будто НЕ РУССКИЙ язык, нечто от Рима, от языков вымерших культур. Не то у Пастернака. <...>. Предмет, вещь – вот мотивы его [Пастернака] творчества. А в стихах Мандельштама мы видим ТЕНЬ предмета» [129, с. 89].

В своем «конспекте» этого выступления Б. Эйхенбаум записывает: «У Мандельштама – филологизм, ХИМИЯ СЛОВ, не слова, а ТЕНИ СЛОВ <...> сначала кажется, что он говорит о предметах, но потом оказывается, что предметы превращаются в слова <...>. Отсюда его филологизм, его любовь к ЧУЖОЙ речи. Если у Пастернака – почти цирковой фокус, то у Мандельштама – ХИМИЧЕСКИЙ ОПЫТ. Мандельштам приглашает читателя как бы в лабораторию. НЕОБХОДИМОСТЬ ИНОСКАЗАНИЯ, “ЧУЖОЙ РЕЧИ”» [135, с. 591].

* 1933 г. О. Бескин в статье о «Ламарке»: «Нужна ли особая бдительность, чтобы распознать ОБЫЧНОЕ ВРАЖДЕБНОЕ нашей действительности утверждение о гуннах...»⁴⁰.

* 1933 г., июнь. А. Белый пишет из Коктебеля: «...они⁴¹, единственно, из 20 с лишним отдыхающих нам неприятны и чужды»⁴². В другом письме оттуда же Белый пишет: «...словом, М мне почему-то исключительно неприятен, и мы стоим на противоположных полюсах»⁴³.

* 1933 г. С. Розенталь в критической статье о «Путешествии в Армению»: «Какой бедный мир, мир маркера и гурмана! <...> Вес «опус» О. Мандельштама наполнен рассуждениями. Рассуждени-

³⁹ Конспектная запись Н. Соколовой.

⁴⁰ Лит. газета, 23 апреля, цит. по [I, с. 520].

⁴¹ Осип и Надежда Мандельштамы, питавшиеся за одним столиком с супругами Белыми в столовой Дома творчества в Коктебеле.

⁴² Письмо к П. Зайцеву от 07.06.33, цит. по [94, с. 154].

⁴³ Письмо к Ф. Gladкову, цит. по [94, с. 154].

ями, страдающими бедностью мысли, завуалированной пышной, но тем не менее анемичной декламацией... От образов Мандельштама пахнет старым прелым великодержавным шовинизмом»⁴⁴.

* 1933 г., начало ноября. В. Шкловский в критической статье «Путь к сетке» пишет о прозе М: «Этот⁴⁵ мир – ЧУЖОЙ. Второй мир – «хаос иудейский» <...> Мир описывает в своей прозе Мандельштам спокойно, с почти незаметным для него ПРЕЗРЕНИЕМ, <...> эта книга⁴⁶ попутчика двух ЧУЖИХ, разно идущих миров. <...> Люди⁴⁷ избегают прямого слова. <...> Путешествие О. Мандельштама СТРАННО, будто он коллекционирует эхо. <...> когда искусство становится манерой, мы сами оказываемся в клетке, ОТДЕЛЯЮЩЕЙ нас от мира»⁴⁸.

* 1934 г., июнь. Сталин в известном телефонном разговоре с Б. Пастернаком, фактически, запрашивает у последнего «квалифицированный критический отзыв» о М («Но ведь он мастер, мастер?»), явно ожидая (и, может быть, желая) услышать от «друга» М абсолютно позитивный ответ. Пастернак же ему фактически сообщает, что М – не мастер, а что-то другое, не друг ему, а что-то другое, чем сильно удивляет и даже несколько раздражает Сталина, разыгрывающего, видимо, в этот момент роль «доброжелательного Воланда». Более точную демонстрацию «чуждости» личности Мандельштама Пастернаку трудно получить, даже если заказать эту сцену Булгакову. См. ниже (1937) разговор Б. Пастернака с М. Богословской⁴⁹.

* 1934 г. М. Цветаева в стихотворении 1934 г. пишет (явно о «Шуме времени» и явно, как о ЧУЖДОМ тексте): «Бог с ним, с громом, Бог с ним, с шумом / Времени не моего»⁵⁰.

⁴⁴ Правда, 30 авг., цит. по [И, с. 421].

⁴⁵ Т.е. российский.

⁴⁶ Т.е. ШВ.

⁴⁷ У Свифта, с которыми Шкловский сравнивает М.

⁴⁸ Литерат. критик, 1933, книга пятая, с. 113–117.

⁴⁹ О «чуждости» М Пастернаку см. здесь же высказывания Пастернака в 1929 и 1932 гг.

⁵⁰ Цит. по [И, с. 385].

* 1934/35 г. О. Кретьова вспоминала о М в Воронеже в мемуарах 80-х годов: «Для меня Мандельштам был ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ, человеком ИНОГО мира». Перед этим мемуаристка называет М человеком «совсем особенным», «ничуть не похожим <...> ни на кого из окружающих» [71, с. 36].

* 1930-е гг. К. Чуковский вспоминает о М 30-х гг. в своих поздних мемуарах: «Он был НЕСОПРЯГАЕМ ни с каким бытом, ни с каким общественным укладом, ни с какой государственно-стью» [83, с. 186].

* около 1937 г. Б. Пастернак в разговоре с М. Богословской, женой поэта С. Боброва, о своем ответе на вопрос Сталина о М (в известном телефонном разговоре 13 июня 1934): «... я не могу говорить о том, чего не чувствую. Мне это ЧУЖОЕ. Вот я и ответил, что ничего о Мандельштаме сказать не могу» [66, с. 203].

* 1937 г. Л. Гумилев (сын Н. Гумилева, не профессиональный критик, но его восприятие личности и творчества М, по ряду причин, исключительно показательны), «неодобрительно», по словам Э. Герштейн, отзываясь о М⁵¹, «...говорил о монистическом сознании Мандельштама, а христиане – дуалисты. Дух – это одно, плоть – другое. Только при таком понимании могло и явиться учение о бессмертии души» [8, с. 249]. Ранее (начало 30-х) Л. Гумилев, по свидетельству той же Герштейн, назвал Мандельштамов «саддукеями»: «ВЫ – саддукеи» [8, с. 202].

* 1937 г., 23 апреля. О. Кретьова, воронежская писательница, опубликовала в газете «Коммуна» статью, называвшую М (вместе со Стефаном и Айчем) «классово-ВРАЖДЕБНЫЕ люди» [71, с. 39].

* 1938 г., март. П. Павленко во «внутренней критической рецензии» писал о М для руководства Союза писателей (и НКВД):

⁵¹ «слишком цепляется за жизнь» – слова Л. Гумилева о М в этом разговоре, цитируемые Э. Герштейн.

«...он не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений. <...> они [стихи] в большинстве своем холодны, мертвы <...>. Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком. <...> много косноязычия...»⁵².

* 1945 г. Критик и литературовед К. Мочульский в парижском альманахе «Встреча» о стих. «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»: «Они [стихи] вызывают изумление: слова звучат СТРАННОЙ, непривычной музыкой. Кажется, что написаны они на ЧУЖОМ языке, древнем и торжественном, как язык Пиндара» [59, с. 271].

* 1947 г. Критик Ан. Волков писал об М: «Он все время испытывает какую-то НЕУВЕРЕННОСТЬ В БЫТИИ»⁵³.

* 1948 г. Н. Заболоцкий пишет стих. «Читая стихи», фактически, рифмованную критическую статью о М, в которой для наших рассмотрений важна каждая строка:

«Любопытно, забавно и тонко: / Стих, почти не похожий на стих. / БОРМОТАНЬЕ сверчка и ребенка / В СОВЕРШЕНСТВЕ писатель постиг /

И в БЕССМЫСЛИЦЕ СКОМКАННОЙ речи / ИЗОЩРЕННОСТЬ известная есть. / Но возможно ль мечты человеичи / В ЖЕРТВУ этим забавам принести ? /

И возможно ли русское слово / Превратить в ЩЕБЕТАНЬЕ ЩЕГЛА, / Чтобы смысла ЖИВАЯ ОСНОВА / Сквозь него ПРОЗВУЧАТЬ НЕ МОГЛА ?

Нет! Поэзия ставит преграды / Нашим выдумкам, ибо она / Не для тех, кто, играя в шарады, / Надевает КОЛПАК КОЛДУНА. /

Тот, кто ЖИЗНЬЮ ЖИВЕТ настоящей, / Кто к поэзии с детства привык, / ВЕЧНО ВЕРУЕТ в ЖИВОТВОРЯЩИЙ, / Полный разума русский язык»⁵⁴.

⁵² Цит. по [146, с. 134–135].

⁵³ Звезда, кн. 1, цит. по [51, т. 1, с. 406].

⁵⁴ Цит. по [51, т. 3, с. 412].

* 1952 г. Вл. Марков писал в критическом тексте «Приглушенные голоса» (Нью-Йорк): «...тонкий, высокий, НЕ ОТ МИРА СЕГО Мандельштам не сдался и умер героем»⁵⁵.

* 1957 г. Критик А. Коваленков в мемуарной работе продуцирует, оценивая М, совершенно замечательный «цивилизационный дискурс»: «...за каждой строкой этого оказавшего настолько заметное влияние на литературные течения тридцатых годов поэта, что даже появился термин “мандельштамп”, стоял призрак БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что»⁵⁶.

* 1966 г. Критик А. Турков писал о строках М «На стекла вечности уже легло...»: «Неповторимость и значительность даже отдельного существования здесь слитно с ошущением его КРАЙНЕЙ НЕПРОЧНОСТИ»⁵⁷.

* 1966 г. П. Громов в большой критической работе «А. Блок и его предшественники» писал о ранних текстах М: «...за этим стоит определенная тенденция и к содержательному, идейному внутреннему единству. Однако само это перспективное единство в идейном смысле таково, что оно парадоксальным образом как бы дематериализует, развоплощает, превращает в условные знаки жизненную предметность самого конкретного плана в стихе: “Кружевом, камень, будь <...>”. Здесь цитируется относительно позднее из его ранних стихов, крайне остро и прямо выражающее тенденцию к развоплощению, дематериализации конкретно-жизненных начал, – в более сложном, неявном виде подобное стремление присуще всем ранним вещам Мандельштама. Получается СТРАННОЕ положение: стихи Мандельштама немислимы без конкретности, однако сама предметность в них постоянно и неуклонно “опрозрачивается”, распредмечивается. Сами вещи как бы пронизываются

⁵⁵ Цит. по [51, т. 3, с. 386].

⁵⁶ «Письмо старому другу», Знамя, 1957, №7. Цит. по [159, с. 247].

⁵⁷ В книге «Николай Заболоцкий», М., 1966. Цит. по [51, т. 1, с. 403].

какими-то спиритуалистическими токами, перестают быть вещами и потому начинают пугать читателя СТРАННОЙ, ПАРАДОКСАЛЬНОЙ беспредметностью»⁵⁸.

* 1967 г. А. Кулинич в критической работе «Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20-х годов» находит у М «РАЗЛАД с веком, НЕПОНИМАНИЕ происходящего», отражающиеся «в его стихах пугающими фантазмагориями»⁵⁹.

* 1969 г. В. Тимофеева в коллективной академической «Истории русской литературы» называет поэзию М так: «ОТДЕЛЕННАЯ от современности завесой историко-культурных ассоциаций». Тимофеева утверждает далее, что в 1917 г. «...“ИСКАЖЕНИЕ перспективы” приняло уже открыто выраженный политический характер»⁶⁰.

* 1969 г. В. Андреев, сын писателя Леонида Андреева, пишет в своих мемуарах: «Еще в отцовской библиотеке, в одном из номеров «Аполлона» я прочел стихотворение «Имею тело – что мне делать с ним...», которое меня поразило НЕПРИЯТНЫМ оборотом «имею тело» и удивительным, похожим на мертвую зыбь, ритмом...» [25].

* В 1970-х гг. Пауль Целан, немецко-еврейский поэт и критик, переводивший М на немецкий, говоря о личности и поэзии М, характеризует и то, и другое понятием «ЧУЖДОСТИ» [6, с. 104].

* 1977 г. Н. Глазков, поэт, на заседании андерграундного литературного общества сказал: «Какое Мандельштам имеет отношение к русской поэзии? Да он вообще не поэт!».

* 1977 г. М. Каганская, израильский русскоязычный критик пишет: «Не абстрактное и отвлеченное понятие “мировой

⁵⁸ Цит. по [51, т. 1, с. 412].

⁵⁹ Изд. Киевского университета, 1967. Цит. по [51, т. 2, с. 548].

⁶⁰ Цит. по [51, т. 2, с. 548].

культуры», но мир, саму ткань бытия ощущал Мандельштам САКРАЛЬНЫМ текстом, вызывающим к обнаружению своей семантики <...>. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ буддизму, его духу небытия и мертвенной созерцательности наверняка пришло к Мандельштаму в процессе «ВЫЯСНЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ» с русской культурой, к буддизму традиционно чуткой и благосклонной». Далее критик говорит о «напряженном, а позднее – на грани РАЗРЫВА и СКАНДАЛА, – диалоге Мандельштама с русской культурой...». В этой же статье критик пишет: «...мандельштамовская поэзия, в избытке наделенная “телеологическим теплом” и трагической страстью, ЛИШЕНА ТЕПЛА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО, ДУШЕВНОСТИ, чем в избытке одаряет своих подданных поэзия русская». Статья завершается утверждением: «Мандельштам всегда писал на языке своего ДУХА, своей КРОВИ. «ЧУЖАЯ речь» была ему «оболочкой» [36, с. 177, 193, 195].

* 1980 г. Критик и теоретик В. Вейдле в критической статье сказал о «православном» стихотворении М «Люблю под сводами седья тишины/ Молебнов, панихид блужданье / И трогательный чин – ему же все должны, – / У Исаака отпеванье...» (1921), что это «быть может, высшее и, конечно, самое неожиданное из всего написанного Мандельштамом <...>. Пример медиумичности поэта, сквозь которого говорит, безошибочными словами говорит, нечто ему ЧУЖДОЕ, и все-таки не в ком другом, а в нем обретшее и забытые эти слова, и нужный для произнесения их голос» [3, с. 584].

* 1980-е гг. Критик-«почвенник» С. Куняев: «...Мандельштама в своем молодом славянофильском кругу мы читать продолжали, несмотря на реплику одного из авторитетнейших наших мыслителей, что его поэзия «всего-навсего ЖИДОВСКИЙ НАРОСТ на Тютчеве»⁶¹.

* 1990 г. Переводчик А. Илюшин в критико-исследовательской статье «Данте и Петрарка в интерпретациях Мандельштама»

⁶¹ Цит. по [3, с. 488].

пишет о лексике текста М: «Наш мастер [М] любит редкостные слова, часто предпочитает их общеупотребительным, любит игру причудливо сдвинутых значений, так что порою даже привычное и широко употребительное слово НАСТОРАЖИВАЕТ – при всей его стандартности оно все-таки нестандартно. Тем более УДИВЛЯЮТ и ТРЕВОЖАТ воображение слова-раритеты...» [71, с. 377].

* 1991 г. Мария Петровых, поэтесса, переводчик, «предмет страсти» М в 1933/34 г. и героиня «Мастерицы виноватых взоров», тоже ощущала, что «как поэт М для нее ЧУЖОЙ»⁶². В своих мемуарах М. Петровых писала: «Меня поражает и восхищает поэзия Мандельштама, но почему-то не была она “кровно моей”»⁶³.

* 1998 г. С. Аверинцев писал в статье в отделе литературной критики «Нового мира»: «Автобиографическая проза — порождение того самого *удушья*, которое ретроспективно отметит потом лирика: депрессивного перерыва, промежутка. В нее как раз уходит все то, чему сопротивляется и что ОТТОРГАЕТ от себя мандельштамовский стих. Это не продолжение поэзии другими средствами, а отсасывание из открывшихся ран поэзии СМЕРТЕЛЬНЫХ для нее ядов. И недаром Цветаева так ярилась на мемуарный (антимемуарный!) труд О. М.: пожалуй, у нее были к тому основания и помимо политики (а также свойственного ей отсутствия склонности к юмору). “Шум времени” (как и “Египетская марка”) вправду содержит в себе некую (в контексте литературного пути О. М. — временную) капитуляцию, притом отнюдь не только “идеологическую”: предвещающая нынешний постмодернизм игра на понижение, банализация всех тем, УСМЕШЕЧКА. Но дело не только в этом. “Еврейская тема”, как и вообще всякая постановка вопроса о собственной эмпирической идентичности (“Парнок”), подсказывала ЛОЖНЫЙ ответ на вопрос о главном, то есть о дистанции между *миром державным* (соответственно, *мировой*

⁶² В передаче Э. Герштейн [8, с. 422].

⁶³ Опубликовано посмертно в 1991 г. Цит. по [8, с. 420].

культурой) и моим “я”: просто-де вот я по случайности *жидочек*, как О. М. называли в кругу символистов, *племя чужое*, Парнок, отщепенец, а вообще-то все идет, как шло. Нет, в том-то и дело, что ни для кого оно не идет, как шло, шиш» [21]. В этой же статье Аверинцев писал: «Ведь мы все прошли через ПРЕСТРАННЫЙ первый опыт знакомства с О. М. — “замечательно, но местами как-то уж очень ИДИОТИЧНО”...» [21].

* октябрь 2004 г. Замечательный во многих отношениях пример дискурса о М в постсоветской критике. М. Золотоносов в критической статье (в газете «Московские новости») об изданной биографии М пишет: «Но хотя поэтом Мандельштам был именно русским, еврейство его имело важное значение. Судя по многим признакам, он специально, с нажимом, играл роль ЧУЖЕРОДНОГО еврея, которого свет отчасти презирует, отчасти восхищается им. <...> абсурдное в условиях сталинского социализма ИЗГОЙСТВО-ИЗБРАННИЧЕСТВО, окрашенное злобой пророка, побиваемого камнями. За КИЧЛИВОЙ декламацией «Четвертой прозы», за ПРЕТЕНЦИОЗНЫМ пафосом поведения – неумение расстаться с дореволюционной ролью «исключительного еврея».

6.3. Специфика критического дискурса о Мандельштаме.

6.3.1. В критике частотно употребляются по отношению к М и его текстам характеристики: «чужой», «чужеродный», «темный», «странный», «враждебный», «отталкивающий», «отстающий от времени» (вариант: «принадлежащий ДРУГОМУ времени»), «отделенный», «оторванный от общества», «свои собственные законы», «высокомерный», «холодный», «кичливый», «претенциозный». Подчеркиваются ошибки в речи, употребляются слова «косноязычие» и «непонятность», отмечаются «странность», «чужестранность», «искаженность», «мертвость» языка и текста.

Уже в 1916 г. В. Жирмунский пишет: «...мир Мандельштама <...> с характерным гротескным ИСКАЖЕНИЕМ взаимного положения и величины предметов» [17, с. 400].

Кроме того, по мнению ряда критиков, поэзия М (вообще, его дискурс) – какая-то «антиобщественная», «экстерриториальная», подчиненная каким-то своим («не нашим»!) законам и, по совокупности этих причин, – опасная, «враждебная».

Израильский критик М. Каганская, находящаяся по другую сторону идеологических баррикад, писала в статье 1977 г. о явлении, которое она назвала «ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ» М с русской культурой.

Вышеприведенный вокабуляр применяется критиками и литераторами для характеристики не только поэзии М, но и его поведения в обществе, вообще его экзистенции. Например, в 1974 г. писатель Р. Райгородецкий, обсуждая жизнь М в Коктебеле, говорит об «ОТЧУЖДЕНИИ поэта от себя как личности» [27, с. 232].

6.3.2. Этот (6.3.1) набор характеристик очень похож на «критику» евреев антисемитами еще со времен событий, изложенных в Книге Эсфири.

Характерно, в этом отношении, высказывание о М критика Ан. Волкова⁶⁴: «Поэт совершенно не считается с реальными закономерностями жизни, он вносит в жизнь СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ»⁶⁵. Ср. Книга Эсфири [3:8]: «...и законы их отличны от законов всех народов, и законы царя они не соблюдают...».

Нетривиальность здесь в том, что отнюдь не все (и не большинство) из критиков являлись рутинными антисемитами – многие из них, к тому же, были этническими евреями.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Цветаеву, можно сказать, что если поэты – жи́ды, то М – жид среди поэтов и даже среди «жидов» – тексты этнически еврейских критиков выделялись из общего хора разве что подчеркиванием каких-то специфических (заведомо не существенных для неевреев) черт.

Одна из таких черт – «западность» происхождения М. Для части этнически еврейских критиков в раннесоветский период⁶⁶

⁶⁴ Звезда, 1947, кн. 1.

⁶⁵ Цит. по [51, т. 1, с. 398].

⁶⁶ Напр., для А. Горнфельда.

М был «дополнительно чужой и компрометирующий» Westjude, ср. симметричную конфигурацию Ostjuden vs. Westjuden в Германии, где М был бы, конечно, Ostjude!⁶⁷

Уже в 1970-х Пауль Целан, еще один «пограничный» Ost/West Jude, во многом себя с М отождествлявший, «резюмирует», назвав М *der lebenslang Fremde*⁶⁸ [6, с. 115]⁶⁹.

6.3.3. К семантическому полю «архетипических» характеристик (в 6.3.1) принадлежат отмечаемые у М критиками и мемуаристами «неприкаянность», «бездомность», «скитальчество», (= «вечный жид!»), «бродяжничество», «бесприютство», «безбытность» (= «не от мира сего»), «растерзанный вид», сумасшествие (= «городской сумасшедший»), «беспомощность», «щуплость», «слабость», «робость», «несчастье».

3. Гиппиус о внешности 17-летнего М в Париже: «Кто-то прислал ко мне очень юного поэта, МАЛЕНЬКОГО, теменького, сутулого, такого скромного, такого РОБКОГО...»⁷⁰.

В мемуарах А. Седых «Далекие близкие» (о Феодосии, Коктебеле в 1920 г.): «...Волошин привел с собой очень ЩУПЛОГО и на вид НЕСЧАСТНОГО человека. – Поэт Осип Мандельштам, – сказал Волошин. <...> Был он БЕЗДОМНЫМ, БЕСПОМОЩНЫМ <...>. Производил он впечатление человека страшно СЛАБОГО, ХУДЕНЬКОГО <...>, казался в эти минуты особенно ЩУПЛЫМ и НЕСЧАСТНЫМ...» [41, с. 45, 47].

Мемуарист Э. Миндлин, вспоминая 1919-20 гг. в Феодосии, говорит, что М «был похож на “блаженно очумелого”»⁷¹.

В воспоминаниях Н. Павлович о внешности М в Петрограде осенью 1920: «ХУДОЙ, с МЕЛКИМИ, НЕПРАВИЛЬНЫМИ

⁶⁷ О развитии отношений М с этнически-еврейскими критиками см. 6.5.12.

⁶⁸ = 'пожизненный чужак/иностранец'.

⁶⁹ Характерно, что израильский исследователь В. Москович в своей работе по ашкеназской ономастике [11, т. 2, с. 477] возводит фамилию Celan (сделанную самим поэтом анаграмму исходной фамилии Antschel) к польск. *cela, celnik* 'таможня, таможенник' и замечает: «не намек ли на миссию поэта, служащего связью двух границ, мостом между разными культурами?».

⁷⁰ Цит. по [51, т. I, с. 386].

⁷¹ Цит. по [51, т. I, с. 513].

чертами, он всем своим обликом напоминал персонажей картин Шагала» [51, т. 3, с. 364].

Надежда Вольпин вспоминает о Мандельштамах середины 20-х гг.: «Денег-то у них было гораздо больше, чем у меня, но вид всегда такой РАСТЕРЗАННЫЙ и ПОЛУНИЩЕНСКИЙ. Это очень для их быта было характерно» [66, с. 93].

Критик-эмигрант Вл. Марков писал в 1952 г. о М: «...тонкий, высокий, НЕ ОТ МИРА СЕГО Мандельштам...».

В мемуарах «симпатизанта» В. Катаева «Алмазный мой венец»: «...мой бедный, ПОЛУСУМАСШЕДШИЙ щелкунчик, дружок, дурак». Там же: «Он стоял в вызывающей позе городского СУМАСШЕДШЕГО...» [38, с. 19].

Э. Герштейн [8, с. 26] пишет о М начала 30-х: «...он делался похожим на одного из персонажей моего очень раннего детства в Двинске. По улицам этого города бегал...» – далее следует стандартное описание внешности и поведения двинского городского сумасшедшего.

П. Калецкий в письме января 1935 г. из Воронежа о М: «Очень умный, ПУТАНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК...» [71, с. 67].

Ср. в мемуарах И. Фейнберга «О Мандельштаме»: «Мандельштам с Наденькой в “Известиях” – в коридоре редакции “Нового мира”. Робко держал ее за руку. СКИТАЛЬЦЫ – БЕЖЕНЦЫ – в мире»⁷².

Даже в не полностью надежных воспоминаниях солагерников М (вторая половина 1938 г.) появляется тот же вокабуляр. В. Меркулов вспоминает «щуплого маленького человека», которого в лагере называли «дураком» и «сумасшедшим» [71, с. 47-48].

Ср. также у израильского критика М. Каганской: «И все же “дитя Европы” [Мандельштам] почему-то мучалось сознанием собственного СИРОТСТВА и БЕСПРИЮТСТВА, именуя себя “пасынком веков”» [36, с. 186].

6.3.4. Еще одна специфическая черта отношения критики к М: советские и русскоязычные зарубежные критики «любят» больше раннего М, М «Камня», чем более позднего. И ранний,

⁷² Цит. по [35, с. 238].

и поздний М для них ЦИВИЛИЗАЦИОННО чужды⁷³, но более ранний – как бы «классичен» и поэтому как бы более приемлем. По крайней мере, непонятность и чуждость текстов раннего М можно пытаться объяснить какой-то «скрытой латынью» его стиля и т. п.

Даже в 1964 г. критик А. Саакянц в рецензии в «Вопросах литературы» на некую хрестоматию по русской литературе 20 века, рассматривает М как автора преимущественно 10-х гг.: «Ничем не оправдан, в частности, тот факт, что за пределами (хрестоматии) осталось имя О. Мандельштама, поэта, в 10-е годы не менее значительного, чем С. Городецкий или М. Зенкевич, которым нашлось место в разделе «Акмеисты». Русскую поэзию ТОЙ ЭПОХИ трудно представить себе без книги «Камень» (1913)»⁷⁴.

Существенно, что политическая платформа критика здесь не имела значения – критики-эмигранты Г. Иванов, С. Маковский совпадали здесь с советскими критиками.

С. Маковский писал в своих мемуарах о дошедших до него 45 стихотворениях М «после “Tristia”»: «Я прочел их сравнительно недавно, и мое отношение ко многим из них уже не то, что к его раннему творчеству <...> все-таки это уже куда менее “бесспорный” Мандельштам. Изменилась <...> и манера письма. Лучше сказать – не столько изменилась, сколько доведена до предельной криптограммности, и вовсе не только из соображений эстетического порядка: многое в этом герметизме объясняется причинами, увы, ничего общего с поэзией не имеющими...» [131, с. 413].

6.4. Общие причины специфичности критического дискурса о Мандельштаме.

В предисловии к своему переводу 1926 г. повести «Радан великолепный» французского автора Б. Лекаша [15] М пишет (в обычном для себя стиле имея в виду не только объект, но и субъект дискурса, т. е. себя): «Книгу его можно назвать ев-

⁷³ См. в 6.5 Типологию причин.

⁷⁴ Цит. по [51, т. 1, с. 394].

рейской не столько по мироощущению, сколько по теме и внутренней форме». В другом месте М написал: «Я говорю, в сущности, знаками, а не словом» – см. [II, с. 438].

Именно на эти «знаки», на «внутреннюю» специфику дискурса М и реагируют критики.

Точнее говоря, они чувствуют у М искажение (сдвинутость) РУССКОЙ *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА, у них создается впечатление (ощущение) какой-то «непонятной, иностранной» семантики слов и целых блоков текста⁷⁵. Ощущается какая-то общая «сдвинутость» и размытость от этой сдвинутости, создающая странную «импрессионистичность» текста М.

Наиболее мощным фактором, влияющим на такое восприятие критиков – это *германский монитор (см. Глоссарий), который физически реализует выход из «русской языковой картины мира», работа которого (а не простой переход на немецкий или идиш)⁷⁶ и есть настоящая реализация стремления М «уйти из нашей речи».

Но, даже не понимая и не идентифицируя массового потока германизмов (германо-идишизмов) и других манифестаций его «цивилизационной» чуждости⁷⁷, критики чувствуют «нерусскость в русском», какие-то непонятные «чужеземные арфы» и т.п.

Они понимают при этом, что указаний на ошибки М в русском стиле (которые действительно имеют место в заметном

⁷⁵ Пользуясь «коммуникационным» вокабуляром, можно интерпретировать эту ситуацию так: между критиком и дискурсом М имеет место «коммуникативный провал», «несоответствие культурных кодов». В результате, критик получает от текстов М «культурный шок», часто не осознаваемый им или лишь частично осознаваемый.

⁷⁶ Здесь уместно отметить, что и «простой» переход М на немецкий в разговоре мог вызвать негативную реакцию находящихся рядом литераторов. Видимо, это у них вызывало ощущение какого-то специфического «языкового двурушничества». Например, воронежский писатель М. Булавин даже через полвека (в 1982 г.) с неприязнью вспоминал эпизод в перерыве собрания писательской организации (1935 г. ?), когда М и его знакомые (также высланные в Воронеж) Калецкий, Стефан и Айч в коридоре курили и говорили по-немецки: «Я подошел к ним и сказал: “Прекратите говорить по-немецки...”. Разговор по-немецки посеял дух НЕПРИЯЗНИ» [90, с. 41-42].

⁷⁷ Может быть, точнее – его «культурно-цивилизационной» пограничности, буферности, интерфейсности.

количестве!) явно недостаточно для экспликации этих ощущений.

Они все же вынуждены как-то эксплицировать свои подсознательные ощущения, что получается часто неуклюже, иногда нелепо, как например, обвинение М в великодержавном шовинизме (!)⁷⁸.

Интересно, в этой связи, что в 1935 г. были опубликованы стихи бывшего знакомого Мандельштамов Л. Длигача, где «он обещал распознать классового врага по одному только звуку его лиры» [I, с. 544]. В его поэме «Речь о деревне»⁷⁹ говорилось: «Я в песне познаю врага: / Его последняя струна еще туга...».

В противоположность этому, в целом «негативному», дискурсу, еврейские (израильские) критики, изначально «позитивно» относящиеся к М, в особенности, начиная с 70-х годов, когда начались попытки «возвращения Мандельштама в лоно еврейства», объясняют свои «странные» подсознательные ощущения от его текстов тем, что «слышат» у М «еврейство». Вполне характерен эмоциональный пассаж в уже цитировавшейся статье 1977 г. известного израильского русскоязычного критика М. Каганской: «...как Мандельштам любил еврейство и как надо быть глухим, чтобы в его иудейской космологии, имперских влечениях и словесной готике не УСЛЫШАТЬ “идиш-кайт”. Его перевели на иврит. Но это перевод с перевода. Мандельштам всегда писал на языке своего ДУХА, своей КРОВИ. “Чужая речь” была ему “оболочкой”» [36, с. 195].

Ряд современных литераторов явно воспринимает (подсознательно?) тексты М как «внутренне еврейские» и даже использует цитаты из них как маркеры «еврейскости». Например, поэтесса Г. Зеленина вставляет ряд цитат из М («венозные розы», «припухших железок») в свое эксплицитно «еврейское» стихотворение «Голем» [44, с. 40].

⁷⁸ См. в 6.2: 1933 г., С. Розенталь.

⁷⁹ Новый мир, 1935, №2. Цит. по [I, с. 544].

6.5. Типология причин «подсознательных» реакций критики

6.5.1. Ощущение непонятности, «чужести», часто эксплицируемое как опасность.

Н. Коварский (6.2) даже говорит о «СТРАШНОЙ ОПАСНОСТИ», которую «система Мандельштама» представляет для поэзии.

А. Блок в статье «Крушение гуманизма» говорит о художнике, преследуемом «цивилизацией», потому что она ощущает ОПАСНОСТЬ, исходящую от него, как от «представителя культуры». Блок говорил о Вагнере и Гейне, но его формулировки без изменений могли бы быть применены к М, которого Блок незадолго до своей смерти перевел из категории «жидочков» в художники⁸⁰.

С. Аверинцев в [21] говорит об ОТТОРЖЕНИИ поэзией М его же (автобиографической) прозы, «отсасывании СМЕРТЕЛЬНЫХ для нее [поэзии] ядов» в эту прозу.

Здесь существенно, что в других своих текстах (да и в других местах этого же текста) Аверинцев в каком-то «идеальном» смысле идентифицируется с поэзией М, и тем самым его вышеприведенное высказывание можно эквивалентно переформулировать так: «мандельштамовская проза, в которой манифестируется мандельштамовская еврейская экзистенция, ОТТОРГАЕТ, ОТТАЛКИВАЕТ меня».

«Злой шпенглерянец»⁸¹ мог бы сказать, что Аверинцев, выдающийся представитель русской цивилизации/культуры, идентифицируется с «культурой» («культурным дискурсом») М, но он же чувствует чуждость «цивилизации» («цивилизационного дискурса») М⁸².

⁸⁰ В «артисты», см. 6.2.

⁸¹ Я сознательно имитирую формулу С. Аверинцева, услышанную на его замечательных лекциях по эстетике Византии: «Если не быть злым фрейдистом...».

⁸² Интересно, что Д. Святополк-Мирский, который еще во второй половине 20-х (под идеологическим влиянием того же Шпенглера?) чувствовал то, что мы здесь называем «цивилизационная ориентация» прозы М, занял более умеренную, по сравнению с Аверинцевым, позицию, отметив в своей «Истории

Это хорошо иллюстрируется дальнейшим текстом Аверинцева в [21]:

«Например, о своем еврействе и различии, ставящем все державные темы в контекст ОСТРАНЯЮЩИЙ⁸³, ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ и даже как бы ПАРОДИЙНЫЙ⁸⁴, он в стихах говорить не станет. Никаких лирических деклараций к России по типу того же Ходасевича — именно я, инородец, *...сей язык, завещанный веками, храню лучше твоих слабых сынов, восемь томиков, не больше, и в них вся родина моя... <...>* тут этнические обстоятельства входят в замысел наравне с географическими или хронологическими. Так Лукиану, выучившемуся превосходить греков в чистоте аттической речи, приятно было лишний раз назвать себя “Сирийцем”. Но О. М. был не совсем таков».

Т. е. не готов, как Ходасевич⁸⁵, ощутить российскую цивилизацию своей, более того, НЕ признающий ее своей, ОТТАЛКИВАЮЩИЙ ее и ОТТАЛКИВАЮЩИЙСЯ от нее. Аверинцев чувствует это, и это для него внутренне плохо переносимо, в каком-то смысле выводит его из равновесия, что просвечивает в дальнейшем его дискурсе там же в [21]:

«В этой связи должен сознаться, что с величайшим недоверием смотрю на попытки моих коллег (и, отчасти, уже Надежды Яковлевны) извлечь из стихов О. М., например, из “Канцонны”, ух какую разработанную “еврейскую тему”».

6.5.2. Резко ощущаемая «остраненность» дискурса М.

П. Целан говорит о «чужом, внушающем страх» и реализующемся в языке «остранении» в текстах М [6, с. 104]. То, что Целан называет *gestaltgewordene Sprache des Einzelnen*⁸⁶, и есть та система, которая (чаще подсознательно) воздействует на критика.

русской литературы»: «...в его [М] прозаических эссе заключены, пожалуй, самые замечательные, непредвзятые и независимые высказывания, когда-либо произнесенные по поводу современной **русской цивилизации**» [169, с. 744].

⁸³ См. 6.5.2.

⁸⁴ См. 2.2. и 2.2.1.

⁸⁵ Вот еще слова Ходасевича на своем юбилее в 1930 г.: «Мы люди маленькие, наша задача – охранять русский язык» [30, с. 530].

⁸⁶ = ‘оформившийся в образ, в «гештальт», язык индивидуума’.

В 1922 г. В. Ходасевич (Берлин) в уже цитированной критической статье писал про это воздействие текста М и пытался определить его причины: «Присоединяя к игре смысловых ассоциаций игру звуковых, – поэт <...> выводит свои стихи за пределы обычного понимания: стихи Мандельштама начинают волновать какими-то темными тайнами, заключенными, вероятно, в корневой природе им сочетаемых слов...», цит. по [1, с. 453].

Ю. Айхенвальд в упоминавшейся в 6.2 статье 1925 г. пишет о ШВ: «...есть порою НЕПРИЯТНАЯ и ТЕМНАЯ ИЗОЩРЕННОСТЬ мысли и выражения ...».

Очень характерна реакция Вадима Андреева (6.2), которого стихотворение М «...поразило НЕПРИЯТНЫМ оборотом «имею тело» и удивительным, похожим на мертвую зыбь, ритмом...».

Это таинственное «остранение» и «темная изощренность» достигались М (в значительной степени, намеренно) различными техниками, из которых наиболее эффективная – массивное использование германо-идишских «суггестивных импликаций», или СИ-техника⁸⁷.

Интересно, что того же эффекта «остранения» (и, кажется, с той же «медиативной» целью) добивается Лев Толстой в своих дидактических рассказах, но использует при этом другую технику.

Израильский исследователь Д. Сегал пишет [11, т. 1, с. 9]: «Дидактические рассказы Льва Толстого впервые открыли путь к проникновению в некоторый общий культурный фонд человечества, в котором различия между языками, культурами и народами становятся неощутимыми. Хотя Толстой достигает это средствами языка, который самому ему представляется предельно близким к народному, но на деле он осуществляет слом старой стилевой нормы, вводя иногда почти незаметные сдвиги, остранения, делая язык совсем не нейтральным, а, наоборот, ощутимым. Все становится одновременно и предельно русским и немного чужим, почти иностранным. Превращение русского языка под пером Толстого-проповедника в принципиально новый стилевой и коммуникационный инструмент...».

⁸⁷ Техника *СИ-операторов в наших обозначениях (см. Глоссарий).

«Остраняющая» СИ-техника М также делает из русского языка новый коммуникационный инструмент. Эта «странная» новизна улавливается критиками и вызывает их недоумение, раздражение и даже страх, но иногда – восхищение.

В. Катаев писал в мемуарах 70-х гг. о своих впечатлениях от текстов М в 20-х гг.: «Я восхищался ТЕМНЫМ СМЫСЛОМ его красноречивого синтаксиса...» [38, с. 78].

С. Аверинцев писал в 1998 г. в статье [21]: «Ведь мы все⁸⁸ прошли через ПРЕСТРАННЫЙ первый опыт знакомства с О. М. — “замечательно, но местами как-то уж очень ИДИОТИЧНО”, а потом постарались для вхождения в political correctness мандельштамизма это все позабыть, по Фрейдю — вытеснить. И вот всё расплачиваемся за такую неправдивость...».

* * *

Примеры подсознательного (суггестивного) воздействия текста на критика.

(а) Критик П. Громов в работе 1966 г. (6.2) характеризовал стихотворение: «Кружевом, камень, будь, / И паутиной стань, / Неба пустую грудь / Тонкой иглою рань...» как «...крайне остро и прямо выражающее тенденцию к развоплощению, дематериализации конкретно-жизненных начал. <...> СТРАННОЕ положение: стихи Мандельштама немислимы без конкретности, однако сама предметность в них постоянно и неуклонно “опрозрачивается”, распредмечивается. Сами вещи <...> перестают быть вещами и потому начинают пугать читателя СТРАННОЙ, ПАРАДОКСАЛЬНОЙ беспредметностью»⁸⁹.

В этом, в общем, семантически простеньком (если не считать G/Y-суггестии) тексте критик не «видит» связей:

– «кружева» ↔ «игла» через G/Y-омонимы Spitzen ‘кружево’ ↔ Spitze ‘острие’, spitz ‘острый’

⁸⁸ Кто это «мы все»? Мой, например, первый опыт знакомства с текстами М «престранным» совсем не был. Но вполне «знаково», что Аверинцев стремится говорить от имени «всех»: ведь данный его дискурс – это «выступление» выдающегося представителя РЦ от имени **всей** РЦ, для которой М был и есть поэт «замечательный», но «чужой» и «странный», до «идиотичности».

⁸⁹ Цит. по [51, т. 1, с. 412].

- «грудь» \leftrightarrow «ОСТРый» через нем. пароним [bRUST] ‘грудь’
- «камень» \leftrightarrow «стань» через G/Y Stein ‘камень’, см. подробнее в Прил. 1.

Но критик «чует» как бы виртуальное присутствие этих связей, и это «остраняет» для него текст. Замечательно, что, «чуя» суггестируемую сему «остроты» и русскую основу [ОСТР/АСТР] (сквозную – через нем. основу spitz – для всей строфы, а не только для последней строки), критик вводит их (семену и основу) в свой собственный текст: «СТРА-нное», «КРАЙНЕ ОСТРО И ПРЯМО» Похоже, что даже паронимия К-РАЙНЕ (у критика) \leftrightarrow РАНЬ (у М) не случайна!

(б) Еще небольшой, но характерный пример. Е. Сошкин в статье «Горенко и Мандельштам», рассматривая эпитет «плавкий» в одном из текстов А. Горенко, пишет: «...эпитет позаимствован из “10 января 1934” (“Где плавкий ястребок на самом дне очей”), в котором одна из доминантных тем – различные субстанциальные проявления синего и голубого цвета» [141, с. 14]. Здесь «германизм» blau, точнее, суггестивная цепочка: ПЛАВКИЙ \rightarrow blau \rightarrow «синева»⁹⁰, как раз и способствует продуцированию указанной критиком «доминантной темы», но это происходит как бы вне «оперативной памяти» критика.

6.5.3. Реакция на изменение стандартной семантики, на «ре-семантизацию» русских лексем в текстах М.

Русские слова в дискурсе М часто меняют свое значение. Семантический сдвиг, изменение семантического спектра происходит часто под воздействием *СИ-функций, т.е. суггестии немецких (немецко-идишских) слов и сочетаний, имплицитующих новые русские слова, сочетания слов и «смыслы», более подробную дефиницию см. в Глоссарии.

Р. Тименчик одним из первых указал на феномен ре-семантизации такого рода и ее воздействия. В работе [5], рассматривая семантический сдвиг в слове «командовать» у М в

⁹⁰ См. 8.1.2. Суггестивные цепочки с игрой на русско-немецкой фоносемантической связи основ ПЛАВ- \rightarrow blau встречаются у М и в других текстах, см. Прил. 1.

гл. VIII «Египетской марки», где в русское слово вложена семантика его идишского паронима Y[komandeven] = ‘be noisy, disorderly, naughty’⁹¹, исследователь отмечает, что «обсуждаемая ситуация **неполного понимания семантики слов** на границе русско-еврейского диалога в инверсированном виде стала сюжетом мандельштамовской эпиграммы «Один еврей, должно быть, комсомолец...» [I, с. 353].

ПРИМЕР 1. Вполне показательным примером обсуждаемой «реакции критика» является послесловие (являющееся одновременно критической статьей) Д. Сегала к переизданию романа французского писателя Б. Лекаша «Радан великолепный» в переводе и с предисловием⁹² Мандельштама [15]. В своей статье Сегал рассматривает лексему «изящный» в очерке «Михоэльс» и в «Египетской марке» и приходит к выводу о её нестандартной для русского языка семантике: «В двух отрывках характерно употребление слов с семантическими признаками “хрупкости”, “ломкости”, “тонкости”, причем в обоих случаях для характеристики сущности еврейства – вечная изменчивость и устойчивость» [15, с. 221].

Автор статьи – известный израильский исследователь, но его реакция на мандельштамовский узус совпадает в данном случае со «стандартной» реакцией критика. Критик чувствует «чуждость» мандельштамовского узуса лексемы «изящный», чуждость семантики, вкладываемой М в это слово, стандартному русскому языку и пытается эту «чуждость» объяснить самыми различными «внешними» факторами.

Для Сегала этот фактор – глубинное понимание Мандельштамом еврейства. При этом проводится тонкий сравнительный анализ блоков, содержащих лексему. Другой критик ограничился бы указанием на симпатии М к классовому врагу, но оба они не видят, что на самом деле здесь работает *СИ-функция, суггестирующая и имплицитная немецкое (одновременно идишское) *fein* с его широким семантическим спектром: *fein* = ‘мелкий, изящный, деликатный, нежный, пре-

⁹¹ Подробнее см. Приложение 2.

⁹² Выполненными М в 1926 г.

красный, хитрый, умный. Тем самым, слово «изящный» с помощью *СИ-функции внедряется в этот семантический спектр и высекает из него нужный ему (слово – Психея!) в данный момент смысл, см. подробнее в [16].

ПРИМЕР 2. Замечательным (современным) примером подсознательного суггестирующего воздействия на критиков, семантических реальностей мандельштамовского текста является вполне содержательная статья Н. Петровой [42], изучающая негативную семантику образа «черемухи» у Мандельштама (в частности, о стих. «Из табора...» Петрова, не аргументируя, говорит, что здесь «черемуха вбирает в себя прустовскую тему иллюзорности жизни...»). В статье приводится даже маргинальная информация о когнатах «черемухи» в балтийских языках, при этом совершенно необходимая для комментирования текстов Мандельштама семантика черемухи в немецком/идиш языке-посреднике не упоминается вообще!

А между тем образ «черемухи» в стих. «Из табора улицы темной...» пропускается через немецкий/идиш язык-посредник, в котором его (буквальный) смысл крайне негативен: Faulbaum ‘черемуха’ – букв. ‘испорченное, фальшивое, «неправильное» дерево»; идишское [foylboym] имеет идентичную семантику.

«Значением» соответствующей *СИ-функции и становится этот негативный «смысл», позволяющий понять, почему, например, в стихотворении «Из табора улицы темной...» пронизанном (по-видимому, под влиянием неудачного во всех отношениях романа с О. Ваксель) ощущениями и мотивами тщетности, бессмысленности, ненужности, эфемерности, мыльной пены, и погони за всем этим, возникает образ «погони за веткой черемухи».

Но совершенно замечательно здесь то, что исследователь, со своим острым текстуальным чутьем, не зная о присутствии *СИ-функции и *G-монитора, чувствует результат их работы внутри текста – негативный смысл слова, порождаемый его «еврейско-немецким» смыслом.

То же чувствуют и критики, многим из которых в «тонком чутье» текста нельзя отказать.

6.5.4. Мифологизация образа М у критиков⁹³.

Известная мифологичность мышления критиков, в целом (независимо от своей этничности), адекватных представителей русской (восточнославянской) цивилизации, по-видимому, формировала их отношение к текстам, дискурсу и, вообще, к экзистенции М как к своеобразному чужому, непонятному «инопланетному» феномену, «свалившемся с какого-то Марса на петербургскую мостовую» [30, с. 91].

Это приводило к их восприятию экзистенции М как опасного МИФА, что усиливало у них реакцию отторжения.

Часто это соответствовало глубоко укорененному в сознании общеевропейскому мифу о «непонятном, чужом, страшном и опасном еврее-колдуне», ср. воспоминания Г. Иванова о квартире семейства М-ов в 10-х годах: «Из соседней комнаты – хриплый шепот бабушки, сгорбленной над Библией: СТРАШНЫЕ, НЕПОНЯТНЫЕ древнееврейские слова» [30, с. 85]. По Иванову (и в полном соответствии с общепринятой мифологией), бабушка М «высчитывает сроки пришествия Мессии...».

Впрочем, В. Жирмунский еще в 1916 г. без каких бы то ни было еврейских коннотаций писал о «призрачном, таинственном и ПУГАЮЩЕМ» мире поэзии М [17, с. 387].

Надо сказать, что «серебряный век» (т.е. девятисотые и десятые годы) был вообще «настроен» на восприятие поэта как колдуна или мага: например, у Ф. Сологуба была репутация колдуна, а у В. Брюсова – мага. С. Маковский писал о «неподражаемом колдовстве» И. Анненского, о «магии творящего слова» и «заклинательных орудиях» В. Иванова [59, с. 123] Но соответствующий миф о М много ярче и интенсивнее.

Н. Гумилев в 1916 г. в «Письмах о русской поэзии» о «Камне»: «“Silentium” с его КОЛДОВСКИМ призыванием до-бытия <...> Он [М] чувствует в ТАИНСТВЕННОМ подлинную ОПАСНОСТЬ для своего человеческого «я» и боится ее звериным страхом...»⁹⁴.

⁹³ Конечно, мифологизация М имеет место далеко не только у критиков, но для наших рассмотрений здесь важны именно критики и литераторы как профессиональные «РЦ-вербализаторы».

⁹⁴ Цит. по [2, с. 388].

Б. Лившиц в «Полутораглазом стрельце» о том же стихотворении “Silentium”: «...ностальгические ЗАКЛИНАНИЯ Мандельштама: “Останься пеной, Афродита, / И слово в музыку вернись!”»⁹⁵.

А. Серебров в критической статье 1916 г. о текстах М: «В... точных холодных описаниях...все предметы, чувства и события приобретают ЖУТКУЮ неподвижность и ПРИЗРАЧНОСТЬ...сам автор...тоже становится ПРИЗРАКОМ... блеск его [«Камня»] МЕРТВЫЙ...»⁹⁶.

Тот же Г. Иванов сообщает впечатления от чтения М стихов в 1912 г. (?): «...чтение Мандельштама, несмотря на всю его нелепость, как-то ОКОЛДОВЫВАЛО. Он подпевал и завывал, покачивая головой на тонкой шее⁹⁷, и я испытывал какой-то холодок, СТРАХ, волнение, точно перед СВЕРХЪЕСТСТВЕННЫМ. Такого <...> я еще не видал в жизни» [30, с. 90].

А. Лурье в воспоминаниях о десятих годах: «Мандельштам <...> в контакте с поэзией впадал в состояние СВЯЩЕННОГО БЕЗУМИЯ <...>. Чтение стихов было для него каким-то ОБРЯДОМ; читал он <...> сопровождая кадансы пассажами: он то широко разводил руками, то поднимал и опускал их перед собой...» [59, с. 274, 280]. Лурье пишет там же о «пророческом ощущении мира» М: «Эсхатологическое сознание было главной движущей силой Мандельштама...».

А. Тагер в мемуарах 1965 г. о чтении М стихов на встрече Нового 1917 г. в «Привале Комедиантов» в Петрограде: «Он не скандировал, не произносил стихи, он ПЕЛ КАК ШАМАН, ОДЕРЖИМЫЙ видением. <...> У Мандельштама они [стихи] звучали как ЗАКЛИНАНИЕ. <...> Стихи были фантастичны, СТРАШНЫ, неотразимы»⁹⁸.

Э. Миндлин в мемуарах о 1919-20 гг. в Феодосии, описывает вполне характерную реакцию феодосийских коммерсантов на чтение М стихов: «Он был для них чем-то вроде блаженного. Из СУЕВЕРИЯ, чтобы ладились их коммерческие дела и чтобы БЛАЖЕННЫЙ поэт замолил перед богом их грехи своими

⁹⁵ Цит. по [51, т. 1, с. 408].

⁹⁶ Цит. по [1, с. 449].

⁹⁷ В предыдущей фразе Г. Иванова: «и делал руками как бы пассы».

⁹⁸ Цит. по [51, т. 1, с. 428].

стихотворными строками, они подавали ему... на поэзию! По моему, больше всего он импонировал им тем, что они не понимали его. МАГИЯ поэтической «бессмысленки» внушала им МИСТИЧЕСКИЙ СТРАХ» [132, с. 92].

Н. Павлович пишет о первом после возвращения в Петроград публичном чтении М своих стихов (21 октября 1920 г.): «Но вот он начал читать, нараспев и слегка ритмически покачиваясь. <...> Некрасивое, незначительное лицо Мандельштама стало лицом ЯСНОВИДЦА и ПРОРОКА. Это поразило и Александра Александровича⁹⁹».

И. Одоевцева вспоминает свои впечатления во время публичного чтения стихов М (зима 1920-21): «Слушая его, глядя на его закинутое, мучительно-вдохновенное лицо с закрытыми глазами, я испытываю что-то похожее на священный СТРАХ». В другом месте она описывает «ЗАКЛИНАЮЩУЮ» манеру чтения М того времени: «... [М] откинув голову и делая протянутыми вперед руками пассы, сомнамбулически распевает, то повышая, то понижая голос...» [19, с. 125, 188].

Одоевцева сообщает также реакцию В. Пяста на чтение М: «...Вы маг и ВОЛШЕБНИК, – <...> по лицу Пяста проходит нервная дрожь. – Но в этом большая ОПАСНОСТЬ, Осип Эмильевич. Сможете ли вы справиться с ДУХАМИ, которых вызвали к жизни?» [19, с. 193].

В 1922 г. Н. Пунин (Петроград) писал в крит. статье о сборнике *Tristia*: «...я всему изменю, чтобы слышать этого МОГУЩЕСТВЕННОГО человека. В своем ночном предрассветном сознании он машет рукавами каких-то великих и кратких ТАЙН»¹⁰⁰.

В том же 1922 г. В. Ходасевич (Берлин) в уже цитированной статье писал: «...стихи Мандельштама начинают волновать какими-то ТЕМНЫМИ ТАЙНАМИ...»¹⁰¹.

В 1923 г. М. Цветаева пишет о «МАГИИ» и «ЧАРАХ» стихов М (см. 6.2).

В 1927 г. А. Ахматова в разговоре с П. Лукницким говорит о «СВЯЩЕННОМ БЕЗУМИИ» Мандельштама¹⁰².

⁹⁹ А. А. Блока, сидевшего рядом. Цит. по [51, т. 3, с. 365]

¹⁰⁰ Жизнь искусства, 17.10.22, цит. по [1, с. 453].

¹⁰¹ Цит. по [1, с. 453].

¹⁰² Дневник П. Лукницкого, цит. по [67, с. 172].

В 1948 г. Н. Заболоцкий (см. 6.2) в стих. «Читая стихи»¹⁰³ пишет об «ИЗОЩРЕННОСТИ» речи М, о том, что М «надевает КОЛПАК КОЛДУНА» и пытается принести «мечты человечьи», а также «ЖИВОТВОРЯЩИЙ, полный разума русский язык» «В ЖЕРТВУ этим забавам»¹⁰⁴.

В 1966 г. критик П. Громов, говоря о ранних текстах М, применяет совершенно не свойственный советской критике «нематериалистический» вокабуляр (см. 6.2): «...сама предметность в них [стихах М] постоянно и неуклонно “опрозрачивается”, распредемечивается. Сами вещи как бы пронизываются какими-то СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИМИ токами, перестают быть вещами и потому начинают ПУГАТЬ читателя странной, парадоксальной беспредметностью».

Здесь просвечивает характерная (подсознательная?) демонизация Заболоцким и Громовым образа М.

В начале 50-х С. Маковский в парижских мемуарах в совершенно мифологизированном ключе описывает свое впечатление от манеры письма М «после “Tristia”»: «... “непонятные” строчки звучат у Мандельштама не рассудочно, не обнаруживают хитро-сознательного приема, а выбрасываются им с оглядкой на “врага” из сознания повышено-нервного, страстно-напряженного, отдающего дань “ПОЭТИЧЕСКОМУ БЕЗУМИЮ” (вероятно, его и ОПЬЯНЯЛА эта словесная эквилибристика у “МРАЧНОЙ БЕЗДНЫ НА КРАЮ”)...»¹⁰⁵ [72, т. 3, с. 414].

В середине 60-х критик и литературовед Г. Струве, разумеется, не демонизирует образ М, которому он, наоборот, глубоко симпатизирует. Однако в своей статье-предисловии к собранию М, говоря о стихах воронежского периода, Струве использует тот же «демонизационный» вокабуляр: «...слова начинают звучать как ШАМАНСКИЕ ЗАКЛИНАНИЯ» [51, т. 1, с. LIX].

¹⁰³ Фактически, критической статье в стихах о творчестве М.

¹⁰⁴ Здесь просматривается, кажется, аллюзия на «еврейское ритуальное жертвоприношение» (контекст «кровавого навета», гоголевско-розановского «еврейского колдуна») и т.п.

¹⁰⁵ Выглядит так, как будто критик присутствовал при каком-то psychodelic performance Мандельштама, а ведь С. Маковский всего лишь прочитал 45 дошедших до него к тому моменту стихотворений «после “Tristia”».

В критической статье 1963 г. Э. Райс говорит о текстах М: «...струя его ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ льется вне какой бы то ни было смысловой или сюжетной связи <...> Наряду с КОСНОЯЗЫЧИЕМ ПИФИИ, <...> в его новых одах господствует ТАЙНОПИСЬ...» [51, т. 1, с. LXVI, LXIX].

А. Кулинич в критической работе 1967 г.¹⁰⁶ говорит о «ПУГАЮЩИХ фантазмагориях» в стихах М.

Писатель В. Катаев в мемуарах конца 60-х сообщает впечатления (1923 г. ?) от чтения М своих стихов: «Я смотрел на него, несколько манерно выпевавшего стихи, и чувствовал в них нечто ПРОРОЧЕСКОЕ...» [38, с. 80]. Там же: «...Мандельштам <...> шепеляво ЗАВЫВАЯ, стал вкрадчиво и вместе с тем высокомерно, даже САТАНИНСКИ-ГОРДО декламировать...» [38, с. 242].

* * *

М сам способствовал собственной мифологизации, создавая свой «индивидуальный миф» и время от времени высказывая «страшилки» типа:

- (Воронеж, 1935): «Поэтическая мысль – вещь страшная, и ее боятся», «Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся» [8, с. 129],
- (Москва, 1934, в стих. «Голубые глаза...» про Белого и себя): «...тебе суждена была ЧУДНАЯ власть» [1, с. 206].

К тому же, еще в 1921 г. в «программной» статье «Слово и культура» М говорил: «В священном исступлении <...> он [поэт] говорит на совершенно неизвестном языке. И всем и ему кажется, что он говорит по-гречески или по-ХАЛДЕЙСКИ».

«Халдейский» язык здесь возникает не случайно: «халдей» в древнем мире – архетипический МАГ, ВОЛШЕБНИК, КОЛДУН.

Э. Герштейн вспоминает, что чтение сборника «О поэзии» 1928 г., включавшего эту статью, наполнило ее «апокалиптическим ужасом»¹⁰⁷.

Эта «мифологизация» М и его текстов проявлялась на поверности в самых различных формах.

¹⁰⁶ Изд. Киевского университета, см. 6.2.

¹⁰⁷ Цит. по [11, с. 435].

Часто подсознательный страх перед «мифом Мандельштама» актуализировался в виде утверждения об «опасности» чтения или слушания стихов М или, вообще, контактов с ним. Показательно здесь свидетельство Н. Харджиева (в письме Б. Эйхенбауму [13, с. 532] о вечере стихов М в редакции «Литературной газеты» в 1932: «Мандельштам, седобородый патриарх¹⁰⁸, ШАМАНИЛ в течении двух с половиной часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) – в хронологическом порядке! Это были такие СТРАШНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ, что многие ИСПУГАЛИСЬ. Испугался даже Пастернак, пролепетавший...» (см. 6.2).

Разумеется, ощущение «опасности» М и его стихов только усилилось после чтений Мандельштамом эпиграммы «Мы живем, под собою не чуя страны...», по крайней мере, полтора десяткам людей, многие из которых приходили в ужас, воспринимая это как опаснейшую провокацию, см., например, реакцию Г.А. Шенгели¹⁰⁹: «Мне здесь ничего не читали, я ничего не слышал...».

В формирование упомянутого «Мифа Мандельштама» внесло свой вклад и мифологизированно-сакральное отношение части критиков, литераторов и советских начальников, включая Сталина (и, возможно, идущее от Сталина), к слову-концепту «мастер». Ср. вопрос Сталина про М в «телефонном разговоре с Пастернаком»: «Но ведь он мастер, мастер?». Даже если «телефонный разговор» сам по себе – миф, то появление в его «тексте» «мастера» вполне показательно, см. в [14] разбор ситуации вокруг «мастер(ства)», включая влияние «телефонного» «мастера» на возникновение булгаковского «мастера».

Ср. также в «Дневнике» К. Чуковского о разговоре с одним из редакторов «Литературной газеты» в августе 1932 г.: «Пора этого МАСТЕРА поставить на должный пьедестал...», сказал редактор, заказывая Чуковскому статью о М [33, с. 68].

М и здесь, по-видимому, внес вклад своими «страшилками». Н. Мандельштам [9] передает его реакцию на ее сообще-

¹⁰⁸ Мандельштаму в этот момент 41 год!

¹⁰⁹ Зафиксированную С. Липкиным в мемуарах «Угль, пылающий огнем...» [72, с. 32].

ние (май 1935 г.) о «телефонном разговоре»: «...Почему Сталин так БОИТСЯ «мастерства»? Это у него вроде суеверия. Думает, что мы можем НАШАМАНИТЬ...»¹¹⁰.

Сакрализация и демонизация понятия «мастер» идет (в России), вообще говоря, от восточноевропейских народных мифологических представлений, в которых большой «силой демонизма» обладают «специалисты», например, знахари, употребляющие свои знания во вред людям («врачи-убийцы!»), см. об этом [55, с. 118].

Послевоенная (вне СССР) критика еще больше мифологизировала и даже сакрализовала образ и тексты М. Особенно сильно это проявилось у некоторых еврейских (израильских) критиков, стремившихся, в каком-то смысле, «вернуть М в лоно еврейства». Уже упоминалось, что израильский критик М. Каганская писала в 1977 г. (6.2): «...мир, саму ткань бытия ощущал Мандельштам САКРАЛЬНЫМ текстом...».

Примеры постсоветских мифов о жизни М предоставляет уже цитированная (6.2) критическая статья 2004 г. М. Золотоносова, в которой говорится: «Именно с “экстремальностью” Надежды Яковлевны был связан внезапно вспыхнувший интерес Осипа к политике. Именно она провоцировала мужа на безумные, “сверхчеловеческие” поступки, инициировала баланс “бездны мрачной на краю”, играя на его неутоляемом честолюбии и привычке к исключительности. <... Она считала, что Осипу лучше умереть, чем жить “под Сталиным”, и активно толкала его к смерти».

Здесь проявляется одна из типических для традиционного российского представления о евреях¹¹¹ сюжетных мифологем: супружеская чета, состоящая из «положительного», но «не от мира сего», мужа и (руководящей им) «отрицательной», вполне «от мира сего», жены.

Это, по-видимому, проявление общего мифологического представления о еврейских женщинах, хорошо сформулиро-

¹¹⁰ См. выше в письме Харджиева: «шаманил».

¹¹¹ И, вообще, о «цивилизационно чуждых», например, о советских диссидентах, см. «советский» дискурс о гениальном, но слабом и не от мира сего, Сахарове и управляющей им агрессивной еврейке Боннер.

ванного в монографии Ю. Слезкина¹¹²: «... в еврейских общинах Восточной Европы женщины играют важную роль в связях с внешним миром (как исполнительницы, рыночные торговки или посредницы при переговорах) и нередко считаются сексуально вызывающими и социально-агрессивными – впечатление, которое они порой сознательно усиливают» [70, с. 22].

6.5.5. Реакция на «медиативность/медиаторство».

«Излишняя» ориентация М на медиаторство вызывает у части критиков негативную реакцию. Характерен недоуменно-неодобрительный пассаж В. Парнаха в критической статье 1926 г. (см. 6.2): «Он [Мандельштам] накануне революции забавлялся в фантастических стихах воспеванием России как будущего Рима и восхвалением архитектурных красот католичества. Обладая умственными свойствами **талмудического порядка** [sic! – Л.Г.] и пламенно любя прошлое Европы, он находил радость в сооружении самых **СТРАННЫХ** литературных построек, в сочетании наново **РАЗЛИЧНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**, <...>. Он делал смотр древней Греции, Риму Цицерона, Риму папскому, Лютеру, Парижу и т.д.»¹¹³.

У критиков-симпатизантов (обычно, иностранных) эта ориентация, наоборот, вызывает одобрение и даже восхищение. В 1963 г. Э. Райс сравнивает активную медиативность М с «медиумизмом» Блока: «Мандельштаму не свойственен медиумизм Блока, обвиняющего “творческий разум” в убийстве певчей птицы дарованного свыше вдохновения. Разница между ними в том, что Блок довольствуется ролью пассивного вместилища получаемого свыше подарка, тогда как Мандельштам “вырывает клещами” весть из другого мира, действительно требует всего, “именно того, что надо”. Он весь – “там”, полностью мобилизован для завоевания небесного дара» [51, т. 1, с. LXV].

Польский поэт и критик Ярослав Рымкевич говорит в 1985 г. о том, как «медиаторская» ориентация М повлияла на его собственное творчество и, вообще, на польскую поэзию:

¹¹² Который сам в значительной степени является носителем этих представлений!

¹¹³ Цит. по [51, т. 3. с. 400].

«...Мандельштам <...> показал мне, что такое Греция, что такое Рим, где лежат и каковы корни европейской культуры, как следует воспринимать античное наследие.<...> он и дальше будет продолжать влиять на европейскую поэзию. <...> тем, что он показывает, каковы ценности европейской культуры, <...> он научил меня, как следует “читать” европейское прошлое, общие корни европейских традиций» [45].

В постсоветский период медиативная («информационная») ориентация М вызывает у критиков и исследователей явно позитивную реакцию. Например, Л. Панова, анализируя концепт ‘неба’ в поэзии М, пишет пассаж, похожий на положительный отзыв методиста ГОРОНО о деятельности школьного преподавателя астрономии: «Концепт этого слова дает читателю НОВОЕ ЗНАНИЕ о небе – и знание это нередко ЗАКРЕПЛЯЕТСЯ в сложных метафорах и предложениях условного тождества» [142, с. 164]. Она же пишет о позднем М: «...в 30-е гг. Мандельштам даст четкую формулировку разрыва прошлого и настоящего и сделает себя (и лирическое “я” стихотворения¹¹⁴) СВЯЗУЮЩИМ ЗВЕНОМ между ними» [142, с. 370]. Сравнивая «московские» тексты М и Цветаевой, Панова говорит: «У Цветаевой в фокусе описания находится “только русское”, у Мандельштама же явственно наблюдается движение от русского к ино- или общекультурному и обратно» [142, с. 735].

6.5.6. Реакция на «оксюморонность».

Явная, и часто намеренно подчеркиваемая, оксюморонность (двойственность, «дополнительность по Бору») дискурса и экзистенции М раздражала критиков и не-критиков¹¹⁵. Негативность рецепции феномена «оксюморонности» – замечательная по чистоте архетипичности «еврейская» ситуация.

Для выражения своей «негативной рецепции» критики используют вокабуляр: «бессмысленность, двусмысленность, двойственность, непонятность, несообразность, колеблющееся сознание, парадоксальность».

¹¹⁴ Имеется в виду стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...».

¹¹⁵ Редкое исключение – В. Жирмунский, возможно, потому что его подход – скорее исследовательский, см. ниже.

Примеры:

- (1914) И. Одоевцева цитирует в (поздних) мемуарах рассказ М о реакции редактора газеты на его стихотворение «Немецкая каска» (1914): «Но редактору стихотворение совсем не понравилось – ДВУСМЫСЛЕННОЕ. НЕПОНЯТНО, кто «герои»...» [19, с. 270].
- (1916) В. Жирмунский пишет: «...Мандельштам всегда сопоставляет <...> представления, самые отдаленные друг от друга, фантастически неожиданные, относящиеся к областям бытия, по существу своему раздельным» [17, с. 394].
- В 1923 г. М. Цветаева пишет о «ПУТАННОЙ, СЛАБОЙ, ХАОТИЧЕСКОЙ мысли» и «БЕССМЫСЛИЦЕ» в стихах М (см. 6.2).
- В том же 1923 г. С. Бобров пишет о «стихах НИ О ЧЕМ» и о «роскошной БЕССМЫСЛИЦЕ» в текстах М (см. 6.2).
- В 1930 г. Н. Берковский (с неодобрением воспринимающий оксюморность текста М исключительно как вид словесной игры) пишет: «**“Несообразность”** – двигательный принцип мандельштамовского стиля. Стихия игры, стилистических увеселений очень сильна у Мандельштама, и во славу ее нередко жертвует назначением стиля как “передачи”, как выразительного средства. <...> [М] не в силах оторваться от **острой прелести несовпадений**, <...> сам автор кажется стилистическим хищником, поднявшим предметы на высоту, держащим их в клюве и **парадоксально раскачивающим** – вот-вот сейчас сорвутся» [167, сс. 162-164].
- В 1930 г. А. Тарасенков пишет: «хаос, аномальность, БЕССМЫСЛЕННОЕ соединение несоединимого» (6.2).
- А. Михайлов и П. Нерлер пишут об «Оде» уже в 1990 г.: «Действительно, “Оде” свойственна смысловая ДВОЙСТВЕННОСТЬ, подчас ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ (недаром ни один журнал “Оду” не напечатал)» [I, с. 587].
- Г. Иванов в мемуарах 1955 г.: «Его <...> неустойчивая голова была переполнена ПРОТИВОРЕЧИВЫМИ идеями, высокой умной ПУТАНИЦЕЙ» [30, с. 617], «В большинстве <...> стихотворений КОЛЕБАНИЯ поэта перемешаны, как будто он не может решить, на чем окончательно остановиться. Эти КОЛЕБАНИЯ и в дальнейшем не разрешатся до конца» [30, с. 620].

- И. Одоевцева пишет, как о чем-то само собой разумеющемся, о «вечно КОЛЕБЛЮЩЕМСЯ, неуверенном в себе сознании» М, она же пишет о его поведении: «Труслив, как кролик, и в то же время смел, как барс». Она же цитирует Н. Гумилева, который говорил¹¹⁶, что М «дан чудесный дар РАЗДРОБЛЯТЬСЯ», быть одновременно в нескольких местах [19, с.126, 136, 137].
- В. Ходасевич в мемуарах о петербургском «Доме Искусств» в 1920 г. так описывал противоречивое поведение М: «...это странное и обаятельное существо, в котором податливость уживалась с упрямством, ум с легкомыслием, замечательные способности с невозможностью сдать хотя бы один университетский экзамен, леность с прилежностью, <...>, заячья трусость с мужеством почти героическим – и т.д.»¹¹⁷.
- А. Цветаева (в интервью 1974 г.) говорила о поведении М (в Коктебеле): «Он мог быть очень наглым и, в то же время, очень деликатным» [27, с. 233].
- М. Каганская, израильский русскоязычный критик, писала в 1977 г. об имманентном мандельштамовском «двойничестве»: «...у каждого реального явления, втянутого в орбиту мандельштамовского сознания – от бабочки до философского или религиозного учения (славянофильство, буддизм) – есть свой «ДВОЙНИК», тайный трансцендентный смысл, символ, знак» [36, с. 179].
- А. Кушнер пишет в 1980 г. об «Оде»: «Эти стихи – лишь наиболее полное, но не единственное свидетельство КОЛЕБАНИЙ и сомнений Мандельштама» [I, с. 587].
- С. Аверинцев пишет в 1998 г. в [21]: «Мандельштам мог позволить себе декларации вроде бы классицистские (*“революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму...”*), и тут же — вроде бы авангардистские. Конечно, этими своими выходками он спровоцировал у своих почитателей уйму БЕСТОЛКОВИЦЫ. <...> Но БЕСПРИНЦИПНОСТЬ, с которой выражался О. М., локализуется только в статьях, компенсируя, уравновешивая собой страшно жесткий выбор, совершающийся в эпицентре его же творческих катастроф. Поэзия у него круто ПРОТИВОПОЛОЖНА и клас-

¹¹⁶ Явно имея в виду не только «физику».

¹¹⁷ Цит. по [51, т. 1. с. 452].

сицизму, и авангардизму, находясь в чрезвычайной близости и к тому, и к другому...»¹¹⁸.

- Наконец, М. Гаспаров говорит в 2001 г. в своих комментариях к стихам М: «...тема КОЛЕБЛЮЩЕГОСЯ ОТНОШЕНИЯ К МИРУ была для ОМ важна», [34, с. 789].

Следует заметить, что критики и литературоведы в своем дискурсе о М сами применяют, под его влиянием, оксюморонные выражения.

Например, П. Громов в работе 1966 г., говоря о ранних текстах М, придумывает и применяет оксюморонные сочетания типа «распредмеченной предметности»: «Получается странное положение: стихи Мандельштама немыслимы без конкретности, однако сама предметность в них постоянно и неуклонно “опрозрачивается”, распредмечивается. Сами вещи <...> перестают быть вещами и потому начинают пугать читателя СТРАННОЙ, ПАРАДОКСАЛЬНОЙ беспредметностью» (см. 6.2).

6.5.7. Реакция на «пародийность» и «автопародийность».

Частный случай «оксюморонности» – «автопародийность», самонасмешка и просто насмешка или ирония М (2.2.1), также вызывают, в целом, негативную реакцию критиков, которым иногда кажется, что М намеренно их «дразнит» или что его смех (хохот) странен, непонятен и неадекватен. Такую же негативную реакцию вызывает и симметрично-сопряженная ситуация «вызывания смеха» над самим собой, «смешного вида» (см. 2.2.2).

В 1930 г. Г. Иванов писал в газете «Парижские новости»: «...я слышал по своему адресу упрек: “... Зачем вы представляете его [Мандельштама] в своих воспоминаниях каким-то комическим чудачком? Разве он мог быть таким?” Именно таким он был. <...> зачем же выдумывать забавное о человеке, который сам, каждым своим движением, каждым шагом “сыпал” вокруг себя ЧУДАКОВАТОСТЬ, СТРАННОСТЬ,

¹¹⁸ Здесь снова ясно видно, как Аверинцев противопоставляет поэзию («культурный дискурс») М его же прозе (т.е. «цивилизационному ЕЦ-дискурсу»), см. об этом 6.5.1.

НЕПРАВДОПОДОБНОЕ, КОМИЧЕСКОЕ... не хуже какого-нибудь Чаплина» [30, с. 319].

В. Ходасевич летом 1916 г. с явной неприязнью пишет в письме из Коктебеля: «Мандельштам. Осточертел. ПЫЖИТСЯ. Выкурил все мои папиросы. Ущемлен и уязвлен. ПОСМЕШИЩЕ всекоктебельское»¹¹⁹.

Ю. Айхенвальд в упоминавшейся (в 6.2) статье 1925 г. пишет о ШВ: «Тон ВЫСОКОМЕРИЯ и НАСМЕШКИ...».

А. Тарасенков в упоминавшейся (в 6.2) статье 1929 г. пишет о «Египетской марке»: «...злая, издевательская ИРОНИЯ над самим собой, над своим поэтическим стилем».

Н.Я. Мандельштам пишет о стихах 1931 г.: «Весь период жизни на Старосадском – какой-то особый ДРАЗНЯЩИЙ ТОН, вызывающий дополнительную ненависть»¹²⁰.

М. Зенкевич вспоминает (в 1967 г.) о разговоре (видимо, 1931-32 гг.) с М после чтения стих. «За гремучую доблесть...» со строкой «Уведи меня в ночь, где течет Енисей»: «Я говорю: “Осип, чего ты просишь?! Чтоб тебя сослали, что ли? Как же можно такое писать?!” Он как ЗАХОХОТАЛ! ...» [66, с. 31].

С. Аверинцев писал о прозе М в статье 1998 г. (см. 6.2): «...предвещающая нынешний постмодернизм игра на понижение, банализация всех тем, УСМЕШЕЧКА».

В этой же статье Аверинцев пишет о стихотворении «Когда октябрьский нам готовил временщик...»: «Стихи СМЕШНОВАТЫЕ, не без того, — но ведь так близки к несомненному и вершинному совершенству “Декабриста”». Дальше в этой же статье: «Ко мне прицепилась и не отпускает чуть СМЕШНАЯ строчка: “С миром державным я был лишь ребячески связан”».

В. Мусатов писал в 2000 г.: «Строфа о Хомякове <...> имела ИРОНИЧЕСКИЙ и даже ПАРОДИЙНЫЙ характер. <...> Общинное начало Руси, выдвинутое в центр учения Хомякова, Мандельштам метонимически (и ИРОНИЧЕСКИ) назвал “бородой”...» [20, с. 402].

¹¹⁹ Цит. по [21].

¹²⁰ Цит. по [1, с. 515].

6.5.8. Реакция на «динамичность».

Архетипически «еврейская» динамичность М (см. 2.3) неприемлема¹²¹ для критиков, которые воспринимают и отображают ее с непониманием и с насмешкой, т.е. приблизительно так¹²², как в русской литературе принято было описывать «смешную, нелепую, сумбурную» еврейскую жестикуляцию и телодвижения¹²³.

В рецепции этих критиков и литераторов, феномен Мандельштама в русской литературе – это феномен гоголевского жида Янкеля в русской поэзии, см. Введение.

М сам, конечно, чувствует эту негативную реакцию и даже описывает ее в ЕМ, подставляя вместо себя – своего двойника Парнока: «Сам он [Парнок], не замечая того, стал подозрителен и СТРАНЕН толпе. Его СУЕТЛИВОСТЬ обратила на себя НЕДОБРОЕ внимание коноводов»¹²⁴.

В отличие от общего негативного фона, В. Ходасевич в своей критической статье 1922 г.¹²⁵ регистрирует то же явление вполне нейтрально: «Поэзия Мандельштама – танец вещей, являющийся в самых причудливых сочетаниях».

Но критики (прижизненные) чаще всего реагировали на манифестации этой «динамичности» именно в прозе М – там она наиболее эксплицитна. А.Тарасенков в критической статье 1929 г.¹²⁶ пишет: «Действующие лица «Египетской марки» <...> безысходно МЕЧУТСЯ <...> разорванная СУМБУРНАЯ композиция, импрессионистические ПЕРЕСКОКИ...».

6.5.9. Реакция на «поиск единства».

Заметный у М (и «еврейский» *par excellence*) поиск «единства», моногенеза (см. 2.4), регистрировался критиками и вызывал раздражение у многих из них. Показательно, что некоторыми критиками подобный поиск единства (иногда понимае-

¹²¹ Часто, видимо, подсознательно.

¹²² И с тем же вокабуляром.

¹²³ См. об этом в статье Д. Заславского, будущего врага М по «делу об Уленшпигеле» [24].

¹²⁴ [72, т. 2, с. 567] – варианты и наброски к ЕМ.

¹²⁵ Дни, Берлин, 1922, 13 ноября, цит. по [I, с. 453].

¹²⁶ На литературном посту, 1929, №3.

мый как мессианизм) приписывался М даже без достаточных манифестаций этого явления в рассматриваемых ими текстах.

Эти критики и литературоведы, по-видимому, подсознательно реагировали при этом на некий «общий дух» дискурса М.

Интересно, что Н. Гумилев в «Письмах о русской поэзии» (1916) отмечает именно «цивилизационную»¹²⁷, а не религиозную обусловленность стремления к единству у М, и даже упрекает М в сотворении цивилизационного «кумира» – Города: «Но у человека есть свойство все приводить к ЕДИНСТВУ; по большей части он приходит этим путем к Богу. О. Мандельштам пришел к кумиру, – его, полюбившего реальность, но не забывшего своего трепета перед вечностью, пленила идея Вечного Города, цезарский и папский Рим. Туда несет он усталые от вечных¹²⁸ блужданий мечты...»¹²⁹.

Критик А. Горнфельд в статье 1923 г. (говоря одновременно о Белом и о М) насмешливо комментировал высказывания М в статье «Слово и культура» о «совершенно неизвестном» едином («синтетическом») языке поэзии: «...мы заговорили на всех и обо всех неизвестных нам языках и некоторые (среди них верные А. Белого) именно в этом вавилонском столпотворении усмотрели путь к взаимному пониманию» [28].

Критик В. Друзин в статье 1928 г. неодобрительно-нисходятельно отмечает у М «стремление заключить в одну всеохватывающую синтетическую формулу окружающий мир явлений» [II, с. 405].

Л. Гумилев в 1937 г. «неодобрительно» отзывался об, очевидно, чуждом ему самому, нехристианском¹³⁰ «монистическом сознании» Мандельштама, см. 6.2.

П. Громов в 1966 г. писал о «тенденции к ЕДИНСТВУ» в ранних текстах М: «Однако само это перспективное ЕДИНСТВО в идейном смысле таково, что оно **парадоксальным образом** как бы дематериализует, развоплощает, превращает в условные знаки жизненную предметность самого конкретного плана...», см. 6.2.

¹²⁷ В изначальном смысле слова «цивилизация» (из лат. *civis* = 'гражданин, горожанин').

¹²⁸ Агасферовских?

¹²⁹ Цит. по [2, с. 389].

¹³⁰ Еврейском?

В. Мусатов (см. 6.5.7 в конце) неодобрительно отзывался уже в 2000 г. о строфе М «А еще, богохранима, / На гвоздях торчит всегда / У ворот Ерусалима / Хомякова борода...»: «...через аналогию со щитом на вратах Царьграда хомяковская борода приобретает воинственный характер. Причем Восток, который Хомяков противопоставлял Западу, оказывается здесь и Москвой, оплотом воинственно настроенных славянофилов, и – в силу национального МЕССИАНИЗМА – Иерусалимом. “Московское” и “иудейское” ПАРАДОКСАЛЬНО¹³¹ ОБЪЕДИНИЛИСЬ провинциальной ПРЕТЕНЗИЕЙ НА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ» [20, с. 402].

Но израильский критик М. Каганская в статье 1977 г. пишет вполне одобрительно, даже восторженно, о стремлении М «к “однокоренному” образу любого явления (языка поэзии, культуры), к изначальной завязи любого видимого разнообразия. Каганская цитирует высказывание М о Бергсоне¹³² и определяет мировоззрение М как «жестко организованные телеологически оснащенные миры, сведенные к ОДНОМУ принципу действия, ОДНОМУ закону, ОДНОМУ ПОРОДИВШЕМУ их лону» и резюмирует: «Монотеистическая одержимость – ключ к музыке Мандельштама». Далее она пишет: «Мышление Мандельштама подчиняется иудейской потребности в ЕДИНСТВЕ этики и космологии» [36, с. 174, 190].

6.5.10. Реакция на тенденцию к «сокращению вещного мира».

Интересным системным частным случаем пункта 6.5.9, достойным отдельного рассмотрения, является то улавливаемое критиками у М и часто раздражающее их проявление «информационной цивилизации», которое они называют «тенденцией к сокращению вещного мира» или его «монетизацией»¹³³. Это проявление того, что на современном языке назвали бы «дигитализацией» (т.е. переводом в числовой формат) или архивированием или же «пакетизацией» информации о внешнем мире.

¹³¹ См. 6.5.6.

¹³² «...чей глубоко иудаистический ум...», см. 2.4.

¹³³ Н. Берковский (см. ниже); Н. Коварский, см. 6.2.

Несколько подробнее об этом замечательном свойстве текстов М, явно параллельном талмудической технике «сверток» и сокращений, или даже возникшем под ее влиянием, см. 1.5.3 и 2.5.3. Здесь мы ограничиваемся лишь рассмотрением реакции критиков на этот феномен.

Заметим, что уже в 1916 г. В. Жирмунский писал о «своеобразных и точных словесных ФОРМУЛАХ» М: «строчки, в которых дается заключение, почти всегда читаются отдельно, как формула» [17, с. 390].

Интересно, что в мемуарах 1963 г. о 10-х годах А. Лурье пишет о чем-то похожем: «... в ней [в поэзии М] – музыка ЧИСЕЛ и образов, как у Платона и у пифагорейцев...» [59, с. 279].

В статье 1924 г. Ю. Тынянов писал (6.2) о текстах М, пользуясь «валютно-финансовыми» метафорами: «У Мандельштама нет слова – звонкой МОНЕТЫ. У него есть оттенки, ВЕКСЕЛЯ, передающиеся из строки в строку. Пока – в этом его сила. Пока – потому что в период промежутка звонкая МОНЕТА чаще всего оказывается фальшивой».

В 1929 г. критик Н. Берковский писал про тексты М: «... из “широкого” факта готовится АББРЕВИАТУРА, стиснутый в малом пространстве отвар специфического. <...> Мандельштам работает в литературе, как на монетном дворе. Он подходит к грудам вещей и дает им в словах “денежный эквивалент”, приводит материальные ценности, громоздкие, занимающие площадь, к удобной монетной аббревиатуре. Образы его “монетны”, мне кажется, в этом их суть. Стилль Мандельштама имеет откровенную тенденцию интенсивно “сокращать” вещный мир <...>. “Монета” образа изготавливается как постоянный эквивалент. Образ-обобщение дается не для данной только стадии, не для данного только момента, но как бы навсегда»¹³⁴.

За год до статьи Н. Берковского 1929 г.¹³⁵ вышла работа А. Селищева об изменениях в русском языке в первом послереволюционном десятилетии, в которой утверждалось, что масса

¹³⁴ [167, сс. 172-173, 175], журнальный вариант статьи: Звезда № 5 (1929).

¹³⁵ Вряд ли это случайное совпадение, исследование Селищева вызвало полемику, и Берковский, скорее всего, был с этой работой знаком.

акронимов и аббревиатур в русском языке в указанный период возникла под еврейским влиянием (см. подробнее 1.5.3).

В 1909 г. А. Куприн возмущенно писал в письме Д. Батюшкову о том, что евреи «внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, ТОРГОВО-УСЛОВНЫХ, ТЕЛЕГРАФНО-СОКРАЩЕННЫХ, нелепых и противных слов» (см. 1.5.3).

В контексте п. 6.5.9 Куприн, Берковский и Селищев, по-видимому, просто лучше других эксплицировали одну из причин подсознательных негативных эмоций критиков и их реакции отторжения, о которых говорилось во всех пп. 6.5.1.–6.5.9.

В исследовании 2001 г. Л. Гервер считает эту тенденцию к «сокращению текстового мира», к «свертыванию» текста в прозе М проявлением «мифологизации» его прозы: «Способность свертываться, превращаться в многослойную структуру, <...> как и жесткая связь элементов целого между собой, приобщает прозу к мифу» [52, с. 189].

Но плотное присутствие в тексте «сверток» является характерным свойством текста Талмуда и других еврейских традиционных текстов, о «похожести» которых во многих отношениях на устройство прозы М уже говорилось в 2.5.

Н. Гумилев, скорее всего, не читал Талмуд даже в переводе Н. Переферковича, но тонко чувствовал присутствие этих «сверток» в тексте М. В 1916 г. в «Письмах о русской поэзии» Гумилев пишет: «...мысль [Мандельштама] напоминает мне пальцы ремингтонистки, так быстро летает она по самым разнородным образам, самым причудливым ощущениям, выводя увлекательную повесть развивающегося духа»¹³⁶. Клавиши гумилевской ремингтонистки удивительным образом напоминают «макрокоманды» компьютера, включение которых вызывает на дисплей «развертку» соответствующего «свернутого» образа.

По-видимому, эти же проявления «информационной цивилизации» в тексте М имел в виду А. Вознесенский, когда писал в статье 1991 г.: «Современникам, освоившим прогнозы ЭВМ, не мешало бы осознать и вещей ход, текст и судьбу ОЭМ – Осипа Эмильевича Мандельштама» [56].

¹³⁶ Цит. по [2, с. 388].

6.5.11. Восприятие М критиками как «критика».

Одна из причин специфических отношений критики с М состоит в том, что тексты М часто (подсознательно) воспринимались критиками как «критические». Критики часто чувствовали в М «коллегу», при этом они воспринимали его не просто как чужого, но как КРИТИКА-представителя другой цивилизации, т.е. **агрессивно-чужого** и поэтому опасного вдвойне и пытались защищаться и защищать. Здесь еще одна точка схожести ситуации М с чаадаевской, см. выше.

Н. Берковский в критической работе 1930 г. эксплицировал этот тип рецепции М критикой: «Мандельштам возник, когда художественная критика импрессионистов претендовала на звание искусства. <...> Тогда творилось искусство об искусстве и писались слова о словах. В этом смысле Мандельштам по существу “**критик**” – он воодушевляется не травкой и своими добрыми знакомыми, но Себастьяном Бахом или романом Диккенса. Стихи его – “художественная критика” на темы театра, архитектуры и поэзии. Всего же замечательнее в прозе: даже там, где как будто бы внимание его скопилось на бытовые предметы, – метод импрессионистической критики – не объекты ее – у него сохранился. <...> путь **критического импрессионизма**, чье искусство именно в <...> “переводе” символов одного порядка на символы другого, равнозначные, “равнопахнущие”» [167, сс. 171, 173].

Заметим, что слишком нейтральные по отношению к «враждебному элементу» тексты Берковского¹³⁷ вызвали озлобленную реакцию критика А. Тарасенкова. В своей «критике на критику» он писал: «...Берковский старательно пропагандирует стиль Мандельштама, <...>, стиль, порожденный распадающимся сознанием буржуа <...>. Думается, что подобную ‘техническую консультацию’ пролетарская литература должна отбросить решительно и бесповоротно» (1930)¹³⁸.

Интересно, в этом аспекте, что в своих критических статьях «о критике» М иногда использует терминологию критических статей о самом себе, т.е. как бы инвертирует ситуацию, меняясь

¹³⁷ См. еще высказывания Н. Берковского о М в 6.2.

¹³⁸ Цит. по [51, т. 2, с. 559].

местами со своими критиками. Например, в «Веере герцогини» он пишет о языке некоей рецензии: «Хуже всего, что это не простая БЕССМЫСЛИЦА, а ритуальная. Это какое-то ШАМАНСТВО на диком выпрленном жаргоне» [51, т. 3, с. 54].

6.5.12. Отношение к М этнически еврейских критиков.

Отдельного рассмотрения заслуживают причины неприятия М «этнически еврейскими» критиками и литераторами.

Для части из них страх перед «мифом Мандельштама» (6.5.4) включал ощущение, что М своей эксплицитной «еврейскостью» плюс неадекватным¹³⁹ поведением их как бы компрометирует¹⁴⁰. Ср. Б. Пастернак в разговоре с Н. Мандельштам об эпиграмме М на Сталина: «Как мог он написать эти стихи – ведь он еврей!» [7, с. 169].

Но этот тривиальный «галутный комплекс» вряд ли объясняет то странное ожесточение, с которым, например, критики А. Горнфельд и Д. Заславский вели против М настоящую «войну на уничтожение»¹⁴¹. М не оставался в долгу, Н. Мандельштам пишет в мемуарах: «Уленшигелевское дело с его отроутками – оно заглохло бы гораздо раньше, но О.М. отчаянно раздувал его» [9].

Похоже, М ощущал, что дело здесь, скорее, во «фратрицидном» комплексе, ср. в «Стихах о русской поэзии»: «И деревья – БРАТ НА БРАТА – восстают. Понять спешим...». Дело в том, что как раз для горнфельдov и заславских М не был «инопланетянином». Он был своим для них, вместе с его «иудейским хаосом» и субстратным немецко-еврейским суржилом, был, фактически, «нелюбимым братом», Иосифом, преданным и про-

¹³⁹ Например, в сфере отношений с «литературными» и прочими властями и т.п.

¹⁴⁰ Нечто подобное просвечивает даже в текстах критика Н. Берковского, который, в целом, «позитивно» относился к М (за что подвергся атаке со стороны критика А. Тарасенкова, см. пред. пункт). Достаточно отметить, что в своем подробном анализе стиля и техники «Египетской марки» в [167] Берковский **ни разу** не коснулся многочисленных еврейских коннотаций и аллюзий в этом эксплицитно «еврейском» тексте.

¹⁴¹ Подробно об этом см. в [3].

данным своими братьями, был Авелем-овцеводом, убиваемым братьями-каинами-идолопоклонниками¹⁴².

Ощущая это, М исключительно остро реагировал на курс этих критиков, подозревая в нем скрытые (но понятные для евреев!) негативные аллюзии.

Кажущаяся преувеличенной реакция М на «шубную метафору» в инвективе Горнфельда объясняется, скорее всего, именно тем, что М осознавал «неслучайность» выбора евреем Горнфельдом этого объекта, являющегося для М «негативным маркером» РЦ и знаковым объектом в контексте его обостряющегося «конфликта» с РЦ.

Описываемая Заславским в [24] ситуация «евреи versus русская литература» полностью совпадает с ситуацией «М versus советская литература». В [24, с. 85-86] тот же Заславский¹⁴³ пишет, рассуждая о евреях в рассказах Чехова: «Еврей остается чужим в русском обществе, чужим даже в том случае, если он отрекся от еврейства <...> Еврейская молодежь, прикоснувшись к русской культуре, словно отравлялась ею. У одних <...> полная беспринципность <...>, у других – мучительный надрыв...».

Эта точка зрения была близка М во второй половине 20-х годов. В сущности, для М бывший еврейский народник Горнфельд и бывший бундовец Заславский тоже были как бы свои, с рогами и копытами. Поэтому их нападение он ощущал как измену «своих», и весь конфликт ощущал как «внутриеврейский»¹⁴⁴.

¹⁴² Ср. русско-германскую омофоническую и омографическую игру в «Стихах памяти А. Белого»: A. Bely → Abel = Авель → «литератора-Каина хмурь» (см. 8.1).

¹⁴³ Бывший (раскаившийся) член Бунда.

¹⁴⁴ Не случайно, в этой связи, его сравнение «дела Уленшигеля» с «делом Дрейфуса». Дело здесь не во «внешнем» антисемитизме, хотя последний нарастал в СССР во второй половине 20-х. М, по-видимому, видел в себе нового Бернара Лазара (еврейский «дрейфусар»), вошедшего в конфликт с окружающими еврейскими *parvenu*-ассимиляторами, считавшими, что он компрометирует евреев своими выступлениями. Этот конфликт сделал Лазара своеобразным парией. М. Ямпольский (анализируя работу Х. Арендт «The Jew as Pariah») описывает ситуацию Лазара словами, полностью применимыми к ситуации Мандельштама в 1929 и коррелирующими с некоторыми пассажами М в ЧП: «Статус Лазара в такой ситуации был действительно статусом **парии** – одиночки, сражающегося за человеческое достоинство. Лазар писал: “Я стал **парией**, так как **мои предки** издавна подготовили меня к этому состоянию...” <...> Он от-

Для него это было традиционное, перерастающее в драку, противостояние благородных овнов-иудеев, наследников «овцеводов, патриархов и царей» с дурно-пахнущими¹⁴⁵ грязными козлищами-жидами, «козлоногими фертами», которых «с лягушкой венчают»¹⁴⁶. Обвинения со стороны этих «бывших своих» в чужести плюс в недостаточном владении русским языком¹⁴⁷ вызывали у М совершенно неадекватную реакцию, приводили его в бешенство, что отразилось в тексте «Четвертой прозы».

А. Гладков в мемуарах с удивлением пишет про эту «иудейскую войну»: «реакция настолько громче события, ее вызвавшего, тут все кажется преувеличенным, раздутым, слишком обостренным, чересчур чувствительным» [12, с. 323].

Одна из попыток «спокойной» полемики М со своими еврейскими критиками-оппонентами, по-видимому, имела место в скрытом виде в неподписанном предисловии 1926 г. к «Радану великолепному» [15].

М, похоже, в значительной степени отождествлял себя с теми французскими еврейскими писателями, которые, «отрекаясь от жаргона»¹⁴⁸, остаются еврейскими по каким-то другим характеристикам, например, по «внутренней форме».

Он писал в предисловии к «Радану»: «литературное творчество, ощущающее себя ФРАНЦУЗСКО-ЕВРЕЙСКИМ, зародилось внутри самой французской литературы, не отделяя себя

крыл для себя опасность еврейского парвеню, борьбу с которым он превратил в дело своей жизни <...>. Ассимиляция парвеню отмечает парию еврейством как **тавром**. Поэтому единственная возможность для парии сохранить в себе человека – это **восстать** против парвеню. Отсюда определение парии как **мятежника...**» [156, с. 81–82].

¹⁴⁵ «Писательство – это раса с **противным запахом** кожи и самыми **грязными** способами приготовления пищи» [II, с. 96]. Здесь «противный запах» и «грязь» – это сильнейшие признаки «чуждости» бывших «своих». Ср.: «Запах “чужого” могут приобретать и отвергнутые члены “своего” социума, которые автоматически превращаются в “чужих”» [166, с. 274].

¹⁴⁶ В кавычках – выражения из ЧП. В роли пушкинской лягушки выступает, конечно, советская РЦ, с которой эти омерзительные для М «жиды-ассимиляторы» стремятся «совокупиться».

¹⁴⁷ К тому же, не лишённые основания!

¹⁴⁸ Аллюзия на «отречение» самого М от жаргона (идиша) в ШВ.

от нее, как одно из закономерных ее проявлений. Эти писатели, настроенные в целом интернационалистически, испытывают в то же время подъем еврейского национального чувства и в восприятии жизни и формы несколько отличаются от французов. У них нет особого языка, они **не отрекаются**¹⁴⁹ от жаргона и даже не всегда замыкаются в кругу еврейских тем. Всех их, пожалуй, объединяет убеждение в том, что социальное обновление мира должно разредить судьбы еврейства, и, поскольку ударение делается на последнем, в этом воззрении можно разглядеть черты запоздалого мессианства. <...> Книгу его [Лекаша] можно назвать еврейской не столько по мироощущению, сколько по теме и внутренней форме».

Но нормальная полемика где-то после 1926 г. уже была, по-видимому, невозможна. Здесь начала примешиваться политическая составляющая – М ощущал, что его еврейские оппоненты – это те «свои», которые из каких-то низменных соображений выполняют заказ «чуждого им и ему» режима, т. е. настоящие предатели или наемные убийцы «своих».

Для них же¹⁵⁰ М с какого-то момента стал опасным для окружающих врагом режима и поэтому как бы «вне закона».

К ситуации М в это время непосредственно применимы слова Блока, сказанные по другому поводу: «художники 19 века... должны были тратить творческие силы на развитие противоядий, на сопротивление окружающей их плотной среде **цивилизации**, которая имела своих агентов и шпионов».

Горнфельды и заславские и были неформальными агентами враждебной М цивилизации.

Дело шло к полному и уже физическому взаимному отторжению. М это сам чувствовал: «Я китаец – никто меня не понимает» (ЧП, гл. 7). «Дело Уленшпигеля»¹⁵¹ послужило лишь «удачным» катализатором для реализации этого окончательного взаимного отторжения.

¹⁴⁹ Здесь, видимо, оговорка автора или ошибка корректора, логика фразы требует отсутствия отрицания **НЕ**. Но не оговорка ли это «по Фрейдю»?

¹⁵⁰ Как например, для Заславского, который, по-видимому, с конца 20-х стал выполнять «идеологические заказы» ЦК.

¹⁵¹ Дело о **переводах** – знаковое совпадение!

Глава VII

Языковая картина мира (ЯКМ) «межцивилизационного колобка». Ее «сдвинутость». Механизмы «германского монитора» и «СИ-операторов». Специфика «языковой геометрии» Мандельштама и причины, ее порождающие

– Штирлиц¹, я про вас все понял: вы еврей.
– Да русский я, русский!

Шутка середины 70-х.

7.1. Дефиниционное предисловие. Что такое ЯКМ?

«Рабочее» определение этого объекта здесь соответствует² формулировке, принятой группой российских лингвистов, занимавшихся в последнее время исследованием русской ЯКМ, см. напр. [80].

языковая картина мира (ЯКМ) – это

- фиксация в языке определенного способа восприятия мира.
- совокупность представлений о мире, заключенных в семантике и структуре языка.
- некая система взглядов и предписаний, «закодированная в неявных смыслах» слов, выражений и языковых структур и в способах порождения текста, – которая навязывается³ в качестве обязательной всем носителям данного языка [80, с. 9].
- «дифференциал ЯКМ»: системы **изменения** ЯКМ, способы порождения «сдвига» текста, «ориентации» текста и т.п.

¹ Stieglitz (нем./идиш ← зап. слав. stehlec) = 'щегол'. В серии стихов М называл себя «щеглом».

² С некоторыми нашими модификациями, касающимися, например, т. н. «дифференциала ЯКМ».

³ Отметим здесь же, что «навязываемая суггестивность», постулируемая для «общей» ЯКМ, является (в усиленном, «интенсифицированном» виде) крайне характерным свойством текста М.

Главными элементами (подсистемами) любой ЯКМ – являются:

- набор ключевых *слов-концептов (включающий «лингвоспецифичные» для данного языка слова);
- набор *ключевых идей (сквозных мотивов, конфигураций смыслов), служащих связями для ключевых слов-концептов [80, с. 10–11];
- набор лингвоспецифичных механизмов порождения текста, «дифференциала ЯКМ», набор ключевых *лексико-семантических функций (операторов), участвующих в этих механизмах и набор «значений» этих функций.

7.2. Специфичность ЯКМ Мандельштама⁴.

Характерным глобальным свойством *Weltanschauung* (общей картины мира) Мандельштама является ее мощная «лингвистичность» («филологичность») и сопряженный феномен – необычная насыщенность лингвистически обусловленной метафорикой. Б. Успенский пишет в работе о метафоре М: «...представления о природе слова определяют его [М] представления о мире, мир не существует для него вне языка» [102, с. 326].

Поэтому именно изучение **языковой картины мира** М является приоритетной задачей на пути к адекватному пониманию его дискурса⁵.

⁴ Пионером в исследовании ЯКМ Мандельштама была, по-видимому, сделанная в 70-х гг. известная «статья пяти авторов» [82]. Также, например, статья А. Жолковского 1979 г. «Я пью за военные астры. Поэтический автопортрет Мандельштама» [84, с. 60], монография N. Pollak 1995 г. «Mandelstam the Reader» [133] и др. фактически содержат некоторые фрагменты обсуждаемой ЯКМ. Из недавних работ особенно содержателен в этом отношении труд Л. Пановой 2003 г. [142], которая в 800-страничном трактате описала подробно и с массой лексико-статистики поле концептов в поэтическом идиолекте и в ЯКМ Мандельштама, связанных с «пространством», «временем», «перемещением», «космологией» и т. п.

⁵ При этом «методологически» правильно изучать ЯКМ М в сравнении со стандартными русской и еврейской ЯКМ, хотя сначала следовало бы адекватно описать эти объекты. Например, существенным, на наш взгляд, недостатком системы «инвариантов» М, расписанных А. Жолковским в упоминавшейся работе «Я пью за военные астры...» [84] является несопоставленность их со стандартной русской (или любой другой) «системой инвариантов», что вызы-

7.2.1. Как заглянуть внутрь языкового мира Мандельштама: что мы можем технически попытаться понять о специфике, о деталях, о подсистемах его ЯКМ?

- (а) ее «скрытая геометрия». Анри Бергсон, французский философ⁶, влиянию которого подвергся в «студенческие годы» Мандельштам⁷, сказал в одной из своих работ: «Все операции нашего интеллекта направлены к геометрии как к пределу, где они находят свое полное завершение... очевидно, что главной пружиной нашего интеллекта, заставляющей его работать, является **скрытая геометрия**, присущая нашему представлению о пространстве» [81, с. 213].
- (б) точки совпадения со стандартной «еврейской» ЯКМ.
- (в) наборы «ключевых концептов», «ключевых идей», ключевых лексико-семантических функций в ЯКМ Мандельштама и их соотношение со стандартной «русской» ЯКМ, со стандартной «еврейской» (еврейско-немецкой, ашкеназской?) ЯКМ и т.д.

7.3. «Скрытая геометрия» ЯКМ Мандельштама⁸.

Чтобы развить в нашем контексте идею Бергсона, я снова вынужден прибегнуть к наглядно-математической метафорике.

Дело в том, что главное свойство геометрии ЯКМ Мандельштама и его текстов – это легко улавливаемая, но трудно описываемая в технических терминах **динамичность**⁹, **вектор-**

вает сомнение в специфичности ряда этих «инвариантов» именно для М. Этого недостатка лишена работа Л. Пановой [142], исследующая «пространственно-временную» и «космологическую» подсистемы ЯКМ Мандельштама и опирающаяся, похоже, в значительной степени, на идеи А. Жолковского. Но Панова почему-то ограничивается только поэтическими текстами М, что явно недостаточно для построения подсистем ЯКМ Мандельштама, у которого поэзия завязана с прозой в рамках абсолютно единого супер-текста.

⁶ Еврейского происхождения, что, по-видимому, имело значение для формирования отношения к нему М, ср. его характеристику Бергсона: «...глубоко иудаистический ум» и т.д.

⁷ Об этом говорят отрывочные свидетельства мемуаристов и некоторые тексты М.

⁸ Читатель, ненавидящий «научную» метафорiku, пусть сразу перейдет к п. 7.4.

⁹ Напомним, что «общая динамичность» *Weltanschauung* Мандельштама отмечалась рядом исследователей, начиная, по-видимому, с «работы пяти» [82].

ность. ЯКМ Мандельштама находится в постоянном движении, трансформации.

7.3.1. Важнейшее свойство геометрии ЯКМ Мандельштама – ее «уход от Евклида»: от прямых линий, от плоскостей, от однородности пространства (вообще, в каком-то смысле, от «евклидовских» геометрических концептов) и, наоборот, «любовь» к «неевклидовой геометрии», т.е. к «кривым» линиям, не-плоским поверхностям, неоднородному¹⁰ компактному¹¹ пространству и т.п.

Более того, используя неизбежную здесь топологическую метафорику, можно утверждать, что М привлекают «негладкие» объекты, его притягивают «особые точки» хронотопа, в которых «сгущается» пространство-время. Все это напрямую связано с вышеуказанной динамичностью и векторностью, потому что «евклидовы» концепты у Мандельштама ассоциируются с состоянием и концептом ‘неподвижности’. Примеры текстов М, в которых эта «геометрия» проявляется, см. в 7.6.1.

7.3.2. Одно из проявлений вышеуказанной динамики – это генерирование элементов ЯКМ Мандельштама из «нормальной» русской ЯКМ с помощью «**зеркальной симметрии**». Релевантен здесь пассаж Ю. Слезкина про «странников внутренних, для которых нарушение норм – профессия, призвание и символ веры. <...> они являются зеркальными отражениями своих хозяев – причем временами делают это намеренно и напоказ, в качестве профессиональных шутов, предсказателей будущего и карнавальных исполнителей» [70, с. 22].

Конечно, это отражение порождает «вечное **нет**» И. Эренбурга в его «Хулио Хуренито», однако это не есть некое вечное еврейское отрицание «нормального» мира, которое видел Эренбург, но, скорее, зеркальное (в специфически скошенном зеркале) отражение¹² этого мира.

¹⁰ Т. е. стягивающемуся, растягивающемуся и даже разрывающемуся пространству.

¹¹ Т.е. ограниченному и замкнутому, а не «расползающемуся» бесконечному, пространству.

¹² Здесь вполне уместен математический термин: оператор отражения.

Это, если продолжить геометрическую метафору, и есть то симметричное преобразование «края прямоугольной полоски (ленты)»¹³, в результате которого из полоски вместо «нормальной» ориентируемой цилиндрической поверхности появляется геометрический оксюморон – неориентируемый, странный и «скособоченный» лист **Мебиуса**, который и является геометрическим образом **хронотопии** Мандельштама¹⁴.

7.3.3. К «скрытой геометрии» ЯКМ Мандельштама относится также «динамичность» семантики его текста, «дифференциальность» семантики, «сдвинутость», «векторность», как бы «импрессионистическая смазанность или размазанность»¹⁵. Эта размазанность создает в каждой точке «локальный оксюморон», т.е. два «противоположных», «дополнительных в смысле Бора» смысла¹⁶. Локальные оксюмороны объединяются в глобальный, т.е. в две «дополнительные по Бору» ЯКМ, «перемигивающиеся», перетекающие одна в другую и одновременно составляющие единое целое¹⁷.

Характерным проявлением «динамической семантики» является феномен присутствия в тексте Мандельштама целого набора лексико-семантических функций (СИ-функций или SI-операторов), участвующих в генерировании текста, см. 7.5.

Резюмируя, можно сказать, что общими «геометрическими» свойствами «языковой «картины мира» М являются ее неоднородность, ее «криво-зеркальная» симметричность по отношению к объемлющему миру, как в скособоченном зеркале¹⁸ отра-

¹³ Поворот на 180 градусов, см. Глоссарий *лист Мёбиуса, рис. 1-6.

¹⁴ См. Введение, обложку и Глоссарий..

¹⁵ О лексико-статистической «технике мазка» для создания этой «размазанности/неопределенности» см. ниже п. 7.6.2.

¹⁶ См. два «торчащих в разные стороны» (выражение М про различные смыслы слова) противоположно-направленных «смысловых» вектора-нормали на изображении листа Мёбиуса на обложке.

¹⁷ Этот «шизофренический бред» можно, кажется, убедительнее расписать, используя устрашающий (и поэтому особенно убедительный) квантовомеханический и/или теоретико-вероятностный вокабуляр. Я это попытаюсь сделать в другом месте.

¹⁸ «косое произведение»!

жающая «правильный» мир¹⁹, а также «импрессионистическая размазанность», «сдвинутость» ее семантики²⁰.

7.4. «Еврейскость» ЯКМ Мандельштама. Вряд ли возможно определить ЯКМ Мандельштама как именно «еврейскую», тем более, что не очень ясно, что такое «еврейская» ЯКМ, по крайней мере, работа по реконструкции этого объекта еще не проделана. Но некоторые «несущие элементы» конструкции мандельштамовской ЯКМ указывают на мощное воздействие архетипов (матриц, установок) ЕЦ.

7.4.1. Например, «примарные порождающие матрицы» ЕЦ, безусловно, проектируются на ЯКМ Мандельштама, порождая в ней специфические «ключевые концепты» и «ключевые идеи», они же «сквозные мотивы» в формулировке А. Шмелева [80].

Напомним, что таковыми матрицами (установочными архетипами) ЕЦ являются:

- (а) установка на «медиативность», см. 1.1 и 2.1, пример: см. в 7.6.1 *концепты **посредничества, обмена**.
- (б) установка на «оксюморонность», «двойственность» см. 1.2 и 2.2, пример: см. в 7.6.1 *концептуальная пара **правда/неправда** и далее.
- (в) установка на «динамичность», см. 1.3 и 2.3²¹, пример: см. в 7.6.1 *концепт **динамичности, быстрого движения** и далее.
- (г) установка на «моногенез», принцип поиска единства, см. 1.4 и 2.4, пример: см. в 7.6.1 *концепт **пространства**, которое может сжиматься до **одной** точки, представлять собой часть **единого** текста и т.п. Еще пример в 7.6.1 – *концепт **города** в М-ЯКМ: «Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в **один** небывалый город».

¹⁹ Переводя при этом отображении «прямые» линии «внешнего семантического мира» в «кривые».

²⁰ Создающая эффект одновременного присутствия «дополнительной по Бору» ЯКМ.

²¹ Ясно, что пп. (б) и (в) сильно пересекаются с «динамической геометрией» ЯКМ, о чем шла речь в 7.3.3.

7.4.2. Кроме того, отношения Мандельштама с ТЕКСТОМ, будь то своим или не своим, в значительной степени, совпадают с отношениями ЕЦ с текстом. Это явление, в свою очередь, порождает в ЯКМ Мандельштама ряд специфических «ключевых концептов» и «ключевых идей».

Мы здесь только перечислим узловые моменты соответствующего комплекса концептов и паттернов языкового поведения М (подробнее см. пп.1.5 и 2.5):

- (а) Мир как текст. «Плотная» интертекстуальность.
- (б) Комментарий «важнее» комментируемого текста.
- (в) Массовость и рутинность «сверток» и «сокращений» в тексте М.
- (г) Принципиальная «нелинейность → многомерность» текста М.
- (д) «Диалогичность → полилогичность» текста М.
- (е) Ориентация на «мультилингвистичность» дискурса М.
- (ж) Частотность и даже рутинность²² т. н. «игры слов» в тексте М.
- (з) Частотность и рутинность синтаксических нарушений в тексте М.

7.5. Специфичные для Мандельштама системные механизмы изменения (сдвига) ЯКМ²³: аппараты *германского монитора и *СИ -функций.

«Германским монитором» или «G-монитором» в тексте Мандельштама мы называем процесс отслеживания возможных SI-функций, имеющих в качестве языка-посредника немецкий и/или идиш, и процесс порождения этих функций. Перефразируя высказывание Мандельштама про Хлебникова в статье «Буря и натиск» («Какой-то идиотический Эйнштейн, не умеющий различить, что ближе – железнодорожный мост или

²² Я хочу еще раз подчеркнуть принципиальную важность этого феномена: то, что для «стандартного» европейского (включая Р-ЯКМ) языкового сознания является «играми слов», «каламбурами», Wortspiele и т. п., для М есть совершенно рутинная техника генерирования «новых смыслов», в которой использование «межязыковых интерференций» является лишь одним из элементов. Эта «рутинность» сильнее всего образом сближает тексты М и традиционный ЕЦ-дискурс.

²³ А также генерирования эффектов, описанных в 7.3.3.

«Слово о полку Игореве»), можно было бы назвать этот процесс «идиотическим синхронным переводчиком». Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь по тексту, отслеживает возможные ситуации германо-русских языковых «связей».

Этот процесс имеет место, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама и способствует изменению (точнее, «германизации») стандартной русской ЯКМ.

Набор *лексико-семантических функций, участвующих в работе G-монитора, выглядит так: это, прежде всего, SI-функции, обслуживающие ситуации немецко-русской и идиш-русской:

- (а) омофонии
- (б) омонимии
- (в) паронимии
- (г) эквиконосонантизма (отслеживание совпадения наборов консонант в словоформах)
- (д) кроме того, особой SI-функцией, обслуживающей G-монитор, является замена стандартного русского «значения» некоей общей лексической функции на «германизированное».

* * *

Пример функции (д): замена значения *лексической функции Magn (X)²⁴ в «Канцоне» в строках:

Две лишь краски в мире не поблекли:
В желтой – зависть, в красной – нетерпенье.

В стандартном русском узусе Magn(зависть) = «черная зависть». В тексте же стихотворения происходит замена значения «черный» на «желтый» под воздействием стандартного немецкого узуса *der gelbe Neid* ‘желтая зависть’, т.е.:

Magn (зависть) = «черная зависть» → *der gelbe Neid* ‘желтая зависть’ → В ЖЕЛТОЙ – ЗАВИСТЬ.

²⁴ См. подробное определение в Глоссарии.

Еще один интересный **пример функции (д) у М**: вложение в русскую лексему «грубый» усилительного смысла (т.е. смысла функции Magn) ее G/Y-паронимов *grob/groblich*²⁵. В стих. «Когда удар с ударами встречается...» (1910) «ГРУБО остановится» = Magn (остановится)²⁶. Здесь русский пароним немецкого значения функции Magn подменяет слово «резко», являющееся «нормальным» значением этой функции в стандартном русском узусе.

7.6. Различия стандартной русской ЯКМ (Р-ЯКМ) и ЯКМ Мандельштама.

Ввиду общей малоизученности всей проблематики, мы здесь можем только попытаться отметить некоторые точки, могущие в сумме дать некий «гештальт» общей картины.

Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что ЯКМ Мандельштама соотносится с Р-ЯКМ приблизительно так, как ашкеназская (идишская) ЯКМ соотносится со стандартной немецкой ЯКМ.

Кроме специфически «еврейских» свойств ЯКМ Мандельштама (п. 7.3), а также упоминавшейся в предыдущем пункте частичной «германизации» Р-ЯКМ в тексте М, следует отметить явления, анализируемые ниже в 7.6.1–7.6.3.

7.6.1. Резкое несовпадение и даже противоположность в ряде «ключевых» концептов «стандартной» русской ЯКМ и ЯКМ Мандельштама²⁷. Наиболее ярко этот феномен мы наблюдаем на концептах-проекциях «примарных порождающих матриц» ЕЦ.

²⁵ Вот примеры усилит. смысла слов *grob/groblich*: *es ist grob kalt* 'ужасно холодно'; *sich groblich irren* 'жестoko (грубо!) ошибаться'.

²⁶ См. Приложение 2.

²⁷ Это проявляется в несовпадении ряда ключевых *культурных скриптов в текстах М со «стандартными» русскими скриптами, что влечет крайне важные последствия для отношений М с «окружающей средой».

Примеры²⁸.* концепты **посредничества, обмена**²⁹

- В ЯКМ Мандельштама эти концепты однозначно резко позитивны, о чем много говорилось выше: «люблю обмен» и т.п. (см. 2.1).
- В Р-ЯКМ³⁰ отношение к этим концептам (точнее: к соответствующим установкам, паттернам поведения и т.п.) – скорее негативное, в лучшем случае – нейтральное. Ср. резко негативная окраска в Р-ЯКМ концепта «деньги» – числового выразителя и символа «обмена». Ср. также негативную окрашенность концепта «торговля» в Р-ЯКМ. В сознании носителя Р-ЯКМ концепты «обмена, посредничества (любого, не только коммерческого), купли-продажи» ассоциируются с концептом «обмана» (потенциального или актуализированного) или, вообще, какой-то потенциальной «не-справедливости», или служат маркером «низкого» (а не «высокого») поведения³¹. Ср. высказывания типа «не обманешь – не продашь», «они нас продали»³² и т.п.

* концептуальная пара **правда/неправда**³³

- В Р-ЯКМ «правда» всегда позитивна, «правда» связана с явно позитивным концептом «открытой души», «неправда» – явно негативна³⁴.

²⁸ В этом списке я сознательно «перемешиваю», например, «пространственные» и «морально-этические» концепты, как бы следуя в этом Мандельштаму, в ЯКМ которого все, с первого взгляда, «несмешиваемые» концепты, на самом деле, сильнейшим образом связаны. Достаточно одного пассажа из ЕМ про «страх»: «...он координата времени и пространства» [II, с. 87].

²⁹ В ЯКМ Мандельштама эти концепты – проекции примарной матрицы «медиативности», см. 7.4.1 (а).

³⁰ Отметим, что рассматривается «наивная картина мира» в смысле Ю. Апресяна [134], в которой «посредничество» и «обмен» ассоциируются с простыми «физическими» ситуациями, а выражения типа «посредничество между культурами» и т.п. – являются какой-то непонятной «метафизикой».

³¹ О ключевом концепте «справедливость» и об оппозиции «высокое/низкое» в русской ЯКМ см. [80, с. 10-11 и др.]

³² Совсем недавно в эфире московской FM-радиостанции обсуждалась официальная борьба со словом *sale* в торговой рекламе в Калининградской области. Ведущая программы воскликнула: «Но ведь у нас же не любят слов “продажа” и “распродажа”!».

³³ В ЯКМ Мандельштама эти концепты – проекция примарной матрицы «оксюморонности/двойственности», см. 7.4.1 (б).

³⁴ Подробно об этом см. у А. Вежицкой [80, с. 497, 503].

– В ЯКМ Мандельштама отношение к концепту «правды» скорее подозрительно-насмешливое, а к «неправде-кривде», скорее «симпатично-эмпатичное». Ср. в 10-й главке «Четвертой прозы»: «...секретарша-правда, правдочка, совершенная белочка <...>. Один мерзавец мне сказал, что правда по-гречески значит мрия.<...> жестокая партийная девственница Правда-Партия». В стихотворении «Неправда» [I, с. 173] М даже отождествляет себя с колдуньей «неправдой»: «Я и сам ведь такой же, кума». В вариантах «Волка»: «Потому что не волк я по крови своей / И неправдой искривлен мой рот» [72, т. 3, с. 310].

Я бы даже сказал, что здесь М сознательно «сопротивляется» давлению Р-ЯКМ и *культурных скриптов РЦ³⁵, в которых концепт «неправда» однозначно резко негативен. Ср. явно демонстративное применение к себе в «Грифельной Оде» резко негативных в современной Р-ЯКМ определений «двурушник»³⁶ и «с двойной душой» (а не с «открытой душой»!).

* **прямодушие, прямота, единодушие**

– В Р-ЯКМ – эти концепты оцениваются явно позитивно, а противостоящие им **двоедушие, двуличие, двойничество** – явно негативно.

– ЯКМ же Мандельштама как бы отвергает это восприятие, *переворачивает* картинку³⁷. В «Грифельной Оде»: «Нет, я не каменщик прямой, / Не кровельщик, не корабельщик, / Двурушник я, с двойной душой...». В переводе Петрарки: «Хоть ключ один, вода разноречива – / Полужестка, полусладка, – ужели / Одна и та же милая двулична...». Здесь «двуличность» «милой» не есть негативная характеристика³⁸.

³⁵ См. 7.3.2 о специфически «косо-зеркальном» отражении «нормального» мира.

³⁶ Интересно, что лексема «двурушник» в своем резко негативном значении 'изменник' вошла в русский политический новояз только во второй половине 20-х. Этимология и ре-семантизация лексемы «двурушник» в стандартном русском узусе и в «узусе Мандельштама» требуют отдельного исследования. См. Прил 2.

³⁷ Я бы даже сказал (имея в виду некоторые геометрические аллюзии): «выворачивает» картинку. Ср. высказывание М: «и все на свете наизнанку».

³⁸ Это отметил А. Илюшин в статье в «воронежском сборнике» [71, с. 378].

Конечно, здесь дело в том, что ЯКМ Мандельштама вполне рутинно «двоится», размывается, становится «ИМПРЕССИОНИСТИЧНОЙ» (см. 7.3.3).

* **прямой vs. кривой, ровный (по горизонтали и вертикали) путь, движение (по равнине) прямо вперед** (пересекается с предыдущим пунктом)

- В Р-ЯКМ концепт «прямого пути» резко позитивен, в то время как «непрямой (кривой) путь» – явно негативен³⁹. Ср. у Пушкина: «в поле бес нас водит, видно, да КРУЖИТ по сторонам, ... ЗАКРУЖИЛИСЬ бесы разны». Или в песне: «черный ворон, что ты ВЬЕШЬСЯ над моею головой...», или в выражениях типа «что ты ходишь ВОКРУГ да около, говори ПРЯМО» и т.п.⁴⁰
- В ЯКМ Мандельштама наоборот: более позитивен непрямой путь. Одной из глубинных причин этого служит действие примарной матрицы медиативности/информационности, см. 2.1 и 1.1. Проще говоря, «кривое» «медиативнее и информативнее», чем «прямое» и (в частности) поэтому привлекательнее для Мандельштама⁴¹. Примеры позитивной окраски этого концепта в текстах М: «улиц твоих большеротых КРИВЫЕ люблю вавилоны», «и Гете, свищущий на ВЬЮЩЕЙСЯ тропе, и Гамлет, мысливший ПУГЛИВЫМИ шагами⁴², ... и в бездревесности КРУЖИЛИСЯ листы», «честные зигзаги». К концепту «прямой» отношение у М, скорее, негативное, как к чему-то чуждому и/или опасному, даже страшному: «нет, я не каменщик **прямой**» (1923), «как ее ни вывертывай, **криво** звучит [фамилия Мандельштам], а **не прямо**», «муж **прямой** и дикий» (1937), «как ви-

³⁹ О «кривизне» как маркере «того света», «нечистой силы» в славянских народных верованиях см. [166, с. 409], там же соотв. ссылки.

⁴⁰ Интересно, что в журнальном дискурсе 1921-1922гг. (т.е. в период создания «Грифельной Оды» со строкой «Нет, я не каменщик прямой...») имеют место выражения типа: «стиль РСФСР – стиль **прямой** линии» [132, с. 196].

⁴¹ Ср. у В. Топорова: «Неправильное», «кривое» богаче информацией, чем «правильное» и «прямое» по крайней мере потенциально, но образ, в котором эта информация выражается, «темнее», дву- и много-смысленнее, но отважное сознание открыто риску...» [77, с. 13].

⁴² Точный образ постоянно (на каждом шагу) оборачивающегося человека: блестящая метафора постоянного циклического (рекурсивного) продвижения, нечто вроде сложной спирали, трóпа «вьющейся тропы».

селица **прям** и дик»⁴³. В РД Мандельштам сообщает, что Дант «чтил искусство современного ему мореплавания <...> этого наиболее **уклончивого** и пластического спорта», и говорит далее: «Мне хочется указать здесь на одну из замечательных особенностей дантовской⁴⁴ психики – на его **страх** перед **прямыми** ответами» [II, сс. 231-232]. А. Жолковский отметил, что М воспринимал «объективный внешний мир» как «нечто большое, безличное, холодное, чуждое, равнодушное, “**прямое**”, “простое”» [84, с. 61].

* **плоская поверхность, равнина** (плоскостной, двумерный вариант предыдущего пункта)

– этот концепт позитивен в Р-ЯКМ: «бескрайние просторы, степь, воля» и т.п.⁴⁵.

– Концепт ‘равнина’ в ЯКМ Мандельштама негативен. Он эти *прямые, ровные* просторы-плоскости не-навидит, т.е. в буквальном смысле видеть не хочет. М посвятил экспликации этой «психофизиологии» несколько стихотворений (1937), напр.:

О, этот медленный, одышливый простор! –
Я им пресыщен доотказа –
И отдышавшийся распахнут кругозор –
Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы.

⁴³ О колокольне Ивана Великого в Кремле, одном из рутинных символов РЦ.

⁴⁴ Фраза как будто взята М (через «разрыв во времени») из какой-то будущей мандельштамоведческой статьи – осталось только вместо слова «дантовской» вставить: «мандельштамовской».

⁴⁵ Ср. у типичного «РЦ-поэта» С. Городецкого в стих. «Россия» (1914): «Какая мудрость **на равнине** / Культуру сложную слагать / По государствам и в пустыне / Народов облики ковать». Ср. с этим «ночной кошмар» у М (Воронеж, 1937): «И не ползет ли медленно по ним [равнинам]/ Тот, о котором мы во сне кричим, –/ народов будущих Иуда».

Я б с ней сработался на век, на миг один –
 Стремнин осадистых завистник –
 Я б слушал под корой текучих древесин
 Ход кольцеванья волокнистый.

* пространство

- В Р-ЯКМ «пространство» – однородно и «евклидово».
- В ЯКМ Мандельштама «пространство» совершенно поразительно: «Raumanschauung» М с «обычной» точки зрения – это бред какого-то «идиотического» физика-космолога или математика-тополога. Пространство у М (как уже отмечалось в 7.3.1) существенно неоднородно, он убегает от «евклидовской пространственной цивилизации», от ее «прямызни», от «гладкости» и «симметричности» ее объектов. Его космос «неевклидов», его прямые – это «кривые» с обычной точки зрения, его поверхности не-плоски, не-гладки, его притягивает мощная гравитация и сложное устройство «особых точек» пространства, т. е. «язык пространства, сжатого до точки».

Его пространство может сжиматься, даже до точки, «сдуваться» и «раздуваться»: «...она [Москва] то сжимается как воробей, то растет как воздушный пирог», «я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло на дрожжах» и т.п. Его пространство может распадаться на отдельные одномерные пути = «волосы», которые скручиваются и перекручиваются, превращая пространство в некий сложный «колтун»: «...**колтуном пространства** дышал»⁴⁶.

Пространство М можно «разорвать» и «выйти» из него: «И я выхожу из пространства...», «разорвав расстояний холстину» и т.п.

Здесь же следует отметить, что техническим способом получения «своего» неевклидова пространства в ЯКМ Мандельштама является «компактификация» исходного евклидова, т. е. свертывание «бесконечного», незамкнутого евклидова пространства в «компактное», замкнутое⁴⁷, например, свертка «обычного» трехмерного пространства в шар.

⁴⁶ Пушкин не смог бы здесь воскликнуть: «Плохая математика; но зато какая смелая поэзия!», потому что и «поэтическая топология» («топологическая поэтика») тут вполне нетривиальная.

⁴⁷ «Что делать нам с убитостью **равнин**./ С протяжным голодом их чуда?! Ведь то, что мы **открыто** в них мним...» [I, с. 232]. Суггестируемый ответ М на свой же вопрос – это: «свернуть это открытое пространство» в замкну-

С. Шиндин называет⁴⁸ достигаемый эффект «компрессированным состоянием» и напоминает, что герой ЕМ полагал, что полушария (на географической карте) «заклучают в себе сгущенное пространство и расстояние»⁴⁹.

Исключительно существенно, что пространство М принципиально «неориентируемо» – хорошо здесь работает топологическая метафора «листа Мёбиуса»⁵⁰: «и все на свете наизнанку».

К специфическим свойствам концепта пространства следует отнести отмеченную рядом исследователей, явно повышенную, по сравнению со стандартной русской ЯКМ, **антропоморфность** пространства у Мандельштама⁵¹: «пространств несозданных Иуда», «Рим-человек», «ее [Москвы] базаров бабья ширина», «страх <...> он координата времени и пространства» [II, с. 87].

Пространство у М – это «субконцепт» текста. Этот феномен естественно рассматривать как проекцию общей установки ЕЦ (см. 7.4.2): «язык пространства», «земли пустотелую книгу». С. Шиндин отмечает, что у М «художественный текст способен быть равнозначным универсуму», и вводит понятия «вербального пространства», «вербализации пространства» у М [144, с. 227].

* звезда

- В Р-ЯКМ это «позитивный» концепт: «вифлеемская звезда», «и звезда с звездой говорит», «а во лбу звезда горит», «звезды на башнях Кремля» и т.д.
- В М-ЯКМ это один из частотных (ключевых) «пространственных» концептов. При этом образ «звезды» («звёзд») резко негативен, и неприязнь к этому «физическому объекту» и/или страх перед ним, как бы навязываются читателю⁵²: «Я ненавижу свет / Однообраз-

тый компактный шар (круг), т.е. метафорически, в «единый город», психологически комфортное для М пространство.

⁴⁸ В [144, с. 224].

⁴⁹ В очерке «Яхонтов» (1927) пространство, необходимое актеру, сжимается, и актер его «носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо из цилиндра» [II, с. 308].

⁵⁰ См. Введение и 7.3.2.

⁵¹ Феномен антропоморфности (антропоцентричности) пространства у М анализируется, в частности, Л. Пановой в [142, с. 243].

⁵² Это отмечено в «статье пяти авторов» [82, с. 299]. Подробный анализ

ных звезд», «Своей булавкой заржавленной / Достанет меня звезда», «Твердь сияла грубыми звездами. / Звездный луч – как соль на топоре», «жесточких звезд соленые приказы», «До чего эти звезды изветливы!» и т.д.

* город

- В Р-ЯКМ «город» окрашен, скорее, негативно. «Город» противопоставлен в Р-ЯКМ «деревне» как чему-то заведомо позитивному, неиз(раз)вращенному. Конечно, здесь дело в том, что «город», вообще, враждебен РЦ.
- В М-ЯКМ – ровно наоборот. «Город» здесь, скорее, позитивен, в отличие от «села»; М – «горожанин и друг горожан». Это – проекция системы примарных матриц ЕЦ, см. 1.1 и 2.1.7. «Город» – резко выделенная часть пространства в М-ЯКМ. С. Шиндин, рассуждая о феномене «сжатия = компрессии» пространства у М, пишет: «Исключительно способным к наделению признаком компрессированности выступает образ *города* – один из гл. пространств. элементов мандельшт. модели мира: “Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один небывалый город”» [144, с. 224].

* воздух

- В Р-ЯКМ **воздух** – это, в основном, «чем дышат».
- В М-ЯКМ воздух – это еще и «пространство, свободное пространство», по-видимому, под влиянием семантического спектра немецко-идишского Luft = ‘воздух, свободное пространство’. Рассматриваясь как часть пространства, воздух наделается в М-ЯКМ свойствами антропоморфности (см. *пространство) и медиативности: «Я обращался к воздуху-слуге, / Ждал от него услуги или вести».

* мир

- В Р-ЯКМ 20 века значения звукового комплекса [мир]⁵³ – это ‘отсутствие войны’ или ‘вселенная’ или ‘община’. Исследователи Р-ЯКМ считают, что разнообразный семантический спектр здесь сводится к

«звездного узуса» в тексте М см. у Л. Пановой [142, с. 180–187]

⁵³ В котором слились два омофона: **мир** и **мір**.

модификациям некоего «глубинного» смысла, типа 'гармония; обустройство; порядок' [80, с. 28]. Эта глубинная семантика, очевидно, делает «мир» ключевым позитивным «цивилизационным» концептом в рамках Р-ЯКМ.

- У М слово «мир», выступающее как РЦ-концепт «гармонии», вызывает резкое неприятие, даже желание «бежать как от чумы» от русского варианта «мировой гармонии», от «мира РЦ»⁵⁴. У Мандельштама, в отличие от Р-ЯКМ⁵⁵, **мир** – это часть пространства, обжитая некоей актуализированной общностью («нами»), каждый член которой активно осознает свою принадлежность к ней, осознает нечто вроде: мир – это **мы**, мир – это «Богом данный [нам] дворец», а не «мировая клеть»⁵⁶. Скорее всего, это связано с повышенной (сравнительно с Р-ЯКМ) «антропоморфичностью» пространства у М, см. *пространство. По-видимому, под влиянием русско-немецко-идишской омофонической связи мир ↔ Y[mir] = 'мы, мне', в ряде текстов М слово МЫ находится в «малой окрестности» слова МИР. См. примеры в Приложении 2: идишизмы в стих. «Зверинец» (1916) и др.⁵⁷ Ср. также частотное соседство слов «мир», «мировой» с местоимениями и глаголами 1-го лица в статье «Утро акмеизма».

⁵⁴ Это отношение явно выражено в статье «Петр Чаадаев», где сказано про Чаадаева (и, конечно, про самого М): «Есть великая славянская мечта <...> о всеобщем духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое "**миром**". <...> Мысль Чаадаева – строгий перпендикуляр, восставленный к традиционному русскому мышлению. Он БЕЖАЛ, как чумы, этого БЕСФОРМЕННОГО РАЯ» [II, сс.154-155], см. еще в 5.1. Ср. также более поздние стихотворные высказывания М: «против шерсти **мира** поём» (1922), «с **миром** державным я был лишь ребячески связан» (1931), «когда подумаешь, чем связан с **миром**, то сам себе не веришь: ерунда!», «и я в размовке с **миром**, с волей» (1937).

⁵⁵ В которой «вселенная» и «община» существуют как бы отдельно, «независимо» от своих насельников-членов.

⁵⁶ «Утро акмеизма» [II, с. 143].

⁵⁷ Ср. замечание Ю. Степанова в работе «Константы: Словарь русской культуры»: «'Мир' в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди "моего племени", "моего рода", "мы", место хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствуют "порядок", "согласие между людьми", "закон"; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут "чужие", неизвестные», цит. по [142, с.81].

* **время**

– В отличие от Р-ЯКМ, время в М-ЯКМ может (как и пространство) растягиваться, сгущаться и сжиматься, а также «останавливаться»: «время свое заморозил», «люблю за хвост его [время] ловить». Специфическая синхронизированность времени, «склеенность» различных временных «точек» у М⁵⁸ заявляется им самим и многократно проявляется в его текстах, например: «и каждый час нам смертная година»⁵⁹.

Поэтому можно сказать, что геометрия времени у М так же нетривиальна, как геометрия его пространства⁶⁰. Ср. высказывание М в программном тексте «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. <...> А я говорю: вчерашний день еще не родился...». Здесь не «простая» синхронизация событий, но синхронизация с неким «меняющим ориентацию переворотом» стандартного «веера», стандартной ленты событий. Пониманию происходящего здесь снова помогает геометрическая модель «хронотопии» М, т.е. лента (лист) Мёбиуса, которая получается «переворотом» и новой склейкой стандартной ЛЕНТЫ ВРЕМЕНИ⁶¹.

Кроме того, время у М так же «антропоморфно», как и пространство: оно может быть «жуликовато», а может принимать вид «царственного подпaska», который «ловит слово-колобок».

* **серьезность, основательность vs. смешливость, ироничность**

– В Р-ЯКМ «серьезность» – это позитивный концепт, нечто вроде римской *gravitas*. Характерно, например, что писатель Ю. Нагибин

⁵⁸ На языке «геометрической метафорикой» это выражается как «нетривиальная топологическая структура хронотопа» М, например, его «односторонность», см. Глоссарий, описание *листа Мёбиуса.

⁵⁹ Феномен «синхроничности» у М часто отмечался исследователями, начиная, наверно, со «статьи пяти» [82, с. 284].

⁶⁰ Или, вообще, геометрия «хронотопии» М-ЯКМ.

⁶¹ Вот «клиническая запись бреда» тополога-манделштамоведа:

Одномерно ли и «ориентируемо» ли время у М? Идея прокола в листе Мёбиуса? Выхожу из пространства в запущенный сад величин (паронимическая игра *Gröss/Gras* = 'величина/трава'). И мнимое рву (уничтожаю ориентацию) постоянно → неориентируемость хронотопа? Разрыв и «переклеивание» спиральной (круговой) ленты – манделштамовская «хирургия» на хронотопе?

в критической статье говорит об «истой интонации и печальной **серьезности**» восхищающего его А. Платонова и продолжает: «Только русские писатели до конца **серьезны** (у нас невозможен Анатолий Франс в качестве национального гения)...»⁶². Смешливость же в Р-ЯКМ, скорее, негативна, ср. пословицы: «смехи да хихи введут во грехи», «где грех, там и смех», «в чем живет смех, в том и грех», «смех без причины – признак дурачины». В традиционном русском (православном) сознании смех – маркер «бесовщины»⁶³.

- В ЯКМ же Мандельштама смешливость, ироничность, остроумие и т. п. – исключительно позитивны. Это, конечно, результат работы соответствующей «примарной порождающей матрицы ЕЦ», см. 1.2.1 и 2.2.1.

*** сила, твердость, решительность, бесстрашие vs. слабость, мягкость, нерешительность, трусость**

- В Р-ЯКМ сила, твердость, решительность и бесстрашие резко позитивны, а слабость, мягкость, нерешительность, тем более, трусость – негативны (в лучшем случае, нейтральны).
- В ЯКМ Мандельштама – в точности наоборот. «Программным» в этом контексте является его стихотворение «Кому зима – арак...» (1922). Понятно, что этот текст есть часть «никогда не прерывающегося разговора с Колей»⁶⁴. «Коля» – это Николай Гумилев, «сильный, твердый, решительный, бесстрашный» заговорщик, канонический РЦ-герой. Автор – он же источник дискурса – заявляет о своей слабости, мягкости, нерешительности, даже трусости, заявляет даже с некоторым вызовом, хотя испытывает в этой связи угрызения совести:

Я все отдам за жизнь, мне так нужна забота, –
И спичка серная меня б согреть могла
<...>
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте и терпеливо ждать.

⁶² Новый Мир, 1983, №5, с. 257.

⁶³ См. подробнее анализ этого феномена в замечательной работе А. Панченко [151, с. 146-148].

⁶⁴ Выражение М из его письма к А. Ахматовой.

Пусть заговорщики торопятся по снегу
 Отарою овец и хрупкий наст скрипит
 <...>
 И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке,
 А белый, белый снег до боли очи ест.
 [I, с. 140–141].

Характерны также «позитивные» упоминания в прозе и стихах М о некоем «внутренне присущем» ему, как бы встроенном в его экзистенцию, «страхе», «испуге»: «Страх берет меня за руку и ведет. <...>. Я ЛЮБЛЮ, я УВАЖАЮ страх. Чуть было не сказал: “с ним мне не страшно!”. Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата⁶⁵ времени и пространства...» [II, с. 86-87]; «С каким-то ЛАСКОВЫМ ИСПУГОМ я соглашался...» [I, с. 232].

* концептная пара: **динамичность, быстрое перемещение**⁶⁶ vs. **неподвижность, медленность**

- В Р-ЯКМ быстрое движение в целом (кроме, может быть, быстрого движения по прямой, см. выше) оценивается негативно. Например, явно негативные коннотации лексем «суетливость», «вертеться», «шустрить», поговорки типа «тише едешь – дальше будешь» и т. п. Известная фраза «и какой же русский не любит быстрой езды» – скорее, «самонасмешлива» в Р-ЯКМ.
- У М картинка обратная: концепт «быстрого непрямого движения» однозначно позитивен. Ср. его восхищение «мудрым беснованием», «мудрой пляской» «иудаистического актера» Михоэльса [II, с. 374]. В то же время, неподвижность, медленность – негативны в М-ЯКМ⁶⁷: «О этот **медленный**, одышливый простор! - / Я им пресыщен доотказа».

⁶⁵ Сюда вшифрован «крипто-идишизм» YL [meure = 'страх'], который по стандартной паронимической ассоциации дает слово «мера» = «координата». Подробнее см. Приложение 2.

⁶⁶ В М-ЯКМ – это проекция примарной матрицы «динамичности» – 7.4.1 (в).

⁶⁷ Л. Панова отмечает: «...в поэтическом мире Мандельштама неподвижность и замирание движения всегда идут со знаком минус» [142, с. 670].

* концепт **динамического прагматизма, дела, ориентации на результат**

- В ЯКМ Мандельштама – этот концепт явно позитивно оценивается.
- В Р-ЯКМ, напротив, важен не результат, а, скорее, искренность, бескорыстность намерения. Ср. у Л. Толстого: Анна Каренина говорит: «человек, который попрекает меня тем, что он все мне отдал – хуже чем бесчестный»⁶⁸.

7.6.2. Выделенность (соответственно, повышенная частотность лексического выражения в текстах) в ЯКМ Мандельштама некоторых ключевых концептов, отсутствующих или «невыведенных» в стандартной русской ЯКМ.

Примеры.

* концепты **чтения, текста**

- В ЯКМ Мандельштама эти концепты занимают резко более важное место, чем в Р-ЯКМ. Ср. в ШВ: «Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, – и биография готова» [Ш, с. 41]. У М – явный приоритет ТЕКСТА над «реальной жизнью», в отличие от русской ЯКМ.

Удачно сформулировала эту принципиальную разницу Е. Табориская в исследовательской статье в «воронежском сборнике»⁶⁹:

«...у Пушкина⁷⁰ – приоритет жизни, облекаемый в поэтическое слово, у Мандельштама – первенство **словесного** образа, подчиняющего себе реальные явления и их пропорции» [71, с. 518].

* повышенная **частотность слов-концептов движения** в тексте М

- По-видимому, этот феномен связан с общей «большой динамичностью» ЯКМ Мандельштама (сравнительно с Р-ЯКМ), а также дина-

⁶⁸ Пример заимствован у И. Левонтиной.

⁶⁹ Упомянувшейся в 2.5.1.

⁷⁰ Здесь существенно то, что Пушкин – один из создателей современной русской ЯКМ.

мичностью «генома» ЕЦ, см. 7.6.1 (начало). Об этом феномене пишет Л. Панова в [142]. Анализируя концепт «звезды» в ЯКМ Мандельштама, она отмечает: «На примере *звезд* можно увидеть такую константу в передаче мира, как отсутствие статики у таких объектов, которые в норме⁷¹ мыслятся статическим» [142, с. 183].

* концепты **неопределенности**, амбивалентности, «**пограничности**»

– Выделенность этого блока концептов в М-ЯКМ связана с ее общей «размазанностью», «импрессионистичностью», см. 7.3.3. «Пять авторов» отмечают в этой связи, что в тексте М присутствуют: «...многочисленные слова с приставкой, модифицирующей значение и направление неопределенности (*полу-, дву-, много-*: *полукраинский, полуслово, полуберег, полухлеб, двускренный, многоочитый*)». Там же отмечается «...изобилие слов, обозначающих “границу”, “переход”, “след”: *наклон, уклон, склон, скат, разлом, шов, стык, прослойка, зигзаг, извив* и т. п.» [82, с. 298].

7.6.3. К факторам, формирующим различия обсуждаемых ЯКМ, относится, кроме различий в системе ключевых концептов, РЕ-СЕМАНТИЗАЦИЯ в «русском языке Мандельштама» ряда лексем (и сочетаний) русского языка, не обязательно представляющих «ключевые концепты», но частотных. Имеется в виду «смещение» Мандельштамом «стандартной» семантики русских слов, вкладывание в них «другого», измененного, часто даже не сразу уясняемого читателем, смысла.

Это, разумеется, способствует формированию ощущения (как у адресата дискурса, так и у самого М) общей «сдвинутости» ЯКМ Мандельштама, по сравнению с Р-ЯКМ.

Ряд исследователей пытались выяснить причины и паттерны такого «языкового поведения» М, хотя это крайне трудная задача.

Например, внимание привлекает явное «смещение» стандартного смысла лексемы «ласковый» у Мандельштама. А. Жолковский, рассматривая строки «С каким-то ласковым

⁷¹ Имеется в виду «нормальная» русская ЯКМ.

испугом / Я соглашался с равенством равнин»⁷², пишет: «особенно характерен оксюморонный мотив ‘вынужденной ласковости’ – одной из мандельштамовских стратегий ‘эллинистического обживания враждебного мира’» [103, с. 168].

Мне представляется, что здесь и в ряде других случаев имеет место, скорее, инвариантная **еврейская** «цивилизационная стратегия» обживания мира (как текста) при помощи ре-семантизации его элементов привнесением в них еврейских⁷³ коннотаций, проще говоря, путем создания собственного субъязыка и собственной ЯКМ, см. 1.5.0.⁷⁴

Список такого рода «смещенных» лексем и сочетаний «индустрия мандельштамоведения»⁷⁵ почему-то еще не произвела. Поэтому мы для аргументации ограничимся двумя-тремя десятками⁷⁶ лежащих на поверхности примеров (некоторые из них были приведены в 3.2.3 в качестве результатов действия «германского монитора»):

*блаженный → ‘блуждающий’, *глаз → ‘стекло’, *грубый → ‘крупный’ или ‘могильный’, *дремучий → ‘поэтический’, *грозы → ‘травы, растения’, *жестяной → ‘глупый, бессмысленный’, *злостный → ‘усиленный (акцентуация действия)’, *кровь → ‘цвет’, *крупные клятвы → ‘клятвы до гроба’, *ласка, ласковый → ‘любезность, любезный, снисходительный’, *матовый → ‘тусклый’, *милый → ‘достойный, ценный’, *нежный → ‘тонкий, умный’, *плавкий → ‘плавающий, голубой’, *подозрительный → ‘темный’, *полынь → ‘вермут’, *початок → ‘начало, нечто начатое’, *сонный → ‘происходящий в сновидении, галлюцинации’, *темя → ‘высшая точка (напр. жизни), вершина (напр. горы)’, *узкий → ‘скудный’, *хлеб → ‘плоть, тело’, *черемуха → ‘негативное’ растение’, *черствый → ‘колючий’, *честный → ‘основательный, хорошо сделанный’, *шелест → ‘хмель’, *шершавый → ‘грубый, неотесанный’, *шелк → ‘шелуха’, *шум → ‘пена’ и т.д.

⁷² В стихотворении «Не сравнивай, живущий несравним...» [I, с. 232].

⁷³ В данном случае, идишских. Смещенная семантика лексем «ласка», «ласковый» взята М из идиша, с меньшей вероятностью – из украинского (в оба эти языка она импортирована из польского). См. подробнее в Приложении 2.

⁷⁴ Но эта идея А. Жолковского, кажется, помогает объяснить странную частотность лексемы «ласка» и её производных в текстах М.

⁷⁵ Выражение А. Жолковского.

⁷⁶ В реальности, этих лексем и сочетаний, похоже, на порядок больше.

* * *

7.7. Некоторые выводы. Мандельштам создавал из «чужой речи» и чужой ЯКМ свою собственную «сдвинутую» ЯКМ, используя ее в качестве «оболочки», защищающей от враждебного внешнего мира. Это, безусловно, проекция общей языковой стратегии ЕЦ.

ЯКМ Мандельштама и его *культурные скрипты навязываются читающему его текст. Другими словами, текст М «заставляет» видеть мир, думать, чувствовать так, как автор, даже внедряет паттерны поведения автора и его психических реакций и оценок. Конечно, творчество (и ЯКМ!) любого большого писателя воздействует на читателя. Но в случае М излучение, «энергетика суггестивности» исключительно, необычно сильны.

Это сильное излучение культурных скриптов⁷⁷ Мандельштама часто ощущалось критиками и журналистами как «враждебная манипуляция», вызвало у них внутреннее сопротивление и действовало на них возбуждающе и раздражающе, что отражалось в их собственных текстах о Мандельштаме.

⁷⁷ Я бы даже сказал: культурно-цивилизационных скриптов, потому что здесь неизбежно проявляется воздействие *оппозиции Шпенглера на мировоззрение М, и это невозможно игнорировать.

Глава VIII

Примеры влияния «сдвинутой языковой картины мира» Мандельштама на смыслы его текстов. Семантический разбор нескольких стихотворений и прозаических блоков, где анализ результатов действия «германского монитора» и других специфических для ЯКМ Мандельштама явлений облегчает «расшифровку» подтекстов и комментирование всего текста

*Не откликнешься на смыслы темные,
будешь сегодня – «дурак»; а откликнешься,
будешь на завтра – «дурак», потому что
два смысла, темный и ясный,
перекувыркнутся за год.*

А. Белый «Начало века»

8.1. «Реквием» на смерть А. Белого.

В цикле стихов «на смерть Андрея Белого» начала 1934 г. исключительно мощно проявляется «германский компонент» языковой картины мира (ЯКМ) Мандельштама: явно и постоянно «включен» «германский монитор» с соответствующими СИ-функциями, порождающими в ряде мест текста «германизмы». Этот феномен в значительной степени объясняется тем, что Андрей Белый в сознании М тесно связан (как и сам М!) с германской культурой и цивилизацией. В рассматриваемом цикле германская «маркированность» Белого демонстративно объявляется в ряде мест, например:

- «НЕМЕЦКИЙ крикун, скоморох»
- «Ему солей трехъярусных растворы, / И мудрецов ГЕРМАНСКИХ голоса, / И русских первенцев блистательные споры / Представились в полвека, в полчаса».

Важно здесь, что М, в обычном для себя стиле, порождает текст в режиме эмпатии, т. е. отождествляет себя с «ведущим объектом» текста, как бы становится на его «точку зрения».

Поэтому многое, говоримое в текстах цикла о Белом, явно относится и к самому автору.

Кроме того, в текстах цикла работает (также стандартная для М) «мигающая семантическая двойка», реализующаяся как «мигающая эмпатия»: «объект наблюдения» отождествляется с наблюдателем, автор подставляет себя вместо объекта описания, как бы «играет его роль», мгновенно перескакивая обратно в прежнее состояние и т. д.

Разумеется, «мигающая эмпатия» продуцирует у автора состояние сильнейшего психологического напряжения.

В строфе, завершающей стихотворение цикла «10 января 1934», М мастерски передает это напряженное состояние:

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь, –
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь...

Отождествляя себя с Белым, М объединяет в своем сознании корпус негативных и пейоративных критических высказываний о нем самом и о Белом (в частности, высказывания Л. Каменева в его предисловии к книге Белого «Начало века»¹ и в «пост-похоронной» статье «Андрей Белый» в «Известиях» от 10.01.34) и применяет к Белому в тексте «Реквиема» ряд характеристик из этого «объединенного корпуса».

В своих статьях, написанных в насмешливо-пренебрежительном и снобистски-поучающем ключе, Каменев, в частности, использовал для пейоративной характеристики Белого соответствующий вокабуляр, примененный Белым для описания своих персонажей. Этот вокабуляр², очевидно, задел М не меньше, чем самого Белого и отразился в тексте «Реквиема».

¹ Книга А. Белого «Начало века» с предисловием Л. Каменева вышла в ноябре 1933 [86]. О влиянии этой статьи Л. Каменева на цикл «Стихи памяти Андрея Белого» говорила М. Спивак в своем докладе на конференции по текстологии в РГУ в июне 2006. Она же привела примеры лексических и синтаксических «цитат» из статьи Каменева в «Реквиеме».

² Как и сам некорректный, но вполне принятый в «марксистской критике», прием.

Примеры.

- (1) У Каменева: «косноязычны до полной невнятицы», «властители дум», «учитель», «немецкий учитель». – В «Реквиеме»: «непонятен-понятен», «невнятен», «властитель», «учитель», «мучитель», «немецкий крикун».
- (2) У Каменева (в приводимых им цитатах из Белого): «путаница», «запутался», «перепутался», «Он, ломаясь зигзагами, <...>мчал<...> по кругу», «словесные выкрутасы», «шут». – В «Реквиеме»: «запутан», «... речей, запутанных, как честные зигзаги, у конькобежца...», «скоморох».
- (3) У Каменева: «Октябрьская революция <...> должна была взять их **за шиворот и сорвать с того пути**, по которому они двигались». – В «Реквиеме»: «**веком гонимый взашей...**»
- (4) У Каменева: «автор **зол** и на ряд своих персонажей и на самого себя [т.е. как бы «зол на весь **мир**» – Л.Г.]; и эта **злость** хороша и плодотворна». – В «Реквиеме»: «**мировая** манила тебя молодящая **злость**».
- (5) У Каменева (в статье в «Известиях»): «Его книги будут изучаться даже тогда, когда трагедия идеализма и индивидуализма станет для человечества давно прошедшим скверным **сном**». – В «Реквиеме» (незаконченный отрывок): «...**напутал** и **уснул**» [34, с. 178]³.

Высказывания Л. Каменева о Белом имеют в этом контексте значение для М еще и потому, что Каменев⁴ в восприятии М – это (в культурно-цивилизационном аспекте) «немецкий еврей» *par excellence*.

Это просматривается, например, в сцене⁵, описанной в мемуарах Э. Герштейн, когда М, выйдя из кабинета Каменева, произносит слово, которое Герштейн фиксирует как немецкое *Gelehrter* = ‘ученый’⁶. Герштейн пишет: «Манделъштам отозвал-

³ Вообще, М, скорее всего, подставляя себя вместо Белого, проецировал на ситуацию «Каменев versus Белый» ситуацию «Горнфельд (и прочие “враги критики”) versus Манделъштам».

⁴ Как и Горнфельд пятью годами ранее!

⁵ Относящейся к началу 1930 г.

⁶ Возможно, это был «не слышанный» Герштейн идишизм *Y[gelernter]* ‘ученый’. Косвенное соображение: слово *Gelehrter* («с прописной буквы», т.е. как имя существительное) в немецком языке употребляется реже, чем *gelehrter*

ся о Каменеве сдержанно: “Gelehrter”. Мне было странно слышать такую характеристику о недавнем члене правительства, но он настаивал, указывая на ограниченность⁷ мышления Каменева и **немецкую** аккуратность в его кабинете» [8, с. 396].

Поэтому, в контексте «Реквиема», в сознании М, по видимому, присутствует «германский треугольник»: два «немецких еврея» (сам Мандельштам и Каменев) и русский германofil Белый.

При этом, в контексте дискурса о Белом, собственная «германика» М входит в резонанс с таковой у Белого и у Каменева (не существенно, реальной или существующей лишь в представлениях М), продуцируя вышеуказанный необычный текстуральный эффект.

Рассмотрим теперь «германизмы» и связанные с ними подтексты подробно, по отдельным текстам «Реквиема»:

8.1.1. Стихотворение «Голубые глаза и горячая лобная кость...», написанное 10-11 янв.1934 [I, с. 206; набросок с. 535].

Голубые глаза и горячая лобная кость – (1)
Мировая манила тебя молодящая злость.

И за то, что тебе суждена была чудная власть, (2)
Положили тебя никогда не судить и не клясть.

На тебя надевали тиару – юрода колпак, (3)
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!

Как снежок на Москве заводил кавардак гоголек: (4)
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...

(‘ученый’, как атрибутив). В идише же это слово *Y[gelernter]* ‘ученый’ чаще употребляется именно как существительное, примерно как «ученый» в русском языке. Но, будучи произнесено отдельно (что следует из описания Герштейн), это слово есть, конечно, существительное: тем самым, идишизм здесь более вероятен.

⁷ Присущую, по известной мифологеме, «немецким профессорам».

Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щегленок, студентик, студент, бубенец...

Конькобежец и первенец, веком гонимый взащей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.

Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь,
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнью?

Прямизна нашей речи не только пугач для детей –
Не бумажные дести, а вести спасают людей.

Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мертвого жирные карандаши.

На коленях держали для славных потомков листы,
Рисовали, простили прощенья у каждой черты.

Меж тобой и страной ледяная рождается связь –
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямясь.

Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...

(набросок)

Из горячего черепа льется и льется лазурь,
И тревожит она литератора-Каина хмурь.

* * *

Прежде всего, отметим, что в этом стихотворении (как и во всем цикле) через весь текст проходят следующие русско-германские паронимические и ассоциативные связи, генерируемые фамилией «Белый»⁸:

Белый → weiss ‘белый’ → Waise ‘сирота’, Eis ‘лед’, Eisen ‘железо’;

⁸ Это вполне соответствует ориентации самого Белого (и, конечно, самого М) на «языковое обыгрывание» фамилий. В мемуарах «Начало века» Белый описывает свои совместные с А. Блоком «игры с фамилиями» [86, с. 359]

Белый → холод(ный), мороз(ный), (чистый, белый, голубой) снег, (чистый, белый, голубой) лед, конькобежцы.

Далее, в строфе 1:

ГОРЯЧАЯ ЛОБНАЯ КОСТЬ – образ «белого, светящегося, горящего/горячего/воспаленного ЛБА» возникает в очерке М о похоронах Ленина «Прибой у гроба» (1924), который является подтекстом (или претекстом) для «Реквиема» (та же фоновая система образов: белый снег, холод, лед, гроб):

«...очередь к ночному солнцу [погасшему] <...>. Высокое белое здание расплавлено электрическим светом. <...> лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...<...> остудивший свой воспаленный лоб» [72, т. 2, сс. 406-407].

Следует отметить, что еще более ранний подтекст здесь – это стихотворение 1923 г. «А небо будущим беременно...», с его образами: «на лбу высоком», «лопастью пропеллер лоснится как **кость** точеная тапира» и т. д., см. ниже комментарии к строфе 11.

Легко видеть, что образ «горящего, светлого, белого лба» создается G-монитором из резкой немецко-идишской паронимической связи: Stern 'звезда' ↔ Stirn 'лоб', причем в идише здесь имеет место **полная** омофония: Y [štern] = 'звезда' = 'лоб'⁹.

Интересно, что в стихотворении 1935 г. «Мир начинался страшен и велик...» [I, с. 308] снова «просвечивает» эта же связь в строке: «Могучий мозг, гори, гори стране!».

В строфе 7:

КАЗНЬ → («консонантная паронимия») Gesang (=Y[gezank]) 'песня' → ПЕСНЬ

КАЗНЬ = Todesstrafe (=Y[toyt-štrof]) → (эквиконс. T/D-Š/S-TR-F/P) → ПРОСТОТА¹⁰.

⁹ Еще одна, встречающаяся в текстах М (и, возможно, работающая в рассматриваемой строфе) семантическая связь – это 'белый' ↔ 'горящий, горячий'. Ср. «горящий мел» (Грифельная Ода), «горячие снега» и т. д.

¹⁰ Заметим, что этот же консонантный набор PRST работает в «Грифельной Оде» (1923), см. Приложение 1.

Далее (одновременно?) в этой же строфе:
ПЕСНЬ = Lied → (пар.) Leid(en) ‘болезнь’ → БОЛЕЗНЬ

ПРОСТОТА = (ПРОСТ)+(ТОТА) → (включается эквиконсонантизм «по модулю» набора P/B-R-S/Š-T) → (ŠTERB-)+(ТОТЕ) ‘смерть, мертвый’ → СМЕРТЬЮ.

В строфе 11:

(а) СТРАНОЙ → Land ‘страна’ → (эквиконс. LDN) ЛЕДЯНАЯ.

М. Гаспаров в [34, с. 792] объясняет возникновение здесь слово ЛЕДЯНАЯ тем, что *ледяной* – самопрозвание Белого (в «Записках чудака» и др.). Но это не объясняет возникновения «связи» между Белым и «страной»¹¹, в то время как «консонантная» SI-функция все ставит на свои места вполне рутинным образом.

(б) СВЯЗЬ → Melden, Meldung ‘связь, сообщение (напр. по радио)’ → (эквиконс. D-L-M/N) МОЛОДЕЙ, ЛЕДЯНАЯ¹².

¹¹ Со значительно большим успехом можно попытаться объяснить эту «связь» отсылкой к строке из стих. Белого «Россия» (1908): «Роковая **страна ледяная**, / Проклятая железной судьбой, / Мать-Россия, о родина злая, / Кто же так подшутил над тобой».

¹² Эта консонантная связь (как и концепты «полета» и «связи» в этой строфе), скорее всего, суггестирована частотным в январе 1934 г. радио-газетным вокабуляром, связанным с «эпопеей дрейфующего во льдах Челюскина»: «лед, **белая** (льдина), **ледяной**, (радио)**связь**, (радио)сообщение, **страна** следит за... самолеты, **полеты** и т.п. Вот сообщение о «Челюскине» в «Известиях» от 3 января: «**Радио** от нашего спец.-корр.: На месте затянувшегося ровным слоем льда... соорудили **аэродром**... **самолеты** не смогли начать **полетов**». 9 января в «Известиях», непосредственно рядом с некрологом на Белого, сообщения: «Эскадрилья **самолетов** “**Авель** Енукидзе”...» (см. ниже прим. к строфе 13); «**Льды** наступают... **радио** с Челюскина...**ледяные** поля... спуск на **лед**»; «Конкурс на лучший **радио**приемник». 14 января в тех же «Известиях» «Стихи о Москве» М. Светлова: «Стратосферы наглотавшись вдосталь, / Погружаясь в море синевы, / Мы не в небе плаваем, мы просто... Это отзвук напряженной **связи** / Между **звездами** и Москвой...».

Кроме того, тема (гибельного) полета заметно выделяется в мемуарах «Начало века», например: «И я развивал: ...”символист”-де – **авиатор**, осуществляющий свой **полет**; “декадент” – **авиатор**, кончающий **полет** **гибелью**... в строчках Валерия Брюсова: “Но лестница все круче, / Не оступлюсь ли я, / Чтоб

Заметим, что здесь есть еще «промежуточная» паронимическая связь: Melden, Meldung → «меледа, меледить» = (Даль) 'медлить, мешкать, работа без конца, бесконечное одно и то же' → МОЛОДей (смысл: «лежи спокойно и долго»). Здесь очень существенно, что слово «меледа» несколько раз используется Белым на первых страницах его (упоминавшихся выше и, несомненно, только что прочитанных Мандельштамом) мемуаров «В начале века» [86].

(в) В этой же строфе интересно рассмотреть гипотезу М. Спивак [85] о том, что ЛЕЖИ, БЕСКОНЕЧНО ПРЯМЯСЬ в концовке строки – не что иное, как ЛЕТИ, БЕСКОНЕЧНО ПРЯМЯСЬ. Вариант с ЛЕТИ присутствует в некотором, исследованном Спивак, машинописном списке, оставшемся в ГИХЛе и исходившем, по-видимому, от П. Зайцева, автора мемуаров «Последние десять лет жизни Андрея Белого». М. Спивак считает (и аргументирует свою гипотезу), что в основе «списка Зайцева» лежит некий, находившийся у П. Зайцева и не дошедший до нас (но повлиявший на «ГИХЛовский» список) автограф этого стихотворения М с вариантом ЛЕТИ и считает этот вариант более релевантным, чем ЛЕЖИ. Последнее утверждение она основывает на общих «летальных» соображениях, как-то:

«Гораздо проще представить, даже чисто “физиологически”, как можно “лететь, бесконечно прямаясь”. К тому же с понятием смерти тесно связано представление о душе, отлетающей в иной мир»; «“Маяковский” слой в творчестве Мандельштама вообще занимал существенное место, а в данном случае аллюзия¹³ кажется более чем уместной» [85].

стать звездой падучей / На небе бытия?» Кто сомневается (не оступится ли?), в том **силы полета** подорваны... Бессильно противопоставил я жизненную уверенность, что **полеты** – будут, что помощь – возможна, и что надо **“связать”** [ср. СВЯЗЬ – Л.Г.] руки всем искателям новых путей; я – цитировал Блока: “... вместе **свяжем** руки, – / **Отлетим** в лазурь”. В 1902 году я полагал: всенепременно **“свяжем”**, т.е. будет коммуна новаторов; и – **полетим**; в 1904 году я сам **полетел** кувырком, но не в лазурь: в пыль [ср. МОРОЗНУЮ ПЫЛЬ ПАДЕЖЕЙ– Л.Г.]...Мы разучились **летать**: мы тяжело мыслим» [86, сс. 130–131, 304].

¹³ Имеется в виду аллюзия на “Пустота...Летите, в звезды врезываясь...” в стих. Маяковского на смерть Есенина. Ср. строфу из Брюсова в предыдущем примечании.

Между тем, красивая гипотеза Спивак следует¹⁴ из совершенно **рутинного**, без всякой «летальной мистики»¹⁵, применения G-монитора, который, как мы утверждаем, работал «в сознании» Манделъштама при создании этого текста. G-монитор просто не мог пропустить столь резкой паронимии немецких (немецко-идишских) лексем *liegen* ‘лежать’ \leftrightarrow *fliegen* ‘лететь’.

Кроме того, здесь, по-видимому, имеет место частотная в текстах М «мигающая» семантическая двойка, присутствующая «в сознании» автора. Используя метафору самого М из стихотворения 1923 г. «А небо будущим беременно...» [I, с. 306], можно сказать, что здесь имеет место «крыла [лети] и смерти [лежи] уравнение». В том же стихотворении мы встречаем сочетание «кладбища лёта», т.е. снова «крыла и смерти уравнение»¹⁶.

Вообще, похоже, что «А небо будущим...», по какой-то неясной причине, лежит здесь в подтексте в не меньшей степени, чем межзвездные перелеты Маяковского с Есениным.

Ср. еще: «горячая **лобная** кость [Белого]» \leftrightarrow «**лопастью**... лоснится, как кость точеная тапира» [т.е. белая «слоновая кость»]¹⁷.

Отметим, что для [ЛЕЖИ/ЛЕТИ] БЕСКОНЕЧНО ПРЯМЯСЬ существует еще один неожиданный подтекст. Это – вариант строфы из стихотворения М ноября 1930 «Дикая кошка – армянская речь» [34, с. 712]:

«А не поря ль очутиться мне там, / Где обо мне ни слуху ни духу / В городе, где **выпрямляюсь** по слуху, / Не по гвардейским его каблукам...»

¹⁴ Кроме стандартной «омофонической» связи ЛЁТ = ЛЁД, приводящей к связи ЛЕДЯНАЯ \rightarrow ЛЁД \rightarrow ЛЁТ.

¹⁵ Внутренняя энергетика и загадочность этого места приводили к неожиданным результатам. Например, известно, что некоторые читатели и исследователи, чтобы лучше понять, что имеется в виду, пробовали «на себе», что значит «лежи, бесконечно прямась».

¹⁶ «Крыла и смерти уравнение» в текстах М «просвечивает» и в других текстах. Например, в написанном через месяц после «Реквиема» стихотворении «Мастерица...» – в одной строфе: «путь опасный...янычару...**летуче-красный**... полумесяц губ». Здесь «летуче-» вместе с «янычаром» явно эквивалентно «кроваво-» или «смертельно-». Ср. еще «...умрет / Тот, у кого **тревожно-красный** рот...» в стих. «От легкой жизни...» (1913).

¹⁷ См. подробнее Приложение 1, германизмы в стихотворении «А небо будущим беременно...» (1923).

Здесь работают связи:

ГОРОДЕ → (парон., эквиконс.) gerade (= Y[grode]) 'прямой' → (асс.) ВЫ-ПРЯМ-ЛЯЮСЬ.

Эта же «консонантная паронимия» присутствует в строфах 12-13 анализируемого стихотворения:

ПРЯМЯСЬ → gerade (= Y[grode]) 'прямой' → (конс. пар. GRD) ГРЯД-ущие.

Эти любопытные русско-немецкие связи демонстрируют работу G-монитора, но не очень помогают пониманию рассматриваемого «темного места» в «Реквиеме».

Но вот точка, где анализ работы G-монитора может реально помочь понять смысл загадочного глагола ПРЯМЯСЬ¹⁸.

Дело в том, что в немецком есть «второй» частотный корень (основа) для понятия 'прямой, прямиться'. Это основа RICHT- с частотным сибилантным произношением [riʃt].

Основа RICHT- уже, по-видимому, генерировала паронимическую связь в строфе 8 рассматриваемого стихотворения: ПРЯМИЗНА → RICHT [riʃt] → РЕЧИ. Но семантический спектр частотной в немецком возвратной конструкции (sich) richten очень широк: 'прямиться, выпрямляться'; 'кончать **самоубийством**¹⁹'; '**примиряться**, приспособливаться'; 'ориентироваться, **равняться**²⁰'.

Ясно, что из этого меню смыслов наиболее релевантен для понимания рассматриваемого места смысл 'примиряться': «ЛЕЖИ (ЛЕТИ) в окончательном (бесконечном) примирении (со страной, с которой «рождается связь»).

¹⁸ Одна из причин присутствия здесь этого глагола – это ироническая аллюзия на «осуждающий» (контакты Белого с Блоками) дискурс З. Гиппиус в «Начале века»: «...они [Блоки и Белый] в пустоте завиваются...Что делали с Блоком?...В пустоте завивались?...Удивительно: аполитичность!... наверное нас предаете!» [86, сс. 478-479]. Но этот подтекст не разъясняет смысла данного глагола в тексте «Реквиема».

¹⁹ Ср. сообщения мемуаристов о ходившем в начале 1930 г. в литературных кругах Ленинграда и Москвы **слухе** (ср. ПО СЛУХУ) о самоубийстве М, см. например, [33].

²⁰ «по слуху», «по гвардейским каблукам»!

Наконец, в строфе 13 (набросок) интересная «параграфическая» связь:
лат. написание A. Vel[yj] → Abel = Авель → (асс.) Каина → ЛИТЕРАТОРА-КАИНА.

В этой же строфе отметим связь: ЧЕРЕПА → черепок → чаша, котелок²¹ → ЛАЗУРЬ (лазурное варено)²².

Интересно отметить здесь же русско-идиш-украинскую связь: ХМУРЬ суггестируется украино-идишизмом Y[xmare] = укр. хмара = 'туча', который семантически противопоставляется [небесной] ЛАЗУРИ.

8.1.2. Стихотворение «10 января 1934», написанное 16 января 1934 г. [I, с. 207].

В строфах:

Где первородство? Где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? где горькая укретка?
Где ясный стан? Где прямизна речей,

Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой, –
Морозный пух в железной крутят тяге,
С голуботвердой чокаясь рекой.

(а) ПЛАВКИЙ → (паронимическая суггестия) «плавать» + blau 'голубой'. Получается смысл: «ястребок, плавающий на дне сосуда из голубого стекла (→ Glas). Поскольку, Glas 'стекло, рюмка' через «стандартную» русско-немецкую омофонию → «глаз, око», получаем смысл: «ястребок, плавающий на дне голубых очей». Далее продолжается суггестия голубой тональности: (ПЛАМЕНЬ) ГОЛУБОЙ, С ГОЛУБОТВЕРДОЙ (РЕКОЙ).

²¹ Для варки, ср. выражения «голова/котелок варит/не варит».

²² Ср. строку в «Стихах о неизвестном солдате» [I, с. 245]: «Я ль без выбора пью это варено, / Свою голову ем под огнем?». Здесь ЕМ = ст.-слав. емь 'взявши', т.е. смысл здесь: «держу в руках [череп, черепок, чашу] свой котелок и пью под огнем из него варено», а вовсе не какая-то каннибальская horror scene. Ср. также в мандельштамовском переводе с французского пьесы Жюль Ромэна «Кромдейр-старый» (ГИЗ, 1925г.): «Сыплют, подливают в медный головной котел... И, когда смесь готова, потушив огонь, пьют» [88, с. 212].

- (б) РЕЧЕЙ → Reden 'речи' → (пар.) redlich 'честный, добросовестный, основательный, хорошо сделанный' → ЧЕСТНЫЕ (ЗИГЗАГИ)²³.
- (в) ПЛАМЕНЬ = Flamme → (пар.) Flaum 'пух' → ПУХ²⁴
- (г) ГОЛУБОТВЕРДОЙ → (ассоц.) «глаз»²⁵ → Glas 'стакан, рюмка'²⁶ → ЧОКАЯСЬ
- (д) КОНЬКОБЕЖЦА, ГОЛУБОТВЕРДОЙ РЕКОЙ → (ассоц.) «лед» → Eis 'лед' → (парон.) Eisen 'железо' → ЖЕЛЕЗНОЙ.

В строфе:

И вдруг открылась музыка в засаде,
Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
Не ради слуха или неги ради,
Лиясь для мышц и бьющихся висков...

МУЗЫКА = Musik (=Y[muzik]) → (пар.) Muskel (=Y[musk])
'мышца' → МЫШЦ

Поскольку СМЫЧОК = Bogen = 'лук (оружие)', а ЗАСАДА – одновременно и музыкантов, и охотников, то здесь одновременно суггестируется сцена охоты (из засады) на хищного зверя – отсюда и появление ХИЩНИЦЫ.

8.2. Пример сложной семантической «игры» идишизмов и германизмов в ЯКМ и в текстах Мандельштама.

Шуточное стихотворение 1924-1925 гг. «На Моховой семейство...» [I, с. 351].

²³ Немецкие этимологические словари, напр. [116] и [125], возводят слово redlich в указанном значении к Rede 'речь'. Еще более интересно (в контексте «внутренней» связи М и современной ему немецко-еврейской культуры, см. Гл. 4), что переводчик на русский работы 1923 г. «Я и Ты» М. Бубера видит (и отмечает в примечании), что Бубер «делает акцент» на этимологической связи слов Rede и Redlichkeit [165, с. 446], т.е. Бубер (в восприятии переводчика) делает ровно то же, что М в анализируемом тексте.

²⁴ Этот пример демонстрирует стяжение дифтонга [au] → [a], стандартное для немецкого произношения М.

²⁵ Ср. у М в «восьмистишии #5» [I, с. 200], написанном почти одновременно с «Реквиемом» в январе/феврале 1934: «голуботвердый глаз».

²⁶ Связь Glas ↔ «глаз» – «стандартная» в текстах М германо-русская омофоническая связь; отмечалась исследователями: см. [87].

- На Моховой семейство из Полесья (1)
Семивершковый празднует шабаш. (2)
Здесь Гомель – Рим, здесь папа – Шолом Аш (3)
И голова в кудрявых пейзах песья. (4)
- Из двух газет – о чудо равновесья ! – (5)
Два карлика построили шалаш (6)
Для ритуала, для раввинских каш – (7)
Испано-белорусские отчесья. (8)
- Семи вершков, невзрачен, бородат, (9)
Давид Выгодский ходит в Госиздат (10)
Как закорючка азбуки еврейской. (11)
- Где противу площадки брадобрейской, (12)
Такой же, как и он, небритый карл, (13)
Ждет младший брат – торговли книжной ярл. (14)

Здесь:

(а) в строке (4):

ПЕСЬЯ, **вероятно**, суггестируется паронимическим идишизмом (изначально – гебраизмом) Y[peš] ‘дурачок, наивный до глупости’.

(б) в строке (7):

КАШ суггестируется паронимическим идишизмом (изначально – гебраизмом) Y[kaš] ‘трудный вопрос, проблема’.

Этот же идишизм участвует в словосочетании Y[di-fir-kašes] ‘четыре вопроса’, обозначающем часть иудейского пасхального ритуала²⁷.

(в) в строке (14) – конкуренция равновероятных немецкого и идишского когнатов.

Русские словоформы «книжной», «книг» суггестируются одновременно и равновероятно идишизмом Y[kinik] ‘король’ и немецким König [keniŝ] ‘король’.

²⁷ Давид Выгодский, один из «двух карликов», хорошо знал идиш, иврит и немецкий и делал переводы на русский с этих языков.

8.3. Выявление скрытого подтекста.

Продемонстрируем пример, в котором даже самый поверхностный учет «германского монитора» позволяет реконструировать «прозаический» подтекст поэтического образа у Мандельштама.

Рассмотрим строфу из знаменитого «Волка», стих. 1931–1935 гг. «За гремучую доблесть грядущих веков...» [I, с.172]:

Мне на плечи²⁸ кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей: / Запихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей / Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает, / Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьет.²⁹

Покажем, что в подтексте здесь образ казачьего сотника, пахнущего собакой и волком, в бурке (наброшенной на плечи!) из главы «Бармы закона» в очерке «Феодосия» (1923): «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком <...> заряженные лисьим электричеством здоровья и молодости. На иных людей возможность безнаказанного убийства действует как свежая нарзанная ванна...».

Дело в том, что СОТНИК суггестирует понятие 'сотня', которое, в свою очередь, при включенном «германском мониторе» суггестирует слова «языка-посредника», т.е. немецкое Hundert 'сто' и фонетически и семантически идентичное ему идишское Y[hundert].

Эти «германские» слова, в свою очередь, суггестируют Jahrhundert 'век' и равное ему идишское Y[yorhundert] 'век'. Тем самым, образ сотника имплицитно образ «века» и слово ВЕК. Но слова Hundert и Y[hundert], кроме того, паронимически суггестируют Hund, т.е. немецкую 'собаку', равную идишской 'собаке' Y[hund].

Тем самым, и ВЕК имплицитно «собаку»³⁰.

²⁸ Вариант: «Мне на шею» – [I, с. 509].

²⁹ Вариант: «И во мне человек не умрет».

³⁰ Здесь еще следует отметить, что, кроме «собаки», в суггестируемой словом Jahrhundert картинке возникает и «ягуар» (Jaguar ← Jahr), архетип гибкого,

Но феодосийский «сотник» пахнет «собакой + волком». Собака + волк в языке-посреднике – это Wolf + Hund или Y[volf+hund]. Немецкое же Wolfshund и идишское Y[volfhund] – это ‘ВОЛКОДАВ’!

Тем самым, «сотник, пахнувший собакой и волком» – это «ВЕК-ВОЛКОДАВ».

Но даже бурка этого сотника тоже работает. Ведь она накидывается на плечи – в точности как ВЕК-ВОЛКОДАВ (или век-ягуар!) кидается на плечи героя стихотворения «Волк».

Наконец, накидываемая ЧЕРНАЯ БУРКА суггестивует «чернобурку», т.е. лисью шубу («лисье электричество») и далее «ЖАРКУЮ ШУБУ сибирских степей».

Тем самым, мы получаем полное соответствие между прозаическим отрезком из «Феодосии» и строфой из «Волка».

Это соответствие подсказывает другой, может быть, более «правильный», смысл этой строфы: ВЕК-ВОЛКОДАВ, как БУРКА на СОТНИКА, накидывается не с целью убить, загрызть и т.п., но с целью «дружить», как на своего, обладающего идентичным запахом, как кидаются своему на плечи (или на шею: см. вариант). Но автор не хочет «дружить» с веком-собакой-сотником-убийцей³¹, хочет избежать этой дружбы: «запахай меня **лучше** как шапку в рукав...»³².

прыгучего опасного зверя – частотный образ века у М. Ср. в предисловии к роману «Тудиш» (Л., 1925): «...последнего прыжка, когда-то гибкого, восемнадцатого века, который, как зверь с раздробленными лапами, упал на подмостки новой эры» [I, с. 496].

³¹ Не хочет даже касаться его – любой физический контакт с собакой был М неприятен. А. Ахматова говорила Л. Чуковской в 1940: «Он ведь был странный: не мог **дотронуться** ни до кошки, ни до собаки...», цит. по [94, с. 104].

³² О. Лекманов приходит, кажется, к тому же пониманию смысла этой строфы, опираясь на последующую строку «Потому что не волк я по крови своей» и на самосравнение М с Маугли в «Путешествии в Армению»: «...обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга...» [II, с. 116]. Лекманов пишет: «В стихотворении “За гремучую доблесть грядущих веков...” он [М], обыгрывая ключевую фразу киплинговской сказки (“Мы с тобой одной крови – ты и я”), подобно Маугли, отказывается от своего “волчьего” прошлого ради “человечего” настоящего <...>. Но современникам было легче представить себе Мандельштама как раз в образе загнанного в угол зверя» [94, с. 138]. Мне все же представляется, что лингвистические рассуждения типа приведенных выше надежнее обосновывают «смысловые» выводы как в этом случае, так и в ряде других.

Этот пример показывает, как предлагаемый нами дополнительный комментарий к текстам Мандельштама (использующий феномены «германского монитора» и СИ-функций) коррелирует со ставшим уже традиционным подтекстным комментарием, реализуемым и обосновываемым, в частности, в специальной серии работ М. Гаспарова.

8.4. Суггестия картинки (ситуации, психологического состояния).

8.4.1. В стихотворении 1925 г. «Из табора улицы темной...» [I, с. 158] в ряде словоформ их «смещенные проекции» в ЯКМ Мандельштама³³ вызывают (суггестируют) у читателя настроение меланхолии, горечи, тщеты³⁴.

Я буду метаться по табору улицы темной
За веткой **черемухи** в черной рессорной карете,
За **капором** снега, за вечным, за **мельничным шумом**...

Я только запомнил каштановых прядей осечки,
Придымленных горечью – нет, с **муравьиной** кислинкой,
От них на губах остается янтарная сухость.

В такие минуты и воздух мне кажется карим,
И кольца зрачков одеваются выпушкой светлой;
И то, что я знаю о яблочной розовой коже...

Но все же скрипели извозчичьих санок полозья,
В плетенку рогожи глядели колючие звезды,
И били вразрядку копыта по клавишам мерзлым.

И только и свету – что в звездной колючей неправде,
А жизнь проплывет театрального **капора пеной**,
И некому молвить: «из табора улицы темной...»

³³ Смещенные по сравнению со стандартной русской ЯКМ (Р-ЯКМ).

³⁴ Эти словоформы выделены нами в тексте стихотворения.

Здесь:

(1) В строке 3: КАПОРОМ суггестируется идишизмом Υ [karpores] 'good for nothing, useless'.

Получается смысл «гнаться за ненужным, бессмысленным (снегом)».

Здесь дело в том, что идишизм (изначально – гебраизм) karpores присутствует и в стандартном немецком в значении 'сломанный, испорченный, конченный, погибший', напр. er ist karpores = «его песенка спета».

(2) Слово ПЕНОЙ в последней строке суггестивно связано с идишизмом Υ [milinkes] 'мыльная пена, пузыри, эфемерность', а этот идишизм, в свою очередь, паронимически (и по совпадению консонантного набора) суггестирует слово МЕЛЬНИЧНЫМ.

Одновременно это же слово ПЕНОЙ имплицитно связано с «равновероятные» идишское Υ [šoyrn] 'пена' и немецкое Schaum 'пена', которые, в свою очередь, паронимически имплицитно связаны с ШУМОМ.

Суммируя, получаем смысл первой, третьей и последней строк: «я гонюсь за ненужным и эфемерным, а жизнь пройдет с театральным шумом, ненужная, как пена».

(3) В строке 2: ЧЕРЕМУХИ суггестирует одновременно и равновероятно идишизм Υ [foylboym] 'черемуха', букв. 'испорченное, фальшивое, «неправильное» дерево' и немецкое Faulbaum с идентичной семантикой.

Очевидно, что получающийся смысл «я буду метаться за фальшивым и даже вредным» дополняет полученный выше в (2).

Здесь очень интересный случай «семантической» SI-функции, порождающей не слово, а смысл, позволяющий лучше понять текст.

Образ «черемухи» здесь пропускается через немецкий/идиш язык-посредник, в котором его (буквальный) смысл крайне негативен. «Значением» соответствующей SI-функции и становится этот негативный «смысл», позволяющий понять, почему в этом тексте, пронизанном (по-видимому, под влиянием неудачного во всех отношениях романа с О. Ваксель) ощущение

ниями и мотивами тщетности, бессмысленности, ненужности, эфемерности, мыльной пены и погони за всем этим, возникает образ «погони за веткой черемухи».

Совершенно очевидно, что предлагаемое нами добавление к комментарий слова «черемуха» в этом стихотворении и в ряде других³⁵, значительно улучшает понимание этого текста.

(4) В строке 5 имеется одновременно и «чисто немецкая» суггестия, и идишизм (изначально – гебраизм). Слово ПРИДЫМЛЕННЫХ семантически равно немецкому *geräuchert* [*geroʊʂert*] ‘задымленный’, которое, в свою очередь, паронимически суггестирует почти совпадающее с ним по консонантному составу слово ГОРЕЧЬЮ.

Одновременно ГОРЕЧЬЮ имплицитно суггестирует идишизм (изначально гебраизм) *YR*[*miʁe*] ‘желчь, горечь, меланхолия’, который паронимически связан со словом МУРА-ВЬИНОЙ.

8.4.2. Суггестия ситуации, «картинки» (парадигмы, видения мира) через набор (возможно, тоже суггестируемых) ключевых слов или концептов.

Например, в главе 3 «Четвертой прозы» (1929–1930) проходящий через весь кусок текста идишизм *Y*[*oder*], означающий одновременно³⁶ ‘месяц Адар’, ‘жила’, ‘одр, кляча’, ‘од(е)р – ложе умирающего, покойника’, суггестирует «еврейскость» ситуации, «еврейское мироощущение», включая «еврейский» черный юмор.³⁷

Вот этот отрезок текста:

«Я пришел к вам, мои парнокопытные друзья, стучать деревяшкой в **желтом** социалистическом пассаже-комбинате,

³⁵ См. про черемуху у М подробнее в 6.5.3. Пример 2.

³⁶ Здесь одновременно внутри-идишская омофония + внутри-русская омофония!

³⁷ Это или подобное явление обсуждает (не используя понятие “суггестия”) В. Хазан, анализируя стих. Довида Кнута «Снег в Париже»: «Здесь мы вступаем в область художественного феномена, который можно было бы назвать “чувствительным контекстом”: отдельные текстовые единицы и/или текст в целом создают в своем семантическом пространстве некую конвенциональную реальность (связанную с архетипами национальной жизни или с ее широко обсуждаемыми проблемами) и тем самым приобретают новую содержательную модальность» [148, с. 20].

созданном оголтелой фантазией лихача-хозяйственника Гибера из элементов шикарной гостиницы на Тверской, **ночного** телеграфа или телефонной станции, из мечты о всемирном блаженстве, воплощаемом как перманентное фойе с буфетом, из непрерывной конторы с салютующими клерками, из почтово-телеграфной сухости воздуха, от которого першит в горле.

Здесь непрерывная бухгалтерская **ночь** под **желтым пламенем** вокзальных ламп второго класса. Здесь, как в пушкинской сказке, жида с лягушкой венчают, то есть происходит непрерывная свадьба козлоногого ферта, мечущего театральную икру, – с парным для него из той же бани нечистым – московским редактором-гробовщиком, изготавливающим газетовые гробы на понедельник, вторник, среду и четверг. Он саваном газетным шелестит. Он отворяет **жилы** месяцам христианского года³⁸, еще хранящим свои пастушески-греческие названия: январю, февралю и марту. Он страшный и безграмотный коновал происшествий, смертей и событий и рад-радешенек, когда брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи» [Ц, с. 91].

В этом блоке «сквозным ключом» ко всему тексту, центральным «суггестирующим подтекстом» (аргументом СИ-функции) является идишизм $Y[oder]$ = '(еврейский месяц) Адар', представляющий Y -омофоны 'месяц Адар' и 'жила' + русские омофоны 'одр, кляча' и 'од(е)р – ложе умирающего, покойника'.

Заметим, что текст ЧП заканчивался в конце зимы (февраль-март) 1930, а это как раз время еврейского месяца Адара.

- (а) $Y[oder]$ → (пар.) «одер, одр, одра» 'плохая кляча – В. Даль' → $Y[fert/d]$ 'лошадь' → (пар.) ФЕРТ-А
(б) «одр, кляча, лошадь» → КОНОВАЛ, ЛОШАДИНАЯ (КРОВЬ)

³⁸ Здесь явная ерническая аллюзия на ситуацию «кровавого навета» (страшный жид-редактор, цедающий кровь из христианских месяцев-«пастушат»), которая усиливает суггестируемую «еврейскость» фона.

Ту же роль в отрывке играют явные и суггестируемые «еврейские цвета»: черный (ночь, ночной телеграф, черная кровь) и желтый (желтый пассаж, желтое пламя). Отметим здесь, что во второй половине 20-х гг. «ситуация кровавого навета» находится как бы «в оперативной памяти» М. Это показывают тексты М этого периода: «Египетская марка» [см. 3, Часть III], некоторые «внутренние рецензии» и др.

- (в) Y[oder] → (пар.) «одер, одр» ‘носилки, на которых выносят покойников – В.Даль, ср. на смертном одре’ → ГРОБЫ, ГРОБОВЩИ-КОМ
- (г) Y[oder] ‘жила’ → ЖИЛЫ
- (д) Y[oder] ‘месяц Адар’ → ФЕВРАЛЮ И МАРТУ (приблизительное время Адара)

Кроме того, в этом же блоке:

- (а) ФЕРТА → (пар.) Pferd (=Y[fert]) ‘лошадь’ → (acc.) КОНОВАЛ, ОТВОРЯЕТ ЖИЛЫ, ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ³⁹.
- (б) ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ → (пар.) Pferd (=Y[fert]) ‘лошадь’ → (конс. метат.) Feder (=Y[feder]) ‘перо’ → смысл: «брызжут черные чернила (лошадиная кровь) из-под его пера»⁴⁰.

³⁹ Примечание. Идишизм здесь несколько более вероятен не только фонетически, но и потому, что весь абзац, завершающий 3-ю главу ЧП, пронизан идишизмами.

⁴⁰ Здесь в подтексте пассаж из 5-й гл. «Египетской марки»: «Не повинуется мне ПЕРО: оно расщепилось и разбрызгало свою ЧЕРНУЮ КРОВЬ, как бы привязанное к конторке телеграфа...» [II, с. 74].

Приложение 1

Словарь германизмов у Мандельштама. Немецкие словоформы и словосочетания (эксплицитные и суггестируемые) в тек- стах М и комментарии к ним

*Мы к Мандельштаму близко не подошли,
мы заняты первичной дешифровкой,
мы учим язык!*

Г. Левинтон (на мандельштамов-
ском симпозиуме, 1991)

Предварительные замечания

Отдельные факты присутствия немецких (немецкоязыч-
ных) суггестий и подтекстов у Мандельштама давно регистри-
ровались исследователями¹.

¹ Еще Н. Мандельштам в своем «Комментарии к стихам 1930-1937 гг.», пи-
савшемся в конце 60-х, рассматривает связь «Рейн – (я весь будущим) проре-
ян», в варианте стих. «К немецкой речи» и видит в ней отражение «кровной
связи [Мандельштама] с землей, откуда в Россию пришли его предки» [2, с. 425].
В 1979 г. Г. Левинтон [100, с. 29] в рамках общих рассуждений о «поэтическом
билингвизме» и о «языке как о подтексте» привел 2 очень точных примера
немецко-русской паронимии у Мандельштама: «Фета жирный карандаш» и
«есть блуд труда и он у нас в крови», последний пример – со ссылкой на Р. Ти-
менчика. О. Ронен в статье 1986 г. рассматривает связь «Бог Нахтигаль–соловей–
слово» [2, с. 535] и анаграмму «Ницше – ценишь». N. Pollak в монографии 1995 г.
[133, с. 17] приводит 2 примера (паронимического и синтаксического) рефлексов
немецкого текста Гете в тексте М. В работе 1996 г. [101, с. 59-60] М. Лотман рас-
смотрел связи «смерти–умрет–тот», «красный–рот», «Лермонтов–(м)учитель». Б.
Успенский в работе 2000 г. приводит связь «Герцович–Сердцевич» [102]. А. Жол-
ковский в [103] приводит русско-немецкую омофонию «ворон оробел».

Наконец, Г. Амелин и В. Мордерер в монографии [87] 2000 г. приводят ряд
примеров русско-немецкой омонимии у Мандельштама. К сожалению, их
собственный текст часто напоминает «путаный салат». 7 надежных связей,
установленных в [87], приводятся здесь, это: «сугроб–болезненные–тоска»,
«глухонемые–голуби–штаб», «кружево–проколы», «банкиры–горный ланд-
шафт», «глаз–рюмка–стекло–бинокль», «зрение–лайковая перчатка», «брилли-
ант Тэта–пляска смерти» (последнее, скорее, идишизм, см. Приложение 2).

Но достаточно серьезных попыток сбора и интерпретации фактов в этой области, насколько нам известно, сделано не было.

Мы хотим восполнить этот пробел, т.е. предъявить по возможности полный корпус эксплицитных и «просвечивающих» (суггестируемых) германизмов в текстах Мандельштама

Сопряженной работой является исследование корпуса идишизов (большинство которых являются германизмами в широком смысле слова) в текстах Мандельштама, см. Приложение 2. Следует отметить, что в корпус «идишизов» в Приложении 2 не включены те случаи суггестий и эксплицитных выражений, немецкое происхождение которых равно- или более вероятно, чем «идишское». Этот материал включен в Приложение 1.

Обозначения в тексте «словаря»:

* – маркер нового «входа»

М = Мандельштам

Напоминаем, что тексты **М** (и их датировки) цитируются, в основном, по изданию [1]; римск. **I** обозначает первый том этого издания, римск. **II** – второй том

G = ‘германизм/относящийся к немецкому/немецкий язык’

R = то же для русского языка

Y – то же для идиша

YP – то же для польского диалекта идиша

YL – то же для литовского диалекта идиша

Скобки [...] содержат (кроме ссылок) фонетическую запись слова/отрезка речи.

Знак (=Y) сообщает, что данный «германизм» равновероятен соответствующему «идишизму», т.е. одновременно (иногда с небольшой фонетической модификацией) является идишизмом.

Знаки (>Y) и (<Y) говорят, что данный германизм более (соот. менее) вероятен², чем соответствующий идишизм.

² Собственно, главный недостаток этой работы состоит в том, что мы не умеем численно оценивать эту вероятность, равно как и вероятность (достоверность) того, что данная «германская» суггестия в тексте **М** вообще имеет место. Поэтому мы вынуждены ограничиваться чем-то вроде «экспертной»

Знак (+Y) обозначает контаминацию G-суггестии и Y-суггестии. (?Y) означает присутствие Y-суггестии с неясным отношением (в смысле вероятности или контаминации) к соответствующей G-суггестии.

Стрелки \leftarrow и \rightarrow содержат «меню» смыслов типа 'суггестирует, вызывает, ассоциируется с, провоцирует, каузирует и т. п.' Знак \leftrightarrow сообщает, что направление стрелок не ясно³, или же, что взаимовлияние соединяемых стрелками «слов» симметрично. Эти стрелки еще удобно называть «семантическими операторами», или «семантическими функциями», преобразующими смысл А в смысл В.

Помета CONJ означает, что данная связь – всего лишь гипотеза.

Выделение слова в цитатах прописными буквами или «жирным» шрифтом – по умолчанию, **ВЕЗДЕ мое**.

Сокращения в тексте «словаря»:

пар. = пароним, син. = синоним, ом. = омоним, омоф. = омофон, эквиконс. = «экви́консонанты» (слова с совпадающими наборами согласных) и соответствующий *СИ-оператор, акр. = акроним и процесс создания акронима, де-акр. = «деакронимизация» слова (процесс, обратный созданию акронима), асс. = ассоциация.

* * *

Список упорядочен хронологически.

* 1908. Стих. «Сусальным золотом горят...» [I, с.66].

В стр. «В кустах игрушечные волки / Глазами страшными глядят»

оценки, что, конечно, недостаточно и иногда даже вызывает «метафорические ДТП»: наблюдателя «заносит», и он начинает видеть «германизмы» у М везде, что приводит к смешным курьезам. Разработка **методики** числовой оценки соответствующих вероятностей («достоверностей») становится, тем самым, приоритетной задачей в данной области лингвопоэтики.

³ На самом деле, направление стрелок редко когда до конца ясно, оно, в идеале, также должно снабжаться численной оценкой вероятности.

КУСТАХ → Sträucher [štrojše]⁴ 'кусты' → (пар. основы) **страш-**
→ СТРАШ-ными.

* 1909. Стих. «На бледно-голубой эмали...» [I, с. 67].
В стр. «Когда его художник милый / Выводит на стеклянной
тверди»
(=Y)⁵ МИЛЫЙ → würd-ig 'милый, дорогой, достойный' [117,
с. 1453] → (пар.) ТВЕР-ДИ⁶.

* 1909. Стих. «Имею тело: что мне делать с ним...» (вариант) [I, с. 68, 456].
(1) В стр. «Имею тело: что мне делать с ним»
(=Y)⁷ ИМЕЮ ТЕЛО... ← «Ich habe...» – синтаксический германизм.⁸
(2) В стр. «Узора милого не зачеркнуть»
(=Y) МИЛОГО УЗОРА → würdig (= Y[wertik]) 'дорогой, ценный' → смысл: «**дорогого, ценного** узора»⁹.

* 1909. Стих. «Ни о чем не нужно говорить...» [I, с. 69].
В стр. «Темная звериная душа: / <...> И плывет дельфином мо-
лодым / По седым пучинам мировым»

⁴ Следует здесь напомнить, что М «шепелявил», поэтому для него фонетически [š] = [s] → [страш] = [штраш] и т.п.

⁵ Идишизм Y[wertik] 'ценный, достойный' здесь равновероятен.

⁶ Отсюда можно видеть, что семантический спектр русск. «милый» у М «смещен» под воздействием G/Y-субстрата, примерно так же, как в случае с русск. «ласка, ласковый», (идиш/польское воздействие, см. Прилож. 2). Ср. «милый плов» в «Мне Тифлис горбатый снится» [I, с.128].

⁷ Идишизм [ix-hob] 'я имею' здесь равновероятен.

⁸ Этот вариант был в дебютной публикации М в журнале «Аполлон», 9, июль-авг. 1910. В более позднем варианте G/Y-конструкция была устранена и возник окончательный вариант ДАНО МНЕ ТЕЛО – ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ С НИМ. В. Андреев, сын писателя Леонида Андреева, пишет в своих мемуарах [25]: «Еще в отцовской библиотеке, в одном из номеров “Аполлона” я прочел стихотворение “Имею тело – что мне делать с ним...”, которое меня поразило неприятным оборотом “имею тело” и удивительным, похожим на мертвую зыбь, ритмом...». См. также «германизмы» в «Мы напряженного молчания не выносим...» (1913).

⁹ См. пред. *.

CONJ

(а) ДУША → Seele 'душа' → (пар.) See 'море' → «пучина моря» → ПО... ПУЧИНАМ.

(б) See → (син.) Meer 'море' + (русск.) «море» → (пар.) (ПУЧИНАМ) МИРОВЫМ.

* 1909. Стих. «Если утро зимнее темно...» [I, с. 269].

В стр. «То холодное твое окно / Выглядит как старое панно» (=Y) ХОЛОДНОЕ → kalt (=Y[kalt]) 'холодный' → (пар.) «как» + alt (=Y[alt]) 'старый' → КАК СТАРОЕ.

* 1909. Стих. «Дыханье вещее в стихах моих...»

[I, с. 271].

В стр. «Что круг очерченной им красоты /

(<Y) КРУГ → Kreis (= YP [kraz]) 'круг' → (пар.) КРАС-ОТЫ.¹⁰

* 1909. Стих. «Нету иного пути...» [I, с. 271].

В стр. «Лодка скользкая над / Тихою бездною вод»

ЛОДКА → Boot 'лодка' → (пар.) ВОД.

* 1910. Стих. «Когда удар колоколов...» [I, с. 275].

В стр. «Я уничтожен, заглушен, / Вино, и крепче и тяжеле, / Сердечного коснулось хмеля / <...> И мне переполняет душу / Неизъяснимая полынь»

(а) ПОЛЫНЬ → Wermut 'полынь, вино «вермут»' → отсылает к первой строке: ВИНО, И КРЕПЧЕ И ТЯЖЕЛЕ...

(б) ПОЛЫНЬ. → Wermut → (пар.) Wehmut 'тоска, меланхолия' → НЕИЗЪЯСНИМАЯ («тоска»)¹¹

* 1910. Стих. «Когда удар с ударами встречается...»

[I, с. 70].

В стр. «Торопится, и грубо остановится, / И упадет веретено ...»

¹⁰ «Польский идишизм» YP[kras] 'круг' здесь более точен фонетически и поэтому более вероятен. См. еще G/Y-суггестии к «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935).

¹¹ Сочетание со смыслом 'неизъяснимая тоска' встречается в других стих. М, например, в первой строке «Невыразимая печаль...». См. еще G-суггестии к «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922): «вино <...> полынь».

(>Y) ГРУБО (ОСТАНОВИТСЯ) → grob-lich 'грубо, сильно (усилит. смысл)' → усиление смысла «остановится» → смысл: «резко остановится веретено»¹².

* 1910. Стих. «Silentium» [I, с. 70].

В стр. «Останься пеной, Афродита, / И, слово, в музыку вернись, / И, сердце, сердца устыдись»

(=Y) ПЕНОЙ → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум» → (acc.) МУЗЫКУ¹³.

(>Y) ПЕНОЙ → Schaum [šam]¹⁴ 'пена' → (пар.) Scham 'стыд' → У-СТЫД-ИСЬ¹⁵.

* 1910. Стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» [I, с. 72].

В стр. «Соскучившись по милом иле, / То – как соломинка, миная глубину»

(=Y) (ПО) МИЛОМ ИЛЕ → Schlamm (=Y[šlam]) 'ил' → (эквивалент конс. «по модулю» š=s) «солома» → СОЛОМИНКА

* 1910. Стих. «Как кони медленно ступают...»¹⁶ [I, с. 73].

В стр. «Как кони медленно ступают, / Как мало в фонарях огня! / Чужие люди, верно, знают, / Куда везут они меня. / А я веряюсь их заботе. / Мне холодно, я спать хочу; / Подбросило на повороте, / Навстречу звездному лучу. / Горячей головы качанье, / и нежный лед руки чужой, / И темных елей очертанья, / Еще невиданные мной»

¹² Подробнее о подобных примерах см. в конце п. 7.5. Идишизм Y[greblich] 'rather rude [107]' здесь менее точен фонетически.

¹³ Связь «шум», «музыка» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Шум времени» (1923), «Скрябин и христианство» (1915).

¹⁴ Со стандартным стяжением дифтонга [au] в произношении М. Стяжение дифтонга [au] → [a] «слышно» в ряде явных и суггестируемых германизмов у М, см. напр., G-суггестии к «Два трамвая» (1925).

¹⁵ Здесь еще возможен, но фонетически менее вероятен, идишизм Y[šemen-zix] 'стыдиться'.

¹⁶ Этот текст замечателен тем, что он фиксирует какие-то впечатления раннего детства М и при этом пронизан G/Y-суггестиями с перевесом в сторону идиша. Это свидетельство того, что в раннем детстве М слышал идиш, или идиш-немецкий «суржик».

- (1) (<Y) «двухсогласная ячейка» [F/V-R] и ее 3-конс. расширение [F/V-R-M/N] паронимически «проявляется» во многих местах, если вскрыть G/Y-суггестивность: КОНИ = Pferde = Y[ferde], ФОНАРЯХ, ОГНЯ = (pl.) Feuer = (pl.)Y[fayern], ЧУЖИЕ = fremde = Y[fremde], ВЕРНО, ВЕЗУТ = fahren = Y[fiɾn], ВВЕРЯЮСЬ, ПОДБРОСИЛО = werfen (‘бросать’) = Y[untɛrvarfn], ПОВОРОТЕ, ГОРЯЧЕЙ = warm = Y[warem], ЧУЖОЙ (РУКИ) = fremde = Y[fremde]¹⁷.
- (2) (=Y) МЕДЛЕННО СТУПАЮТ → «тащатся» = schleppen (=Y[šlepɲ]) → (эквиконс. по модулю p/f) schlafen ‘спать’, schläfern ‘клонить ко сну, быть сонным’ (= Y[šlefern]) → СПАТЬ ХОЧУ¹⁸.
- (3) (?Y) Я (ВВЕРЯЮСЬ) → Ich (=Y[ix]) ‘я’ → (омон.) ИХ (ЗАБОТЕ)
- (4) (=Y) В ФОНАРЯХ → (эквиконс.) fahren (=Y[fiɾen]) ‘везут’ → (КУДА) ВЕЗУТ
- (5) (=Y) НАВСТРЕЧУ ЗВЕЗДНОМУ ЛУЧУ – здесь просвечивает «аллитерация» [STR-N/L]: Н-ав-СТР-ечу, ЗВЕЗДНОМУ = Stern- = Y[štern], ЛУЧУ = Strahl = Y[štral]
- (6) (=Y) ЕЛЕЙ → Tannen ‘ели’ (=Y[tanen]) → (пар.) ТЕМН-ЫХ, ОЧЕР-ТАН-ЬЯ, ВИ-ДАНН-ЫЕ.

* 1911. Стих. «Скудный луч холодной мерою...»
[I, с. 73].

В стр. «Как пустая башня белая, / Где туман и тишина...»

(>Y) БАШ-НЯ БЕЛ-АЯ → (акр.) [n'abel] → пар. Nebel (=Y[nɛpl])
‘туман’ → ТУМАН.

* 1911. Стих. «Воздух пасмурный влажен и гулок...»
[I, с. 74].

В стр. «Мировая туманная боль – /<...> И тебя не любить мне
позволь»

(а) (>Y) ТУМАН-НАЯ БОЛЬ ↔ (акр.) [nayaɔɔl] → пар. Nebel

¹⁷ Легко видеть, что идишизмы здесь, в общем, фонетически точнее.

¹⁸ Здесь еще русская эквиконс. пара «ступать – спать». Но «сквозная» G/Y-суггестивность первых 2 строф показывает, что эта R-пара суггестивна соотв. G/Y-парой schleppen-schläfern, в которой даже нет (в основе) конс. метазы!

(=Y[nepɫ]) 'туман' → ТУМАН → R/G-«палиндром» ТУ-
 МАН- NeBeL
 (6) (>Y) НЕ ЛЮБИТЬ → (акр.) [nelub] → .(конс. метат + пар.)
 Nebel (=Y[nepɫ]) 'туман'.

* 1911. Стих. «Сегодня дурной день...» [I, с. 75].
 В стр. «О, маятник душ строг – / Качается глух, прям»
 (>Y) МАЯТНИК → Pendel (=Y[pedɪkl]) 'маятник' → (пар.) «пе-
 дель», Pedant 'педант' → «строгий учитель» → (асс.) «строгий,
 прямой» → СТРОГ, ПРЯМ.

* 1911. Стих. «Смутно-дышащими листьями...»
 [I, с. 75].
 В стр. «Встала медная луна»
 ЛУНА → Mond 'луна' → (эквиконс.) МЕДНАЯ

* 1911. Стих. «Отчего душа так певуча...» [I, с. 76].
 В стр. «Неожиданный Аквилон? / Он подымет облако пыли»
 (<Y) АКВИЛОН → (эквиконс.) Wolken 'облака' → ОБЛАКО¹⁹.

* 1911. Стих. «Раковина» [I, с. 76].
 (1) В стр. «Но ты полюбишь, ты оценишь / Ненужной раковины
 ложь»
 CONJ ОЦЕНИШЬ ← (анаграмма) «Ницше»²⁰.
 (2) В стр. «Наполнишь шопотами пены, / Туманом, ветром и до-
 ждем...»
 (=Y) ПЕНЫ → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум» →
 «шумами пены» → ШОПОТАМИ²¹

* <1911> Стих. «На перламутровый челнок...» [I, с. 77].
 В стр. «Ты заклинаешь, без сомненья, / Какой-то солнечный ис-
 пуг...»
 (=Y) СОМНЕНЬЯ → (эквиконс. «по модулю» назальных m/n)

¹⁹ Идишизм Y[volken] 'облако' более точен здесь ввиду ед. числа слова ОБ-
 ЛАКО.

²⁰ Эту анаграмму обнаружил О. Ронен, см. [2, с. 520].

²¹ «пена» ↔ «шум», «музыка» – постоянная связь у М, см. «германизмы» к
 <Скрябин и христианство> (1915) и к «Шуму времени» (1923).

Sonnen- (= Y[zunen]) 'солнечный' → СОЛНЕЧНЫЙ

* 1911, 1922 Стих. «Кузнец» [I, с. 285].

В стр. «Круглое братство / »

(=Y) БРАТСТВО → Bruder 'брат' → (пар.) runder 'круглый' → КРУГЛОЕ²²

* 1912, 1937 Стих. «Я вздрагиваю от холода...» [I, с. 77].

В стр. «Что, если, вздрогнув неправильно, / Мерцающая всегда, / Своей булавкой заржавленной / Достанет меня звезда?»

(а) Серия суггестируемых G-эквиносонантизмов с конс. составом (R-Š/S-T): НЕПРАВИЛЬНО = un-recht [un-rešt], ЗАРЖАВЛЕННОЙ = rostig [roštiš], ДОСТАНЕТ = reicht [rayšt] 'достигает', ЗВЕЗДА = Stern [štern].²³

(б) (=Y) МЕРЦАЮЩАЯ → Flimmer (= Y[glimmer]) 'мерцание' → (пар.) immer 'всегда' → ВСЕГДА

* 1912 Стих. «Я ненавижу свет...» [I, с. 78, вар. с. 460].

В стр. «Кружевом, камень, будь / И паутиной стань, /

(вар.: «Мстителем, камень, будь, / Кружевом острым стань»)

Неба пустую грудь / Тонкой иглою рань»

(а) (=Y) КРУЖЕВОМ = Spitzen 'кружево' → Spitze 'острие' → ТОНКОЙ ИГЛОЮ, КРУЖЕВОМ ОСТРЫМ²⁴.

(б) (=Y) КАМЕНЬ = Stein [štayn] (= YP[šta(y)n]) → (пар.) СТАНЬ.

* 1912 Стих. «Образ твой, мучительный и зыбкий...»

[I, с. 78].

В стр. «Образ твой, мучительный и зыбкий /

Я не мог в тумане осязать./

«Господи!» – сказал я по ошибке./

²² Y-суггестия YP [brider] 'братья' → YP [rinder] 'круглый' здесь равновероятна.

²³ Все словоформы п. (а) – из варианта 1937 г. Здесь можно «услышать», что нем. ch для M в это время звучало на соотв. позиции как (частотный) сибилант [š]. В стандартном Y это же звучит как [x].

²⁴ Эта G-связь отмечена в [87]. См. G-суггестии к «Четвертой прозе» (1929), «кружева».

Сам того не думая сказать./
 Божье имя, как большая птица,/
 Вылетело из моей груди!»

- (а) (>Y)²⁵ ОСЯЗАТЬ = fühlen (= Y[filn]) → (пар.) fehlen ‘ошибаться’ (Y[feler] ‘ошибка’) → (СКАЗАЛ Я) ПО ОШИБКЕ.
 (б) ЗЫБКИЙ = schwan-kend → (пар.) Schwan ‘лебедь’ → «лебедь» → БОЛЬШАЯ ПТИЦА

* 1912 Стих. «Казино» [I, с. 79].

В стр. «Но я люблю на дюнах казино, / <...> И тонкий луч на скатерти измятой»

- (а) (>Y)²⁶ ДЮНАХ → (пар.) dünn (=Y[din]) ‘тонкий’ → ТОНКИЙ
 (б) CONJ НА СКАТЕРТИ → (эквиконс. NSKTRT) knitterig [knitteriš] ‘измятый’ → ИЗМЯТОЙ.

* 1912 Стих. «Паденье – неизменный спутник страха...» [I, с. 80].

В стр. «И деревянной поступью монаха / Мощный двор когда-то мерил ты: / Булыжники и грубые мечты – / В них жажда смерти и тоска размаха!»

- (а) МОНАХА → Monch [monš] ‘монах’ → (эквиконс. MNŠ) МОЩЕН-ЫЙ
 (б) CONJ Monch [monš] ‘монах’ → (эквиконс. MNŠ/S) messen ‘мерить’ → МЕРИЛ
 (в) МОЩЕНЫЙ = gepflastert → pflastern ‘мощение’ → Pflasterstein ‘булыжник’ → БУЛЫЖНИК
 (г) (<Y)²⁷ ГРУБЫЕ → grobe ‘крупные’ → смысл: «крупные мечты» → (ТОСКА) РАЗМАХА. Одновременно: grob → (омофон) «гроб» → смысл: «гробовые мечты» → ЖАЖДА СМЕРТИ

²⁵ Y-связь менее вероятна по фонетическим соображениям.

²⁶ Y-связь менее вероятна по фонетическим соображениям.

²⁷ Идишизм Y[grub] = (1) ‘крупный’, (2) ‘могильный’ – фонетически более точен, см. Приложение 2.

* 1913 Стих. «Петербургские строфы» [I, с. 85].
 В стр. «Онегина старинная тоска; / На площади Сената – вал сугроба»
 CONJ ТОСКА → Wehmut ‘тоска’ → (пар.) Wehe ‘сугроб’ → СУГРОБА²⁸

* 1913 Стих. «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...»
 [I, с. 87].
 (1) В стр. «Здесь Арлекин вздыхал о славе яркой»
 CONJ АРЛЕКИН = Harlekin → (пар.) heller ‘яркий’ → (СЛАВЕ) ЯРКОЙ
 (2) В стр. «Россия, ты – на камне и крови – / Участвовать в твоей железной каре»
 (а) (КАМНЕ + КРОВИ) = (Stein + Blut) → (акр.) Blutstein ‘(красный) железняк [117, с. 258]’ → ЖЕЛЕЗНОЙ
 (б) CONJ (В ТВОЕЙ) ЖЕЛЕЗНОЙ КАРЕ → Eisen ‘железо, кандалы’ + (ом.) Karre ‘тачка’ → «каторжная (острожная) тачка» → смысл: «участвовать в твоих каторжных работах», ср.нем. in die Karre verurteilen ‘присудить к каторжной работе [117, с. 750]’, ср. у М позднее: «командированный к тачке острожной».

Еще одна связь, приводящая к тому же смыслу на выходе:

(в) CONJ (В ТВОЕЙ) КАРЕ → (ом.) Karre ‘тачка’ + «кара (наказание)» = Strafe → Karrenstrafe ‘каторжная работа [117, с. 750]’ → смысл: «участвовать в твоих каторжных работах, быть на твоей каторге».

* 1913 <1915?> Стих. «Здесь я стою – я не могу иначе...»
 [I, с. 85].
 В стр. «Здесь я стою – я не могу иначе / Не просветлеет темная гора – / И крижистого Лютера незрячий/ Витает дух над куполом Петра»
 (а) ЗДЕСЬ Я СТОЮ – Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ ← “Hier stehe ich – ich kann nicht anders” (М. Лютер)
 (б) ЛЮТЕР → Lauter ‘чистый, светлый’ → ПРОСВЕТЛЕЕТ

²⁸ Эта G-суггестия отмечена в [87]. См. еще «германизмы» к «1 января 1924»: «сугроб».

- * 1913. Стих. «Мы напряженного молчанья не выносим...» (вариант) [I, с. 87, комм. с. 464].
В стр. «Я был на улице. Свистел осенний шелк.../ Чтоб горло повязать, я не имею шарфа!»
(а) ШЕЛК ← Schelke 'шелуха, скорлупа, кожица [117, с. 1112]'
(б) (=Y) НЕ ИМЕЮ ШАРФА²⁹ ← «Ich habe...» – синтаксический германизм, Y[ix-hob] равновероятно.
- * 1913. Стих. «Адмиралтейство» [I, с. 88].
В стр. «Запутался в листе прозрачный циферблат»
(=Y) В ЛИСТВЕ → «лист» = Blatt (=Y[blat]) → ЦИФЕР-БЛАТ.
- * 1913. Стих. «В таверне воровская шайка...» [I, с. 88].
В стр. «И, недовольный, о ночлеге / Монах рассказывает ложь!»
(>Y) О НОЧ-ЛЕГЕ → (пар.) Lüge (=Y[lign]) 'ложь' → ЛОЖЬ.
- * 1913. Стих. «Теннис» [I, с. 90].
В стр. «Из ковша спортсмен веселый; / И опять война идет»
(<Y) КОВША → Krug 'кувшин, кружка' (=Y[krug], YP[krig]) → (пар.) Krieg 'война' → ВОЙНА³⁰
- * 1913. Стих. «Американка» [I, с. 91].
В стр. «В Америке гудки поют / И красных небоскребов трубы / Холодным тучам отдают / Свои прокопченные губы»
(а) ГУДКИ → Hufe 'гудок' → (пар.) ГУБЫ
(б) (=Y) НЕБОСКРЕБОВ → Wolkenkratzer (=Y[volknkratser]) 'небоскребы, букв. «туческребы»' → Wolken 'тучи' → ТУЧАМ
(в) ТРУБЫ → trübe = 'хмурый, пасмурный' → ХОЛОДНЫМ ТУЧАМ.

²⁹ 2 апреля 1937 г. эта G/Y-конструкция была устранена, и возник окончательный вариант: И ГОРЛО ГРЕЕТ ШЕЛК ЩЕКОЧУЩЕГО ШАРФА. См. к этому германизмы в стих. «Имею тело...».

³⁰ Похоже, что здесь (польский) идишизм: вариант YP[krig] фонетически наиболее точен.

* 1913. Стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...»
[I, с. 288].

В стр. «Мы смерти ждем, как сказочного волка, /
Но я боюсь, что раньше всех умрет /
Тот, у кого тревожно-красный рот /
И на глаза спадающая челка»

(a) (>Y) СМЕРТЬ → Tod, tot 'смерть, мертвый' → (пар.) ТОТ
(b) (>Y) РОТ → (пар.) rot 'красный' → ТРЕВОЖНО-КРАСНЫЙ
РОТ³¹

* 1913. Стих. «Мадригал» [I, с. 289]

В стр. «И пред людьми русалка виновата – / Зеленоглазая, в
морской траве! / <...> Так моряки в прохладе изумрудной»

(a) ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ → (пар.) Seegrass 'взморник, букв. «мор-
ская трава»' → (В) МОРСКОЙ ТРАВЕ
(b) (=Y) «зеленый цвет» + (МОРСКОЙ-ТРАВЕ) → (эквиконс.
MRSKT) Smaragd [smarakt] 'изумруд' → ИЗУМУРДНОЙ.

* 1913. Стих. «Песенка» [I, с. 290].

(1) В стр. «Голубые судомойки, /»

ГОЛУБЫЕ = blauen → (пар.) blauen 'синить, подсинивать белье'
→ СУДОМОЙКИ (= прачки, см. п. 2)

(2) В стр. «Тяжела с бельем корзина, / И мясник острит так
плотски...»

(a) CONJ (=Y) ТЯЖЕЛА = schwere → (част. метатеза) Wasche
'белье, стирка'

³¹ Эти G-связи (со ссылкой на М. Лотмана) отмечены в [120, с. 349]. Иди-
шмызы Y[toyt] 'смерть', Y[royt] 'красный' здесь также могли бы работать, но
G-суггестия фонетически точнее. См. еще вариант к «Соломинке», приводи-
мый в двойной передаче в [I, с. 475]: «Я запечатаю на много поколений / Твой
маленький багрянородный рот». Отметим еще, что в шуточном стих. (1935)
«Случайная небрежность...» [I, с. 361] в стр. «И понадергали они друг другу
челок! / Но виноват из двух друзей, конечно, тот, / Который услышал оплош-
но: "идиот"» М, похоже, отсылает к своему же раннему «Мы смерти ждем...».
Ralph Dutli, современный переводчик М на немецкий, слышит и здесь «тот» как
омофон немецкого tot 'мертвый' и переводит эти строки так: «Darauf zerrüpfen
sie sich die Frisür! / Doch schuldig ist von beiden, schon halbtot, / Wer fehlerhaft nur
hörte "Idiot"» [121, с. 157].

(б) МЯСНИК = Fleischer → (метатеза) schleifen 'заострять' → ОСТРИТ

(в) МЯСНИК = Fleischer → Fleisch 'мясо, плоть', fleischlich 'плотский' → ПЛОТСКИ

* Конец 1913. Шут. стих. «В девятьсот двенадцатом, как яблоко румян...» [I, с. 341].

В стр. «Был канонизирован святой Мустамиан./<...> Тот, кто от чудовищных родителей рожден»

(=Y) РОЖДЕН (происходит от) = stammt (=Y[štamt]) → (пар. части фамилии) Мандель-ШТАМ → МУ-СТАМ-иан

* 1914. Стих. «Как овцы, жалкою толпой...» [I, с. 296].

В стр. «Как мальчик вечером песок / Вытряхивает из сандалий...»

(=Y) ПЕСОК → Sand 'песок' → (пар.) САНД-АЛИЙ

* 1915. Стих. «О свободе небывалой...» [I, с. 104].

В стр. «Возлагаю на тебя, / Чтоб свободе, как закону»

(?Y) ВОЗЛАГАЮ НА = Setze auf → (пар.) Gesetz 'закон' → ЗАКОНУ

* 1915. Стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» [I, с. 104].

В стр. «На головах царей божественная пена, – / Куда плывете вы? Когда бы не Елена»

(=Y) ПЕНА = Schaum (=Y[šoyum]) → (пар.) schwimmen (=Y[švimen]) 'плывете' → ПЛЫВЕТЕ

* 1915. Очерк < Скрыбин и христианство > [II, с. 157].

На с. 158, 160: «...время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток, – и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену <...> музыка бросила нам миф <...> пенорожденный...»

(а) (=Y) ШУМОМ → (пар.) Schaum (=Y[šoyum]) 'пена' → ПЕНУ

(б) (=Y) МУЗЫКА → (асс.) «шум» → (пар.) Schaum (=Y[šoyum]) 'пена' → (миф.) ПЕНОРОЖДЕННЫЙ³²

³² Связь «шум», «музыка» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Шум времени» (1923).

- * 1915. Стих. «Автоматичен, вежлив и суров...»
[I, с. 342].
В стр. «Автоматичен, вежлив и суров, / На рубеже двух славных поколений»
(а) (=Y) РУБЕЖЕ = Grenze (=Y[grɛnɛts]) → (эквиконс.GRN-TS) Generation (=Y[ɡɛnɛrɑtsiɛ]) 'поколение' → ПОКОЛЕНИЙ
(б) (=Y) РУБЕЖЕ = Grenze (=Y[grɛnɛts]) → (эквиконс.GRN-T-Š/S) Streng (=Y[ʃtrɛŋg]) 'суровый' → СУРОВЫЙ
- * 1915, 1916. Стих. «Как этих покрывал и этого убора...»
[I, с. 107].
В стр. «Мы же, песнью похоронной / Провожая мертвых в дом, / Страсти дикой и бессонной»
(=Y) **серия** суггест. пароним. основ (LIED-LEIT-LEID): ПЕСНЬЮ = Lied [lid], ПРОВОЖАЯ = begLEITen [layt], СТРАСТИ = LEIDenschaft [layd]
- * 1915 (?) Стих. «Приглашение на луну» [I, с. 368].
В стр. «На луне голубой / Я сварю вам жженку»
(=Y) (НА) ГОЛУБОЙ = (auf dem) blauen (=Y[bloyn]) → (пар.) brauen (=Y[broyn]) 'варить жженку' → СВАРЮ.
- * 1916, 1935. Стих. «Зверинец», вариант: «Мир» (Ода)
[I, с. 108, 473].
В стр. «И рейнская струя светлей – »
РЕЙНСКАЯ → rein 'чистый, без примесей, незамутненный' → СВЕТЛЕЙ
- * 1916 Стих. «Соломинка» [I, с. 110].
(1) в стр. «Соломка звонкая, соломинка сухая, / Всю смерть ты выпила и сделалась нежней»
(=Y) СУХАЯ → trocken 'сухой' → (конс. метат.) trank 'пила' → ТЫ ВЫПИЛА
(2) в стр. «Нет, не соломинка в торжественном атласе, / <...>
Струится в воздухе лед бледно-голубой, /
Декабрь торжественный струит свое дыханье, / <...>
И голубая кровь струится из гранита»

(=Y) СОЛОМИНКА → Stroh, Strohalm 'солома, соломинка' → СТРУИТСЯ, СТРУИТ³³

(3) в стр. «В моей крови живет декабрьская Лигейя, /

Чья в саркофаге спит блаженная любовь – »

(=Y) КРОВИ → Blut 'кровь' → (конс. метат.) lebt 'живет' → ЖИ-ВЕТ → liebt 'любит' → ЛЮБОВЬ.

(4) в варианте, приводимом (в двойной передаче) в [I, с. 475]:

«Я ЗАПЕЧАТАЮ НА МНОГО ПОКОЛЕНИЙ /

ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ БАГРЯНОРОДНЫЙ РОТ»

(>Y) РОТ → (пар.) rot 'красный' → (асс.) «багряный» → БАГРЯНО-РОД-НЫЙ³⁴

* 1916. Стих. «Мне холодно. Прозрачная весна...»

[I, с. 111].

(1) в стр. «Мне холодно. Прозрачная весна / <...> Но, как ме-дуза, невская волна / Мне отвращенье легкое внушает. / По набережной северной реки»

(а) (=Y) (МНЕ) ХОЛОДНО → Ich friere (=Y[ix-frir]) → (пар.) Frühling 'весна' (=Y[frilin]) → ВЕСНА

(б) ВОЛНА → Wellen 'волны' → (част. пар.) Widerwillen 'отвращение' → ОТВРАЩЕНЬЕ

(в) CONJ НАБЕРЕЖНОЙ → Quai [ke] 'набережная' → (пар.) РЕ-КИ

(2) в стр. «Морской воды тяжелый изумруд»

(=Y) МОРСКОЙ → (эквиконс. MRSK) Smaragd [smarakt]

(=Y[smarak]) 'изумруд' → ИЗУМРУД

* 1916. Стих. «Не веря воскресенья чуду...» [I, с. 112].

(1) в стр. «Целую кисть, где от браслета /»

(?Y) ЦЕЛУЮ = küsse → (пар.) КИС-ТЬ

(2) в стр. «Чудесный звук, на долгий срок»

(=Y) ЗВУК = Klang (=Y[klang]) 'звук' → (пар.) lang 'долгий' → ДОЛГИЙ

³³ Y-суггестия здесь равновероятна. Пожалуй, Y[štrojele] соломинка' с диминутивным суффиксом Y[-le] и YP[štrumen] 'струиться' даже лучше «соответствуют» звуковой ткани этого стиха.

³⁴ См. G-связи в стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» (1913).

* 1916. Стих. «Собирались эллины войною...» [I, с. 114].
В стр. «На прелестный остров Саламин, – / <...> Виден был из гавани Афин»

(а) (>Y) САЛАМИН → (эквиконс. S-L-N/M) Insel 'остров' → ОСТРОВ

(б) (=Y) ГАВАНИ = Hafen (=Y[hafn]) → (пар.) АФИН

* 1917. Стих. «Золотистого меда струя из бутылки...» [I, с. 116].

В стр. «Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград, / Где воздушным стеклом обливаются сонные горы»

(а) СТЕКЛОМ → Glas 'стекло' → glasieren 'глазировать, обливать глазурью' → ОБЛИВАЮТСЯ

(б) ВИНОГРАД → «виноградник» = Weinberg → Berg 'гора' → ГОРЫ

* 1917. Стих. «Когда на площадях и в тишине...» [I, с. 118].

(1) в стр. «Холодного и чистого рейнвейна»

(=Y) ЧИСТОГО (= rein) ← РЕЙНВЕЙНА

(2) в стр. «Янтарь, пожары и пиры»

ЯНТАРЬ → Bernstein 'янтарь' → (пар. первой основы) brennen 'жечь' → ПОЖАРЫ → Feuer 'пожар' → (пар.) ПИРЫ.

* 1918. Стих. «На страшной высоте блуждающий огонь!..» [I, с. 121].

В стр. «Прозрачная весна над черною Невой / Сломалась, воск бессмертья тает...»

(=Y) ВЕСНА → (пар.) Wesen (=Y[vezn]) 'существо (создание), существование' → смысл: «хрупкая жизнь, бытие, умирает».

* 1918. Стих. «Сумерки свободы» [I, с. 122].

В стр. «В ком сердце есть – тот должен слышать, время»

(=Y) (СЛЫШАТЬ + ВРЕМЯ) → (hören 'слышать' + Zeit 'время')³⁵

³⁵ Здесь равновероятна Y-суггестия: Y[hern] 'слышать' + Y[tsayt] 'время' → Y[harts] 'сердце', которая несколько менее точна фонетически.

→ (акр.) Herz ‘сердце’ → СЕРДЦЕ³⁶

* 1918. Стих. «Tristia» [I, с. 124].

В стр. «Когда в сенях лениво вол жуёт»

(=Y) ЛЕНИВО → faul (=Y[foyl]) ‘ленивый’ → (пар.) «вол» → ВОЛ³⁷

* 1920. Стих. «Веницейская жизнь» [I, с. 129].

(1) в стр. «Вот она глядит с улыбкою холодной / В голубое дрях-
лое стекло»

(=Y) ХОЛОДНОЙ = kalte (=Y[kalte]) → (пар.) alte ‘старый, дрях-
лый’ → ДРЯХЛОЕ

(2) в стр. «И горят, горят в корзинах свечи»

СВЕЧИ = Kerzen [kertsen] → (эквиконс. KR-Z/TG-N) «корзина»
→ В КОРЗИНАХ

(3) в стр. «Воздух твой граненый. В спальне тают горы / Голубо-
го дряхлого стекла»

(=Y) ГРАНЕННЫЙ → «гранить» = schleifen (=Y[šlafn]) → (пар.)
schlafen (=Y[šlafn]) ‘спать’ → В СПАЛЬНЕ³⁸

* 1920. Стих. «Когда Психея-жизнь спускается к те-
ням...» [I, с. 130].

(1) в стр. «Навстречу беженке спешит толпа теней»

CONJ (<Y) БЕЖЕНКЕ → Pleyte gehen ‘исчезать, убежать’
(Y[pleyte] ‘бегство’) → (эквиконс. PLT) ТОЛПА³⁹

(2) в стр. «Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий./ И в неж-
ной сутолке, не зная, что начать»

(=Y) МЕЛКИЙ → fein (=Y[feyn]) ‘мелкий, деликатный, слабый,
нежный’ → В НЕЖНОЙ⁴⁰

³⁶ Здесь вполне возможен и обратный процесс, т.е. «де-акронимизация» сло-
ва Herz: СЕРДЦЕ = Herz → hören + Zeit → СЛЫШАТЬ, ВРЕМЯ.

³⁷ «вол» ↔ «лень» – стабильная G/Y/R- связь в текстах М. См. еще герма-
низмы к стих. «За то, что я руки твои...» (1920).

³⁸ Эта же G/R-связь: «сон» – «граненый» – «стекло» см. в стих. «Обороняет
сон мою донскую соню» (1937).

³⁹ См. эти же связи подробнее в G-суггестиях в стих. «Флейты греческой...»
(1937).

⁴⁰ Это хороший пример «связывания» русских лексем в тексте М через бо-
лее широкое семантическое поле «связывающего» G-слова.

* 1920-е. Шут. стих. «Антология античной глупости» [I, с. 344]
 В стр. «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже»
 (=Y) ПУШКИН ИМЕЕТ ← «Puschkin hat (einen Prospekt)...» –
 синтаксический германизм⁴¹.

* 1920. Стих. «Ласточка» [I, с. 130].
 В стр. «На крыльях срезанных, с прозрачными играть»
 (=Y) КРЫЛЬЯХ → «крыло» → (эквиконс.) klar ‘прозрачный’ →
 С ПРОЗРАЧНЫМИ⁴².

* 1920. Стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать..» [I, с. 133].
 В стр. «И медленный день, как в соломе проснувшийся вол»
 (=Y) МЕД-ЛЕН-НЫЙ ДЕНЬ → «лень» → faul (=Y[foyl]) ‘лени-
 вый’ → (пар.) ВОЛ⁴³.

* 1920. Стих. «Когда городская выходит на стогны луна...» [I, с. 134].
 В стр. «Когда городская выходит на стогны луна, / И медлен-
 но ей озаряется город дремучий, / И ночь нарастает, унынья и
 меди полна, / И грубому времени воск уступает певучий»
 (а) ЛУНА = Mond → (эквиконс. M-N/L-D) МЕДЛЕННО
 (б) Mond → (эквиконс. MND) «медный» → МЕДИ
 (в) (=Y) НА-РАСТ-АЕТ → «рост» = Wachsen (=Y[waksn]) →
 (ом.) Wachs (=Y[waks]) ‘воск’ → ВОСК

* 1920. Стих. «Я наравне с другими...» [I, с. 136].
 В стр. «Не утоляет слово / Мне пересохших уст, /
 И без тебя мне снова / Дремучий воздух пуст»
 (=Y) ДРЕМУЧИЙ → dichter ‘густой, дремучий (о лесе)’ →
 (омон.) Dichter ‘поэт’ → смысл (параллельный в 2 строках): «без
 тебя для меня воздух поэзии (слово) пуст».

⁴¹ Идишизм [hot] ‘имеет’ равновероятен. В отличие от стих. 10-х годов «Имею тело...» и «Мы напряженного молчанья...», здесь эта G/Y-конструкция используется сознательно для стилизации текста.

⁴² Здесь равновероятен идишизм Y[klor/klur] ‘прозрачный’.

⁴³ «лень» – «вол» – постоянная связь у М. См. G-суггестии к “Tristia” (1919).

* 1921. Стих. «Умывался ночью на дворе..» [I, с. 140, вариант: с. 493].

В стр. «Твердь сияла грубыми звездами./ <...> Чище правды грубого холста»

(<Y) (ГРУБЫМИ, ГРУБОГО) → (grob 'крупного помола зерно, мука и т.п., Grube 'яма → могила'). Тем самым получают смыслы: «сияла **крупными могильными звездами, большими звездами смерти**», и «правды грубого, могильного, **смертного холста, савана**»⁴⁴.

* 1921. Очерк «Слово и культура» [II, с. 167].

С. 168: «...слово – плоть, и простой хлеб – веселье и тайна»

С. 170: «Слово – плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание»

(a) (=Y) ПЛОТЬ = Leib (=Y[layb]) → (ом.) Laib (=Y[labn]) 'каравай хлеба' → ХЛЕБ

(б) (>Y) ХЛЕБА, ПЛОТИ → Laib (=Y [labn]), Leib (=Y[layb]) → (пар.) Leid (=Y [leyd]) 'страдание' → СТРАДАНИЕ.⁴⁵

* 1921-1922. Очерк «О природе слова» [II, с. 172].

С. 186: «Гиератический, то есть священный, характер поэзии обусловлен убежденностью, что человек тверже всего остального в мире»

(=Y) ГИЕРАТИЧЕСКИЙ = hierat-isch → (эквивоконс. HRT) hart (=Y[hart]) 'твердый' → ТВЕРЖЕ⁴⁶

* 1921-1922 г. Стих. «Люблю под сводами седья тишины» [I, с. 137].

⁴⁴ Y-суггестия, дающая омонимы YP[grub] 'крупный, толстый' = (омон.) YP[grub] 'могила', представляется здесь несколько более точной.

⁴⁵ См. еще германизмы в стих. «Мастерица виноватых взоров» (1934), «полухлеб», «плоть».

⁴⁶ Слово «гиератический», заимствованное в русский из нем. hieratisch или фр. hieratique 'священный, величественный', встречается у М еще в статье «О современной поэзии» (1916) [II, с. 260]: «перелом к гиератической важности». По-видимому, чувствуя некоторую искусственность этой кальки, М вставляет пояснение «то есть священный», но само это слово ему нужно для консонантной паронимии с hart.

(1) в стр. «Сюда влечится по ступеням / Широкопасмурным несчастья волчий след»

(=Y) СТУПЕНЯМ → Treppe 'лестница' → (метатезы конс. корня TR-P/B) (breit 'широкий' + trübe 'пасмурный') → ШИРОКО-ПАСМУРНЫЙ⁴⁷.

(2) в стр. «В прохладных житницах, в глубоких закромах / Зерно глубокой, полной веры»

(=Y) ГЛУБОКИХ, ГЛУБОКОЙ → (эквиконс.) Glaube 'вера' → ВЕРЫ⁴⁸

* 1922. Стих. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» [I, с. 140].

В стр. «Пусть заговорщики торопятся по снегу/ Отарю овец и хрупкий наст скрипит,/ Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу,/ Кому – крутая соль торжественных обид.»

(а) ОТАРОЮ = Herde → (ом.) Herd 'очар' → «дым к ночлегу»

(б) ЗИМА = Winter → (эквиконс. W-N/M-T-R) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → 1) ПОЛЫНЬ, 2) → смысл: «кому зима – вермут», отсылающий к первым строкам этого стих.: «Кому зима – арак и пунш голубоглазый, / Кому душистое с корицею вино».

(в) (?Y) Wermut 'полынь, вино «вермут»' → (пар.) Wehmut 'тоска, меланхолия' → ОБИД⁴⁹

* 1922. Стих. «Холодок щекочет темя...» [I, с. 141].

В стр. «Как ты прежде шелестила, / Кровь, как нынче шелестишь.»

(>Y) ШЕЛЕСТИЛА → rauschen 'шелестеть, (ом.) хмельить, опьянять' → смысл: «опьяняла кровь»⁵⁰.

* 1922. Стих. «Я по лестнице приставной...» [I, с. 143].

⁴⁷ Здесь равновероятна Y-суггестия: Y[trep] 'лестница', Y[breyt] 'широкий', Y[trib] 'хмурый'

⁴⁸ Здесь равновероятен идишизм Y[gloubn] 'вера'.

⁴⁹ См. еще G-суггестии к «Когда удар колоколов...» (1910): «вино <...> неизъяснимая полынь».

⁵⁰ Идишизмы Y[roüſn] 'шелестеть', Y[barouſung] 'опьянение' – фонетически менее вероятны. См. еще германизмы в стих. «Слышу, слышу ранний лед...» (1937): «шелестит», «хмель».

(1) в стр. «Лез на включенный сеновал, – / Я дышал звезд млечных трухой»

СЕНО-ВАЛ → «сено» → Neu [hou] → (пар. ударного окончания) ТРУ-ХОЙ

(2) в стр. «Сеновала древний хаос»

(>Y) СЕНОВАЛА → «сена (род.п.) (хаос)» → Neues [hoyes] 'род.п. Neu = сена' → (пар. к [hoyes]) ХАОС⁵¹.

(3) в стр. «И травы сухорукий звон»

CONJ (=Y) trocken 'сухой' → (де-акр.+ пар.) «трава» + «руки» → ТРАВЫ СУХОРУКИЙ (ЗВОН)⁵².

* 1922. Стих. «Есть в лазури слепой уголок...» [I, с. 144].

В стр. «Есть в лазури слепой уголок, / И в блаженные полдни всегда»

(=Y) СЛЕПОЙ → blind (=Y[blint]) 'слепой' → (эквиконс. В/P-LND) ПОЛДНИ

* 1922. Стих. «Московский дождик» [I, с. 144].

В стр. «Он подает куда как скупно / Свой воробьиный холодок –»

СКУПО = sparlich 'скупно = скудно' → (пар.) Sperling 'воробей' → ВОРОБЬИНЫЙ

* 1922. Статья «Пшеница человеческая» [II, с. 192].

В стр. «...исторического материка, чье темя еще не окрепло, как темя ребенка».

ТЕМЯ РЕБЕНКА → Scheitel 'темя, высшая точка, ключ свода (арки)' → смысл: «высшая точка, вершина (еще не достигнутая)» → ТЕМЯ (ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИКА)⁵³.

* 1922. Статья «Кое-что о грузинском искусстве»

[II, с. 262].

В стр. «С этой скрипкой – то же самое, что с мошенническими реликвиями монахов...»

⁵¹ Здесь так же мог бы работать идишизм Y[hey] 'сено', но точная G-фонетика суггестии в п. (1) делает Y-суггестию менее вероятной и в п. (2).

⁵² Идишизм Y[trokn] 'сухой' здесь равновероятен.

⁵³ См. в стих. «Век» (1922): «темя жизни».

МОНАХОВ = Mönche ←→ (эквиконс. MNŠ) «МоШеННик» →
МОШЕННИЧЕСКИМИ

* 1923. Статья «Буря и натиск» [II, с. 285].

В стр. «... звуки иностранной, какой-то серафической поэтики.»

СЕРАФИЧЕСКОЙ ← seraphisch 'небесный, экстатический, относящееся к серафимам'⁵⁴.

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Бронза» [9, с. 309].

В стр. «В воронку темную вошла рабыней бронза»

(=Y) ВОРОНКУ → (пар.) «ворон» = Rabe → (пар.) РАБЫНЕЙ⁵⁵

* 1923. Переводы из Огюста Барбье. «Наполеоновская Франция» [9, с. 311].

В стр. «И в поле, где война цветет, как море гречи»

(а) (<Y) ВОЙНА = Krieg 'война' → (конс. метатеза) → ГРЕЧИ

(б) (<Y) ЦВЕТЕТ → Blüte 'цвет (растений)' → Blut 'кровь' → (асс.) «поле, залитое кровью»⁵⁶

* 1923. Стих. «Нашедший подкову» [I, с. 146].

В стр. «Влажный чернозем Нееры, каждую ночь распаханый заново»

CONJ Загадочная «Неера» – это контаминация гречизма. и германизма!

(=Y) НЕЕРЫ → Неера = греч. [nea 'era] 'новая земля, новь, целина' + neue Ära (=Y[neue-ere]) 'новая эра' → смысл: «**целина новой эры**»⁵⁷.

⁵⁴ Даль дает для «серафим» относ. прилаг. «серафимский». Павловский в [117] и [122], а также Макаров в [126] дают тот же эквивалент: seraphisch = **серафимский**. М же применяет фонетически более близкую кальку немецкого слова.

⁵⁵ Здесь равновероятен идишизм Y[roβ] 'ворон'.

⁵⁶ Y-суггестия, дающая: Y[krig] 'война' → Y[grike] гречиха' и YP[blit] 'цвет (растений)' = (ом.) YP[blit] 'кровь', фонетически выглядит более точной. См. эту же игру Y/G омонимов в стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (1920).

⁵⁷ Здесь фонетическая тонкость в том, что как neue, так и идишизм Y[neue] 'новая' дают гласный [e] в диалектах, стандартная же вокализация – G-дифтонг [ou] и Y-дифтонг [au].

Ср. в очерке «Слово и культура» (1921): «Поэзия – плуг, взрывающий время <...>его чернозем, <...> человечество <...> жаждет целины времен» (II, с. 169)⁵⁸.

* 1923, 1937. Стих. «Грифельная ода» [I, с. 149, варианты: с. 497].

Здесь частью G, частью Y-суггестия.

(1) В стр. 4 и 64 «Кремень с водой, с подковой перстень...»

(=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (эквиконс. «по модулю» фрикативы/смычные и сибиланты š/s) ПЕРСТЕНЬ

(2) в стр. 5-10 «На мягком сланце облаков / Молочный грифельный рисунок – / Не ученичество миров, / А бред овечьих полусонок. / Мы стоя спим в глухой ночи / Под теплой шапкою овечьей»

(а) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schäfer ‘пастух’, Schäferei ‘овчарня’ → ОВЕЧЬИХ

(б) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schiefertafel = Griffeltafel ‘грифельная доска’ → ГРИФЕЛЬНЫЙ РИСУНОК

(в) (=Y) СЛАНЕЦ = Schiefer → Schiefertafel = Griffeltafel ‘грифельная доска’ → Griffbrett ‘букв. тоже гриф. доска, но в смысле «клавиатура, гриф инструмента»’ → Brett ‘доска’ → (омоф.) БРЕД

(г) (>Y) ШАПКОЮ → (пар.) Schaf (=Y[šof/šuf]) ‘овца’ → ОВЕЧЬЕЙ⁵⁹

(3) в стр. 11-16 «Обратно в крепь родник журчит / Цепочкой, пеночкой и речью. / Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг /

⁵⁸ М. Гаспаров видит в слове «Неера» не «целину Новой Эры», а античное женское имя (любовница Тибулла?): «загадочное имя Нееры в центральной строфе (пришедшее из античности через Шенье и Мореаса) заново осмысливается как «новая эра» [26, с. 233]. Мне же представляется, что прописное Н в «Неера», вызывающее немедленную ассоциацию с именем женщины или богини, выполняет всего лишь ту же «персонифицирующую» функцию, что и в слове «Нирвана» в очерке М «Девятнадцатый век» (1923): «Он был колыбелью Нирваны...».

⁵⁹ Слова Schaf ‘овца’ и Brett употребляются в разговорном немецком в выражениях со смыслами типа ‘дурак, глупость’. Например. er hat ein Brett vor dem Kopf = «он набитый дурак». В результате здесь получается смысл: «мы – не разумные ученики с грифельными досками, а глупые спящие овцы». Заметим, что здесь еще работает постоянная у M Y-связь: МИРОВ ↔ Y [mir] ‘мы’ ↔ МЫ, см. Приложение 2.

- Свинцовой палочкой молочной, / Здесь созревает черновик / Учеников воды проточной»
- (а) (>Y) РОДНИК → (эквиконс. RDN) Reden (=Y[redn]) 'речь' → РЕЧЬЮ
- (б) (=Y) (ЖУРЧИТ) ПЕНОЧКОЙ → (пар.) «пена» → Schaum (=Y[šoym]) 'пена' → (пар.) «шум» → (асс.) «музыка» → смысл: «звучит музыкой и речью»⁶⁰.
- (в) ЖУРЧИТ + РЕЧЬЮ → (пар.) Rutsch, Erdrutsch 'сдвиг (земли), оползень' → СДВИГ
- (г) CONJ СТРАХ = Furcht [furšt] → (эквиконс. F/P-R-Š/Č-T) ПРОТОЧНОЙ
- (д) CONJ ПРОТОЧНОЙ ↔ (эквиконс. F/P-R-Š/Č-T) ПЕРСТЕНЬ⁶¹
- (4) в стр. 21 «Им проповедует отвес»
CONJ ОТВЕС = Richtblei → (де-акр.) richten 'править, судить' + Blei 'свинец' → ПРОПОВЕДУЕТ → смысл: «ими правит свинец»⁶².
- (5) В стр. 27-28 «И ночь коршунница несет / Горящий мел и грифель кормит» и в варианте стр. 39-40 «Меня, как хочешь, покарай, / Голодный грифель, мой звереныш!»
- (а) ГРИФЕЛЬ = Y[grifele] 'маленький гриф, грифенок' ← Y[grif] 'гриф'⁶³
- (б) (>Y) МЕЛ → Mehl-Kreide '(мин.) горное молоко, lac lunae' [117, с. 910]⁶⁴.

⁶⁰ О постоянной связи пена-музыка-шум у М см. напр. германизмы в «Раковина», «Шум времени». Связь пеночка-пена-музыка указана М. Гаспаровым [26, с. 234].

⁶¹ Тем самым, во всем тексте: КРЕМЕНЬ (Feuerstein) ↔ ПЕРСТЕНЬ ↔ СТРАХ (Furcht) ↔ ПРОТОЧНОЙ

⁶² Это отсылает к стр.13-14: «Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг / Свинцовой палочкой...», где «сдвиг», по-видимому, = глобальный социальный катаклизм Erdrutsch, см. (2).

⁶³ Здесь именно идишизм: из Y взят не только суффикс диминутива, но и базовое слово, т.к. в G 'гриф' = Greif (с дифтонговой вокализацией).

⁶⁴ Здесь играет еще G/Y-значение второй части названия минерала: Kreide = Y[krayd] = 'мел'. Кроме того, латинское название питательного для грифенка минерала – это lac lunae = 'лунное молоко', что соответствует обозначению «кормилицы»: НОЧЬ-КОРШУННИЦА. Отметим еще один вариант суггестии «мела»: МЕЛ ← лат. Mel 'мед', что соответствует 1-й строке строфы: КАК МЕРТВЫЙ ШЕРШЕНЬ ВОЗЛЕ СОТ. Скорее всего, обе суггестии «работали» вместе.

(б) в стр. 37-38 (вариант) «За этот виноградный край, / За впечатлений круг зеленых»

(=Y) (КРАЙ + ЗА) → (пар.) Kreis [krayz] 'круг' → КРУГ⁶⁵

(7) в стр. 53-54 «Блажен, кто называл кремень / Учеником воды проточной»

(=Y) КРЕМЕНЬ = Feuerstein → (FRŠTN) → (совпадение. конс. наборов по модулю фрикативы/смычные и ž=č) ПРОТОЧНОЙ

* 1923. Стих. «Париж» [I, с. 150].

В стр. «Язык булыжника мне голубя понятней; / Здесь камни – голуби, дома – как голубятни»

БУЛЫЖНИКА → taubes Gestein 'пустая порода' → Taube 'голубь' → ГОЛУБЯ, ГОЛУБИ, ГОЛУБЯТНИ

* 1923. Стих. «А небо будущим беременно...» [I, с. 306].

(1) в стр. «Опять войны разногосица / На древних плоскогорьях мира, / И лопастью пропеллер лоснится, / Как кость точеная тапира. / Крыла и смерти уравнение, – / С алгебраических пирушек / Слетев, он помнит измерение / Других эбеновых игрушек»

(а) ПЛОСКОГОРЬЯХ → Ebene 'плоскость, равнина', Nochebene 'плоскогорье' → (пар.) Ebenholz 'черное дерево', Elfenbein 'слоновая кость' → КОСТЬ (ТОЧЕНАЯ) ТАПИРА, ЭБЕНОВЫХ (ИГРУШЕК)⁶⁶

(б) одновременно с (а) присутствует связь: ПЛОСКОГОРЬЯХ → Ebene 'плоскость, равнина', eben 'плоский, ровный, равнинный' → УРАВНЕНИЕ

(2) в стр. 25: «Давайте бросим бури яблоко / На стол пирующим землянам / И на стеклянном блюде облака / Поставим яств посередине»

(а) ЯБЛОКО → (станд. асс.) 'глаз', ср. «Два сонных яблока у века»

⁶⁵ Идишизм Y[krayz] = 'круг' здесь равновероятен.

⁶⁶ Похоже, что здесь у М имеет место контаминация Ebenholz 'черное дерево' и Elfenbein 'слоновая кость', а также «слоновой кости» и «кости тапира», у которого никаких бивней (для изготовления «игрушек») нет. Отметим еще, что связь «равнина, плоскогорье» – «небо, полет» присутствует также в стих. «Не сравнивай: живущий несравним...» (1937).

- властелина...». Поэтому: БУРИ ЯБЛОКО = «глаз бури»⁶⁷ = символ «замирения» воюющего мира.
 (б) (=Y) одновременно с (а): «глаз» → Glas 'стекло' → СТЕКЛЯННОМ

* 1923. Стих. «Как тельце маленькое крылышком...»
 [I, с. 151].

В стр. «Как комариная безделица / В зените ныла и звенела / И под сурдинку пеньем жужелиц / В лазури мучилась заноза: / – Не забывай меня, казни меня, / Но дай мне имя, дай мне имя! / Мне будет легче с ним, пойми меня, / В беременной глубокой сини»

- (а) (=Y) КОМАРИНАЯ → Muske (=Y[muk]) 'комар, (ом.) каприз, причуда' → musken 'издавать слабый звук, пищать, ныть, (ом.) обижать, помыкать' → НЫЛА, → (пар.) «мука» → МУЧИЛАСЬ
 (б) Muske 'каприз, причуда' → ЗАНОЗА (в смысле «надоедливый каприз») ⁶⁸
 (в) musken 'обижать, помыкать' → КАЗНИ МЕНЯ
 (г) (=Y) ИМЯ → (Name, Namen) 'имя' (=Y[nomen/numen]) → (эквиконс. NMN) МеНЯ, казНи МеНЯ, дай МНЕ иМя, НиМ, пойМи МеНЯ, береМеННой.

* 1923. Очерк «Холодное лето» [II, с. 294].

С. 295: «Тот не лубит города, <...> кто не заглядывался в каторжном дворе Вхутемаса на занозу в лазури, на живую, животную прелесть аэроплана...»

(=Y) ЗАНОЗУ → Splitter (=Y[špilter]) 'заноза' → (эквиконс. Š/S-PLTR) ПРЕЛЕСТЬ ⁶⁹

* 1923. Очерк «Сухаревка» [II, с. 296].

С. 296: «...под башней-индюшкой, дородной, как сорокапяти-

⁶⁷ Энци. словарь Брокг.-Ефр., т. 9, с. 34 (ст. «Бури»): «В самой середине урагана в густых тучах наблюдается как бы разрыв, сквозь который видно голубое небо. Это явление моряки называют ГЛАЗОМ БУРИ».

⁶⁸ См. G-суггестии к очерку «Холодное лето» (1923), «заноза в лазури».

⁶⁹ См. G-суггест. к стих «Как тельце маленькое...» (1923), «в лазури мучилась заноза...».

летняя императрица, <...> строил ее Петр с перепугу ...»

- (а) ИНДЮШКОЙ → *Puter* 'индюшка' → («консонантная» паронимия) *Peter* → *ПеТР*, *имПеРаТрица*
 (б) (=Y) *Peter* → (пар.) *fetter* (=Y[*feter*]) 'жирный, тучный, дородный [117, с. 511], [123, с. 137]' → ДОРодная

* 1923. «Шум времени» [II, с. 6].

(1) название всего текста

(=Y) ШУМ (ВРЕМЕНИ) .→ (пар.) *Schaum* 'пена' → (дополн.) смысл: «пена века», см. п. (8).

(2) гл. «Хаос иудейский», с. 20: «Где-то поблизости Спиноза разводит в банках своих пауков. <...> немного продержавшись, он падает из этого странного университета обратно в кипучий мир семидесятых годов...»

(а) (=Y) СПИНОЗА [*spinoza*, вариант *špinoza*] → (пар.) *Spinne* (=Y[*špin*]) 'паук' → ПАУКОВ

(б) (=Y) ПАДАЕТ⁷⁰...ОБРАТНО В ←→ *fallt zurück* (=Y[*falt-zur-ik*]) '(по)падает обратно, возвращается' → смысл: «попадает обратно в...»

(3) гл. «Хаос иудейский», стр.21: «... вагон <...> приступом брали какие-то ферейны, возвращаясь с большого певческого праздника»

(=Y) ФЕРЕЙНЫ → *Verein* (=Y[*fareyn*]) 'союз, объединение' → смысл: «члены каких-то певческих объединений»⁷¹.

(4) гл. «Хаос иудейский», с. 22: « Землю свою он разгородил на чистую от евреев и нечистую»

ЧИСТУЮ ОТ ЕВРЕЕВ ← *judenrein* 'чистая от (свободная от примеси) евреев'

(5) гл. «Концерты Гофмана и Кубелика», с. 23: «... почти хлыстовским радением трабантов Михайловской площади.

⁷⁰ Характерно, что в работе 1930 г. критик Н. Берковский (или корректор его книги?), цитируя этот отрывок из ШВ, по-видимому, чувствует какую-то «неправильность» здесь в слове ПАДАЕТ и «исправляет» его на «попадает»! [167, с. 169].

⁷¹ Немецкий синоним *Verein* [*ferayn*] чуть менее вероятен, чем Y[*fareyn*] из-за отличающегося произношения ударного дифтонга. Возможно, детская память М зафиксировала это слово в Y-речи родителей, обсуждавших ночное событие: «эстонцы топотали и ломились в дверь. Было очень страшно».

- В туманном свете газовых фонарей многоподъездное здание подвергалось настоящей осаде»
- ТРАБАНТОВ → Trabanten 'наемные солдаты, приспешники' → смысл: «завсегдагаи Михайловской площади (великопостных концертов) осаждали Дворянское собрание как наемники».
- (6) гл. «Тенишевское училище»: «Про Витте все говорили, что у него золотой нос...»
- У НЕГО ЗОЛОТОЙ НОС → Er hat eine gute Nase für [111] → смысл: «У него хороший нюх на...»
- (7) гл. «Эрфуртская программа»: «...и бурги по самые уши увязли в зелени»
- (=У) БУРГИ .→ Burg 'замок' → смысл: «замки (курляндских баронов) увязли в зелени»⁷²
- (8) гл. «Семья Синани»: «...губернаторы, торы, погромы...»
- ТОРЫ → Thora 'Тора' → Thor 'герм. бог грома' → «бог грома» [bog-groma] → (пар.) ПОГРОМЫ
- (9) гл. «Комиссаржевская»: «...прислушиваясь к нарастающему шуму века и выбеленные пеной его гребня, мы обрели язык».
- (=У) ШУМУ .→ (пар.) Schaum 'пена' → ПЕНОЙ⁷³
- (10) гл. «В не по чину барственной шубе»
- Здесь в ряде мест паронимически суггестируется связь между немецким Tier 'зверь' и кусочками слова и всем словом **ЛИ-ТЕР-а-ТУР-а** = Literatur
- (а) «У него было ЗВЕРИНОЕ отношение к ЛИТЕРАТУРЕ как к единственному источнику ЖИВОТНОГО тепла. Он грелся о ЛИТЕРАТУРУ, терся о нее шерстью <...>. Он был Ромулом, ненавидящим свою ВОЛЧИЦУ...» [II, с. 45]
- (б) «Неужели ЛИТЕРАТУРА – МЕДВЕДЬ, сосущий свою лапу

72 Идишизм Y[burg] 'замок, castle' равновероятен здесь.

73 Идишизм Y[foym] 'пена' равновероятен здесь. Связь «шум» ↔ «пена» см. еще в G-суггестиях к «Раковина» (1911), «Скрябин и христианство» (1915). Если верно утверждение О. Лекманова [94, с. 103], что сочетание «шум времени» у М восходит к следующему фрагменту романа Андрея Белого «Серебряный голубь»: «...Август плывет себе в шуме и шелесте времени: слышишь – времени шум?», то лексема ПЕНА у М дополнительно суггестируется сочетанием ПЛЫВЕТ В ШУМЕ (= «в пене»?) у Белого.

- <...>. Я приходил к нему разбудить ЗВЕРЯ ЛИТЕРАТУРЫ.»
[II, с. 46]
- (в) «ЛИТЕРАТУРА – ЗВЕРЬ» [II, с. 49]
- * 1923-1924(?) «Феодосия» [II, с. 50].
- (1) гл. «Старухина птица», с. 53: «Городок, где днем идешь, как по мертвому римскому плану...»
(ИДЕШЬ ПО) ПЛАНУ → Plan 'площадь, ровное место' →
смысл: «идешь по римской площади»
- (2) гл. «Бармы закона», с. 55: «...и с злобной песнью шарахались от несостоявшейся сделки»
CONJ (C) ПЕСНЬЮ → (пар.) pesen 'разг. бежать, спешить [111, с. 189]' → смысл: «в спешке шарахались»
- (3) гл. «Бармы закона», с. 55: «Грязная, на серой древесной бумаге, газетка Освага <...> будила впечатление русской осени в лавке мелочного торговца»
(а) CONJ (НА) ДРЕВЕСНОЙ БУМАГЕ → Baum- 'древесный' →
Baumwolle 'древесная, хлопчатая бумага' → смысл: «на серой, хлопчатой (хлопьями на вид), плохой бумаге».
- (б) (=Y) БУДИЛА → (пар.) Bude (=Y[bude]) 'лавка, ларек, палатка, хибара' → «лавка» → В ЛАВКЕ
- (4) гл. «Бармы закона», с. 55: «...по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнущие собакой и волком...»
(=Y) СОТНИКИ → «сотня» → Hundert (= Y[hundert]) 'сотня'
→ (пар.) Hund 'собака' → СОБАКОЙ⁷⁴
- (5) гл. «Мазеса да Винчи», с. 57: «...они впервые сделали городской эту шершавую землю»
ШЕРШАВУЮ (ЗЕМЛЮ) → rauch 'шершавый, дикий, суровый (о местности)' → смысл: «сделали городской эту суровую, дикую землю»⁷⁵
- (б) гл. «Мазеса да Винчи», с. 57: «...стояла гостеприимная будка с распахнутой дверью»
(=Y) БУДКА → (пар.) Bude (=Y[bude]) 'лавка, палатка, хибара' → ([bude] + димин. суфф. «-ка») = «хибарка» → смысл: «стояла гостеприимная хибарка»⁷⁶.

⁷⁴ См. G-сугг. к стих. «За гремучую доблесть...» (1931), «век-волкодав».

⁷⁵ См. G-сугг. в «Египетской марке», гл. II, «шершавый гость».

⁷⁶ См. п. (3) пп. (б).

* 1924, 1937. Стих. «1 января 1924» [I, с. 152].

В стр. «Он будет вспоминать, как спать ложилось время / В сугроб пшеничный за окном./ Кто веку поднимал болезненные веки –»

(а) (СУГРОБ + ВРЕМЯ) → (Wehe + Zeit) → (акр. + метат.) weizen → ПШЕНИЧНЫЙ

(б) СУГРОБ → Wehe 'сугроб' → (ом.) weh(e) 'больной (орган), болезненное (ощущ.)' → БОЛЕЗНЕННЫЕ (ВЕКИ)⁷⁷

* 1924-1925. Шут. стих. «На Моховой семейство из Полесья...» [I, с. 351].

В стр. «Такой же, как и он, небритый карл, / Ждет младший брат, торговли книжной ярл»⁷⁸

(а) (+Y) КАРЛ → (пар.) «король» = König. Поэтому:

ЯРЛ + КАРЛ → Jarl-König → (пар.) ErIkönig [erl-köniš] 'миф. лесной царь'⁷⁹ → (пар.) КНИЖ-НОЙ → (шутл. смысл): «лесной (+ «небритый» + «из Полесья») царь книжной торговли»⁸⁰

* 1925. Стих. «Из табора улицы темной...» [I, с. 158].

В стр. «Я буду метаться по табору улицы темной/

За веткой черемухи в черной рессорной карете./

За капором снега, за вечным, за мельничным шумом.../

Я только запомнил каштановых прядей осечки, /

Придымленных горечью – нет, с муравьиной кислинкой,/

<...>

А жизнь проплывет театрального капора пеной.../»

(а) (<Y) КАПОРОМ → Kapores (←Y[kapores]) 'испорченный, погибший → ненужный' [111]⁸¹. Получается смысл: «гнаться за ненужным, бессмысленным (снегом)».

⁷⁷ Эта G-суггестия отмечена в [87].

⁷⁸ ЯРЛ = Jarl 'наместник короля в Скандинавии'

⁷⁹ ErIkönig («Лесной царь») – известная баллада Гете, упоминавшаяся М в [II, с. 242].

⁸⁰ Здесь вероятна контаминация с Y[kinigi] 'король' → (пар.) «книг(а)».

⁸¹ Идишизм (изначально – гебраизм) Y[kapores] имеет более точно соответствующее ситуации значение 'good for nothing, of no use' [107, с. 213] и поэтому более вероятен.

- (б) (=Y) ЧЕРЕМУХИ = Faulbaum (=Y[foylboym]), букв. 'испорченное, «неправильное» дерево'.
 (в) (>Y) ПРИДЫМЛЕННЫХ → geräuchert [geroyšert] (=Y[geroyxert]) 'задымленный' → (эквиконс. GRŠ) ГОРЕЧЬЮ⁸²
 (г) (=Y) ПЕНОЙ = Schaum (=Y [šoym]) → (пар.) ШУМОМ. Получается смысл: «жизнь пройдет с театральным шумом, ненужная, как пена».

* 1925. Стих. для детей «Примус» [I, с. 20].

(1) в гл. III («Молоко») «... – Я совсем не неженка, / У меня есть пенка!»

(=Y) ПЕНКА = Haut 'кожа, шкура, пенка на молоке' → смысл: «у меня есть **шкура**» → НЕ НЕЖЕНКА⁸³

(2) в гл. VII («Телефон»): «Я обижен, я простужен: / Телефоны-старики – / Те поймут мои звонки!»

ПРОСТУЖЕН → erkalten 'простудить' → (пар.) Alten 'старики' → ТЕЛЕФОНЫ-СТАРИКИ

* 1925. Стих. для детей «Два трамвая» [I, с. 324].

(1) В стр. « – Вот сонный трамвай, посмотри!»

ТРАМ-ВАЙ → (пароним основы) Traum⁸⁴ 'сон' → СОННЫЙ⁸⁵

(2) в стр. «С чужими он там говорит лошадами»

(<Y) ЛОШАДЬМИ = Pferden (=Y[ferdn]) → (эквиконс. F-R-D-N/M) fremden (=Y[fremdn]) 'чужие' → (пар.) reden (=Y[redn]) 'говорить' → С ЧУЖИМИ, ГОВОРИТ⁸⁶

* 1925. Эпиграмма «Писателю. Как некий исполин...» [I, с. 347].

⁸² «Германизм» здесь фонетически точнее из-за сибиллянта [š].

⁸³ Y-суггестия здесь равновероятна: Y[hojt] = 'кожа, шкура, пенка на молоке'.

⁸⁴ [tram] – со стяжением дифтонга в произношении М. Это стяжение [au] → [a] «слышно» в ряде явных и суггестируемых германизмов у М.

⁸⁵ Слово «сонный» у М имеет 2 коннотации: «желающий спать» и (под воздействием сложных слов на Traum-) «имеющий место в сновидении, в галлюцинации», напр. «сонные казни» и т. п.

⁸⁶ Y-суггестия здесь фонетически точнее.

В стр. «Как некий исполин с Синая до Фавора, / От договора ты бредешь до договора»

CONJ (гора) ФАВОРА = Taborberg → (эквиконс. Т-В/Ф-R-G) Vertrag [fertrag] ‘договор’ → (ДО) ДОГОВОРА

* 1925. Шут. стих. «Антология житейской глупости» [I, с. 347].

В стр. «Никакой другой Иосиф не есть Осип Мандельштам. /

<...> Эта Анна есть Иванна – Дом-Искусства человек, /

<...> Несмотря что Альциона есть элегия Шенье... /

<...> Это есть Лукницкий Павел, Николаич человек, /

<...> Несмотря на то, что Пешков – не есть горький человек»

(а) (=Y) НЕ ЕСТЬ (← ist nicht) – синтаксический германизм (идишизм [iz-nit] ‘не есть’ равновероятен).

(б) (=Y) ЭТО ЕСТЬ (← dieses ist) – синтаксический германизм (идишизм [iz] ‘есть’ равновероятен)⁸⁷

* Середина 1920-х. Стих. «Это есть художник Альтман...» [I, с. 348].

В стр. «Это есть художник Альтман, / Очень старый человек /

По-немецки значит Альтман – / Очень старый человек»⁸⁸

(=Y) ЭТО ЕСТЬ (← dieses ist) – синтаксический германизм⁸⁹

* Середина 1920-х. Стих. «Это есть мадам Мария...» [I, с. 348].

В стр. «Это есть мадам Мария – / Уголь есть почти что торф»

(=Y) ЭТО ЕСТЬ: см. ЭТО ЕСТЬ в пред. *пункте.

* 1925/26 гг. Стих. «Петербург» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 335].

(1) в стр. «Эй, проснись, “пролет” немецкий, / Встань, герман-

⁸⁷ См. примечания к G-суггестиям к шут. «Антология античной глупости» (1920-е).

⁸⁸ По свидетельству Г. Адамовича: «Мандельштам читал эти стихи сотни раз, давась от смеха, но с напускной важностью и с сильным немецким акцентом: “ошэн стари шэловэк”...», цит. по [51, т. 1, с. 546].

⁸⁹ Идишизм [iz] ‘есть’ равновероятен. См. примечание к G-сугг. к «Антология античной глупости» (1920-е).

- ский пролетарий!»
 ПРОЛЕТ = Prolet (презр.) 'пролетарий'.
 (2) в стр. «Хлебом земля беременна, – / Утешьтесь, братья!»
 (=Y) ХЛЕБОМ → Brot 'хлеб' → (пар.) БРАТЬЯ⁹⁰
- * 1925/26 гг. Стих. «Май месяц» (перев. из М. Бартеля)
 [2, с. 340].
 (1) в стр. «К свету лестницей крутой / Нас уводит жизни трепет»
 (=Y) ЛЕСТНИЦЕЙ → Treppe 'лестница' → (пар.) ТРЕПЕТ⁹¹
 (2) в стр. «С высокой млечной тропы / Срезает брусья, – как жнец горбатый»
 (=Y) ТРОПЫ → (пар.) Treppe 'лестница' → образ «лестницы, с которой срезают ступени»⁹²
 (3) в стр. «Зверинец. Я зябну. Весна.»
 (=Y) ЗЯБНУ → (Ich) friere → (пар.) Frühling 'весна' → ВЕСНА⁹³
- * 1925/26 гг. Стих. «Птицы» (перев. из Макса Бартеля)
 [2, с. 342].
 В стр. «Лежат в крови у пыльного рва. / Мы безочажный, блуждающий грай»
 (=Y) КРОВИ → Blut 'кровь' → (пар.) «блуд, блудить, блуждать»
 → БЛУЖДАЮЩИЙ⁹⁴
- * 1925/26 гг. Стих. «Неизвестному солдату» (перевод из Макса Бартеля) [2, с. 345].
 В стр. «В колесе огромного сраженья / Или там, где наблюдает мать / Сыновой могучее цветенье»
 (=Y) наБЛЮДАет → (пароним основы) Blut 'кровь' → (пар.) Blüte 'цветение' → ЦВЕТЕНЬЕ. → смысл: «мать видит кровь сыновой в могучем сражении»⁹⁵

⁹⁰ Идишизм Y[broyt] = 'хлеб' равновероятен здесь.

⁹¹ Идишизм Y[trep] = 'лестница' равновероятен здесь.

⁹² Идишизм Y[trep] = 'лестница' равновероятен здесь.

⁹³ Y-суггестия: Y[frirn] 'зябнуть', Y[frilink] 'весна' – равновероятна здесь.

⁹⁴ Идишизм Y[blut] 'кровь' равновероятен здесь.

⁹⁵ Y-суггестия – YP[blit] 'кровь', (омон.) YP[blit] 'цветение' – равновероятна здесь.

* 1926 г. Стих. для детей «Шары» [I, с. 327].
 (1) в стр. « – А нитка моя / Тоньше паутинки»
 (=Y) НИТКА = Faden → (эквиконс. FDN) fein, dünn → ТОНЬ-ШЕ
 (2) в стр. « Вот балует шар»
 (>Y) ШАР = Ball, Ballon (=Y[bol]) → (пар.) БАЛУЕТ

* 1926 г. Стих. для детей «Кухня» [I, с. 332].
 В стр. «На масле на подсолнечном / Оладьи! Оладьи!»
 (=Y) (НА) МАСЛЕ → Öl 'растит. масло' → (пар.) ОЛАДЬИ⁹⁶

* 1926 г. Очерк «Михоэльс» [II, с. 306, наброски: с. 374].
 (1) в стр. «...этого сумасшедшего, очаровательно нелепого, бесконечно изящного, фарфорового пешехода...»
 (=Y) ИЗЯЩНОГО → fein (=Y[faun]) 'изящный, деликатный, тонкий, хрупкий' → смысл: «бесконечно хрупкого (как фарфор) пешехода»⁹⁷
 (2) набросок <5>. В стр. «Вот, например, злостный по своей рассудочности трюк...»
 ЗЛОСТНЫЙ → böse '1.злостный, 2.(разг.) сильно, очень, страшно' → смысл: «очень (ужасно) рассудочный трюк».

* 1926 г. Очерк «Киев» [51, т. 3, с. 5].
 В гл. II «... я вышел на Днепр к старику Розинеру <...>. Но можно еще жить, пока есть крепкое изюмное вино...»
 РОЗИНЕР → (пар.) Rosinen 'изюм' → ИЗЮМНОЕ

* 1927/28 г. «Египетская марка» [II, с. 59].
 (1) гл. I, ранняя редакция⁹⁸: «Она любила <...> русские сотенные с их морозным хрустом»
 (<Y) МОРОЗНЫМ → Frost (=Y[Frust]) 'мороз' → (пар.) ХРУСТ-О.М⁹⁹

⁹⁶ Идишизм (польский!) YP[ayl/al] 'растит. масло' равновероятен здесь.

⁹⁷ Аналогичное расширение семантического поля лексемы ИЗЯЩНЫЙ через G-лексеми fein см. в «Египетской Марке» (1927), гл. VII, «изящнейший фарфоровый портной».

⁹⁸ Цит. по [62, с. 71].

⁹⁹ Здесь «польский» идишизм: YP[frust] фонетически точнее.

(2) гл. II «...из общества ревнителей и любителей последнего слова, из камерного кружка стрекозиной музыки...»

(=Y) ЛЮБИТЕЛЕЙ (СЛОВА) → (пар.) Libelle 'стрекоза' → (вместо «кружка любителей музыки») СТРЕКОЗИНОЙ МУЗЫКИ¹⁰⁰

(3) гл. II: «Большоголовый Николай Давыдыч был шершавым и добрым гостем, <...>, виновато улыбающимся, как посылный, допущенный в комнаты. От него пахло портным и утюгом»

ШЕРШАВЫМ → rauh 'шершавый, неотесанный, «мужланистый»' → смысл: «был неотесанным, простонародным».

(4) гл. II: «...засыпая в кровати<...>при свете голубой финолинки¹⁰¹...»

CONJ (<Y) ФИНОЛИНКИ ← (реконструируемого) Y[finol] ← нем. Fanal 'маяк, сигнальный огонь' [111, с. 457]¹⁰²

(5) гл. II: «...одной из самых легких и безответственных улиц Петербурга»

ЛЕГКИХ → leicht 'легкий, легкомысленный' → смысл: «легкомысленная, безответственная улица»¹⁰³.

(6) гл. III: «...бормашины – этой бедной сестры аэроплана, – тоже сверлящего борчиком лазурь»

ЛАЗУРЬ ← (пар.) Glasur [glazur] 'зубная эмаль' ← СВЕРЛЯЩЕГО БОРЧИКОМ, БОРМАШИНЫ

(7) гл. III: «... в сытом тумане прачешной ... »

СЫТОМ → satt 'сытый, насыщенный, густой' → смысл: «в густом тумане»¹⁰⁴.

(8) гл. IV: «По Гороховой улице с молитвенным шорохом двигалась толпа»¹⁰⁵

(+Y) ТОЛПА → Schar 'толпа' → scharren 'шаркать', Y[šarn-zix]

¹⁰⁰ Здесь идишизм: Y[libele] 'стрекоза' равновероятен. См. также G-сугг. к стих. «Какая роскошь в нищенском селенье...» (1930).

¹⁰¹ Комментарий А.Морозова: «Финолинка – невыясненное слово, в контексте – ночная лампа» [64].

¹⁰² См. подробнее в Приложении 2, Y-суггестии к ЕМ.

¹⁰³ Пример этого смысла в G: ein leichtes Mädchen = 'легкомысленная девушка'.

¹⁰⁴ Пример этого смысла в G: eine satte Lösung = 'насыщенный, густой раствор'.

¹⁰⁵ Здесь, по-видимому, контаминация Y/G-смыслов:

'shuffle, move along the ground' [107, с. 399]. → (пар.) ШОРОХОМ
→ смысл: «толпа продвигалась, шаркая».

(9) гл. IV: «...раздражительные затылки...»

ЗАТЫЛКИ = Nacken → (пар.) necken 'дразнить, раздражать' →
РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫЕ¹⁰⁶

(10) гл. IV: «Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой ка-
пустница, молодая еврейка, прильнувшая к окну часовщи-
ка – лучше бы ты не глядела!»

(=Y) ВРЕМЯ → die Zeit (fem.) 'время' → все метафоры и соотв.
глагольные формы: женского рода¹⁰⁷

(11) гл. IV: «Аптечные телефоны делаются из самого лучшего
скарлатинового дерева»

(=Y) СКАРЛАТИНОВОГО → Scharlach '1. ярко-красная краска
2. скарлатина' → смысл: «красного дерева»¹⁰⁸

(12) гл. IV: «Он – лимонная косточка, брошенная в расщелину
петербургского гранита, и выпьет его с черным турецким
кофием налетающая ночь»¹⁰⁹

(=Y) КОСТОЧКА = Y[kern] 'kernel' = (син.) Y[kerl] 'grain, pit'
[107, с. 377]. → нем. Kerl = разг. 'человек, малый', презр. 'тип,
субъект' → «человек, брошенный в тьму ночи» → (лимонный)
«еврей, брошенный в тьму ночи».

(13) гл. V, ранняя редакция¹¹⁰: «... просачивался [мороз] диффе-
ритный гость чудных пространств»

(=Y) МОРОЗ → Frost (=YР[frust]) 'мороз' → (пар.) ПРОСТ-
РАНСТВ¹¹¹

(14) гл. V: «Глухонемые исчезли в арке Главного штаба<...> слов-
но засылали в разные стороны почтовых голубей»

(а) (=Y) ГЛУХОНЕМЫЕ → Taubstumme 'глухонемой' → Taube

¹⁰⁶ См. G-суггестии к стих. «Я молю, как жалости и милости...» (1937).

¹⁰⁷ Идишизм Y[tsayt] 'время' здесь равновероятен.

¹⁰⁸ Идишизм Y[šarlex] 'scarlet' [107, с. 394], (разг.) скарлатина' здесь равнове-
роятен.

¹⁰⁹ Здесь замечательная R/Y/G-игра смыслов. Ср. «Предки Парнока – ис-
панские евреи ходили в остроконечных желтых колпаках – знак позорного
отличия для обитателей гетто... Не от них ли он унаследовал пристрастие ко
всему лимонному и желтому?», цит. по [62, с. 71]. Поэтому здесь «лимонный» =
«желтый» = «еврейский».

¹¹⁰ Цит. [по 62, с. 74].

¹¹¹ См. G-суггестии к главе I «EM».

- ‘глухой’ → (ом.) Taube ‘голубь’ → ГОЛУБЕЙ
- (б) (>Y) (одновременно) Taube ‘глухой, голубь’ → (пар.) Stab ‘штаб’ → (ГЛАВНОГО) ШТАБА¹¹²
- (15) гл. V: «... – это план, по которому тонет ночь, организованная в косточки слив»
- ПЛАН [plan] → (пар.) Pflaume ‘слива’ → (КОСТОЧКИ) СЛИВ¹¹³
- (16) гл. V: «Рысак выбрасывает бабки. Серебряные стаканчики наполняют Миллионную»
- СТАКАНЧИКИ = Gläser → (пар.) Glasen, glasen ‘мор. «склянки», бить склянки’ → смысл: «наполняют звоном, как склянки».
- (17) гл. V: «...узкими, как правда, полозьями...»
- УЗКИМИ = schmalen ‘узкие, бедные, скудные’ → метафора: «как бедная, **скудная** правда»¹¹⁴.
- (18) гл. VII: «...изящнейший фарфоровый портной ...»
- (=Y) ИЗЯЩНЕЙШИЙ → fein (=Y[faʏn]) ‘изящный, деликатный, тонкий, хрупкий’ → смысл: «хрупкий (как фарфор) портной»¹¹⁵
- (19) гл. VII: «... страницы мерзлой книги, переплетенной в топоры ...»
- В ТОПОРЫ → Veil ‘топор’ → (пар.) Beilage ‘приложение к журналу’ → ПЕРЕПЛЕТЕННОЙ В ТОПОРЫ → смысл: «переплетенных журнальных приложений»¹¹⁶

¹¹² G-суггестии (а) и (б) отмечены в [87]. Y-суггестия: Y[toyb-štum] ‘глухонемой’ → Y[toyb] ‘голубь’, Y[štab] ‘штаб’ здесь менее вероятно фонетически. В связи Taube → Stab просматривается стяжение дифтонга [au] → [a] в немецком произношении М. См. ниже примечание к п. (15).

¹¹³ Здесь интересно очевидное стяжение дифтонга [au] → [a] в немецком произн. М. То же явление, по-видимому, в строке: «Аустерлица забыт огонек...» [I, с. 419], в «И Фауста бес – сухой и моложавый...» [I, с. 183] и в «В кустах игрушечные волки глазами страшными глядят». Также выше в п. (14) см. связь: Taube → Stab.

¹¹⁴ Здесь стандартная техника расширения семант. спектра при применении G/R-омонимии.

¹¹⁵ См. G-суггестии к «Михоэльс» (1926). О семантике лексемы «изящный» у М писал Д. Сегал в [124].

¹¹⁶ Ср. ШВ: «...“Нива”, “Всемирная новь” и “Вестники иностранной литературы”, бережно переплетаемые, проламывали этажерки <...> эти переплетенные чудовища» [II, с. 7].

(20) гл. VII: «...с зачитанными в шелк заразными страницами. <...> Некоторые страницы сквозили, как луковичная шелуха»

ШЕЛУХА → Schelke 'шелуха, скорлупа, кожица [117, с. 1112]' → (пар.) → ШЕЛК¹¹⁷

(21) неизданный фрагмент: «О, странная музыка [ложно-еврейских фамилий]! В каком саду сорвал свое благоуханное прозвище – Розенблум, в какой небывалой [золотистой] Мексике, где Гауризанкары¹¹⁸ сияют [золотыми пломбами] золотом пломб, подобрал свою массивную кличку – Гольдберг, на каком самоцветном берегу среди топазов и раковин выбрал [свое] драгоценное имя Финкельштейн?»¹¹⁹

(=Y)¹²⁰ Розенблум = Rosenblum = 'цветок розы'

(=Y) Гольдберг = Goldberg = 'золотая гора'

(=Y) Финкельштейн = Funkelstein = 'сверкающий камень'

* 1929–1930. «Четвертая проза» [II, с. 88].

(1) гл. 3, стр. 91: «... свадьба козлоногого ферта <...>. Он отворяет жилы месяцам <...>. Он страшный и безграмотный коновал <...>, брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи»

(а) (<Y) ФЕРТА → (пар.) Pferd (=Y[fert]) 'лошадь' → (acc.) КОНОВАЛ, ОТВОРЯЕТ ЖИЛЫ, ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ¹²¹

(б) (=Y) ЛОШАДИНАЯ КРОВЬ → (пар.) Pferd (=Y[fert]) 'лошадь' → (конс. метат.) Feder (=Y[feder]) 'перо' → смысл: «брызжут черные чернила (лошадиная кровь) из под его пера»¹²²

¹¹⁷ См. G-сугг. к стих. «Мы напряженного молчания не выносим...» (1937), «шелк».

¹¹⁸ «Гауризанкар» – (гора) Эверест.

¹¹⁹ Цит. по [88, с. 580].

¹²⁰ Здесь М «этимологизирует» несколько еврейско-немецких (идишских) фамилий.

¹²¹ Идишизм здесь несколько более вероятен не только фонетически, но и потому, что весь абзац, завершающий 3-ю главу ЧП, пронизан идишизмами. В частности, «сквозным ключом» ко всему абзацу является идишизм Y[oder] ('месяц) Адар', см. подробнее Приложение 2.

¹²² Ср. в 5-й гл. ЕМ: «Не повинуется мне ПЕРО: оно расщепилось и разбрызгало свою ЧЕРНУЮ КРОВЬ, как бы привязанное к конторке телеграфа ...» [II, с. 74].

- (2) гл. 4: «...матерные воды Москвы-реки зальют ...»
 (<Y) МАТЕРНЫЕ ← (Materie 'гной' + matten 'утомлять, изну-
 рять' + matt 'утомленный, тусклый'). Тем самым, здесь МАТЕР-
 НЫЕ = «тусклые/гнойные/изнуренные»¹²³.
- (3) гл. 5: «...анализ мочи Горнфельда»¹²⁴
 (>Y) ГОРНФЕЛЬДОМ → Harn 'моча' → МОЧИ (ГОРНФЕЛЬ-
 ДА)¹²⁵
- (4) гл. 6: «Зато карандашей у меня много – и все краденые и раз-
 ноцветные»
 (=Y) КАРАНДАШЕЙ → Kreiden 'карандаши, «сухие краски в
 палочках для рисования» [117, с. 802]¹²⁶ → (пар.) (КРАДЕНые +
 РАЗНОЦВЕТНЫЕ)
- (5) гл. 9: «Ты бы лучше поплакал господину Пропперу в чистый
 еврейский литературный жилет»
 ПРОППЕРУ → (пар.) Proper 'чистый, аккуратный' → В ЧИ-
 СТЫЙ (ЖИЛЕТ)
- (6) гл. 13: «...бородастые мужчины в рогатых меховых шап-
 ках...»
 (<Y) В РОГАТЫХ МЕХОВЫХ →. (Horn 'рог' + Fell 'мех') → (acc.)
 Горнфельд (фамилия)¹²⁷
- (7) гл. 14: «... с переводчиками Горнфельдом и Карякиным. Я –
 скорняк драгоценных мехов, я – едва не задохнувшийся от
 литературной пушнины ...»
 (<Y) ГОРНФЕЛЬДОМ → Fell 'мех' → МЕХОВ + ПУШНИНЫ¹²⁸

¹²³ Здесь возможна контаминация с Y[materie] 'pus, гной', Y[matern] 'torment, torture, prey урон', Y[mat/mater] 'dull, lackluster, тусклый' [107, с. 231]. Идишизм несколько более вероятен из-за фоники лексемы Y[matern].

¹²⁴ Здесь явная (и, скорее всего, намеренная) контаминация Y и G-суггестии.

¹²⁵ Y[urin] 'моча', равно как и русск.-лат. «urina, урина» – здесь менее вероятно.

¹²⁶ =YР[kradl] 'crajon, цветной карандаш [107, с. 414]'. Русская парон. связь: КАРАНД-АШИ → КРАДЕН-ые несколько менее вероятнона фонетически. См. также G/Y-суггестии к циклу «Армения» стих.1 (вариант) (1930).

¹²⁷ Эта суггестия может, в принципе, быть и идишской: Y[horn] = 'рог', Y[fel] = 'мех', что в данном контексте с его чисто еврейскими аллюзиями, более вероятно.

¹²⁸ См. пред. пункт. Здесь же: КАРЯКИН (+ 'мех!') суггестирует (по экви-
 конс. принципу) → СКОРНЯК Подробнее эта ситуация рассм. в Приложении
 2, Y-сугг. к ЧП.

(8) гл. 15: «Когда приходит жестяная повестка <...> Жестяные повесточки под подушечку!»

ЖЕСТЯНАЯ → blechern 'жестяной, перен. пустой, ничего не значащий' → смысл: «когда приходит бессмысленная повестка, ерундовые повесточки»¹²⁹

(9) в гл. 16: «...кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы»

(=Y) КРУЖЕВО = Spitzen 'кружево' → Spitze 'острие' → ПРОКОЛЫ¹³⁰

(10) гл. 16: «Ходит немец шарманщик с шубертовским лееркастеном»

(<Y) ЛЕЕРКАСТЕНОМ ← Leierkasten 'шарманка'¹³¹.

(11) гл. 16: «Ich bin arm. Я беден. Спи, моя милая...»

«Ich bin arm. Я беден» – замечательный пример «выхода на поверхность» G-монитора, см. об этом подробнее в конце п.3.2.4.

* окт.- нояб. 1930. Цикл «Армения» [I, с. 160].

(1) Стих. 1. В стр. «А здесь лишь картинка налипла / Из чайного блюдца с водой»

КАРТИНКА = Bildchen [bildʃen] ↔ (эквиконс. BLD-Š/Ts) БЛЮДЦА-С (ВОДОЙ)

(2) Стих. 2. В стр. «Как люб мне язык твой зловещий, / Твои молодые гроба, / Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба...»

ГРОБА → (Grob 'упаковочный материал, ящик' + grob 'крупный, грубо сделанный') → смысл: «грубо, крупно сделанные формы слов твоего языка»¹³²

(3) Стих. 7. В стр. «Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса,»

¹²⁹ См. G-сугг. к «Путешествию в Армению» (1931), гл. «Севан», «жестью».

¹³⁰ Эта G-сугг. отмечена в [87]. Y-суггестия Y[špitsn] 'кружева' → Y [špits] 'острие' здесь равновероятна.

¹³¹ Идишизм здесь несколько более вероятен, т.к. [leerkasten] – типичный Y-вокализм. Немецкое Leierkasten [layerkasten] по-русски должно было дать здесь: «ЛАеркастеном», хотя в реальности дифтонг ei по-русски часто передается как [эй].

¹³² Разумеется, здесь еще рутинная для M игра G/R-смыслов консонантного набора GRB: «зловещий большой (грубый) ящик → гроб».

ЦИРКУЛЬНОГО → zirkular 'круглый' → смысл: «нарубленный круглый, кругляковый лес»¹³³.

(4) Стих.8. В стр. «Мне холодно. Я рад...»

(=Y) (МНЕ) ХОЛОДНО = (Ich) friere → (пар.) (Ich bin) froh 'я рад' → Я РАД

(5) Стих. 10. В стр. «И в лабиринте влажного распева / Такая душная стрекочет мгла, / Как будто в гости водяная дева / К часовщику подземному пришла»

СТРЕКОЧЕТ → «стрекоза» → Wasserjungfer 'стрекоза, «водяная дева» [122, с. 1566]' → ВОДЯНАЯ ДЕВА¹³⁴

(6) Стих. 12. В стр. «Над книгой звонких глин, над книжную землей, / Над гнойной книгою, над книгой дорогой»

(<Y) (ГЛИНА, ГЛИН) = Lehm 'глина' → Schleim 'слизь, мокрота' → ГНОЙНОЙ¹³⁵

* ноябрь 1930. Стих. «Дикая кошка – армянская речь» [I, с. 167, вар. с. 506].

В стр. (вариант) «А не пора ль очутиться мне там, / Где обо мне ни слуху ни духу / В городе, где выпрямляюсь по слуху, / Где на <молочных [его] еще площадях>/ [Липа стоит] Летнего сада столетней <резьбою>»

Здесь первые две строки немедленно суггестируют слово «Ленинград» и возникают паронимические и консонантные связи:

(а) (<Y) «ЛЕНИНГРАД» → ГОРОДЕ → (пар., эквиконс.) gerade (= Y[grode]) 'прямой' → (асс.) ВЫ-ПРЯМ-ЛЯЮСЬ

(б) «ЛЕНИ+НГРАД» → (пар.) Linde 'липа' + (конс. NGRT/D) Garten 'сад' → ЛИПА, ЛЕТН-его САДА, сто-ЛЕТН-ей

* декабрь 1930. Стих. «Ленинград» [I, с. 168].

В стр. «Я на лестнице черной живу, и в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок»

(<Y) ВИСОК = Schlafе (=YP[šlaf]) → (эквикионс. ŠLF) Fleisch (=

¹³³ В. Даль: «кругляковый лес, дрова из кругляков, не колотые на плахи или поленья».

¹³⁴ Кроме того, отдельное слово Jungfer = 'стрекоза, дева'. Эта связь по-видимому, работает в «Дайте Тютчеву стрекозу...».

¹³⁵ Здесь еще возможна игра идишизмов: YP[laym] 'глина' → Y[šlaym] 'mucus, scum, слизь, гной', и Y-суггестия фонетически точнее.

УР[flayš] ‘мясо’ → (С) МЯСОМ

* март 1931. Стих. «После полуночи сердце ворует...»
[I, с. 170].

В стр. «После полуночи сердце ворует / Прямо из рук запрещенную тишь. / Тихо живет – хорошо озорует, / Любишь – не любишь: ни с чем не сравнишь.../ <...> Что пополуночи сердце пирует,»

(= Y) ТИШЬ → Ruhe (= Y[ru]) ‘покой, тишь’ → (пар. ударной части основы) ВО-РУЕ-Т, ОЗО-РУЕ-Т, ПИ-РУЕ-Т¹³⁶

* март 1931. Стих. «Ночь на дворе. Барская лжа...»
[I, с. 170].

В стр. «Шапку в рукав, шапкой в рукав – / И да хранит тебя Бог»

CONJ (= Y) ШАПКУ, ШАПКОЙ → Hut ‘шапка, (омон.) хранение, защита’ → be-hüt dich Gott ‘храни тебя Бог’ → ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ¹³⁷

* 2 марта 1931. Стих. «Я скажу тебе с последней...»
[I, с. 170].

(1) в стр. «Греки сбондили Елену / По волнам»

(=Y) ГРЕКИ → «эллины» → (пар.) Wellen ‘волны’ → ПО ВОЛНАМ

(2) в стр. «Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли, / Все равно. / Ангел Мэри, пей коктейли, / Дуй вино»

(а) (=Y) ДУЙ → Wehe ‘дуй!’ → (пар.) ВЕЙ

(б) Wehe ‘дуй!’ → Wehen ‘дуть’ → (пар.) Wein ‘вино’ → ДУЙ ВИНО.

¹³⁶ Здесь еще явная паронимия с ruhig ‘спокойный’ с диалектным сибилантным произношением [ru:ʃ], которое характерно для «немецкого» М. Кроме того (ИЗ) РУК по-видимому, содержит Y-суггестию, см. Приложение 2.

¹³⁷ Ср. нем. поговорку: in guter [паронимия с Gott] Hut sein ‘находиться в безопасности’. Здесь равновероятна игра (квази)омофонов Y[hit, hitn] ‘шапка, хранить’ и Y[got] ‘Бог’, Y[got-baHIT-dix] ‘да сохрани тебя Бог’, Y[got-baHIT] ‘Боже упаси!’. Смысл строки И ДА ХРАНИТ ТЕБЯ БОГ: скорее «упаси тебя Бог от безобразия, изображенного в первых 6 строках», чем призыв защиты Бога вообще.

(в) Кроме того, Weh = 'горе', поэтому ВЕЙ ЛИИ имеет дополнительную коннотацию: ВЕЙ ЛИИ = «горе ли, или не горе» → ВСЕ РАВНО

* 2 марта 1931. Стих. «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» [I, с. 171].

В стр. «Так вот бушлатник шершавую песню поет / В час, как полоской заря над острогом встает»

(>Y) ШЕРШАВУЮ (ПЕСНЮ) → rauh 'шершавый, суровый, угрюмый, (голос) хриплый, осипший [117]' → смысл: «угрюмую суровую песню хрипло, осипшим голосом поет»¹³⁸.

* 17-18 марта 1931, конец 1935. Стих. «За гремучую доблесть грядущих веков...» [I, с. 171].

В стр. «Мне на плечи кидается век-волкодав»

(=Y) ВЕК = Jahrhundert (=Y[yorhundert]) → (пар.) Hund 'собака' → Wolfshund (=Y[volfhund]) = ВОЛКОДАВ¹³⁹

* 27 марта 1931. Стих. «Жил Александр Герцевич...» [I, с. 172].

(1) в стр. «Он Шуберта наверчивал, / Как чистый бриллиант»
КАК ЧИСТЫЙ БРИЛЛИАНТ → brillant [brilyant] 'музык. живо, с живостью, блестяще [117]' → смысл: «живо, блестяще играл Шуберта»¹⁴⁰.

(2) в стр. «Что, Александр Герцевич, / На улице темно? /
Брось, Александр Сердцевич, - / Чего там? Все равно!»
(= Y) ГЕРЦЕВИЧ → (пар.) Herz 'сердце' → СЕРДЦЕВИЧ¹⁴¹

¹³⁸ См. G-сугг. к «Египетской марке», гл. II, «шершавым гостем». Идишизм Y[roy] 'raw, crude, rough, harsh [107]' семантически менее точен.

¹³⁹ Здесь есть явный претекст в рассказе «Феодосия»: образ сотника, пахнувшего собакой и волком, в бурке (накинутой на плечи!), на которого «возможность безнаказанного убийства действует как нарзанная ванна». См. G-сугг. к «Феодосия», гл. «Бармы закона» (1923), «... по улицам ходили циклопы в черных бурках, сотники, пахнувшие собакой и волком...».

¹⁴⁰ Ср. brillantes feuerwerk 'великолепный фейерверк', er macht brillante geschäfte 'дела его идут блестяще'.

¹⁴¹ Y[harts] 'сердце' фонетически менее близко, но «еврейские» коннотации текста делают Y-суггестию равновероятной.

* Апрель 1931. Стих. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» [I, с. 173].

(1) в стр. «Я трамвайная вишенка страшной поры / И не знаю, зачем я живу»

(а) ТРАМВАЙНАЯ = Strassenbahn → (де-акр.) Strassen + Bahn → (пар.) СТРАШНОЙ.

(б) тот же результат дает: Bahn → («почти»-омофон) bang [ban] 'страшный' → СТРАШНОЙ

(2) в стр. «А она то сжимается, как воробей, / То растет, как воздушный пирог»

(=Y) ВОРОБЕЙ = Sperling (=Y[šperlink]) → (эквиконс. ŠP-R/L-NK) возду-ШНЫЙ ПИРОГ

(3) в стр. «Чтоб объехать всю курву-Москву»

КУРВУ → Kurve 'кривая, поворот' → смысл: «объехать кривые улицы и повороты Москвы». Ср. в другом месте (про Париж): «улица июльская **кривая**».

* 23 апр. 1931. Стих. « – Нет, не мигрень, – но подай карандашик...» [I, с. 175].

В стр. «Дальше сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно вижу я: / Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая...»

(а) (<Y) ПЛЕШИНА ← Fleisch 'мясо, плоть'¹⁴²

(б) CONJ МУЧИТЕЛЬНО + ПАЛИЦА + ПЛЕШИНА → (пар.) Pfahl im Fleische 'внутреннее ощущение греха, червь, точащий изнутри, мучительные душевные и физич. страдания'. Ср. «МУЧИТЕЛЬНО ВИЖУ Я»

* 3 мая 1931. Стих. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» [I, с. 175].

В стр. «Обещаю построить такие дремучие срубы,»

(=Y) ДРЕМУЧИЕ → dichter (= Y[dixter] 'дремучий (лес), (ом.) поэт') → смысл: «обещаю такую поэтическую продукцию...»¹⁴³

¹⁴² См. сообщение Н. Мандельштам о «спектакле про мясника, страшного кавказца с усами, который рубил мясо и отпуская шутки в стиле эпохи. В мяснике нам почудился некто...» [7, с. 539]. Идишизм Y[fleyš] 'мясо, плоть' фонетически более точен.

¹⁴³ Связь: густой-дремучий-поэтический рутинна у М, см. G-сугг. к «Я на-

- * 26 мая 1931. Стих. «Канцона», [I, с. 176].
- (1) в стр. «Вас, банкиры горного ландшафта»,
 БАНКИРЫ → (пар.) *Bänke* 'геол. глыбы, пласты, слои горных пород' → ГОРНОГО ЛАНДШАФТА¹⁴⁴
- (2) в стр. «То Зевес подкручивает с толком / Золотыми пальцами красноедерева / Замечательные луковицы-стекла – / Прозорливцу дар от псалмопевца. / Он глядит в бинокль прекрасный Цейса – / Дорогой подарок царь-Давида, – / Замечает все морщины гнейсовые, / Где сосна иль деревушка-гнида»
- (а) ЗЕВЕС → *Zeus* 'Зевс' → (пар.) *Zeiss* 'Цейс – фирма оптики' → БИНОКЛЬ ПРЕКРАСНЫЙ ЦЕЙСА.
- (б) Одновременно, по-видимому, имеется пароним. связь: *Zeissglas* = 'бинокль' → (пар.) «глаз Зевса» → смысл: «глаз Зевса (и автора!) все замечает...»¹⁴⁵
- (в) (>Y) ГНЕЙСОВЫЕ →. (пар.) *Niss (Nisse)* 'гнида' → ГНИДА¹⁴⁶
- (г) *Niss* 'гнида' → (эквивокс.) СОСНА
- (д) G-связь, приводящая к тому же результату: *Niss* → (пар.) *Nuss* 'орех' → *Nusskiefer* 'пиния, средиз. сосна' → СОСНА
- (е) СОСНА = *Kiefer* → (пар.) *Kieker* 'бинокль', *kieken* '(разг.) глядеть, глазеть [116]' → ГЛЯДИТ В БИНОКЛЬ¹⁴⁷
- (ж) СОСНА = *Kiefer* → (пар.) *Kiffe* 'лачуга [117, с. 760]', *Kaff* 'глухое селение [111]' → ДЕРЕВУШКА
- (з) СОСНА = *Kiefer* → (пар. второй пол. основы) *Föhre* 'сосна

равне с другими...» (1920), <Ода> (1937).

¹⁴⁴ Эта G-связь отмечена в [87].

¹⁴⁵ В паронимических связях в (а) и (б) участвует не «нормативное» немецкое произношение названия фирмы [tsays], а «русское» (или «русско-еврейское») [tseys], которое более «паронимично» немецкому Зевсу-Zeus.

¹⁴⁶ Здесь, скорее всего, имеет место контаминация Y и G-суггестий: Y[nisl] = 'гнида'. Кроме того, на тирольском нем. диалекте *gneis* = 'гнида' [115, т. 1, с. 421]. И. Павловский, автор известного в начале века русско-немецкого словаря, которым, возможно, пользовался М, дает второе значение для русск. «гнида»: (обл.) *die Zedernuss* 'кедровый орех', отсутствующее у Даля [122, с. 248].

¹⁴⁷ Дополнительное значение *Kieker* = 'оптический прицел' [125]. Кроме того, *j-n auf dem Kieker haben* = 'нацеливаться на кого-л. [111], высматривать в засаде кого-л. [125]':

- [111]' → (пар.) Fohr 'морщина [111]' → МОРЩИНЫ¹⁴⁸
 (и) (<Y) ЛУКОВИЦЫ → Luke 'люк', Lücke 'отверстие, щель' →
 «орудийный люк, амбразура для стрельбы».
 (к) СТЕ́КЛА = Glas → «глаз»¹⁴⁹

* май–июнь 1931. Стих. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» [I, с. 177, вар. с. 514].
 В стр. «Есть блуд труда и он у нас в крови» (вариант: «Есть блуд труда, как есть и блуд крови»)
 (=Y) БЛУД →. (пар.) Blut 'кровь' → В КРОВИ¹⁵⁰

* 6 июня 1931. Стих. «Отрывки уничтоженных стихов» [I, с. 180].
 (1) в стр. «Захочешь пить – там есть вода такая / <...>Хорошая, колючая, сухая»
 (=Y) ПИТЬ →. trinken 'пить' → (пар.) trocken 'сухой' → СУХАЯ¹⁵¹
 (2) в стр. «Покуда глаз – хрусталик кравчей птицы, / А не стекляшка!»
 ГЛАЗ →.(омоф.) Glas 'стекло' → СТЕКЛЯШКА

* 12 июня 1931 Стих. «Фаэтонщик» [I, с. 183].
 В стр. «Там, в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше»
 (+Y) КАРАБАХЕ → (эквиконс. K/G-RB-X/Š) raubgierig 'хищный' → ХИЩНОМ¹⁵²

¹⁴⁸ Похоже, что в Kiefer прошел процесс «де-акр»: Kiefer = [kif] + [fer] → Kiffe + Föhre.

¹⁴⁹ Тем самым, ЛУКОВИЦЫ-СТЕ́КЛА суггерирует образ: «глаз – орудие в амбразуре, в «орудийном люке» на судне». Нетрудно видеть, что эта сугг. может быть и идишской: Y[luke] – 'амбразура, орудийн. люк, porthole, Y[gloz/gluz] 'стекло' [107, с. 137]. Замечательно, что именно в Y слово [luke] означает не что иное, как 'амбразура, бойница, porthole' [107, с. 570].

¹⁵⁰ Идишизм Y[blut] 'кровь' здесь равновероятен.

¹⁵¹ Y-суггестия: Y[trinken] 'пить' → Y[trokene] 'сухая' здесь равновероятна.

¹⁵² В немецком произношении M дифтонг [au] стягивался в [a] (см. 3.2.2.2) и raubgierig звучало: [rabgírix/rabkírix/rabkírîš]. Кроме того, здесь явная контаминация с идишизмами Y[royb-xaye], YL[reyb-xaye] 'хищник', Y[royb-xayiše] 'хищный', см. Приложение 2.

- * 1931-1932. «Путешествие в Армению» [II, с. 100].
- (1) в гл. «Севан», с. 101: «... скука отпечатала жирные поцелуи на его румяных щеках»
 (=Y) ПОЦЕЛУИ = Küssen → (пар.) Kissen ‘подушка, валик’ →
 смысл: «пухлые подушечки на щеках»¹⁵³
- (2) в гл. «Севан», с. 103: «Непрочитанная газета загремела жестью в руках»
 ЖЕСТЬЮ → (пар.) Blech ‘жесть, чепуха, чушь’ → смысл: «газета с ненужной чепухой»¹⁵⁴
- (3) в гл. «Москва», с. 110 «... – есть в проводах зловеще-свадебное оживление»
 СВАДЕБНОЕ → Hochzeit ‘свадьба, праздник, торжество’ →
 смысл: «зловеще-торжественное живление»
- (4) в гл. «Москва», с. 110 «... горением маков <...> несгораемые полоротые мотыльки <...> в руках огонь ...»
- (а) МАКОВ = Feuerblumen → Feuer ‘огонь’ → (асс.) ГОРЕНИЕМ, НЕСГОРАЕМЫЕ, ОГОНЬ
- (б) (=Y) МОТЫЛЬКИ → Falter (=Y[falterl] ‘мотылек’) → (эквивалент. F/P-LTR) ПОЛОРОТЫЕ
- (5) в гл. «Французы»: «Тут я растягивал зрение и окунал глаза в широкую рюмку моря, <...> Так опускают глаз в налитую всклянь широкую рюмку, ...»
- ЗРЕНИЕ → Sehe ‘зрение, глаз, око [117, с. 1148]’; ‘(охот.) глаз; (уст.) зрачок, зрение [111]’. Отсюда связи:
- (а) → «глаз» → (пар.) Glas ‘рюмка’ → В РЮМКУ
- (б) → «око» → (пар.) ОКУНАЛ
- (в) → (ом.) See ‘море’ → (В РЮМКУ) МОРЯ
- (б) в гл. «Французы»: «Я растягивал зрение, как лайковую перчатку, напяливал ее на колодку – на синий морской околодок... Я быстро и хищно, с феодальной яростью осмотрел владения окоёма»
- (<Y) ЗРЕНИЕ → Sehe ‘зрение, зрачок, око, глаз (в частн. зверя, птицы – охотн. терм.)’, см. пред. пункт’. Отсюда связи:
- (а) Sehe → «глаз» → (пар.) Glacé¹⁵⁵ = ‘лайка (кожа)’ → ЛАЙКО-

¹⁵³ Здесь равновероятна Y-связь: YP[kišn] ‘поцелуй’ → Y[kišn] ‘подушка’.

¹⁵⁴ См. G-сугг. к «Четвертой прозе» (1929), 15 гл., «жестяной».

¹⁵⁵ Фр. заимств. в немецком.

ВУЮ ПЕРЧАТКУ¹⁵⁶

- (б) Sehe → «око» → (пар.) ОКОЛОДОК, ОКОЁМА
 (в) Sehe → (ом.) See 'море' → СИНИЙ МОРСКОЙ (ОКОЛОДОК)
 (г) Sehe → охотн. термин → смысл: ситуация (соколиной?) охоты → ХИЩНО, С ФЕОДАЛЬНОЙ ЯРОСТЬЮ ОСМОТРЕЛ ВЛАДЕНИЯ (ОКОЁМА).

* 1931–1932. <Вокруг «Путешествия в Армению», записные книжки 1931-1932 гг.> [II, с. 352].

- (1) в гл. «Москва» (с. 355): «Но еще в меньшей степени можно его удовлетворить деревянными сырами нашей [кегельбанной] доброкачественной литературы»
 (а) СЫРАМИ → Käse [keze] 'сыр, сыры, разг. чушь, чепуха', käsen [kezen] 'молоть чушь' → смысл: «чепухой, вздором нашей литературы»
 (б) CONJ Одновременно: (Käse, käsen) → (пар.) «казенный». → общий смысл: «его [читателя] нельзя удовлетворить **казенной** чушью нашей литературы».
 (в) CONJ ДЕРЕВЯННЫМИ → Holz 'дерево, (разг.) кегли [111]' → «кегли» → КЕГЕЛЬБАННОЙ (ЛИТЕРАТУРЫ)
 (2) в гл. «Москва»: «[Вряд ли эти люди были достойными носителями труда – энергии, которая спасет нашу страну]» (=Y) НОСИТЕЛЯМИ (ТРУДА) ← Träger 'носитель'¹⁵⁷
 (3) в гл. «Москва»: «Между клумбами был неприкосновенный воздух, свято принадлежавший небольшому жакту».
 ВОЗДУХ → Luft '1. воздух; 2. зазор, люфт [111]' → смысл: «между клумбами бы зазор, неприкосновенное свободное пространство».
 (4) в гл. «Сухум» (с. 359): «Её наиграл для меня на рояле [непривычными] наглыми пальцами этнограф и горец – Ковач»
 НАГЛЫМИ (ПАЛЬЦАМИ) → (пар.) Nagel 'гвоздь, деревянный гвоздь', nageln 'вколачивать гвозди, гвоздить [117, с. 951]' →

¹⁵⁶ Эта G-сугг. отмечена в [87, с. 60]. Здесь конкурирует Y-сугг.: Y[glaseyhentške] 'лайковая перчатка, kid-glove [105, с. 146]' → ЛАЙКОВУЮ ПЕРЧАТКУ. Y-суггестия представляется более вероятной, аргументацию см. в Прилож. 2.

¹⁵⁷ Здесь русская калька со слова Kulturträger, «носитель культуры, культуртрегер». Идишизм Y[treger] 'носитель' здесь равновероятен.

смысл: «наиграл непривычными, “деревянными”, “вколачивающими гвозди”, “молотящими” пальцами»¹⁵⁸.

(5) в гл. «Сухум» (с. 360): «Слава хитрой языческой свежести и шелестящему охотничьему языку – слава!»

(а) ХИТРОЙ → listig [listiš] ‘хитрый’ → (эквиконс.LSTŠ) ШЕЛЕСТЯЩ-ЕМУ

Очень вероятно также паронимическая связь:

(б) CONJ ХИТРОЙ → (син.) schlau [šlau, šla] ‘хитрый’ → (пар.) СЛАВА (2 раза)¹⁵⁹

(6) в гл. «Французы» (с. 361-362): «В основном – эта широкая сытая улица барского труда давала все то же движение, – [катышечки-волны чуть-чуть подсиненных холстов <...>] [каменные] ленивые фронтоны дрожали, как холст, и обтекали светом».

(а) (=Y) ШИРОКАЯ → breit (=Y[breyt]) ‘широкий’ → (эквиконс.) Arbeit (=Y[arbet]) ‘труд’ → ТРУДА

(б) breit, Arbeit → (пар.) БАР-СКОГО

(в) (=Y). ЛЕНИВЫЕ → (пар.) Leinwand (=Y[layvnt]) ‘холст’ → ХОЛСТОВ, ХОЛСТ

(7) в гл. «Вокруг натуралистов» (с. 362-363): «Мы приближаемся к тайнам органической жизни. Ведь для взрослого человека самое трудное – это переход от мышления неорганического <...> к первообразу мышления органического».

Н. Поллак [133, с. 16-17] видит в этом пассаже рефлекс выскazyвания Гете в “Italienische Reise”: “Ich glaube dem Wie der Organisation sehr nahe zu rücken”. Точнее:

(а) датив в dem Wie → датив в «К ТАЙНАМ»

¹⁵⁸ Ср. у А. Белого в «Крещеном китайце»: «...он – гвоздобиец; по клавише бить не умеет» [147, с. 584]. Словарь Павловского: Nagel = «нагель», деревянный гвоздь для обшивки судна [117, с. 951]. Словарь В. Даля: «нагель м. нем. в судостроении – деревянные болты, гвозди», «столяры зовут так деревянные гвозди». Но Энцикл. словарь «Брокгауз и Ефрон» дает: «нагель» = «костыль», большой металлический гвоздь/болт для крепления рельсов к шпалам». М, который, наверняка пользовался этими словарями, мог знать это слово, но представляется более вероятным, что здесь суггестируется общий германизм, а не R/G технический термин.

¹⁵⁹ listig = [listiš] – «южное» и «рейнское» (в частности, гейдельбергское!) сибилантно произношение суффикса [-ig], характерное для немецкого произношения М.

- (б) Organisation → (пар.) ОРГАНИЧЕСКОЙ
 (8) в гл. «Вокруг натуралистов» (с. 362-363): «Ламарк выплакал глаза в лупу»
 (=Y) ГЛАЗА → (пар.) Glas (= 'стекло') → «увеличительное стекло» → ЛУПУ
 (9) в гл. «Алагез» (с. 364): «Вместо кодака Гете прихватил с собой в Италию краснощекого художника Книппа, который с биографической точностью копировал по его указанию примечательные ландшафты»
 КНИППА → (пар.) knipp 'щелк! (пальцами)', Knips 'щелчок, фотогр. снимок (действие)' → (асс.) КОДАК-А (фотоапп.)¹⁶⁰
 (10) в гл. «<Читая Палласа>»: «...впряжены не гоголевские кони, а майские жуки. Не то муравьи её тащат...»
 МАЙСКИЕ → (пар.) Ameise 'муравей' → МУРАВЬИ

* февраль – 14 мая 1932. Стих. «О, как мы любим лицемерить...» [I, с. 185].

В стр. «О, как мы любим лицемерить / <...> Еще обиду тянет с блюда / <...> И я один на всех путях»

(а) ЛИЦЕМЕРИТЬ → Gleise 'лицемерие' → (ом.) Gleise '(жел.-дор.) пути' → (НА) ПУТЯХ.

(б) (=Y) ОБИДУ →.beleidigt (= Y[baleydikt]) 'обиженный' → (парон. основы) (С) БЛЮД-ЦА [b'ud-tsa]

* май 1932. Стих. «Там, где купальни, бумагопрядильни...» [I, с. 185].

В стр. «Вода на булавках и воздух нежнее / Лягушиной кожи воздушных шаров»

(=Y) (НА БУЛ)АВКАХ →.(эквиконс.NBL) Ballon (= Y[balon]) 'воздушный шар' → ВОЗДУШНЫХ ШАРОВ

* 7–9 мая 1932. Стих. «Ламарк» [I, с. 186].

(1) в стр. «Если все живое лишь помарка / За короткий выморочный день, / На подвижной лестнице Ламарка / <...> И продольный мозг она вложила, / <...> И подъёмный мост

¹⁶⁰ Ср. в (тогда же написанных) текстах М «Отрывки уничтоженных стихов» [I, с. 181]: «Не разбирайся, щелкай, милый кодак...».

- она забыла»
- (а) (>Y) (ПОМАРКА, ВЫМОРОЧНЫЙ, ЛАМАРКА) → (пар.) Mark 'спинной, продольный мозг' → ПРОДОЛЬНЫЙ МОЗГ
- (б) (>Y) ПРОДОЛЬНЫЙ МОЗГ → .Mark = (син.) Rückenmark → (пар.) Brücke 'мост' → МОСТ
- (2) в стр. «С наливными рюмочками глаз»
ГЛАЗ → (пар.) Glas 'рюмка' → РЮМОЧКАМИ

* май 1932. Стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» [I, с. 189, вар. с. 399, 522].

- (1) в стр. (вар.) «Пятна жирно-нефтяные / Не просохли в купях лип / Как наряды тафтяные / Прячут листья шелка скрип»
- (а) (=Y) fetten 'жирные' (=Y[fetn]) → (эквиконс. «по модулю» фрикативных/смычных) ПЯТНа, НеФТЯНЫЕ, таФТЯНЫЕ
- (б) (=Y) одновременно с (а): fetten 'жирные' → ЖИРНО (-НЕФТЯНЫЕ)¹⁶¹
- (2) в стр. «Боратынского подошвы / Раздражают [вар.: возмутили, изумили] прах веков, / У него без всякой прошвы / Наволочки облаков»
- (а) ПОДОШВЫ = Sohlen 'подошвы, (разг.) ложь, враки' → смысл: «враки Боратынского раздражают (возмущают, изумляют)»
- (б) БОРАТЫНСКОГО → (эквиконс.) (borstig 'резко, раздражительно, невероятно, Bitternis 'горечь, огорчение') → РАЗДРАЖАЮТ [ВОЗМУЩАЮТ, ИЗУМИЛИ]
- (в) (=Y) ОБЛАКОВ → Wolken 'облака' → (эквиконс. VLKN) НАВОЛОЧКИ
- (3) в стр. «А еще над нами волен / Лермонтов, мучитель наш, / И всегда одышкой болен / Фета жирный карандаш»
- (а) (>Y) ЛЕРМОНТОВ → (эквиконс. LRMNT-B/V) Marterleben¹⁶² 'мученическая, исполненная страданий жизнь' → (martern 'мучить' + 'Marterer 'мучитель' + Märtyrer 'муче-

¹⁶¹ См. п. (3)-(в), «Фета жирный...».

¹⁶² Реальность подобных консонантных «подстановок» («по модулю» сонорных R/L и назальных M/N) у М демонстрируется практически такой же (но очевидной) подстановкой в статье «Литературная Москва» [II, с. 278]: «... а «Декамерон» [DKMRN] дружит с календарем [KNDRM+L] ...».

ник') → МУЧИТЕЛЬ¹⁶³

Здесь, по-видимому, контаминация с еще одной G/Y-суггестией:

(б) (=Y) ЛЕР-МОНТОВ → (част. пар.) Lehrer (=Y[lerer]) 'учитель' → «учитель» → (асс.) МУЧИТЕЛЬ¹⁶⁴

(в) (=Y) ФЕТА → (пар.) fett 'жирный' → ЖИРНЫЙ¹⁶⁵

* 4 июля 1932. Стих. «Стихи о русской поэзии, 2» (вар.) [I, с. 523].

В стр. «И в сапожках мягких ката / Выступают облака»

(=Y) КАТА → Kater (=Y[koter]) 'кот' → образ «Кота в сапогах» → (В САПОЖКАХ + ВЫСТУПАЕТ)¹⁶⁶

* 3-7 июля 1932. Стих. «Стихи о русской поэзии, 3» [I, с. 191].

В этом тексте – замечательная G/Y – игра:

(1) в стр. «Полюбил я лес прекрасный, / Смешанный, где козырь – дуб»

(а) (G+Y) ДУБ → Eiche 'дуб' → Eichel (= Y[euxl]) 'желудь' → (ом.) Eichel 'жлуди, трефы (масть), [117]' = (син.) Treff (= Y[tref]) 'трефы (масть)' → (ом.) Y[treyf] 'трефной, негодный, незаконный' → смысл: «kozyри – трэфные трефы, нечистые, крапленые»¹⁶⁷

(б) ПРЕКРАСНЫЙ = trefflich 'прекрасный [117]' → (пар.) «трефные трефы», см. пункт (а).

(2) в стр. «В иглах – еж-черноголуб»

В ИГЛАХ → (пар.) Igel 'еж' → ЁЖ-ЧЕРНОГОЛУБ

¹⁶³ В ю.-нем. диалекте слово Marterer = 'мученик'. Скорее всего, М здесь подразумевает именно «мученическую жизнь» а не «мучительство» Лермонтова. Идишизм Y[matern] 'мучить' здесь менее вероятен.

¹⁶⁴ G-суггестия отмечена в [120]. Ср. в «Голубые глаза...» (1934), про А. Белого: «Бирюзовый учитель, мучитель, властитель [НАД НАМИ ВОЛЕН – Л.Г.], дурак!».

¹⁶⁵ Эта G-суггестия впервые отмечена в [100]. Идишизм Y[fet] 'жирный' здесь равновероятен.

¹⁶⁶ Y-связь КАТА ← Y[kat] – 'палач' см. Приложение 2. Слово «кат» = 'палач' (с неясной этимологией) есть, кроме Y, в украинском, в польском и в южно/зап. русских диалектах (Даль). Фасмер [115] считает, что в польский «кат» пришел из баварского диалектного Kat(e).

¹⁶⁷ Ср. пункт (б) и дальше в этом стих. ХРАП КОНЯ И КРАП КОЛОДЫ.

- (3) в стр. «Там фисташковые молкнут / Голоса на молоке, / <...>
Там живет народец мелкий –»
- (а) НА МОЛОКЕ → Melk ‘молоко’ → (пар.) «мелкий» → смысл:
«молкнут мелкие голоса»
- (б) НА МОЛОКЕ → Melk → «мелкий» → НАРОДЕЦ МЕЛКИЙ
- (4) в стр. «Там живет народец мелкий – / В желудевых шапках
все – / И белок кровавый белки / Крутят в страшном коле-
се»
- (а) (<Y) В <...> КОЛЕСЕ → in Rad (=Y[in-rod]) ‘в колесе’ →
(пар.) НАРОдец.
- (б) БЕЛКИ → Eichhorn, Eichhornchen → «дубовый рожок» →
В ЖЕЛУДЕВЫХ ШАПКАХ¹⁶⁸

* авг. 1932. Стих. «К немецкой речи» [I, с. 192, вар. с. 399].

- (1) в стр. «Почувствуем ж серьёзности и чести»
- (>Y) СЕРЬЕЗНОСТИ → Ernst ‘серьезность’ → (пар.) Ehre ‘честь’
→ ЧЕСТИ¹⁶⁹
- (2) в стр. «Сбегали в гроб ступеньками, без страха, / Как в по-
гребок за кружкой мозельвейна»
- (а) (=Y) ГРОБ ↔ Grube ‘яма → могила’ → ПОГРЕБОк →
смысл: «сбегать в **могилу**, а не непосредственно в гроб»¹⁷⁰.
- (б) (<Y) СТУПЕНЬКАМИ → Treppe ‘лестница’ → (пар.) «тре-
пет» → (БЕЗ) СТРАХА¹⁷¹
- (3) в стр. «Я буквой был, был виноградной строчкой, / Я книгой

¹⁶⁸ Тем самым, этот «мелкий народец» – белки, которых (или которые!) по-
тому «крутят в колесе».

¹⁶⁹ Y-суггестия: Y[ernst] ‘серьезность’ → Y[ere] ‘честь’ здесь возможна, но
«чисто немецкий» контекст первых строф делает её менее вероятной.

¹⁷⁰ Ср. выражение “in die Grube fahren” = ‘сойти в могилу’. Здесь еще один
пример контаминации Y и G-суггестий. Немецкое Grube ‘яма’, казалось бы,
больше подходит к общему «немецкому» смыслу текста. Но Y-суггестия –
YР [grub/grib] ‘яма, могила’ – точнее семантически – в YР, в отличие от G,
[grub/grib] – одно из 2 слов для понятия ‘могила’. «Эквиконсонантная» связь:
YР[grub/grib] → «могила», «гриб», «бугор», «гора» становится в некоторый мо-
мент устойчивой у М. См. напр. стих. «Дикая кошка – армянская речь...» (1930)
и стих. <Ода> (1937).

¹⁷¹ Немецкое Treppe = только ‘лестница’, Y[trep/trepl] = ‘лестница, ступенька’.
Поэтому идишизм здесь семантически точнее.

- был, которая вам снится»
 (=Y) БУКВОЙ → Buchstabe 'буква' → Buch 'книга' → КНИГОЙ
 (4) в стр. (вар.) «Плющом войны завешан Старый Рейн. / И я
 стою в беседке виноградной / Так высоко, весь будущим
 прореян»
 РЕЙН → (пар. основы) ПРОРЕЯН
 (5) в стр. (вар.) «Так я стою и нет со мною сладу»
 Я СТОЮ → Ich stehe 'я стою' → смысл: «так я отношусь к этому,
 в таком состоянии я пребываю»¹⁷².
 (6) в стр. «Бог Нахтигаль, меня еще вербуют / <...> Звук сузил-
 ся, слова шипят, бунтуют, / Но ты живешь, и я с тобой спо-
 коен»
 CONJ (БОГ) НАХТИГАЛЬ → Nachtigall 'соловей' → (пар.) «сло-
 во» → «бог слова/божеств. слово» → СЛОВА¹⁷³

- * 1933 (?). Экспромты. Отрывки. Строки из уничт. или
 утер. стихов [I, с. 436].
 В стр. «Когда окаянной камней / Пленительный злой подбородок»
 (=Y) ОКАЯННОЙ → (эквиконс.) Kinn 'подбородок' → ПОДБО-
 РОДОК¹⁷⁴

- * май 1933. Стих. «Не искушай чужих наречий...»
 [I, с. 196].
 В стр. «Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить»
 (=Y) СТЕКЛО → Glas 'стекло' → (пар.) → «глаз» → (подтекст)
 «ЗУБЫ ЗРЕНИЯ» [II, с. 126] → ЗУБАМИ УКУСИТЬ → смысл:
 «тебе не дано увидеть через стекло...»

- * май-июль 1933. Стих. «Холодная весна. Бесхлебный
 робкий Крым» [9, с. 117]
 В стр. « На войлочной земле голодные крестьяне / Калитку сте-

¹⁷² stehen 'пребывать', stehen zu 'относиться к'. Wie stehe Ich zu...= Как я отношусь к...

¹⁷³ Эту G-суггестию рассмотрел О. Ронен в статье «Осип Мандельштам», [2, с. 535]. Там же он высказал гипотезу, что «Бог Нахтигаль» – это аллюзия на стих. «Im Anfang war die Nachtigall» Г. Гейне.

¹⁷⁴ Идишизм Y[kin] 'подбородок' здесь равновероятен.

регут, не трогая кольца»

(НА) ВОЙЛОЧНОЙ → filzig 'войлочный, (ом.) скупой, скаредный' → смысл: «на скаредной земле крестьяне стерегут калитку (ождая подаяния)»

* Лето 1933, Крым. Устный дискурс М, частично зафикс. в [9, с. 151], шутивная аллюзия М на «голландизм» в поэме (переводе) В. Жуковского «Две были и еще одна».
(=Y) КАННИФЕРШТАНД = kein Verstand (= YP[kan-farštand]) 'нет понимания'¹⁷⁵.

* 1933. Очерк «Разговор о Данте» [II, с. 214].

(1) в гл. II: «Здесь беспримесное настоящее взято как чуранье...<...> “Комедии”, взятой как течение, как поток...» (с. 220, 224).

(=Y) ВЗЯТО КАК, ВЗЯТОЙ КАК = (an)genommen wie (=Y [ongenomen]) 'взято, рассматривается как' → смысл: «понимается как..., понимаемой, рассматриваемой как...»¹⁷⁶.

(2) в гл. II (с. 222) «... неуравновешенности, нашедшей себе выход в сонных казнях, в воображаемых встречах ...».

(=Y) СОННЫХ КАЗНЯХ → “Traumstrafe, Traumhinrichtung” (=Y[troymhinxixtunk]) 'казнь в сновидении, в галлюцинации, воображаемая казнь' → смысл: «воображаемая казнь»¹⁷⁷

(3) в гл. V (с. 234): «...изучить её [геолог. породы] вкрапленность, её дымчатость, её глазастость, чтобы оценить её как

¹⁷⁵ В очерке «Феодосия» [II, с. 50] это же «имя» М записывает без «д» и с одним «н»: «легендарному Каниферштану». В тексте Жуковского этот голландизм выглядит как «каннитферштан» и означает букв. 'не могу понять', где [ferštan] = голл. глагольный инфинитив. Но М со своим G/Y субстратом «слышит» в конце этого слова [d] и воспринимает его как общее для G и Y существительное. [verštan/varštan] со значением 'понимание'. Аргументацию присутствия «идишизма» здесь см. в Приложении 2.

¹⁷⁶ Это, вообще говоря, «германизм», распространенный в начале 20 в. в русской «академической» речи. То же выражение в статье М <Литературный стиль Дарвина> [II, с. 368]: «Естественно-научные труды Дарвина, **взятые как** литературное целое...».

¹⁷⁷ Это пример «проекции» немецкой структуры «сложного слова» в русское словосочетание (здесь «сонные казни») с изменением стандартной русской семантики эою сочетания.

- <...> горный хрусталь»
 (=Y) ГЛАЗАСТОСТЬ → (пар. основы) Glas 'стекло' → смысл:
 «изучить её стекловидность»¹⁷⁸
 (4) в гл. VI (с. 236): «К библейской генетике добавили физику
 Аристотеля. <...> Огромная взрывчатая сила Книги Бы-
 тия – идея спонтанного генезиса ...».
 (а) КНИГИ БЫТИЯ = Genesis [genezis] → (ом.) ГЕНЕЗИСА
 (б) Genesis [genezis] → (пар.) (БИБЛЕЙСКОЙ) ГЕНЕТИКЕ¹⁷⁹

* <1933> шут. «Сонет» [I, с. 359].

- (1) в стр. «Затем, что ей людей не надо ныне, / А Лев – дитя –
 небесной манной жив»
 (а) (=Y) ЛЮДЕЙ → Mann 'человек, мужчина' (=Y[man]) →
 смысл: «ей мужчин не надо ныне»,
 (б) одновременно: Mann → (пар.) МАННОЙ
 (2) в стр. «А между тем Мария так нежна, / Её любовь так, боже
 мой, блажна, / Ее пустыня так бедна песками»
 CONJ Здесь паронимическая G/R игра:
 (а) (ЕЁ) ПУСТЫНЯ → Wüste 'пустыня' → Wust 'беспорядок',
 wüst 'беспорядочный, беспутный, распутный' → wüste
 Liebe 'беспутная, беспорядочная любовь' ↔ ЛЮБОВЬ
 БЛАЖНА(я) (В. Даль: блажной = полоумный, бестолковый)
 → смысл: «(её) беспорядочная/беспутная любовь...»¹⁸⁰
 (б) (ПУСТЫНЯ) БЕДНА ПЕСКАМИ → arme an Sande 'бедная
 песками' → (пар.) arme an Sünde 'бедная грехом'
 (в) одновременно: МАРИЯ → (конс. метат.) arme 'бедна(я)'
 Тем самым получается **общий насмешливый смысл**: «её (Ма-
 рии) беспорядочная любовь так бедна грехом, что...»

¹⁷⁸ Идишизм Y [gloz/gluz] = 'стекло' здесь равновероятен.

¹⁷⁹ Случай (б) отмечен в [34, с. 852]: «библейская генетика – от "Genesis", на-
 звания Книги Бытия», но без указания, что для выявления «пароним. сугге-
 стий» (а) и (б) существенно именно НЕМЕЦКОЕ (а не латинское, французское
 и т.д.) звучание слова Genesis.

¹⁸⁰ Напоминаем, что направление стрелок по большей части условно. На-
 пример, здесь начало процесса суггестии может вполне быть в первой строке:
 ЛЮБОВЬ БЛАЖНА(я) → wüste Liebe etc.

- * ноябрь 1933. Стих. «Квартира тиха как бумага...»
[I, с. 197].
(1) в стр. «А я как дурак на гребенке / Обязан кому-то играть»
(=Y) ГРЕБЕНКЕ → Kamm (=Y[kam]) 'гребенка' → (пароним)
КОМУ-ТО [kam-uto]
(2) в стр. «И столько мучительной злости / Таит в себе каждый
намеком, / Как будто вколачивал гвозди / Некрасова там моло-
ток»
ЗЛОСТИ → krass 'резкий, злобный' → (пароним) НЕ-КРАС-
ОВА
- * ноябрь 1933 – январь 1934. Стих. «Восьмистишия»,
Стих. 7 [I, с. 200].
В стр. «Быть может, прежде губ уже родился шопот / И в без-
древесности кружились листы»
ШОПОТ = Flüstern → (пароним) ЛИСТЫ.
- * дек. 1933–январь 1934. Стих. «Как соловей, сиротствующий,
славит...» (вар.) [I, с. 205, 402].
В стр. «Как соловей свое несчастье славит / В отцовской и су-
пружеской кручине / И чистый воздух состраданьем плавит /
До высоты выплескиваясь синей»
(а) (=Y). СОЛОВЕЙ → (де-акр.) «слава» + Weh 'несчастье' →
НЕСЧАСТЬЕ СЛАВИТ¹⁸¹
(б) СИНЕЙ → blau 'синий' → (пар.) ПЛАВИТ.
- * 10-11 янв.1934. Стих. «Голубые глаза и горячая лобная
кость...» [I, с. 206, набр. с. 535].
(1) в стр. «Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь, /
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?»
(а) (=Y) КАЗНЬ → («конс. паронимия») Gesang (=Y[gezank])
'песня' → ПЕСНЬ
(б) (=Y) КАЗНЬ = Todesstrafe (=Y[toyt-štrof]) → (эквиконс.Т/D-
Š/S-TR-F/P) ПРОСТОТА¹⁸²
(в) ПЕСНЬ = Lied → (пар.) Leid(en) 'болезнь' → БОЛЕЗНЬ

¹⁸¹ Идишизм Y[vey] = 'горе, несчастье' здесь равновероятен.

¹⁸² Этот же консонантный набор работает в «Грифельной Оде» (1923).

- (г) (=Y) ПРОСТОТА = (ПРОСТ)+(ТОТА) → (эквиконс. P/B-R-S/Š-T) (STERB-)+(ТОТЕ) 'смерть, мертвый' → СМЕРТЬЮ.
 (2) в стр. «Меж тобой и страной ледяная рождается связь – /
 Так лежи, молодей и лежи, бесконечно прямась»
 (=Y) СТРАНОЙ → Land 'страна' → (эквиконс. LDN) ЛЕДЯ-
 НАЯ
 (3) в стр. (набросок) «Из горячего черепа льется и льется ла-
 зурь / И тревожит она литератора-Каина хмурь»
парограф: лат. написание A. Bel[yj] → Abel = Авель → (асс.)
 Каина → ЛИТЕРАТОРА-КАИНА

* 16 янв.1934. Стих. «10 января 1934» [I, с. 207].

(1) В стр.

«Где плавкий ястребок на самом дне очей? /
 Где вежество? где горькая украдка? /
 Где ясный стан? Где прямизна речей, /
 Запутанных, как честные зигзаги /
 У конькобежца в пламень голубой, – /
 Морозный пух в железной крутят тяге, /
 С голуботвердой чокаясь рекой»

- (а) ПЛАВКИЙ → (пар.) «плавать» + blau 'голубой' → смысл:
 «ястребок, плавающий в сосуде из голубого стекла (= Glas
 → «глаз, око»)» → смысл: «ястребок, плавающий на дне го-
 лубых очей» → ОЧЕЙ. → (далее) (ПЛАМЕНЬ) ГОЛУБОЙ,
 С ГОЛУБОТВЕРДОЙ (РЕКОЙ).
 (б) РЕЧЕЙ → Reden 'речи' → (пар.) redlich 'честный, добросо-
 вестный, основательный, хорошо сделанный' → ЧЕСТНЫЕ
 (ЗИГЗАГИ).
 (в) ПЛАМЕНЬ = Flamme → (пар.) Flaum 'пух' → ПУХ¹⁸³
 (г) (=Y) ГОЛУБОТВЕРДОЙ → 'глаз' (ср. у М в «восьмистишии
 #5» [I, с. 200]: «голуботвердый глаз») → Glas 'стакан, рюмка'
 (=Y[glos]) → ЧОКАЯСЬ
 (2) в стр. «И вдруг открылась музыка в засаде, / <...> Лиясь для
 мышц и бьющихся висков»
 (=Y) МУЗЫКА = Musik (=Y[muzik]) → (пар.) Muskel (=Y[musk])

¹⁸³ Это еще один случай стяжения дифтонга [au] → [a] в немецком произ-
 ношении М.

‘мышца’ → МЫШЦ

* январь 1934. Стих. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый...» [I, с. 209].

В стр. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый, / Уже стоял гравер – друг меднохвойных досок»

(=Y) БРАДАТЫЙ → (эквиконс. BR-D/T-T) Brett (=Y[bret]) ‘доска (в частности, мемориальная)’ → ДОСК

* февр. 1934. Стих. «Мастерица виноватых взоров» [I, с. 209].

В стр. «Ходят рыбы, рдея плавниками, / Раздувая жабры: на, возьми! / (*) Их, бесшумно охающих ртами, / (***) Полухлебом плоти накорми./ Мы не рыбы красно-золотые, / Наш обычай сестринский таков: / В теплом теле ребрышки худые»

(а) (<Y) ВОЗЬМИ = Nimm ‘возьми’ ← «НЕМы» ← «рыбы НЕМы» ← МЫ НЕ РЫБЫ¹⁸⁴

(б) (=Y) Б-ЕСШУМНО О-ХАЮЩИХ РТ-АМИ → (акр.) (БОРТ) → (БРОТ) → Brot = «хлеб» → (пар.) Halb ‘половина’

(в) далее, «хлеб» + Halb → ПОЛУХЛЕБОМ

(г) одновременно: «хлеб» → Laib (=Y[labn]) ‘каравай хлеба’ → (ом.) Leib ‘тело, плоть’ → ПЛОТИ¹⁸⁵

(д) (=Y) РЫБЫ → (пар.) Rippe ‘ребро’ (= Y[rip]) → РЕБРЫШКИ.

* весна 1934. Шут. стих. «На берегу эгейских вод...» [I, с. 361, вар. с. 605].

В стр. «На берегу эгейских вод / Живут архивяне. Народ / (вар.) Довольно древний. Всем на диво / Паршивый промысел его – / Начальству продавать архивы»

АРХИВЯНЕ, АРХИВЫ = Archiv [aršif – в произнош. М] → (пар.)

¹⁸⁴ В подтексте здесь, конечно: «МЫ НЕ РЫБЫ – РЫБЫ НЕМЫ» ← «МЫ НЕ РАБЫ – РАБЫ НЕ МЫ» – широко тиражировавшаяся формула кампании ликбеза. Заметим, что идишизм Y[nem] ‘возьми’ – фонетически точнее.

¹⁸⁵ Отсюда ясно, как строка (*) генерирует строку (**). См. G-сугг. к «Слово и культура» (1921): «Слово плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти» [II, с. 170]. Поэтому, видимо, смысл строк (2)-(4): «накорми немых рыб хлебом слова».

ПАРШИВЫЙ¹⁸⁶

- * 1935. Статья «Адалис. «Власть». Стихи.» [II, с. 312].
 (1) стр.313: «... на спинах выгнутых мостов – ...»
 (= Y) СПИНАХ = Rücken (=YР[rikn]) → (пар..) Brücken
 (=Y[briken]) ‘мосты’ → МОСТОВ¹⁸⁷
 (2) стр.314 «... стеклянные шары нагретого степного воздуха,
 радость волейбола, радость футбола ...»
 (<Y) ШАРЫ → Ball (= Y[bol]) → (пар.) ВОЛЕЙ-БОЛА, ФУТ-
 БОЛА¹⁸⁸

- * Апрель–июль 1935. Стих. «За Паганини длиннопалым...»
 [I, с. 213].
 В стр «Играй же на разрыв аорты/ <...> Последний чудный
 чорт в цвету».
 Здесь контаминация G/Y –подтекстов.
 (а) CONJ (+Y) РАЗРЫВ АОРТЫ → (асс.) «кровь» → Blut =
 YР[blit] ‘кровь’ → (ом.) YР[blit] ‘цвет, цветение’ → Y[tsvet] =
 ‘цветение, цвет деревьев [104, с. 534]’ → В ЦВЕТУ.
 (б) CONJ В ЦВЕТУ → Blüte = ‘цветение, чудак, милый
 (чудный)’¹⁸⁹ → ЧУДНЫЙ

- * апрель–май 1935. Стих. «Кама, 3» [I, с. 216].
 В стр. «И хотелось бы тут же вселиться, пойми, / В долговечный
 Урал, населенный людьми»
 (а) (=Y) УРАЛ → (пар.) uralt (= Y[uralte]) = ‘древний’ → ДОЛ-
 ГОВЕЧНЫЙ
 (б) УРАЛ → (ом.) Urall ‘вселенная’ → «вселяться, населять» →
 ВСЕЛИТЬСЯ, НАСЕЛЕННЫЙ

- * апрель–май 1935. Стих. «Мир начинался страшен и велик...» [I, с. 308].

¹⁸⁶ Здесь возможен, но менее вероятен, галлицизм из франц. archives [aršiv] ‘архив’.

¹⁸⁷ См. эту же связь в G-сугг. к стих. «Ламарк» (1932).

¹⁸⁸ Y-сугг. здесь точнее, см. в Приложении 2: «Египетская марка», гл. I, «мячи, полушария».

¹⁸⁹ Напр. Du bist eine Blüte = ну и чудак же ты [111, с. 275].

В стр. «Пластами боли поднят большевик –»
 БОЛЬШЕВИК → (де-акр) БОЛЬ + scheidig 'ломтевидный, лом-
 тиками, кружками, пластами' → ПЛАСТАМИ БОЛИ¹⁹⁰

* май 1935. Стих. «Да, я лежу в земле, губами шевеля...»
 [I, с. 308].

В стр. «На Красной площади всего круглей земля / <...> На
 Красной площади земля всего круглей»

(< Y) КРАСНОЙ → Kreis (= YP[kraz]) = 'круг' → КРУГЛЫЙ¹⁹¹

* май–июнь 1935. Стих. «Стансы» [I, с. 217].

В стр. «Проклятый шов, нелепая затея / Нас разлучили, а те-
 перь – пойми:»

Здесь трудная для реконструкции контаминация G/Y-
 суггестии:

CONJ (+Y) ШОВ → Schaf, Schöps 'кастр. баран, перен. «осел»,
 простофиля [117, с. 1148]' → смысл: «проклятый осел (я), не-
 лепая затея (моя)»¹⁹²

* весна–лето 1935, 30 мая 1936. Стих. «Не мучнистой ба-
 бочкою белой...» [I, с. 218].

В стр. «Позвоночное, обугленное тело, / Сознющее свою дли-
 ну»

ОБУГЛЕННОЕ (ТЕЛО) → (эквиконс.+ пар.) oblong 'продолго-
 ватый, вытянутый' → ДЛИНУ.

¹⁹⁰ Словари [117], [122] и [126], которыми реально мог пользоваться М, дают Scheibe, как один из эквивалентов для русского «пласт».

¹⁹¹ YP-вариант фонетически точнее.

¹⁹² Здесь предположительно имеет место соединение Y-фонетики и G-семантики. Идишизм Y[šof] 'баран' более точен фонетически, но G-семантика «простофиля» – частотна и отмечена во всех словарях. Вполне возможно также использование немецкого диалектизма, см. [96, с. 101] о присутствии в немецких диалектах слова [šof] 'овца' ← (сред. верхн. нем. schaf = нов.-нем. Schaf). Ср. новонемецкое: dumm wie ein Schaf 'глупый как баран'. Ср. в ЕМ, гл. IV, про Парнока и самого М: «Товарищи в школе дразнили его "овцой", <...> и другими обидными именами». Заметим, что в школе (в Тенишевском училище) учили немецкий. Напомним, наконец, что, по сообщению Н. Мандельштам [9, с. 288], начиная с 1930 г. М читал тексты на средневерхненемецком.

* 3 июня 1935. Стих. «На мертвых ресницах Исакий замерз...» [I, с. 219].

В стр. «Площадками лестниц – разлад и туман, / Дыханье, дыханье и пенье»

(=Y) И ТУМАН → (эквиконс.) Atmen (=Y[otemen]) ‘дыхание’ → ДЫХАНЬЕ, ДЫХАНЬЕ.

* 27 июня-июль 1935. Стих. «Бежит волна-волной...» [I, с. 220].

В стр. «Неусыпленная столица волновая, / Кривеет, мечется и роет ров в песке. / А через воздух сумрачно-хлопчатый, / Неначатой стены мерещатся зубцы»

(а) (=Y) ВОЛНА → (пар.) Willen ‘воля’ → «воля, самоволие» → ВОЛНОВАЯ («самовольная») → НЕУСЫПЛЕННАЯ («неспокойная, самовольная») ¹⁹³

(б) (<Y) ВОЛНОВАЯ → Wall ‘вал’ → СТЕНЫ ¹⁹⁴

(в) КРИВЕЕТ ← (пар.) kurven ‘закругляться, изгибаться [111]’ → образ: «волна бежит, изгибаясь».

(г) (=Y) ВОЛНА, ВОЛНОВАЯ → (пар.) baumwollen ‘хлопковый, хлопчатобумажный’ → ХЛОПЧАТЫЙ

* 10–24 дек..1936. Стих. «Внутри горы бездействует кумир...» [I, с. 224].

В стр. «Внутри горы бездействует кумир / В покоях бережных, безбрежных и счастливых, / А с шеи каплет ожерелий жир, / Оберегая сна приливы и отливы»

(=Y) ГОРЫ ↔ Berg (= Y[berg]) ‘гора’ → (пар.+ эквиконс.) БЕРЕЖ-НЫХ, БЕЗ-БРЕЖНЫХ, ОБЕРЕГ-АЯ

* 23–24 дек..1936. Стих. «Эта область в темноводье...» [I, с. 226, вар. с. 412].

В стр. «Трудодень земли знакомой», вариант: «Трудный рай земли знакомой»

ТРУДОДЕНЬ ↔ (де-акр., пар.) «труд» + Eden ‘рай’ → ТРУД-

¹⁹³ Y[villn] = ‘воля’ здесь равновероятно.

¹⁹⁴ Здесь G-сугг. конкурирует с Y[val] = ‘rampart, bulwark [107, с. 163]’. Но Wall в немецком – это «вал, насыпь» вообще, в то время как в Y – это, скорее, «крепостной вал, крепостная стена», что говорит здесь в пользу Y-суггестии.

НЬИЙ РАЙ

- * 29–30 дек.1936. Стих. «Как подарок запоздалый...»
[I, с. 227].
(1) в стр. «Хороша она испугом, / Как начало грозных дел, – /
Перед всем безлесным кругом / Даже ворон оробел»
(а) (=Y) ГРОЗНЫХ → (пар.) Kreisen ‘круги’ → КРУГОМ
(б) (>Y) ВОРОН → Rabe ‘ворон’ → оРОБел¹⁹⁵
(2) в стр. «Но сильнее всего непрочно- / Выпуклых голубизна - /
Полукруглый лед височный / Речек, баюющих без сна...»
(=Y) ВИСОЧНЫЙ → СНА, потому что Schläfe ‘висок’ почти
равно Schlaf ‘сон’¹⁹⁶.

- * 29-30 дек..1936. Стих. «Оттого все неудачи...»
[I, с. 227].
В стр. «Шароватых искр пиры»
(а) CONJ (=Y) ШАРОВАТЫХ → (пар.) Schar ‘множество, стая,
толпа’
(б) CONJ (=Y) ШАРОВАТЫХ → (пар.) scharf ‘острый, колю-
щий’ → смысл: «пиры стай (толп) колючих искр».

- * 2 янв. 1937. Стих. «Твой зрачок в небесной корке...»
[I, с. 228, вар. с. 554].
В стр. (вариант) «Серый, искренне-зеленый»
(=Y) ИСКРЕННЕ ↔ (пар. КРЕН) grün ‘зеленый’ ↔ ЗЕЛЕ-
НЫЙ¹⁹⁷

- * 9 янв. 1937. Стих. «Улыбнись, ягненок гневный...»
[I, с. 228].
В стр. «В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль»
(=Y) ВОЗДУХЕ → Luft ‘воздух’ → (эквиконс. LFT) Flöte ‘флейта’

¹⁹⁵ Здесь возможна контаминация: с Y[rov] ‘ворон’. Этот идишизм рабо-
тает в стих. «Холодная весна, бесхлебный робкий Крым», см. Приложение 2.
G-суггестия представляется фонетически более вероятной: [orAbel], ведь M
‘работал с голоса». Германизм Rabe здесь был отмечен А. Жолковским в [103,
с. 182].

¹⁹⁶ Здесь еще возможна конкуренция YP[šlaf] ‘висок’ и YP[sluf] ‘сон’.

¹⁹⁷ Идишизм Y[grin] ‘зеленый’ здесь равновероятен.

→ СВИРЕЛИ

* 9 янв. 1937. Стих. «Когда в ветвях понурых...»
[I, с. 229].

В стр. «Не хочет петь линючий / Ленивый богатырь – /
И малый, и могучий / Зимующий снегирь»
(=Y) ПЕТЬ → Singer 'певец' → (эквиконс. SNGR) СНЕГИРЬ

* 12-18 янв. 1937. Стих. «Дрожжи мира дорогие...»
[I, с. 230].

В стр. «Дрожжи мира дорогие: / Звуки, слезы и труды – /
Ударенья дождевые / Закипающей беды /
И потери звуковые – / Из какой вернуть руды?»
(=Y) ЗВУКИ, ЗВУКОВЫЕ → Klang (= Y[klang]) 'звук' → (экви-
конс. KLNG) Unglück (= Y[umglik]) 'беда' → БЕДЫ.

* 16 янв. 1937. Стих. «В лицо морозу я гляжу один...»
[I, с. 231].

В стр. «А солнце шуруется в крахмальной нищете – »
КРАХМАЛЬНОЙ → (пар.) Krachmandel 'миндаль в скорлупе'
→ смысл: «метафор. аллюзия на свое состояние».

* 18 янв. 1937. Стих. «Не сравнивай: живущий несрав-
ним» [2, с. 149 – вариант].

(1) в стр. «Я соглашался с равенством равнин, / И неба круг мне
был недугом»

(а) (>Y) РАВЕНСТВО → Raben 'вороны' → «Воронеж, пребы-
вание в Воронеже»¹⁹⁸

(б) РАВЕНСТВО РАВНИН → Ebene 'равнина', eben 'ровный,
равнинный' → (метатеза) → НЕБА¹⁹⁹

(2) в стр. «И собирался в путь, и плавал по дуге»

(=Y) ПУТЬ → Reise 'путь, путешествие' → (пар.) Kreisbogen

¹⁹⁸ Идишизм Y[robn] 'вороны' здесь возможен, но G-суггестия фонетиче-
ски точнее. Гипотеза А. Жолковского [103, с. 173] об аллюзии здесь на «Воро-
на» (the Raven) Эдгара По выглядит (на фоне частого проявления этой G/Y-
суггестии у М) усложненной и поэтому излишней.

¹⁹⁹ Связь: «равнина, плоскогорье» – «небо, полет» см. еще в «А небо буду-
щим беременно...» (1923).

‘дуга’ → ПО ДУГЕ²⁰⁰

* 21–22 янв. 1937. Стих. «Слышу, слышу ранний лед...» [I, с. 234].

В стр. «Шелестящий под мостами, / Вспоминаю, как плывет / Светлый хмель над головами»

(=Y) ШЕЛЕСТЯЩИЙ → rauschen ‘шелестеть’ → (пар.) Rausch ‘хмель (опьянение)’ → ХМЕЛЬ²⁰¹

* январь 1937. Стих. «Средь народного шума и спеха...» [I, с. 235].

В стр. «И к нему, в его сердцевину / Я без пропуска в Кремль вошел,»

СЕРДЦЕВИНУ = Mark ↔ (эквиконс. MRK) КРЕМ-ЛЬ

* янв.–февр. 1937. Стих. «<Ода>.» [I, с. 311].

(1) в стр. «Художник, береги и охраняй бойца: / Лес человечества за ним поет, густея»

(=Y) ХУДОЖНИК («поэт» = Dichter) → (омонимия) → dichter ‘густой’ → (асс.) dichter Wald = ‘густой лес’ → ЛЕС + ГУСТЕЯ²⁰²

(2) в стр. «Художник, береги и охраняй бойца: / В рост окружи его сырым и синим бором»

(=Y) ХУДОЖНИК → БОРОМ (Та же, что в п.(1), суггестия).

(3) в стр. «Он свесился с трибуны, как с горы, – / В бугры голов. Должник сильнее иска./ <...> Уходят вдаль людских голов бугры:/ Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят./ <...> Воскресну я сказать, как солнце светит»

(<Y) ГОРА = Berg → (эквиконс.) «БуГоР» → БУГРЫ → (эквиконс.) Grab ‘могила’ + русск. «гроб» → ВОСКРЕСНУ Я²⁰³.

²⁰⁰ Идишизмы Y[gauze] ‘путешествие’, Y[krayzboyn] ‘дуга’ – равновероятны здесь.

²⁰¹ Идишизмы Y[royn] ‘шелестеть’, Y[baroyšung] ‘опьянение’ – равновероятны здесь.

²⁰² Y-суггестия: Y[dixter] ‘поэт’, Y[gedixter] ‘густой’, Y[gedixter-vald] ‘густой лес’ – равновероятна здесь.

²⁰³ Y-суггестия – Y[barg] ‘гора’, Y[grub/grib] ‘могила’ – здесь более вероятна, чем немецкая, хотя бы из-за семантического поля Y[grub/grib] и присутствия в Y лексемы [bergel] ‘бугор’, см. Приложение 2.

* 3–11 февр. 1937. Стих. «Обороняет сон мою донскую сонь...» [I, с. 237].

В стр. «И в бой меня ведут понятные слова – / За оборону жизни, оборону / Страны-земли, где смерть уснет, как днем сова... / Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными. / Необоримые кремлевские слова / В них оборона обороны / И брони боевой – и бровь, и голова / Вместе с глазами полюбовно собраны. / И слушает земля – другие страны – бой, / Из хорового падающий короба: / – Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой, – / И хор поет с часами рука об руку»

(а) (=Y) СЛОВА → Wörter (=Y[verter]) ‘слова’ → (де-акр) Wehr ‘оборона’ + Terra ‘земля (лат. заимств. в G)’ → ОБОРОНУ, ОБОРОНА, ОБОРОНЫ, ЗЕМЛИ, ЗЕМЛЯ

(б) (=Y) СТЕКЛО → Glas (=Y[gloz/gluz]) ‘стекло’ → (пар.) «глаз» → С ГЛАЗАМИ → смысл: «глаза Москвы горят»

(в) (=Y) СОН, УСНЕТ → schlafen (=Y[šlofn]) ‘спать’ → (пар.) schleifen (=Y[šlafn]) ‘гранить’ → ГРАНЕНЫМИ²⁰⁴

(г) (=Y) СЛУШАЕТ → hört (=Y[her-t]) ‘слушает’ → (пар.) ХОРОВОГО

(д) ХОР-ОВО-ГО → Chor [kor] ‘хор’ → (пар.) КОР-ОБА

* 4 февр. 1937. Стих. «Как светотени мученик Рембрандт...» [I, с. 238].

В стр. «Как светотени мученик Рембрандт, / Я глубоко ушел в немеющее время, / И резкость моего горящего ребра ...»

(=Y) РЕМБРАНДТ → (де-акр.) РЕМБРА+БРАНДТ → (пар.) «ребра» + Brand (=Y[brant]) ‘горение’ → ГОРЯЩЕГО РЕБРА.

* 4 февр. 1937. Стих. «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» [I, с. 238].

В стр. «Длинней органных фуг, горька морей трава – / Длинноволосая – и пахнет долгой ложью»

(а) (=Y) ДЛИННЕЙ, ДОЛГОЙ → lang (= Y[lang]) ‘длинный, долгий’ → (эквиконс. LNG) Lügen (= Y[lign]) ‘ложь’ → ЛОЖЬЮ

²⁰⁴ Ср. geschliffenes Glas (=Y[gešlifene-gloz/gluz]) ‘граненый стакан’. Эта же G/R–связь: сон – граненый – стекло присутствует в «Венецийской жизни» (1920): «Воздух твой граненый. В спальне тают горы голубого дряхлого стекла».

(б) ЛОЖЬЮ → (пар.) ЛОЖНОВОЛОСАЯ

* 8 февр. 1937. Стих. «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...» [I, с. 239].

В стр. «И в горных ножнах слух, и голова глуха»

(>Y) ГОРНЫХ → (пар.) Hören (= Y[hern]) 'hearing, слух' → СЛУХ.

* 11 февр. 1937. Стих. «Как дерево и медь – Фаворского полет...» [I, с. 240].

В стр. «И в кольцах сердится еще смола, сочась»

(<Y) СМОЛА → Harz 'смола' → (пар.) Herz (= Y[harz]) 'сердце' → «сердце» → (пар.) СЕРДИТСЯ²⁰⁵

* 1-15 марта 1937. «Стихи о неизвестном солдате» [I, с. 241, вар. с. 561].

В стр. 46-47 (вар.) «Средиземная ласточка шуруется, / Вязнет чумный Египта песок»

(а) ШУРИТСЯ ↔ (пар.) schwirrt 'летит со свистом, кружится' → смысл: «ласточка летит»

(б) (=Y) ЧУМНЫЙ → Pest 'чума' → (пар.) ПЕСОК²⁰⁶

* 3 марта 1937. Стих. «Я молю, как жалости и милости...» [I, с. 245].

В стр. «Наклони свою шею, безбожница / С золотыми глазами козы / И кривыми картавыми ножницами / Купы скаредных роз раздразни»

(а) (=Y) НАКЛОНИ → (пар.) Nacken (=Y[nakn]) 'шея' → ШЕЮ.

(б) (=Y) НОЖНИЦАМИ → Gartenschere 'садовые ножницы' → (пар.) КАРТАВЫМИ

(в) Nacken 'шея' → (пар.) necken 'дразнить' → РАЗДРАЗНИ

²⁰⁵ Заметим, что идишизм Y[harts] 'сердце' – полный омофон нем. Harz 'смола'.

²⁰⁶ Идишизм Y[pest] 'чума' – равновероятен.

* 6 марта 1937. Стих. «На доске малиновой, червонной...» [I, с. 247].

(1) в стр «На доске малиновой, червонной, / На кону горы крутопоклонной, – / <...> Высоко занесся санный, сонный / Полу-город, полу-берег конный»

(а) (>Y) МАЛИНОВОЙ → (пар.) Malen 'писание красками, расписывание, раскрашивание [117, с. 898]' → смысл: «на раскрашенной, расписной доске (икона/лубок)»²⁰⁷

(б) (>Y) ГОРЫ → Berg 'гора' → (пар.) БЕРЕГ²⁰⁸

(2) в стр «Не ищи в нем зимних масел рая, / Конькобежного голландского уклона»

МАСЕЛ РАЯ → (пар.) Öl Eden 'масло (для росписи) рая' → (пар.) Holland, holländer 'голландский' → ГОЛЛАНДСКОГО (УКЛОНА)²⁰⁹

* март 1937. Стих. «Нереиды мои, нереиды...» [I, с. 253].

В стр. «Нереиды мои, нереиды / Вам рыданья – еда и питье»

(=Y) НЕРЕИДЫ → (пар.) Nahrung 'еда, питание' → ЕДА

* 18 марта 1937. Стих. «Чтоб, приятель и ветра и капель...» [I, с. 251].

В стр. «Чтоб, приятель и ветра и капель»

(<Y) ПРИЯТЕЛЬ → (эквиконс. PRTL) tropfeln 'капать', Tropfen 'капля, капли' → КАПЕЛЬ²¹⁰

* 21 марта 1937. Стих. «Кувшин» [I, с. 251].

В стр. «На боках твоих пляшут козлята»

(<Y) КОЗЛЯТА → Bock 'козёл' → (пароним) НА БОКАХ²¹¹

²⁰⁷ Идишский синоним Y[moln] здесь возможен, но фонетически менее точен.

²⁰⁸ Идишизм Y[barg] 'гора' здесь фонетически менее точен.

²⁰⁹ См. выше «трудный рай» в G-сугг. к «Эта область в темноводье...» (1936).

²¹⁰ Здесь идишизм Y[tropf] = 'капелька' фонетически несколько более вероятен.

²¹¹ Здесь идишизм Y[bok] = 'козёл' несколько более вероятен, чем «германизм», потому что в Y слово [bok] – основное для обозначения данного животного [107, с. 138, 707], в то время как в стандартном G основным для этого служит слово Ziegenbock.

* 7 апр. 1937. Стих. «Флейты греческой тэта и йота...»
[I, с. 254].

Здесь сложная контаминация G/Y- суггестии²¹².

В стр. «Флейты греческой тэта и йота –/ Словно ей не хватало
молвы –/ Неизваянная, без отчета,/ Зрела, маялась, шла через
рвы»

CONJ (<Y) ФЛЕЙТЫ → (пар.) pleite²¹³ gehen ‘исчезать, испаряться [111]’ + (конс. метатеза ФЛЕЙТЫ от другой основы) lüftige ‘ветренная, легкомысленная’ → ассоциация с «убегающим», неустойчивым, неудержимым, “ветренным” и поэтому опасным», поведением флейты-женщины²¹⁴.

²¹² Y-суггестии к этому стих. см. подробно в Приложении 2.

²¹³ Pleite ‘банкротство, бегство после банкротства’ – старое немецкое заимствование из Y (изначально – гебраизм).

²¹⁴ Ср. в отрывке М <Скрябин и христианство> [II, с. 159]: «Эллины боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным ...» Y-суггестия здесь выглядит вероятнее, подробнее см. Приложение 2.

Приложение II

Словарь идишизмов у Мандельштама.
Идишские словоформы и словосочетания
(эксплицитные и суггестируемые) в тек-
стах М и комментарии к ним

«Этих словечек хватит на заварку...»
(Египетская марка)

Предварительные замечания

Присутствие идиша (явное или неявное) у Мандельштама до сих пор практически не изучалось. Один интересный пример идишизма в «Египетской марке» привел Р. Тименчик в [5].

Наша цель здесь:

(а) продемонстрировать, что Мандельштам, вопреки известному мифу, был с идишем знаком, хотя бы пассивно.

(б) предъявить, по возможности, все явные и неявные «идишизмы» у Мандельштама.

Следует отметить, что в корпус «идишизмов» в этом Приложении не включены те случаи суггестий и эксплицитных выражений, немецкое происхождение которых равно- или более вероятно, чем «идишское». Этот материал включен в Приложение 1.

Обозначения в «словаре»:

* – маркер нового «входа»

М = Мандельштам

Напоминаем, что тексты М (и их датировки) цитируются, в основном, по изданию [1]; римск. **I** обозначает первый том этого издания, римск. **II** – второй том

У = «идишизм/ относящийся к идишу/ язык идиш»

УР = то же для (центрально-) польского диалекта идиша

YL = то же для литовского (литовско-курляндского) диалекта идиша

R = то же для русского языка

G – то же для немецкого языка

ШВ – автобиографический текст «Шум времени», 1925

ЕМ – «Египетская марка», 1927

Скобки [...] содержат фонетическую запись слова/отрезка речи.

Стрелки \leftarrow и \rightarrow означают «меню» смыслов типа 'суггестирует, имплицитно, вызывает, ассоциируется с, провоцирует, каузирует и т.п.' Замечание про стрелки: направление их условно, очень часто вектор может быть повернут в обратную сторону.

Выделение слова в цитатах прописными буквами или «жирным» шрифтом – по умолчанию, **ВЕЗДЕ мое**.

Сокращения в «словаре»:

пар. = пароним, ом. = омоним, ант. = антоним, эквиконс. = «эквиаконсонанты» (слова с совпадающими наборами согласных) и соотв. *СИ-оператор, акр. = акроним, создание акронима, де-акр. = «де-акронимизация» слова (процесс, обратный созданию акронима), асс. = ассоциация.

CONJ = конъектура, предположение.

* * *

Список упорядочен хронологически.

* 1910. Стих. «Из омута злого и вязкого...»¹ [I, с. 72].

В стр. « Из омута злого и вязкого / Я вырос тростинкой, шурша,
– / И страстно, и томно , и ласково / Запретною жизнью дыша./
И никну, никем не замеченный, / В холодный и топкий приют»
(a) CONJ ИЗ ОМУТА \rightarrow Y[waser-grub] 'омут [104, с. 323]' \rightarrow

¹ Большая плотность Y-суггестий в этом стих. объясняется, по-видимому, манифестируемой здесь мучительной рефлексией М о своих отношениях с семьей и с еврейством вообще (тема ухода?). О «еврейских» коннотациях этого текста см. [3].

- (Y[grub] 'яма, могила' + (пар.) «гроб» → смысл: «из могилы, гроба, смерти вырос в жизнь и возвращаюсь обратно в могилу»)².
- (б) ЗЛОГО → Y[beyskayt] 'злость' → (эквиконс. В/В-S-K) ВЯЗКОГО
- Еще одна связь, приводящая к тому же результату (суггестированию ВЫРОС):
- (в) ВЯЗКОГО → (эквиконс.) Y[waksn] 'рост' → «рост» → ВЫРОС
- (г) (одновременно): Y[waksn] 'рост' → «рост» → (пар.) Т-РОСТИНКОЙ³
- (д) ШУРША ←→ Y[šuršn] 'шуршать'
- (е) И ТОМНО → (эквиконс. + пар.) Y[otemen] 'дыхание, дышать' → ДЫША

* 1911. Стих. «Раковина» [I, с. 76].

В стр. «Наполнишь шопотами пены, / Туманом, ветром и дождем...»

НАПОЛН-ИШЬ → (эквиконс. NPL) Y[nepl] 'туман' → ТУМАНОМ⁴

* 1911. Стих. «О небо, небо, ты мне будешь сниться» [I, с. 366].

В стр. «Жемчужный почерк оказался ложью, / И кружева не нужен смысл узорный, / И только медь – непобедимой дрожью – / Пространство режет, нижег бисер черный»

(а) МЕДЬ → Y[meš] 'медь' → (пар.) Y[emes] 'истина' → (ант.) ЛОЖЬЮ⁵

² Здесь именно идишизм, т.к. нем. обозначения для 'омут' не содержат [grub]. Ср. Y-поговорку Y[štile-waser-grobn-tif] 'букв.: тихая вода роет глубоко' = «в тихом омуте...» Здесь же «равновероятная» Y/G/R-паронимия: «злой» = böse (=Y[beyz]) → «ВЯЗкий», одновременно: ИЗ ОМУТА → Y[waser-grub] (= Wasserwirbel) 'омут' → [waser] → (эквиконс. VSR) ВЫРОС

³ См. «Вакс ремонтнодышащий» (начало 30-х).

⁴ Здесь еще равновероятная Y/G – связь: ПЕНЫ → ШОПОТАМИ, см. Приложение 1.

⁵ См. также идишизмы к ЕМ, гл. VII, к «10 января 1934», к «А посреди толпы, задумчивый, брадатый ...» (1934). Здесь одновременно есть, похоже, аналогичная «русская» (т.е. не использующая язык-посредник) связь: МЕДЬ → «медные

(б) МЕДЬ → Y[meš] 'медь' → (пар.) Y[meser] 'нож' → (асс.) «резать» → РЕЖЕТ

* 1912 Стих. «Я ненавижу свет...» [I, с. 78, вар. с. 460].
В стр. (вар.) ««Мстителем, камень, будь, / Кружевом острым
стань»

КАМЕНЬ → (эквиконс.) Y[NeKoMe] 'месть' → (асс.) МСТИТЕ-
ЛЕМ

* 1914. Стих. «Я не слышал рассказов Оссиана...»
[I, с. 98].

В стр. «Я получил блаженное наследство – / Чужих певцов
блуждающие сны»

БЛАЖЕННОЕ → (пар.) → Y[blundžen] 'блуждать' → БЛУЖ-
ДАЮЩИЕ⁶

* 1916, 1935. Стих. «Зверинец» (вар. «Мир» (Ода))
[I, с. 108, вар. с. 473].

В стр. «Отверженное слово «мир»/ В начале оскорбленной эры;/
Как на косматые пещеры/ Мы променяли сей эфир? /
Эфир, которым не сумели,/ Не захотели мы дышать./
Мы научились умирать,/ Но разве этого хотели?»

(а) МИР → Y[mir] 'мы' → МЫ (3 раза)

(б) МИР + Y[mir] → уМИРать⁷

* 1916. Стих. «В Петрополе прозрачном мы умрем...» [I,
с. 112].

ПРоВоДА → (эквиконс) «правда» → (ант.) ЛОЖЬЮ

⁶ Здесь, конечно, «полонизм в идише»: польск. *bladzic* (назальность в *dz*) 'блуждать, ошибаться'. См. Y-суггестии к стих. «Петербурге мы сойдемся снов...»

⁷ Это замечательный пример ранней (сначала, возможно, подсознательной) Y-суггестии, см. еще след. пункт. После 1916 эта связь кажется осознанной. См. идишизмы в «О, как мы любим лицемерить...» (1932). Кроме того, эта же связь устойчиво проявляется в переводах из немецкой поэзии (1925/26): стихотворений Макса Бартеля «Поруганный лес» [2, с. 339], «Птицы» [2, с. 342], «Неизвестному солдату» [2, с. 345], «Простерла руку жизнь над нами» [2, с. 348], «Военная песня» [2, с. 350], а также стихотворения Рене Шикеле «Телохранители» [2, с. 378]. См. об этом явлении в 7.6.1. *мир.

В стр. «В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где властвует над нами Прозерпина./
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем,
И каждый час нам смертная година./
Богиня моря, грозная Афина./
<...> В Петрополе прозрачном мы умрем»

(а) МЫ → Y [mir] 'мы' → УМРЕМ + сМЕРтный + сМЕРтная

(б) БОГИНЯ МОРЯ → Y[moyre/meure] 'страх, ужас' → ГРОЗНАЯ

* 1919. Стих. «В хрустальном омуте какая крутизна!..»
[I, с. 125].

В стр. «И сумасшедших скал колючие соборы/ Повисли в воздухе, где шерсть и тишина»

КОЛЮЧИЕ → Y[šerske] 'шершавый, колючий [106, с. 419]' + Y[šorstik] 'rough, stubbly [107, с. 394]' → ШЕРСТЬ⁸

* 1920. Стих. «Когда Психея-жизнь спускается к теням..»
[I, с. 130].

В стр. «Навстречу беженке спешит толпа теней»

CONJ БЕЖЕНКЕ → Y[pleyte] 'бегство', Y[pleytexe] 'ветреница' [106, с. 58] → (эквиконс. PLT) ТОЛПА⁹

* 1920. Стих. «В Петербурге мы сойдемся снова...»
[I, с. 132].

В стр. «И блаженное бессмысленное слово / <...> За блаженное бессмысленное слово»

БЛАЖЕННОЕ → (пар.) → Y[blundžen] 'блуждать' → смысл:

⁸ Связь Y[šorstik] – «шерсть» – «черствый» – «шершавый» – «колючий» далее становится устойчивой, приводя, в частности, к «нестандартному» употреблению слова «черствый». Например, в переводах из О. Барбье и М. Бартеля (1923-26): «... под ЧЕРСТВОЮ эгидой...» [2, с. 310] = 'под колючей эгидой', «Верден, ЧЕРСТВА твоя весна, <...> КОЛЮЧИЙ стыд!..» [2, с. 353]; в ШВ: «А в ЧЕРСТВОЙ обстановке торговой комнаты...» [II, с. 14]; в «Путешествии в Армению» [II, с. 108]: «две черствые липы»; в стих. «Слышу, слышу ранний лед...» (1937): «С ЧЕРСТВЫХ лестниц, с площадей/С угловатыми дворцами» [I, с. 234]. Ясно, что в этих примерах ЧЕРСТВЫЙ = «колючий». Интересно, что последний пример А. Ахматова «говорила, что у Мандельштама "черствые лестницы" – законны, оправданы дантовским "хлебом чужим"» [108, с. 295].

⁹ См. этот же идишизм в Y-сугг. к стих. «Флейты греческой...» (1937).

«блуждающее слово, слово = бес-смысленная Психея, ищущая смысл/вещь/тело»¹⁰

* 1920. Стих. «За то, что я руки твои не сумел удержать..» [I, с. 133].

В стр. «Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла»

КРОВЬ → УР[blit] ‘кровь’ → (ом.) УР[blit] ‘цвет, лучшая часть’

→ смысл: «лучшие люди пошли на приступ»¹¹

* 1921/22. Переводы старо-франц. эпоса, О. Барбье, В. Пшавелы¹² [2, с. 269–326].

(1) с. 271: «Товариц мой ЛАСКОВЫЙ...» = ‘Товариц мой любезный’

(2) с. 272: «Спросил его вежливо, с ЛАСКОЙ всей...» = ‘с любезностью всей’

(3) с. 274: «И ЛАСКОВАЯ Франция...» = ‘И любезная Франция’

(4) с. 275: «Молит Бога, чтоб ПРИЛАСКАЛ их...» = ‘оказал милость’

(5) с. 280: «ЛАСКОВЫЙ сир, – говорят они, – исполним» = ‘Любезный господин’

(6) с. 292-293 (3 раза): «Госпожа моя ЛАСКОВАЯ...» = ‘Госпожа моя любезная’

(7) с. 308: «Нет к побежденным мужественной ЛАСКИ...» = ‘снижительно-милостивого обращения’

(8) с. 326: «За чудесный подвиг ЛАСКОВЫЙ» = ‘за великодушную снижительность’

В (1) – (8) ЛАСКА = У[laske] ‘condescending, reluctant favor, снижительная милость, любезность’ [107, с. 220], [106, с. 154]¹³

¹⁰ Здесь «полонизм в У»: польск. bladzić (с назальностью) ‘блуждать, ошибаться’. См. У-суггестии к стих. «Я получил блаженное наследство...» (1914).

¹¹ См. ниже игру этой же омонимии в переводах из Барбье (1922) и в стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935).

¹² Здесь в ряде мест используется слово ЛАСКА в его У-значении, (из польского?), не совпадающем с русским. Используется и производное русское ЛАСКОВЫЙ с измененной («идишизированной») семантикой основы, дающей смысл – ‘любезный’.

¹³ Этот же «польский» идишизм подробнее см. в У-сугг. в «Канцоне» (1931).

* 1921. Стих. «Умывался ночью на дворе..» [I, с. 140, вар.: с. 493].

В стр. «Твердь сияла грубыми звездами. / <...> Чище правды грубого холста»

(ГРУБЫМИ, ГРУБОГО) → YP[grub] ‘крупный, толстый’ = (ом.) YP[grub] ‘могила’ → смыслы: «**крупными могильными** звездами, **большими** звездами **смерти**», и «правды грубого, **могильного, смертного** холста, грубого/толстого **савана**».

* 1921–1922. Стих. «Люблю под сводами седья тишины» [I, с. 137].

В стр. «Зане свободен раб, преодолевший страх, / И сохранилось свыше меры / В прохладных житницах, в глубоких закромах / Зерно глубокой, полной веры»

СТРАХ → YL[meure] ‘страх’ → СВЫШЕ МЕРЫ¹⁴ → смысл: «сохранилась вера, которая выше страха»

* 1922. Стих. «Век» [I, с. 145].

В стр. «Это век волну колышет / Человеческой тоской, / И в траве гадюка дышит / Мерой века золотой»

(а) МЕРОЙ ВЕКА → (пар.) Y[meure] ‘страх’ → смысл: «гадюка дышит “страхом” (века)»¹⁵.

(б) CONJ (дополн. связь) ТОСКОЙ → (acc.) «страх» → (пар.) Y[meure] → МЕРОЙ.

* 1922. Переводы из Огюста Барбье [2, с. 311].

В стр. «И в поле, где война цветет, как море гречи»

(а) ВОЙНА = Y[krig] ‘война’ → (конс. метатеза) Y[grike] ‘гречи-ха’ → ГРЕЧИ

(б) ГРЕЧИ → (пар.) «горечь» → Y[more/mure] ‘горечь’ → (пар.) МОРЕ

(в) ЦВЕТЕТ → YP[blit] ‘цвет (растений)’ = (ом.) YP[blit] ‘кровь’

¹⁴ См. этот же идишизм ниже в Y-суггестиях. к ЕМ, гл. VIII. Здесь есть еще равновероятная Y/G-суггестия: ГЛУБОКИХ, ГЛУБОКОЙ → (эквиконс.) Y[gloybn] = Glaube ‘вера’ → ВЕРЫ, см. Приложение 1.

¹⁵ Этот же идишизм более эксплицитен в ЕМ, гл. VIII: «Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства».

→ смысл: «поле, залитое кровью»¹⁶

* 1923. Очерк «Сухаревка» [II, с. 298]: «... подставить спину под веник ласковой брани ...»

ЛАСКОВОЙ → Y[laske] 'condescending, reluctant favor, снисходительная милость' → смысл: «под веник снисходительной брани»¹⁷

* 1923, 1937. Стих. «Грифельная ода» [I, с. 149, варианты: с. 497].

(1) в стр. 5-10 «На мягком сланце облаков / Молочный грифельный рисунок- / Не ученичество миров, / А бред овечьих полусонок. / Мы стоя спим в глухой ночи / Под теплой шапкою овечьей»

(а) МИРОВ → Y[mir] 'мы' → МЫ¹⁸

(2) в стр. 27-28 «И ночь коршунница несет / Горящий мел и грифель кормит» и в стр. 39-40 (вар.) «Меня, как хочешь, покарай, / Голодный грифель, мой звереныш!».

ГРИФЕЛЬ = Y[grifele] 'маленький гриф, грифенок' ← Y[grif] 'гриф'¹⁹.

(3) в стр. 36 «И в полдень злых овчарок шубы»

ШУБЫ ← YP[šuf] 'овца' + Y[šufhunt] 'овчарка'²⁰

(4) в стр. 51 «Двuruшник я, с двойной душой»

ДВУ-РУШ-НИК → (де-акр) ДВУ+ Y[ruex] ('дух') + НИК → «дву-рух-ник» → «дву-душ-ник» → С ДВОЙНОЙ ДУШОЙ²¹

¹⁶ См. эту же игру Y/G омонимов в стих. «За то, что я руки твои...». Кроме того, цветущая гречиха – бордового (кровоавого) цвета.

¹⁷ См. выше, Y-сугг. к «Переводы старо-франц. эпоса...» (1921-22).

¹⁸ Эта идиш-русская омонимия, регулярно используемая М, здесь дает смысл: «мы – не ученики с грифельными досками, а спящие овцы».

¹⁹ Здесь нет контаминации с немецким: из Y взят не только суффикс диминутива, но и базовое слово, т.к. в G 'гриф' = Greif (с дифтонговой вокализацией).

²⁰ YP-гласный [u] в YP[šuf], указывает именно на YP, а не на немецкий.

²¹ Здесь «дву-дух-ник» → «дву-душ-ник», с тем же чередованием, что и в дух → душа. Двuruшник – слово с неясной этимологией (один предполагаемый источник – профессиональный сленг питерских нищих начала 20 в.), вошедшее в широкое употребление в политическом новоязе конца 20-х гг., см. [109]. См. также 7.6.1 *концептуальная пара «правда/неправда».

* 1924–1925. Шут. стих. «На Моховой семейство из Полесья...» [I, с. 351].

(1) в стр. «И голова в кудрявых пейзах песья»

CONJ ПЕСЬЯ ← Y[pesi] ‘дурачок, наивный до глупости’ [110, с. 249].

(2) в стр. «Два карлика построили шалаш/ Для ритуала, для раввинских каш»

КАШ ← Y[kaše] ‘трудный вопрос, проблема’ [110, с. 269]²²

* 1925. Стих. «Из табора улицы темной...» [I, с. 158].

В стр. «Я буду метаться по табору улицы темной/ За веткой черемухи в черной рессорной карете,/ За капором снега, за вечным, за мельничным шумом.../ Я только запомнил каштановых прядей осечки, / Придымленных горечью – нет, с муравьиной кислинкой, / <...> А жизнь проплывет театрального капора пеной...»

(а) КАПОРОМ → Y[kapores] ‘good for nothing, useless [107, с. 213]’ → смысл: «гнаться за ненужным, бессмысленным (снегом)»²³.

(б) ЧЕРЕМУХИ = Y[foylboym] букв. ‘испорченное, «неправильное» дерево».

(3) ГОРЕЧЬЮ → YP[mure] ‘желчь, горечь, меланхолия’ → (пар.) МУРА-ВЬИНОЙ.

(4) ПЕНОЙ → Y[milinkes] ‘мыльная пена, пузыри, эфемерность [104, с. 356]’ → (эквинокс.) МЕЛЬНИЧНЫМ.

(5) ПЕНОЙ = Y[šoym] ↔ (пар.) ШУМОМ → смысл: «жизнь пройдет с театральным шумом, ненужная, как пена».

²² Y[kaše] участвует в словосочетании Y[di-fir-kašes] ‘четыре вопроса, обозначающем часть иудейского пасхального ритуала, см. ниже идишизмы в стих. «Холодная весна...» (1933). Давид Выгодский, один из «двух карликов», хорошо знал Y и делал Y→R переводы [I, с. 601].

²³ Кроме указанных значений, Y[kapore] участвует в выражении Y[di-kaporewern-far] ‘умирать», «таять» от любви к...’ [105]. Отметим, что Y[kapore] изначально – ‘искупительная жертва’, обычно БЕЛЫЙ петух. Поэтому не случаен здесь снег: «ЗА КАПОРОМ СНЕГА». Ср. в «детском сне» в VIII гл. ЕМ: «петух, предназначенный резнику» = явно Y[kapore], и фоном сцены является белый СНЕГ. Заметим, наконец, что идишизм (изначально – гебраизм) kapores присутствует и в стандартном немецком в значении ‘сломанный, испорченный, конченный, погибший’, напр. er ist kapores = его песенка спета [111].

* 1925. Стих. для детей «Примус» [I, с. 320].
 В VII («Телефон») «Я обижен, я простужен:/ Телефоны-старики
 – / Те поймут мои звонки!»
 ЗВОНКИ → Y[kling] ‘звонок’ → (пар.) Y[farkiling] ‘простуда
 [106, с. 305]’ → Я ПРОСТУЖЕН

* 1925 «Шум времени» [II, с. 6].
 В гл. «Хаос иудейский», стр.19: «...прикасаются к тяжелой кни-
 ге, <...> по поручению всех совершают что-то почетное и са-
 мое главное»
 Здесь «Сэфер-Тора» (название свитка Торы в синагоге) →
 Y[seyfer] ‘евр. религ. книга’ → К КНИГЕ²⁴

* 1926 Очерк <Михоэльс> [II, с. 306].
 Стр. 307 «... позвать свата-шатхена ...»
 ШАТХЕН(А) = Y[šatxen] ‘сват’

* 1926 Очерк «Киев» [51, т. 3, с. 5].
 В гл.1 «... заглянув под вечер в любое окно, увидит скудную ве-
 черю еврейской семьи – булку-халу, селедку и чай на столе. ...»
 ВЕЧЕРЯ = Y[večere] = ‘ужин’

* 1927/28 г. «Египетская марка» [II, с. 59].
 (1) гл. I: «...полушария [карты мира], как два большие мяча,
 <...>они, как питательные пилюли, заключают в себе...»²⁵
 (а) МЯЧА → Y[boles] ‘мячи’ → БОЛЬШИЕ
 (б) ПИЛЮЛИ = Y[piles] ‘пилюли’ → Y[pilkes] ‘пилюльки’ = (ом.)
 Y[pilkes] ‘мячи’ → МЯЧА
 (2) гл II: «...засыпая в кровати <...> при свете голубой
 финолинки...»²⁶
 CONJ ФИНОЛИНКИ ← (реконструируемого) *Y[finol] ←
 нем. Fanal ‘маяк, сигнальный огонь’ [111, с. 457] ← ит. fanale
 ‘фонарь’ [112, с. 102]. Кроме того, фр.(= исп.) fanal=‘beacon, маяк,

²⁴ Этот случай отмечен Л. Кацисом в [3, с. 77].

²⁵ Здесь фиксируются ранние детские ассоциации, основанные на Y-омонимии и синонимии: Y[pilke] ‘мяч’ = Y[bol] ‘мяч’

²⁶ А. Морозов в [64] комментирует: «Финолинка – невыясненное слово, в контексте – ночная лампа».

сигнальный огонь, большой фонарь²⁷.

(3) гл. III: хозяйка прачечной: «Я не варьятка, чтобы отдавать им белье ротмистра...»

ВАРЬЯТКА = Y[varyatke] = 'madwoman' [105, с. 203]²⁸

(4) гл. IV: «По Гороховой улице с молитвенным шорохом двигалась толпа»²⁹

ТОЛПА → Schar 'толпа' → scharren 'шаркать' → Y[šarn-zix] 'shuffle, move along the ground' [107, с. 377] → (пар.) ШОРОХОМ → смысл: «толпа продвигалась, шаркая»

(5) гл. IV: «Уже весь воздух казался огромным вокзалом для жирных нетерпеливых роз»

(а) РОЗ → YL[reyzn] 'розы' → (пар.) Reisen, reisen (=Y[rayzn]) 'поездки, путешествовать' → (асс.) ВОКЗАЛ ДЛЯ (поездок)

(б) одновременно: РОЗ → YL[reyzn] 'розы' → (эквиконс. RZN) ЖИРН-ЫХ³⁰

(6) гл. IV «Он – лимонная косточка, брошенная в расщелину петербургского гранита, и выпьет его с черным турецким кофеом налетающая ночь.»³¹.

КОСТОЧКА = Y[kern] 'kernel' = (синоним) Y[kerl] 'grain, pit' [107, с. 377] → нем. Kerl = разг. 'человек, малый', презр. 'тип, субъект' → 'человек, брошенный в тьму ночи'. См. также ниже Y-сугг. ГРАНИТА.

²⁷ Проблема здесь в том, что слово Y[finol] не зафиксировано в Y-словарях. Но то, что это Y-, а не G-слово, аргументируется фонетическим переходом исконного (романского) ударного [a] → [o]. Переход ударного [a] → [o] не произошел в диалекте (блоке диалектов), из которого сгенерировался «стандартный» немецкий, напр. Y[dos] 'указ. мест.' = das, Y[vos] 'вопр.мест.' = was и т.п. Интересным является вопрос, откуда (и когда) Y заимствовал «исходную» словоформу: из некоего нем. диалекта или напрямую из какого-то романского языка (ладино?).

²⁸ Variat = 'сумасшедший' в польском, что соответствует тому, что хозяйка прачечной, судя по тексту, жила в Варшаве. Но Y-форма женского варианта лексемы, его присутствие в Y-словарях а также подчеркнута «одесский» стиль объемлющего дискурса хозяйки показывают, что это слово – идишизм.

²⁹ Здесь, по-видимому, контаминация Y-G-смыслов:

³⁰ Очень вероятно, что в Y-диалекте М «немецкое» [s] после гласного произносилось как [ž] = [ж] (см. об этом явлении в Y у Жирмунского [96, с. 106]), что, конечно, усиливает фонетическое сходство консонант в рассматриваемых словах. См. это же ниже в «идишизмах» к гл. V: «изюм».

³¹ Здесь замечательная R/Y/G-игра смыслов.

- (7) гл. V: «Каждый такт – это лодочка, груженная изюмом и черным виноградом»
 ИЗЮМОМ = YP[guženke] [107, с. 260] → (пар. + эквиконс.) ГРУЖЕНАЯ³²
- (8) гл. VII: «Я спешу сказать настоящую правду. Я тороплюсь. Слово, как порошок аспирина, оставляет привкус меди во рту»
 ПРАВДУ → Y[emes] ‘истина, правда’ → (пар.) Y[meš] ‘желтая медь’ → МЕДИ³³
- (9) гл. VIII: «Я – безделица. Я – ничего. Вот попрошу у холерных гранитов на копейку – египетской кашки, на копейку – девической шейки»
 (а) (БЕЗДЕЛИЦА + НИЧЕГО) → Y[gur-nit] ‘ничто’ → (эквиконс. GRNT) → ГРАНИТ-НЫХ
 (б) БЕЗДЕЛИЦА → Y[kapetše] ‘tiny bit’ [107, с. 430] → НА КОПЕЙКУ
 (в) Y[kapetške] → набор конс. (GPTSK) → ЕГИПЕТСКОЙ
 (г) КАШКИ → (пар.) Y[košken] ‘ласкать, гладить’ + Y[kušen] ‘целовать’ → (эквиконс. KŠN) → Y[šeynkaut] ‘красота, красотка’ → [šeynka] → (ДЕВИЧЕСКОЙ) ШЕЙКИ³⁴
- (10) в гл VIII: «неписанный домашний словарь»³⁵, «заповедь» для детей: «не командуй».

³² В принципе, здесь мог работать германизм Rosinen ‘изюм’, но идишизм фонетически гораздо более точен. Кроме того, в разг. вост. Y ‘лодка’ = Y[lodke], см. [104, с. 234].

³³ См. идишизмы в «А посреди толпы, задумчивый, брадатый ...» (1934) и в «10 января 1934», а также в ЧП, гл. 10: «партийная девственница – Правда-Партия».

³⁴ Еще 2 четкие ассоциации в этот пучок: (а) ЕГИПЕТСКОЙ «эквивокалично» с ДЕВИЧЕСКОЙ (б) смысл ‘гладить’ → девицы-гладильщицы из прачечной в том же тексте. Плотность идишизмов здесь явно демонстративная. В отличие от М. Гаспарова, который считает [26, с. 291], что в этом пассаже Парнок «просит только на поддержанье жизни и продолженье рода» (очевидно, М. Гаспаров усматривает в «девической шейке» некий Geschlechtsinstrument!), нам представляется, что Парнок здесь вместе с М, скорее, юродствует, упражняясь в демонстрации своего Y-субстрата и использует его как генератор «вульгаризмов», назло «еврейским интеллигентам» вроде Горнфельда – ср. подчеркнутое использование в этом же куске вульгаризма «извиняюсь», см. об этом Л. Кацис [113, с. 78].

³⁵ Парнока и, по-видимому, семейства Мандельштамов в 1890-е гг.

НЕ КОМАНДУЙ ← Y[komandeven] = 'be noisy, disorderly, naughty' [107, с. 358].

(11) гл. VIII: «Математики должны были построить для страха шатер, потому что он координата времени и пространства...»

(а) СТРАХА → Y[meure] 'страх' → «мера, измерение (времени и пространства)» → КООРДИНАТА

(б) Y[meure] → «мера» → «ИЗМЕРЕНИЕ (времени)» → (частичная фонет. метатеза) → ВРЕМЕНИ³⁶

* 1929–1930. «Четвертая проза» [II, с. 88].

(1) гл. 3: «... жиды с лягушкой венчают, то есть происходит непрерывная свадьба козлоногого ферта, мечущего театральную икру, – с <...> московским редактором-гробовщиком, изготовляющим глазетовые гробы <...>. Он отворяет жилы месяцам христианского года, еще хранящим свои пастушески-греческие названия: январю, февралю и марту. Он страшный и безграмотный коновал происшествий, смертей и событий и рад-радешенок, когда брызжет фонтаном черная лошадиная кровь эпохи»

В этом блоке центральным «суггестирующим подтекстом» (аргументом SI-функции) является Y[oder], представляющий Y-омофоны 'месяц Адар' и 'жила' + русские омофоны 'одер, кляча' и 'од(е)р – ложе умирающего, покойника'. Известно, что текст ЧП заканчивался в конце зимы (февраль-март) 1930 г., а это как раз время еврейского месяца Адара.

(а) Y[oder] → (пар.) «одер, одр, одра» 'плохая кляча – В. Даль' → Y[fert/d] 'лошадь' → (пар.) ФЕРТ-А

(б) «одр, кляча, лошадь» → КОНОВАЛ, ЛОШАДИНАЯ (КРОВЬ)

(в) Y[oder] → (пар.) «одер, одр» 'носилки, на которых выносят покойников – В. Даль' (ср. «на смертном одре») → ГРОБЫ, ГРОБОВЩИКОМ

(г) Y[oder] 'жила' → ЖИЛЫ

(д) Y[oder] 'месяц Адар' → ФЕВРАЛЮ И МАРТУ (приблизительно)

³⁶ См. этот же идишизм в Y-сугг. к «Люблю под сводами седья тишины» (1921), «Флейты греческой...» (1937), «Век» (1922).

- тельное время Адара)
- (2) гл. 4: «...матерные воды Москвы-реки зальют ...»
 МАТЕРНЫЕ ← Y[materie] 'pus, гной' + Y[matern] 'torment, torture, prey upon' + Y [mat/mater] 'dull, lackluster, тусклый' [107, с. 231]. Тем самым, здесь смысл: «МАТЕРНЫЕ = тусклые/гнойные/мучительные/хищные воды»³⁷
- (3) гл. 10: «Есть одна секретарша – правда, правдочка, совершенная белочка <...>. Вот эта бяляночка – настоящая правда <...> вместе с тем она другая правда – та жестокая партийная девственница – Правда-Партия»
- (а) CONJ ПРАВДА, ПРАВДОЧКА, НАСТОЯЩАЯ ПРАВДА → wahr 'истинный' → *wahr-ke 'правдочка' → *wahr-wahr-ke³⁸ 'настоящая правдочка' → Y[veverke] 'белка' → БЕЛОЧКА
- (б) ПРАВДА-ПАРТИЯ → Y[partei] + Y[emes] 'правда' → (акр.) [partenos] 'греч. девственница' → (ПАРТИЙНАЯ) ДЕВСТВЕННОСТИЦА
- (4) гл. 13: «... бородатые мужчины в рогатых меховых шапках ...»
- В РОГАТЫХ МЕХОВЫХ → Y[horn] = 'рог' + Y[fel] = 'мех' → (асс.) Горнфельд (фамилия)³⁹
- (5) гл. 14: «... с переводчиками Горнфельдом и Карякиным. Я – скорняк драгоценных мехов, я – едва не задохнувшийся от литературной пушнины...»
- (а) ГОРНФЕЛЬДОМ → Y[fel] = 'мех' → МЕХОВ + ПУШНИНЫ
- (б) КАРЯКИН (+ 'мех'!) → (эквиконс. КРКН) → СКОРНЯК⁴⁰

³⁷ Здесь возможна контаминация Y- и G-суггестий: matten = 'утомлять, изнурять', Materie = 'гной', но присутствие Y более очевидно, хотя бы из-за фонетики лексемы Y[matern].

³⁸ Звездочка (*) означает, что данной словоформы не существует в реальности. Это – попытка реконструкции внутреннего суггестивного процесса.

³⁹ Эта сугг. может, в принципе, быть и немецкой (Horn + Fell), но в данном контексте с его чисто еврейскими аллюзиями, Y-сугг. много более вероятна.

⁴⁰ По-видимому, РОГАТАЯ НЕЧИСТЬ в гл. 8. этого текста также ← Y[horn] = 'рог' ← ГОРНФЕЛЬД. Кроме того, М, скорее всего, причислил к «рогатой нечисти» и Львова-РОГачевского, автора известного в 20-х годах труда «Евреи в русской литературе» – см. подробно об этой работе в связи «с её горнфельдовскими подтекстами» (выражение М. Гаспарова) в книге Л. Кациса [3]. Кроме того, (ПИСАТЕЛЬСТВО – ЭТО РАСА С ПРОТИВНЫМ ЗАПАХОМ КОЖИ) в гл. 12 этого же текста – также ← Y[fel] = 'кожа (животных), шкура, мех' ←

(б) в гл. 16: «Ленин и Троцкий ходят в обнимку, как ни в чем не бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руках. Ходят два еврея <...> и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит...»

ВСЁ КРУТИТ, ВСЁ КРУТИТ = аллюзия на частотные идишские идиомы: Y[dreyen] = 'хитрить' [104, с. 222], Y[drey-mir-ništ-dem-kop] = 'не крути мне голову'⁴¹.

* Начало 1930-х «Моргулетка» [I, с. 354].

В стр. «Моргулис – он из Наркомпроса. / Он не турист и не естественник, / К истокам Тигра и Эфроса / Он знаменитый путешественник. / »

(а) ЭФРОСА ← Y[efros] = библич. топоним, городок в Иудее

(б) НАРКОМ-ПРОС → [pros] – ашкен. произн. ивритского названия реки Евфрат⁴²

* Начало 1930-х, устный дискурс М, зафикс. Н. Харджиевым [I, с. 437, 610]: «Вакс ремонтнодышащий»⁴³

Здесь двойной подтекст, возникающий через посредство идиша:

(а) ВАКС → Y[vaks-en] 'расти, рост' → «тРОСТИнка» → «я вырос тростинкой, <...> запретною жизнью дыша» (стих. М 1910 г.) → «тростинка жизне-дышащая» → ВАКС РЕМОТ-НОДЫШАЩИЙ

(б) ВАКС РЕМОТ-нодышащий ↔ (Y) 'растение' + (эквивалент.) «ТЕРМЕНВоКС» ↔ «РАСТЕНИЕ – это звук, из-

«ГорнФЕЛЬд».

⁴¹ В очерке М. Горького «В.И. Ленин» (несомненно, известном М) итальянские рыбаки обучают Ленина ловить рыбу и называют его «синьор дринь-дринь». Похоже, что это «дринь» (являясь почти полным омофоном идишизма Y[dreyen]) и суггестирует лексему КРУТИТЬ в рассматриваемом отрывке ЧП. На связь «константинопольской удочки» в ЧП и рыболовецкой сцены в очерке «В.И. Ленин» указал О. Лекманов в докладе на Гаспаровских чтениях (РГГУ, 2007).

⁴² М использует ашкен/У произношение соотв. ивритского топонима для обозначения реки Евфрат и для шуточного обыгрывания еврейской фамилии Эфрос.

⁴³ Шутливая характеристика Б. Вакса, соседа Н. Харджиева, постоянно обиждавшего какой-то ремонт по коммунальному телефону.

влеченный палочкой [тростинкой! – Л.Г.] ТЕРМЕНВОКСА, воркующий...», «Путешествие в Армению» [72, с. 94].

* окт.–нояб. 1930. Стих. (цикл «Армения») «Ты красок себе пожелала...» (вариант) [I, с. 387].

В стр. «Ломается мел, и крошится / Ребенка цветной карандаш...»

МЕЛ → YP[krad] 'мел' → (пар.) YP[kradl] 'crayon, цветной карандаш' [107, с. 414] → ЦВЕТНОЙ КАРАНДАШ⁴⁴

* 16 окт.–5 нояб. 1930. Стих. «Лазурь да глина, глина да лазурь...» [I, с. 165].

В стр. «Над книгой звонких глин, над книжною землей, / Над гнойной книгою, над книгой дорогой»

(ГЛИНА, ГЛИН) = YP[laym] 'глина' → Y[šlaym] 'mucus, scum, слизь, гной' → ГНОЙНОЙ⁴⁵

* октябрь–ноябрь 1930. Стих. «Дикая кошка – армянская речь...» [I, с. 167, вар. с. 506].

(1) в стр. «О, лихорадка, о, злая маруха!»⁴⁶

МАРУХА = Y[maroxe/maruxe]⁴⁷ 'судьба, счастье, доля' [110, с. 181].

(2) в стр. «Долго ль еще нам ходить по гроба, / Как по грибы деревенская девка?»

ГРОБА → YP[grub/grib] 'могила' → ГРИБЫ

* Ноябрь 1930. Стих. «И по-звериному воет людьє...» [I, с. 168].

В стр. «Он Черномора пригубил питье»

⁴⁴ См. также Приложение I, G-сугг. к «Четвертой прозе», гл. 6.

⁴⁵ Здесь еще возможна игра немецких слов: Lehm 'глина' → Schleim 'слизь, мокрота', но YP-суггестия фонетически точнее.

⁴⁶ «маруха» – ранний вариант в автографе с датой «Тифлис, октябрь 30» из архива М. Зенкевича. Более поздний вариант: «моруха», см. [I, с. 506]).

⁴⁷ В исходной ивритской словоформе в предпоследнем (открытом) слоге ма-соретская вокализация – **камац-гадоль**. Гласный [u] в соотв. месте – один из маркеров польского диалекта идиша. В [I, с. 506] слово **моруха**, без всякой лексикографической ссылки прокомментировано: «томительный летний зной»!

ЧЕРНОМОРА ← «Черное море» ← Y[more-šxoугe] ‘меланхолия, черная желчь’⁴⁸

* 1931–1932. «Путешествие в Армению» [II, с. 100].

(1) в гл. «Сухум» (с. 117): «... экономный маяк вращал бриллиантом Тэта. И как-то я видел пляску смерти – брачный танец фосфорических букашек».

ТЭТА → (пар.) YL[teyt] ‘смерть’ → СМЕРТИ⁴⁹

(2) в гл. «Французы» «Я растягивал зрение, как лайковую перчатку...»

ЗРЕНИЕ → «глаза» → Y[glasey-hentske] ‘лайковая перчатка, kid-glove [105, с. 146]’ → ЛАЙКОВУЮ ПЕРЧАТКУ⁵⁰

* 1931–1932. <Вокруг «Путешествия в Армению», записные книжки 1931-1932гг > [II, с. 352].

В гл. «<Читая Палласа>» «Сижу в почтовой карете с разумным и ласковым путешественником.»

С ЛАСКОВЫМ → Y[laske] → смысл: «с любезным путешественником», см. 1921/22 «Переводы...».

⁴⁸ Ср. в статье «Кое-что о грузинском искусстве» [II, с. 260]: «Грузия обольстила русских поэтов <...> какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью...». Стих. «И по-звериному...», видимо, является частичным вариантом стих. «Дикая кошка...» (см. выше), в котором, как и в других текстах армянского цикла, работает «желтый цвет, желчь, (основа) МОР». К Y[more-šxoугe] и «Черному морю» см. еще идишизмы в стих. «Флейта» (1937).

⁴⁹ В [87] отмечается связь ТЭТА с немецким Tod ‘смерть’, но именно Y-суггестия представляется здесь фонетически очевидной. Интересен в этой связи комментарий А. Морозова к «бриллианту Тэта»: «Видимо, говорится об алмазах “Тойт” (или ”Тю Тойт” – по названию рудника) – два крупных алмаза желтоватого цвета, найденных в южноафриканских коях в 1871 и 1887 гг.» [64, с. 295]. Дело в том, что [toyt] – стандартная Y-фоника для Y-слова ‘смерть’, в то время как YL[teyt] – то же в литовско-курляндском диалекте Y.

⁵⁰ Здесь вполне возможна G-суггестия Glasé = ‘лайка (кожа), фр. заимств., что отмечено в [87, с. 60], но Y-суггестия представляется более вероятной ввиду приведенных в ШВ детских воспоминаний о кабинете отца, где «рабочие» названия видов кож наверняка звучали на Y в упоминающихся там же «еврейских деловых разговорах» отца с еврейскими же коммерсантами: «... лапчатые шкурки лайки, раскиданные на полу» [II, с. 13].

* Апрель 1931. Стих. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» [I, с. 173].

В стр. «Нет, не спрятаться мне от великой муры»

МУРЫ ← Y[moʊrə/meʊrə] 'страх, ужас' + YP[mure] 'меланхолия, горечь, печаль'⁵¹.

* 23 апреля 1931. Стих. «- Нет, не мигрень, – но подай карандашик...» [I, с. 175]

(1) в стр. «Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая.../ »

ПЛЕШИНА ← Y[fleyš/flayš] 'мясо, плоть'⁵².

(2) в стр. «Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью...»

ПАХНЕТ → (пар.) Y[peh] 'смола' → СМОЛОЮ⁵³

* май-сент. 1931. Стих. «Еще далеко мне до патриарха...» [I, с. 178].

В стр. «Еще меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок, / В котором нет ни смысла, ни аза: / Такой-сякой! Ну что ж, я извиняюсь»

(1) АЗА → Y[aza] 'такой' → ТАКОЙ-СЯКОЙ

(2) АЗА → старосл. [az] 'я' → Я (в последней строке)

Суммарно, АЗА суггерирует в последней строке смысл: «я– такой».

* 26 мая 1931. Стих. «Канцона» [I, с. 176].

(1) в стр. «Замечательные луковицы-стёкла – »

CONJ ЛУКОВИЦЫ → Y[luke] 'амбразура, орудийн. люк, port-hole'

⁵¹ Ср. далее: «Я трамвайная вишенка СТРАШНОЙ поры». С. Аверинцев [114, с. 22] говорит о сквозной «теме страха» у М, в частности, в этом тексте. Э. Герштейн [8, с. 440] говорит о мотивах (обсуждения с женой) самоубийства, связанных с этим стих. (ср. далее «Посмотреть, кто скорее умрет/ <...> Ты как хочешь, а я не рискну/не боюсь»). См. также идишизмы в стих. «Флейты греческой тэта и йота...» (1937).

⁵² Идишизм Y[fleyš] фонетически здесь более точен, чем нем. Fleisch 'мясо, плоть', см. Приложение I.

⁵³ «Германизм» Pech 'смола' значительно менее вероятен из-за своего сибилантного произношения [peš].

СТЁКЛА → Y[gloz/gluz] → русск. 'глаз'.

Тем самым, ЛУКОВИЦЫ-СТЁКЛА суггестирует образ: «глаз – орудие в амбразуре, в “орудийном люке” на судне»⁵⁴

(2) в стр. «Я скажу “села” начальнику евреев/ За его малиновую ласку»

Здесь ЛАСКА связана с 2 идишизмами различного происхождения

(а) ЛАСКУ ← Y[laske] 'condescending, reluctant favor, милость' [107, с. 220], [106, с. 154].⁵⁵

(б) ЛАСКУ ← Y[laske] 'gusset, вставка на рубашке [105]'⁵⁶.

(3) в стр. «Край небритых гор еще неясен,/ Мелколесья колетса щетина»

(а) ГОР → Y[hor/hur] 'волосы (вообще), щетина (на лице)' [104, с. 77, 655]. Это же Y-слово является частью сочетания [štexike hor] – 'щетина (на лице)', букв. 'колючие волосы', [104, с. 655]. Поэтому:

(б) ГОР → НЕБРИТЫХ + ЩЕТИНА

(в) здесь же (КРАЙ + ГОР) → (эквиконс.) Y[horiker] 'мохнатый, волосатый, щетинистый)' → НЕБРИТЫХ + ЩЕТИНА

(4) в стр. «И свежа как вымытая басня/ До оскомины зеленая долина»

ДОЛИНА = Y[dolene] 'small valley, depression in the ground' [107,

⁵⁴ Нетрудно видеть, что эти сугг. могут быть и чисто немецкими (Luke + Glas), и даже базироваться на впечатлениях времен русско-японской войны (термин «орудийный люк» в описаниях морских сражений с японским флотом), но интересно, что именно в Y слово [luke] означает не что иное, как 'амбразура, бойница, porthole', [107, с. 570].

⁵⁵ Эта же (отличная от русской) Y-семантика «неохотности, снисходительности, нежелания, вынужденности», по-видимому, проявляется в «С каким-то ласковым испугом/Я соглашался с равенством равнин» («Не сравнивай, живущий несравним...») [I, с. 232]. См. обсуждение в 7.6.3.

⁵⁶ Gusset = 'вставка, клин на платье, геральдический КРАСНЫЙ знак позора на щите'. В 4-й гл. «Разговора о Данте» описывается сцена из 17-й Песни Ада, в которой ростовщики из аристократических семейств сидят в ряд с какими-то мешочками и со своими фамильными гербами на этих мешочках. Ростовщичество – позор. Кроме того, город **Малинов** из VIII гл. ЕМ связан с желтым и **позорным** светом. Этимология слова Y[laske] (в этом значении) – балто-славяно-германская: русск. лоскут, лит. laskatas 'лоскут, тряпка', нем. Lasche 'тряпка'. По Kluge [116, с. 278]: Lasche ← др.-в.-нем. laska 'тряпка', то же у Фасмера [115, т. 2, с. 521].

с. 131].⁵⁷

* 12 июня 1931. Стих. «Фаэтонщик» [I, с. 183].

(1) в стр. «Чтоб вертелась каруселью / Кисло-сладкая земля...»
 CONJ КИСЛО-СЛАДКАЯ → Y[zoerziser/zeerziser] 'кисло-сладкая' [104, с. 202] → [zeerziser] → (метат. основ) [zis-zeer] → [es-iz-zis-zeer] = Y'это – сладко-кислое' → (русск. омоф.) [eseseser] = 'СССР'. Тем самым, КИСЛО-СЛАДКАЯ ЗЕМЛЯ = 'СССР'.⁵⁸

(2) в стр. «Там, в Нагорном Карабахе, / В хищном городе Шуше».

КАРАБАХЕ → (пар.) Y[royb-xaye], YL[reyb-xaye] 'хищник', Y[royb-xayeše] 'хищный' → ХИЩНОМ⁵⁹

* февр.–май 1932. Стих. «О, как мы любим лицемерить...» [I, с. 185].

В стр. «О, как мы любим лицемерить/ И забываем без труда/
 То, что мы в детстве ближе к смерти,/ Чем в наши зрелые года./
 <...> А мне уж не на кого дуться/ <...> И дорог мне свободный
 выбор»

МЫ → Y[mir] 'мы, мне' → лицеМЕРить, сМЕРти, МНЕ⁶⁰

* 4 июля. 1932. Стих. «Сядь, Державин, развалися...»

⁵⁷ О. Лифшиц дает для Y[dolene] русск. значение 'дол', см. [106, с. 73]. В свою очередь, В. Даль (известно, что М широко пользовался словарем Даля) сообщает: «Дол, юж. зап. яма, ров, могила» и даже приводит слова песни: «Выкопайте дол глубокий, похороните мене у чужой стороне». Тем самым, в рассм. тексте ЗЕЛЕНАЯ ДОЛИНА = 'зеленая могила', что немедленно отсылает к «у кого зеленая могила» в «Ламарке». Ясно, что применение идишизма здесь высекает из широкого сем. спектра уместных в контексте «горного пейзажа» вост.-слав. слов с основой ДОЛ узкую коннотацию 'могила'. Поэтому, похоже, что здесь снова задействована многострадальная фамилия «врага»: «Горнфельд» → (эжвиконс.) «Гринфельд» → 'зеленая могила'. Дело в том, что Y[feld] = 'Jewish cemetery' [107, с. 458]!

⁵⁸ См. ниже стих. «О эта Лена, эта Нора...» (1937). Косвенным подтверждением того, что здесь имеет место политический каламбур, является сообщение в [I, с. 519]: «эпитет [кисло-сладкая] долго не находился и был подсказан А.О. Моргулисом». Известно, что А. Моргулис был «постоянным партнером» М по шуткам и анекдотам.

⁵⁹ Здесь контаминация с нем. raubgierig 'хищный'.

⁶⁰ См. выше идишизмы в стих. «Зверинец» (1916).

(Стихи о русской поэзии, 1) [I, с. 190].

В стр. «И татарского кумыса / Твой початок не прокис»

CONJ ПОЧАТОК = Y[počatek] 'beginning, reproof' [105, с. 357]

→ смысл: «твоя начатая бутылка кумыса». Второй смысл: «твое порицание, упрек»!⁶¹

* 4 июля 1932. Стих. «Зашумела, задрожала...» (Стихи о русской поэзии, 2) [I, с. 523].

В стр. «И в сапожках мягких ката/ Выступают облака»

КАТА ← Y[kat] 'палач, executioner' [107, с. 356]⁶²

* 3–7 июля. 1932. Стих. «Полюбил я лес прекрасный...» [I, с. 191].

(1) в стр. «Смешанный, где козырь – дуб»

CONJ ДУБ → Eiche 'дуб' → Y[euχl] 'желудь' → (ом.) Y[euχl]

'трефы (масть)' = (син.) Y[tref] 'трефы (масть)' → (ом.) Y[treyf]

'трефной, негодный, незаконный' → смысл: «козырь – нечистый, крапленый»⁶³

(2) в стр. «Тычут шпагами шишиги»

Здесь работает уже третий Y-синоним для карточного термина 'трефы (масть)':

ШПАГАМИ ← Y[špog] = Y[euχl] = Y[tref] 'трефы (масть)' [104, с. 587].

(3) в стр. «Там живет народец мелкий – / В желудевых шапках все – / И белок кровавый белки / Крутят в страшном колесе»

(а) БЕЛКИ → Y[veverke] 'белка' → (эквиконс. VVRK) КРОВАВЫЙ

(б) БЕЛОК → (пар.) Y[beylek] 'белое мясо [104, с. 258]' → смысл: «кровавое мясо крутят в колесе»

⁶¹ Y[počatek] происходит, скорее всего, из польск. poczatek 'начало' и вошло сначала в УР. Но это слово присутствует и в русском. В. Даль: «Початая вещь, нецельная, более половины: початок; менее: остаток. Початок пирога».

⁶² Слово КАТ = 'палач' (с неясной этимологией), есть, кроме Y, и в украинском и в польском и в южно/зап. русских диалектах (Даль), и непонятно, кто кого его заимствовал.

⁶³ Ср. дальше в этом стих. ХРАП КОНЯ И КРАП КОЛОДЫ.

(в) В...КОЛЕСЕ → Y[in-rod] 'в колесе'⁶⁴ → (эквиконс.) НА-РОДец → смысл: «народ крутят в кровавом колесе»

* авг. 1932. Стих. «К немецкой речи» [I, с. 192].

В стр. «Сбегали в гроб ступеньками, без страха, / Как в погребок за кружкой мозельвейна...»

(а) ГРОБ ↔ YP[grub/grib] 'яма, могила' → поГРЕБок → смысл: «сбегать в могилу, а не непосредственно в гроб»⁶⁵.

(б) СТУПЕНЬКАМИ ↔ Y[trep/trepl] 'ступень' → (пар.) «тре-пет» → БЕЗ СТРАХА⁶⁶

* май-июль 1933. Стих. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым» [2, с. 117].

(1) в стр. «Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым, / Как был при Врангеле, такой же виноватый. / Колючки на земле, на рубищах заплаты»

РОБкий → Y[rob/rub] 'ворон, вран' → ВРАНгеле → РУБищах.⁶⁷

(2) в стр. «Пасхальной глупостью украшенный миндаль»

(а) ГЛУПОС-ТЬЮ → Y[nariškait] 'глупость' → (эквиконс. NRŠK+T) УКРАШЕННЫЙ: (KRŠN) + T(конс. исход слова «глупостью»).

(б) ПАСХАЛЬНОЙ ГЛУПОСТЬЮ, МИНДАЛЬ → Y[tam] 'глу-пый' + Y[mandl] 'миндаль' → «МАНДЕЛЬШТАМ»⁶⁸.

⁶⁴ В Y существует фразеологизм «как белка в колесе»: [vi-a-veverke-in-rod], см. напр. [104, с. 40]. В G он отсутствует.

⁶⁵ Это пример контаминации Y и G-суггестий. Немецкое Grube 'яма', казалось бы, больше подходит к общему «немецкому» смыслу текста. Но Y-суггестия точнее семантически (в YP, в отличие от G, [grub/grib] – одно из 2 слов для понятия 'могила', см. [106, с. 155]) и фонетически. «Эквиконсонантная связь YP[grub/grib] → «могила», «гриб», «бугор», «гора» становится в некоторый момент устойчивой. См. выше стих. «Дикая кошка – армянская речь...» (1930) и ниже стих. <Ода> (1937).

⁶⁶ Немецкое Treppe = только 'лестница'.

⁶⁷ См. также идишизмы ниже в стих. «Как подарок запоздалый...» (1936).

⁶⁸ Здесь дело в том, что в иудейском пасхальном ритуале [tam] – одно из знаковых и очень запоминающихся детям слов. Оно означает на иврите 'простака, наивный' и является в пасхальном ритуале названием одного из 4 «типов» сыновей, а именно, того, который плохо разбирается в происходящем, но искренне хочет разобраться. В идише же этот гебраизм приобрел дополнитель-

* лето 1933, Крым. Устный дискурс М, частично зафикс. в [9, с. 151], шутливая аллюзия М на «голландизм» в поэме (переводе) В. Жуковского «Две были и еще одна».

CONJ КАННИФЕРШТАНД = Y P [kan-farštand] 'no understanding' [107, с. 468]⁶⁹.

* 16 января 1934. Стих. «10 января 1934» [I, с. 207].

(1) в стр. «Весь день твержу: печаль моя жирна...»

CONJ ПЕЧАЛЬ → (пар.) YP [fiš-al/fiš-ayl] = 'рыбий жир' → ЖИРНА⁷⁰.

ные резкие коннотации 'глупый, moron, half-wit' [107, с. 418]. Следует отметить еще один вариант суггест. связи: ГЛУПОСТЬЮ УКРАШЕННЫЙ МИНДАЛЬ → «Мандельштам». В этом варианте слово ГЛУПОСТЬЮ вполне может быть суггестировано второй основой фамилии: Y [štum/štumpik] = 'тупой, глупый'. Я даже выскажу предположение, что наряду с шуткой И. Сельвинского «мандельштамп» (которую, по свидетельствам, с удовольствием цитировал сам М), существовала в ограниченном кругу и шутка «мандельштумп». К тому же, здесь имеет место явный ассонанс: глУпостью – Украшенный – [štUm]. Скорее же всего, как это часто происходит у М, работали оба суггест. варианта **одно-временно**. В завершение отметим, что в австрийском немецком Mandl = 'пугало огородное'.

⁶⁹ В тексте Жуковского этот голландизм выглядит как «каннитферштан» и означает букв. 'не могу понять', где [ferstan] = голл. глагольный инфинитив. Но М со своим G/Y субстратом «слышит» в конце этого слова [d] и воспринимает его как общее для G и Y существительное [verštant/varštant] со значением 'понимание'. Однако это значение является основным для рассм. слова именно в идише ([varštant] = 'understanding, judgement', см. [107, с. 468]), в то время как в станд. немецком VERSTAND = 'разум, интеллект', а значение 'смысл, понимание' – маргинально [111, стр. 532]. Это является аргументом в пользу того, что здесь – идишизм. Предыдущее же слово М воспринимает как общее для G и для Y слово [kaup/keup] = 'отсутствие, никакой', причем слышит его в YP-варианте [kan]. Гласный [a] в этом слове четко относит его именно к польскому диалекту Y.

⁷⁰ «...печаль моя жирна» одновременно, видимо (см. [I, стр. 536]), является цитатой из «Слова о полку Игореве» («...печаль жирна тече средь земли рускыи...»), в которой слово «жирна» не полностью ясно. В стихе же М это слово, наоборот, ясно до тактильного отвращения (в след. строке: «О Боже, как жирны и синеглазы / Стрекозы смерти...») и немедленно отсылает к его же «Ленинграду»: «так глотай же скорей рыбий жир ленинградских речных фонарей». Понятие «рыбий жир», вообще, есть архетип физиологического омерзительного объекта в детской психологии времени детства М.

(2) в стр. «А посреди толпы стоял гравировальщик, / Готовясь перенести на истинную медь»

ИСТИННУЮ → Y[emes] ‘истина’ → (пар.) Mess-ing (=Y[meš]) ‘желтая медь’ → МЕДЬ⁷¹.

* январь 1934. Стих. «А посреди толпы, задумчивый, брадатый...» [I, с. 209].

В стр. «Уже стоял гравер – друг меднохвойных доск, / Трехъярой окисью облитых в лоск покатый, / Накатом истины сияющих сквозь воск»

МЕДНО-ХВОЙНЫХ → (пар.) Mess-ing (=Y[meš]) ‘желтая медь’ → (пар.) Y[emes] ‘истина’ → ИСТИНЫ⁷²

* апр.–июль 1935. Стих. «За Паганини длиннопалым...» [I, с. 213].

В стр. «Играй же на разрыв аорты/ <...> Последний чудный чорт в цвету».

РАЗРЫВ АОРТЫ → (асс.) «кровь» → YP[blit] ‘кровь’ → (ом.) YP[blit] ‘цвет, цветение’ → Y[tsvet] ‘цветение, цвет деревьев [104, с. 534]’ → В ЦВЕТУ⁷³

* май 1935. Стих. «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» [I, с. 308].

В стр. «На Красной площади всего круглей земля/ <...> На Красной площади земля всего круглей»

КРАСНОЙ → YP[krayz/kraz] = ‘круг’ → КРУГЛЫЙ⁷⁴

* май-июнь 1935. Стих. «Стансы» [I, с. 217].

В стр. «Проклятый шов, нелепая затея»

⁷¹ См. также идишизмы к «О небо, небо, ты мне будешь снится» (1911), к «Египетской марке», гл. VII, к «А посреди толпы, задумчивый, брадатый ...» (1934).

⁷² См. также идишизмы в «10 января 1934» (1934) и к «Египетской марке», гл. VII.

⁷³ Еще одна сем. асс. к В ЦВЕТУ. Стих. писалось в апреле, апрель = цветень в украинском; в польском w kwietniu = ‘в апреле’, kwitnacy = ‘цветущий’ (окациональные полонизмы и украинизмы не чужды текстам М).

⁷⁴ См. еще G/Y-суггестии к «Дыханье веще в стихах моих...» (1909).

ШОВ → Y[šof] ‘овца, баран’ → смысл «проклятый дурак я, осел, простофиля!»⁷⁵

* 22 мая 1935. Стих. «Железо» [I, с. 309].

В стр. «Идут года железными полками/ И воздух полн железными шарами»

(1) (ЖЕЛЕЗНЫМИ) ПОЛКАМИ → (пар.) Y[pilke] ‘мяч’ → (ЖЕЛЕЗНЫМИ) ШАРАМИ⁷⁶

(2) ПОЛН ↔ (пар.) Y[boln] ‘мячи, шары’ ↔ ШАРАМИ.

* июнь 1935, дек. 1936. Стих. «Возможна ли женщине мертвой хвала...» [I, с. 219].

В стр. «И прадеда скрипкой гордился твой род,/ От шейки её хорошея»

(1) СОНЬ СКРИПКОЙ → (пар.) Y[kark] ‘шея’ → ШЕЙКИ⁷⁷

(2) ОТ ШЕЙКИ ЕЁ → (пар.) Y[šeynkayt] ‘красота’ → смысл: «от красоты её ХОРОШЕЯ»⁷⁸.

* 27 июня–июль 1935. Стих. «Бежит волна-волной...» [I, с. 220].

(1) в стр. «Бежит волна-волной, волне хребет ломаю, / Кидаясь на луну в невольничьей тоске»

ВОЛНА-ВОЛНОЙ ВОЛНЕ → (метат.) Y[levone] = ‘луна’ → НА ЛУНУ⁷⁹

⁷⁵ Присутствие переносного значения ‘дурак, осел, простофиля’ в Y[šof] очень вероятно не только из общих соображений, но и потому, что соотв. немецкие когнаты Schaf ‘овца’ и Schöps ‘валух, кастрированный баран [117, с. 1148]’ имеют частотную разговорную коннотацию ‘дурак, осел, простофиля, глупец’. Ср. здесь сообщение в «Египетской марке»: «Товарищи в школе дразнили его [Парнока = М] “овцой” <...> и другими ОБИДНЫМИ именами» [II, с. 70]. Там же про Парнока: «топотал... овечьими копытцами» [II, с. 64]. Но вполне возможна и Y/G-контaminaция: Y-фонетика + G-семантика, см. Приложение 1.

⁷⁶ См. еще G/Y-суггестии к «Египетской марке», гл.1.

⁷⁷ Y[kark] = польск. kark. См. ниже идишизмы в стих. «Я молю как жалости и милости...» (1937).

⁷⁸ См. выше идишизмы к «девической шейке» в IV гл. «Египетской марки» (1927).

⁷⁹ Скорее всего, здесь имеет место Y/R контaminaция: т.к. работает аллитерация [ЛН] → [ЛУНА]. Но Y-сугг. совершенно очевидна.

(2) в стр. «Неусыпленная столица волновая, / <...> Неначатой стены мерещатся зубцы...»

ВОЛНОВАЯ → Y[val] = 'rampart, bulwark [107, с. 163]' → СТЕНЫ⁸⁰

* после 8 дек. 1936. Стих. «Когда щегол в воздушной сдобе...» [I, с. 223].

В стр. «Клевещет жердочка и планка, / Клевещет клетка сотней спиц»

ЩЕГОЛ = Y[štiglits] → (пар.) Y[štaygl] 'клетка (для птиц)' → КЛЕТКА

* янв.–февр. 1937. Стих. «<Ода>» [I, с. 311].

В стр. «Он свесился с трибуны, как с горы, -/ В бугры голов. Должник сильнее иска./ <...> Уходят вдаль людских голов бугры:/ Я уменьшаюсь там. Меня уж не заметят./ <...> Воскресну я сказать, как солнце светит»

ГОРА = Y[barg] → (эквинос.) «БуГоР» → БУГРЫ → (эквинос.) Y[grub/grib] 'могила' + «ГРоБ» → «смерть» → (ант.) ВОСКРЕСНУ Я⁸¹.

* 1 февр. 1937. Стих. «Куда мне деться в этом январе?..» [I, с. 236].

В стр. «А я за ними ахаю, крича/ В какой-то мерзлый деревянный короб:/ Читателя! Советчика! Врача!/ На лестнице колючей разговора б!»

КОРОБ ← Y[trep-korb] – 'лестничная клетка' [104, с. 230].

* 4 февр. 1937. Стих. «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...» [I, с. 238].

⁸⁰ Здесь G-сугг. конкурирует с Y. Но Wall в немецком – это «вал, насыпь» вообще, в то время как в Y – это скорее «крепостной вал, крепостная стена», что говорит здесь в пользу Y-суггестии.

⁸¹ Y-суггестия здесь более вероятна, чем немецкая, хотя бы из-за семантического поля Y[grub/grib] и присутствия в Y лексемы [bergel] 'бугор'. Связь бугор – могила встречается у М еще в 1921 г. в переводе с грузинского: «...свежие бугры – /Твой и поэтов холм...», пер. стих. «Мариджан» И. Гришавили [2, с. 332]. Ср. также слова М, сказанные жене: «Почему, когда я думаю о нем <Сталине>, передо мной все головы – бугры голов? Что он делает с этими головами?» [I, с. 588].

В стр. «Длинней органичных фуг, горька морей трава – / Длинно-волосая – и пахнет долгой ложью»

CONJ МОРЕЙ → (пар.) Y[more/mure] ‘горький’ → ГОРЬКА

* 24 февр. 1937. Шут. стих. «О, эта Лена, эта Нора...»
[I, с. 364].

В стр. «О, эта Этна – И. Т. Р. / Эфир, Эсфирь, Элеонора – / Дух кисло-сладкий двух мегер»⁸²

КИСЛО-СЛАДКИЙ → Y[zoerziser/zeerziser] ‘кисло-сладкий’
[104, с. 202] → (перестановка основ) Y[zis-zeer] → Y[es-iz-zis-zeer] ‘это – сладко-кислое’ → (русск. ом.) [eseseser] = ‘СССР’ →
смысл: «советский дух двух мегер»⁸³.

⁸² вариант: «Дух кисло-сладких двух мегер» [2, с. 267].

⁸³ Заметим, что «советский дух» было частотным выражением 20-х–30-х годов, присутствовавшее в речи самого М. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с намеренной шифровкой, первый шаг которой состоит уже в последовательности прописных Э, отсылающей к просодике (и даже графике!): ЭС-ЭС-ЭС-ЭР. Сочетание КИСЛО-СЛАДКИЙ, входящее в название распространённого еврейского блюда («кисло-сладкое мясо», которым, скорее всего, «мегеры» кормили М), с одной стороны, маркирует «еврейскость» контекста (+ эксплицитно еврейское имя Эсфирь + лексема МЕГЕРА, частотная в городской евр. речи 30-х годов и присутствующая с почти идентичным звучанием в Y: [megere], см. [104, с. 243]). Но, с другой стороны, это же сочетание маскирует политический каламбур («СССР, советский = кисло-сладкий»), основанный на Y/R омонимии и, по-видимому, популярный в то время в еврейской среде. Известно, что в 20-е годы в городском фольклоре имел место ряд шуток, обыгрывавших еврейско-идишские фонетические связи аббревиатуры «СССР» (иногда с антисемитскими коннотациями), см. [118, с. 184]. Ср. популярный в начале 90-х годов в значительно сузившейся среде владеющих идишем хотя бы пассивно, каламбур: СНГ = Y[essen-ge] = ‘есть дерьмо’. То, что КИСЛО-СЛАДКИЙ у М – не столько обозначение «блюда», сколько резкий Y/R политический каламбур, доказывается присутствием этого сочетания в стих. «Фаэтонщик» (1931), где гастрономические аллюзии совершенно неуместны (см. выше). Тем самым, в обсуждаемом стихе КИСЛО-СЛАДКИЙ суггестирует одновременно «еврейскость» и «советскость» Лены и Норы («относивших себя к сливкам общества» – Н. Штемпель [66, с. 251]), т.е. маркирует их принадлежность к ненавистной для М (еще с 20-х годов, см. «Четвертую прозу») этно-социальной группе «присовеченных» еврейских интеллигентов («О, эта Этна – И. Т. Р.»!). Интересно, что И. Бродский отмечает еще один способ шифровки понятия ‘СССР’ у Мандельштама в эпиграмме на Сталина в строке «Как подкову, кует за указом указ...»: «...Мандельштам, когда говорит о подкове, имеет в виду такую чисто зрительную, графическую конфигурацию “одной шестой”, то есть СССР; она

* 3 марта 1937. Стих. «Я молю, как жалости и милости...» [I, с. 245].

(1) в стр «Правды горлинок твоих и кривды карликовых/ Виноградарей в их разгородках марлевых»

ГОРЛИНОК → Y[kark] 'горло' → (пар.) «карлик» → КАРЛИКОВЫХ⁸⁴

(2) в стр «Наклони свою шею, безбожница, / С золотыми глазами козы, / И кривыми картавыми ножницами / Купы скаредных роз раздразни».

Здесь в подтексте строчка из мандельштамовского перевода (с нем.) стихотв. «Телохранители» Рене Шикеле [2, с. 377]: И КЛОНИТ (ПЛОД) БЕССТЫДСТВО ЗОЛОТОЕ. Возникает «рамка»: КЛОНИТ ↔ НАКЛОНИ ↔, ЗОЛОТОЕ ↔ ЗОЛОТЫМИ. «БЕССТЫДСТВО» должно в этой рамке соответствовать БЕЗБОЖНИЦЕ. И действительно:

БЕССТЫДСТВО → «бесстыдница» → Y[bez-buš-nitse] 'бесстыдница' → (пар.) БЕЗ-БОЖ-НИЦА⁸⁵

* 7 апр. 1937. Стих. «Флейты греческой тэта и йота...» [I, с. 253].

(1) в стр. «Флейты греческой тэта и йота – / Словно ей не хватало молвы – / Неизваянная, без отчета, / Зрела, маялась, шла через рвы»

ФЛЕЙТЫ → Y[pleyte] 'бегство', Y[pleytexē] 'ветреница' [106, с. 58], (конс. метат.) YP[liftike] 'ветреная, легкомысленная'⁸⁶.

(2) в стр. «И когда я наполнился морем – / Мором стала мне мера моя...»

действительно выглядит, как подкова...» [119, с. 40]. Кстати, слово [rodkove] присутствует в Y в том же значении, но мне представляется, что в *эпиграмме* слово ПОДКОВУ, скорее, шифрует не графику геогр. карты, а графику той самой последовательности прописных букв С в иероглифе «СССР», которые участвуют в «кисло-сладкой шифровке».

⁸⁴ См. выше стих. «За Паганини длиннопалым...» (1935).

⁸⁵ Аналогичное «рамочное» соответствие (но внутри одной словоформы) см. в идишизмах к «Грифельной Оде» (1923): «двурушник» → «дводедушник».

⁸⁶ Возникает ассоциация с «убегающим», неустойчивым, неудержимым, «ветреным» и поэтому опасным», поведением флейты/женщины. Ср. в отрывке М <Скрябин и христианство>: «Эллины боялись флейты и фригийского лада, считая его опасным и соблазнительным...» [II, с. 159].

- (а) МОРЕМ → Y[moyre/meyre] 'страх, ужас' + Y[more/mure] 'горечь, печаль' → МЕРА («ужас»)⁸⁷
- (б) CONJ МОРОМ → Y[more/mure] 'господин, Господь', букв. 'его господин' [110, с. 189]⁸⁸ → смысл: «моим господином стал страх»⁸⁹.

⁸⁷ Лексема Y[more/mure] выступает, обычно, в связанном виде, в частности, в Y фразеологизме [more-šxoyme] – 'меланхолия', букв. 'черная горечь', что в сумме продуцирует устойчивую негативную ассоциацию с R-сочетанием «черное море», ср. «...над морем черным и глухим», «...он Черномора пригубил питье».

⁸⁸ В идише Y[more/mure] – омоним второй лексемы из п. (а).

⁸⁹ Разумеется, в этих строках, кроме прочего, обыгрывается общая для славянских и германских языков (хотя в Y соответствующие лексемы – семитские заимствования!) негативная семантика основы [mog/mug]. См. также идишизмы в стих. «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (1931).

Для пополнения «словарей» в Приложениях

Для пополнения «словарей» Приложениях

Глоссарий

германский монитор

«Германским монитором» или «G-монитором» в тексте Мандельштама мы называем процесс отслеживания возможных SI-функций (*СИ-функций), имеющих в качестве языка-посредника немецкий и/или идиш, и процесс порождения этих функций. Этот «монитор-переводчик», линейно продвигаясь по тексту, отслеживает возможные ситуации германо-русской омофонии, омонимии, паронимии, эквиконсонантизма (отслеживание совпадения наборов консонант в словоформах) и т.д. Этот процесс имеет место, по-видимому, в большинстве текстов Мандельштама

еврейская цивилизация (ЕЦ)

см. *цивилизация

Историк Лев Гумилев в публикациях 70-80-х годов¹, т.е. еще раньше Хантингтона, ввел понятие «суперэтноса» (в частности, «еврейского суперэтноса»), фактически эквивалентное понятию «цивилизации» по Хантингтону [53]. Следует отметить, что среди различных цивилизаций, рассматриваемых Хантингтоном, ЕЦ не присутствует.

когнаты

Слова в двух (или нескольких) языках, происходящие из одного слова-предка в языке-предке этих языков. Например, *ten* в

¹ Например, в [54].

англ. и *zehn* в нем. (и идише) являются когнатами, потому что происходят из **одного** слова-предка в «прото-германском», из которого произошли английский и немецкий.

концепт

Нами для этой работы принято «суженное» текстуальное определение: «концепт» (в данном языке) есть некая функция $\text{Conc}(X)$: ТЕКСТЫ \rightarrow ТЕКСТЫ, «аргумент» X которой - это отрезок текста на этом языке (обычно лексема, т. е. **слово-концепт**, или короткое предложение), а «значение» $\text{Conc}(X)$ – это текст, выражающий множество (точнее, пересечение множеств) ассоциаций (идей, эмоций и т.п.), связанных с X , у носителей данного языка.

культурный скрипт²

Общеизвестные и обычно не оспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо и что можно и чего нельзя, – мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некие объективные факты.

лексико-семантическая функция (оператор)

Функция, аргументом которой является пара: лексема (сочетание лексем) + некий «смысл» (конфигурация смыслов), связанный с этой лексемой. «Значение» этой функции – это новая лексема (сочетание лексем), содержащая некий модифицированный определенным образом «смысл» (конфигурацию). Пример: функция **Magn** (X), см. ниже.

лексико-семантическая функция Magn (X)³

Здесь X : ситуация, действие и т.п., «значение» функции – это лексема, фразеологизм и т.п., описывающие «усиление, акцентуацию» этой ситуации, действия и т.п. Например, если X = ‘разбить, сломать’, то **Magn** (X) = ‘разбить вдребезги’, если X = ‘зависть’, то **Magn** (X) = ‘черная зависть’ и т.д.

² По А. Вежбицкой [80, с. 467].

³ А. Мельчук еще называет этот объект (который он же в свое время и придумал): «стандартный, клишированный **интенсификатор**», см. [153, с. 59].

лингвоспецифичный (language-specific)

Характерные именно для данного языка структуры концептов, узус и семантика лексем и т.п.

лист (лента, пояс) Мёбиуса⁴

Простейший и при этом совершенно нетривиальный пример неориентируемой односторонней поверхности. Был описан в 1862-65 гг. в работах немецких математиков Мёбиуса и Листинга. В «наглядной геометрии» получается следующим образом: длинная гибкая лента прямоугольной формы (рис 1-а) один раз перекручивается (рис 1-б), затем концы её (уже без перекручивания) сближаются (рис 1-в) и склеиваются. Полученная поверхность с краем (рис 1-г) и называется листом Мёбиуса.

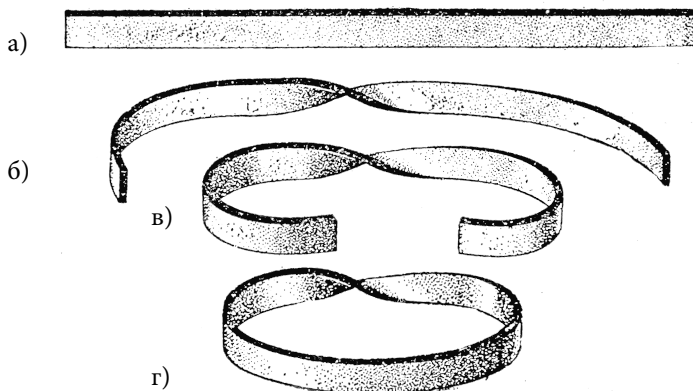

Рис. 1.

⁴ Рисунки и большая часть описания взяты из очерка В. Болтянского и В. Ефремовича [155].

«Наглядно-геометрическое» определение ориентируемости поверхности: условимся вокруг точки a , из которой проведена нормаль (вектор-перпендикуляр к поверхности), описывать небольшую окружность и на ней брать такое направление обхода, которое из конца («острия стрелочки») проведенной нормали мы видели бы как направление против часовой стрелки (Рис. 2-а). Если теперь точка a будет непрерывно перемещаться, то вместе с ней непрерывно будет перемещаться и нормаль, а также и окружность с имеющимся на ней направлением обхода. Когда мы «протащим» окружность по всему листу Мёбиуса, она возвратится в свое первоначальное положение, но так как нормаль изменит свое направление на противоположное, то и направление обхода окружности изменится на противоположное (Рис. 2-б).

Итак, на листе Мёбиуса имеется такой путь (обход), что при перемещении окружности вдоль этого пути направление обхода **на** окружности меняется на противоположное! Такие обходы называются *обращающими ориентацию*. Поверхности, на которых нет обращающих ориентацию обходов, называются **ориентируемыми** или **двусторонними** (сфера, тор). Поверхности, на которых есть обращающие ориентацию обходы, называются **неориентируемыми** или **односторонними** – например, лист Мёбиуса. С наглядно-геометрической точки зрения, ориентируемость поверхности означает, что можно ее всю покрыть малыми окружностями и выбрать на каждой из них такое направление обхода, что «близкие» окружности будут иметь одно и то же направление обхода. На неориентируемой поверхности выбор таких «согласованных» направлений обхода на окружностях, заполняющих поверхность, **невозможна**.

а)

б)

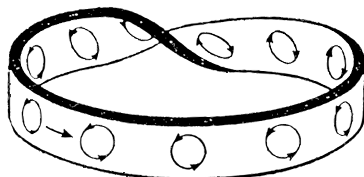

Рис. 2.

оппозиция Шпенглера

«Оппозицией (дихотомией) Шпенглера» мы называем противопоставление понятий «культуры» и «цивилизации», последовательно проведенное в работе О. Шпенглера «Закат Европы» [138]. В русле Шпенглера, М пытался заменить civilization-consciousness (по Хантингтону) на CULTURE-consciousness.

порождающие (примарные) матрицы цивилизации (управляющие архетипы, принципы, паттерны)

Может быть, лучше всего этот объект описывается психологическим термином: **установка на...**

Точное определение этого понятия использует понятие функции, где аргументом является ситуация, а «значением» - поведенческая реакция на эту ситуацию. Примарные «управляющие матрицы» в этом определении – это функции, которые:

- (а) работают в большинстве ситуаций
- (б) суперпозицией которых получаются все, или большинство, других «матриц».

русская цивилизация (РЦ)

см. *цивилизация

СИ-функции (они же: СИ-операторы, SI-функции, SI-операторы)

СИ-функция («суггестивно-импликативная» функция) от словоформы X – это лексема/словоформа SI(X), определенным об-

разом суггестируемая и имплицитруемая аргументом X. В качестве аргументов и значений SI(X) могут выступать «смыслы», т.е. этот объект может являться и лексической и семантической функцией. Выражение «определенным образом» означает, что суггестирование может происходить самыми различными ассоциативными путями, которые, вообще говоря, невозможно проследить. Однако замечательная (может быть, уникальная) особенность текстов Мандельштама состоит в том, что его ассоциации в целых сериях случаев «детерминированы», их можно пытаться реконструировать.

Одной из таких «стандартных» серийных связей (и, тем самым, стандартных SI-функций) является генерирование SI (X) через использование «образа» (отражения) X в некотором промежуточном языке. Имеется в виду следующая генеративная цепочка: русское «слово» или «смысл» X (уже участвующее в тексте) отображается (т.е. порождает свой образ, например, свой «перевод» или свой пароним) в некий язык-посредник, затем этот образ, в свою очередь, порождает новое русское «слово» или «смысл» SI(X), непосредственно участвующее в тексте, обычно в «близкой окрестности» исходного «аргумента».

«Языками-посредниками» в SI-функциях Мандельштама могут являться самые различные европейские языки. Но следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев языком-посредником для SI-функций в тексте Мандельштама является германский в широком смысле, т.е. немецкий с диалектизмами + идиш.

слово-концепт

См. *концепт

суггестия (суггестировать)

Внедрение какого-то представления в (под)сознание, чаще всего, каким-то неосознанным для объекта воздействия способом.

суперэтнос

Эквивалент понятия *цивилизация. Термин введен историком Л. Гумилевым в работах 1970-х гг. Им же впервые (вне религи-

озного контекста) был рассмотрен «феномен еврейской цивилизации» (ЕЦ), который он называл «еврейский суперэтнос».

фрактальность, фракталы

Так называют объекты, обладающие свойствами самоподобия (масштабной инвариантности), проявляющегося в том, что меньший фрагмент структуры такого объекта подобен большему, а больший фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом [157, с. 21].

хронотоп

По определению М. Бахтина, хронотоп – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе». В «случае Мандельштама», *лист Мёбиуса является (в силу своей неориентируемости/односторонности) хорошей наглядно-геометрической моделью его хронотопии. Аргументация этого утверждения (не принципиального для данной работы) будет проведена в другом месте.

цивилизация

Мы используем наиболее «работающее»⁵ определение этого понятия, которое дал S.Huntington в 1993 г. в статье [53]:

«A civilization is thus the highest cultural grouping of people and the broadest level of cultural identity people have short of that which distinguishes humans from other species. It is defined both by common objective elements, such as language, history, religion, customs, institutions, and by the subjective self-identification of people. People have levels of identity: a resident of Rome may define himself

⁵ Но все равно «неполное»: остается полагаться в значительной степени на интуицию. Те, для кого С. Хантингтон неприемлем из-за своего «журналистского дилетантизма», а Л. Гумилев – из-за своего «научного маргинализма» и/или «антисемитизма», могут назвать этот (intuitively cognizable) объект более симпатичным словом «культура», что, правда, приведет к конфликту с еще одним «маргиналом» – О. Шпенглером и т.д. Лучшее, что может сделать желающий избежать (кажется, неизбежного в этом поле) конфликта – назвать обсуждаемый объект, в подражание великому русскому актеру Ю. Никулину, – «**объектом БН**»: «чтобы никто не догадался!».

*with varying degrees of intensity as a Roman, an Italian, a Catholic, a Christian, a European, a Westerner. The civilization to which he belongs is **the broadest level of identification** with which he intensely identifies».*

При этом **cultural identity** понимается нами, чаще всего, в смысле, предложенном в работе 1979 г. Герцем (Clifford Geertz)⁶:

«Понятие **культуры**, которого я придерживаюсь, обозначает исторически передаваемую модель значений, воплощенных в символах, систему наследуемых представлений, выраженных в форме символов, при помощи которых люди общаются между собою и на основе которых развиваются их жизненные установки»⁷.

языковая картина мира (ЯКМ)

Фиксация в языке определенного способа восприятия мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в семантике и структуре языка. Некая система взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем его носителям [80, с.9].

⁶ Цит. по [154, с. 289].

⁷ Система этих установок (*порождающих матриц) составляет то, что мы во Введении и в начале Гл. 1 называем: «геном цивилизации». Хантингтону, Герцу и даже Шпенглеру (подход которого, т.е. *оппозицию Шпенглера, мы приняли в настоящей работе для «мандельштамовских» рассмотрений) это, кажется, не противоречит.

Библиография

- [1] *Мандельштам О.* Сочинения. В 2 т. / Сост. Нерлер П. М., 1990.
- [2] *Мандельштам О.* Собр. произв.: Стихотворения / Сост. Василенко С., Фрейдин Ю. М., 1992.
- [3] *Кацис Л.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. Иерусалим; М., 2002.
- [4] *Горнфельд А.* Русское слово и еврейское творчество // Еврейский альманах. М.; Петроград, 1923.
- [5] *Тименчик Р.* Еврейские подтексты в «Египетской марке» Осипа Мандельштама // Jews and Slavs. Vol. 1. СПб., 1993.
- [6] Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания. М.; Иерусалим, 2004. Т. 1.
- [7] *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999.
- [8] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.
- [9] *Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1999.

- [10] *Селищев А.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). 2-е изд. М., 2003.
- [11] *Кнут Д.* Собр. соч. в 2 т. / Сост. Хазан В. Иерусалим, 1998.
- [12] *Гладков А.* Поздние вечера. М., 1986.
- [13] *Эйхенбаум Б.* О литературе / Коммент. Е.Тоддеса. М., 1987.
- [14] *Кацис Л.* К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковские чтения. Вып.2. М., 1998.
- [15] *Лекаш Б.* Радан великолепный / Пер. с фр. и предисл. О. Мандельштама. Прилож. Д. Сегала. М.; Иерусалим, 2004.
- [16] *Городецкий Л.* Немецкий язык в дискурсе Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. Т. 2. М.: РГГУ, 2008.
- [17] *Жирмунский В.* Поэтика русской поэзии. СПб., 2001.
- [18] *Городецкий Л.* Идиш в дискурсе Осипа Мандельштама // Judaica Rossica: Сб. ст. Вып. 4. М.: РГГУ, 2006.
- [19] *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988.
- [20] *Мусатов В.* Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000.
- [21] *Аверинцев С.* Так почему же все-таки Мандельштам? // Новый мир. – 1998. – №6.
- [22] *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.

- [23] *Заславский Д.* Современные немецкие писатели-евреи // Еврейская летопись. Сб. третий. Л.; М, 1924.
- [24] *Заславский Д.* Евреи в русской литературе // Еврейская летопись. Сб. первый. Петроград, 1922.
- [25] *Андреев В.* Возвращение в жизнь // Звезда. – 1969 – №5.
- [26] *Гаспаров М.* О русской поэзии. СПб., 2001.
- [27] *Волошина М.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Феодосия; М., 2003.
- [28] *Горнфельд А.* Научная глоссология (об Андрее Белом) // Парфенон: Сб. 1. СПб., 1922.
- [29] *Ронен О.* Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000.
- [30] *Иванов Г.* Мемуары. Литературная критика // Собр. соч. в 3 т. М., 1994. Т. 3.
- [31] *Шиндин С.* О некоторых смысловых составляющих мотива полета в художественном мире Мандельштама // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [32] *Mittelman H.* Jüdische Expressionisten: Identität im Aufbruch – Leben “im Aufschub” // Jüdische Selbstwahrnehmung. Tübingen, 1997.
- [33] *Чуковский К.* Дневник. М., 1994. Т. 2.
- [34] *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза // Коммент. М. Гаспарова. М., 2001.
- [35] *Видгоф Л.* Москва. Материалы к Мандельштамовской энциклопедии // Параллели. М., 2003.

- [36] *Каганская М.* Осип Манделъштам – поэт иудейский // Сион. № 20. Тель-Авив, 1977.
- [37] *Рашковский Е.* К метапоэтике еврейского анекдота в России // Параллели. М., 2003.
- [38] *Катаев В.* Алмазный мой венец; Повести. М., 1981.
- [39] *Спивак Р.* Смеющийся еврей в русской литературе XIX в. // Праздник–обряд–ритуал в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. М., 2004.
- [40] *Тынянов Ю.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- [41] *Седых А.* Далекие, близкие. М., 1995.
- [42] *Петрова Н.* Семантика черемухи в поэзии О. Манделъштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [43] *Топоров В.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [44] *Гиля Лоран Voila:* Антология жанра. М.; Тверь, 2004.
- [45] Манделъштам – победитель истории (беседа с Ярославом Рымкевичем) // Русская мысль. – №3557. – 12 июля 1985.
- [46] *Пахольский А.* Чтение в метро “Буасьер–Анвер” // Новая Польша. – 2004. – №7-8.
- [47] *Фромм Э.* Библейская концепция человека. Пер. с англ. // Таргум. СПб., 1991.
- [48] *Хазанов О.* Установка на реализацию в еврейском религиозно-историческом сознании // Мат. 8-й ежегод.

- междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2001. Ч. 2.
- [49] *Шихова И.* Идишская литература как часть мировой карнавальной культуры: от Шолом-Алейхема до Шрайбмана // Мат. 8-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2002. Ч. 2.
- [50] Переписка В.В. Розанова с М.О. Гершензоном. 1908–1918 // Таргум. СПб., 1991.
- [51] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. М., 1991.
- [52] *Гервер Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М., 2001.
- [53] *Huntington, Samuel P.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. Num. 3. P. 22(28).
- [54] *Гумилев Л.* Русь и великая степь. М., 1989.
- [55] *Клепикова Г.* Семантика карпато-балканского StrIg- в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент движение») // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [56] *Вознесенский А.* Слово – это Бог // Известия. – 15 января 1991.
- [57] *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
- [58] *Kogos, F.* 1001 Yiddish Proverbs. Secaucus, N. J., 1974.
- [59] Воспоминания о серебряном веке // Сб. М., 1993.
- [60] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

- [61] *Dutli, R. Meine Zeit, mein Tier. Ossip Mandelstam. Eine Biographie. Zurich, 2003.*
- [62] *Мандельштам О. Египетская марка. Неизданные фрагменты / Публ. и текстолог. обработка С. Василенко и Ю. Фрейдина // Наше наследие. – 1991. – №1.*
- [63] *Ковельман А. Фарс в Талмуде // Библейские исследования. Еврейская мысль: Мат. 6-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 1999. Ч. 1.*
- [64] *Мандельштам О. Шум времени / Подгот. текста С. Василенко, А. Морозова; коммент. А. Морозова. М., 2002.*
- [65] *Копия письма А. Куприна к Д. Батюшкову от 18.03.1909. РО Ин-та русской литературы. Пушкинский дом, АН СССР. Ф. N 20. Ед. хр. 15125.*
- [66] *Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. Фигурнов О., Фигурнов М. М., 2002.*
- [67] *Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. Виленкин В., Черных В. М., 1991.*
- [68] *Герштейн Э. Мемуары. М., 2002.*
- [69] *Бубер М. Избранные произведения. Иерусалим, 1979.*
- [70] *Слезкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005.*
- [71] *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Сб. ст. Воронеж, 1990.*
- [72] *Мандельштам О. Собр. соч. в 4 т. / Сост. Нерлер П. и др. М., 1993-1994. Т. 1-3: Стихи и проза.*

- [73] *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929.
- [74] *Свенцицкая И.* Тайные писания первых христиан. М., 1981.
- [75] *Вайскопф М.* Птица-тройка и колесница души. М., 2003.
- [76] *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. М., 2004.
- [77] *Топоров В.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять» ... // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- [78] *Weinreich M.* History of the Yiddish Language. Chicago and London, 1980.
- [79] *Николаева Т.* Единицы текста и теория текста // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [80] *Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- [81] *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 2006.
- [82] *Левин Ю., Сегал Д., Тименчик Р., Топоров В., Цивьян Т.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [83] *Чуковский К.* О том, что видел. М., 2005.
- [84] *Жолковский А.* Избранные статьи о русской поэзии. М., 2005.
- [85] *Спивак М. О.Э. Мандельштам и П.Н. Зайцев* (к вопросу об истории, текстологии и прочтении стихотворного

- цикла “Памяти Андрея Белого”) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 4. Т. 2. М.: РГГУ, 2008.
- [86] *Белый А.* В начале века / Предисл. Л. Каменева. М., 1933 (репринт: М., 1990).
- [87] *Амелин Г., Мордерер В.* Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М., 2001.
- [88] *Мандельштам О.* Собр. соч. в 4 т. / Сост. Нерлер П. и др. М., 1999. Т. 4.
- [89] *Розенталь Л.* Мандельштам. Бородатый Мандельштам (мемуары) // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 1. М., 1991.
- [90] *Гыдов В. О.* Мандельштам и воронежские писатели // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 2. М., 1993.
- [91] *Волошин М.* Путник по вселенным. М., 1990.
- [92] *Krech E.-M. und and.* Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1974.
- [93] *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922.
- [94] *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004.
- [95] Осип Мандельштам. Последние творческие годы // Новый мир. – 1987. – №10.
- [96] *Жирмунский В.* История немецкого языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1948.
- [97] *Городецкий Л.* “Германский монитор”, черемуха и комментирование текстов Мандельштама // Эдиционная практика и проблемы текстологии: Сб. ст. М.: РГГУ, 2006.

- [98] *Топоров В.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.
- [99] *Баран Х.* О Хлебникове. Контексты. Источники. Мифы. М., 2002.
- [100] *Левинтон Г.* Поэтический билингвизм и межъязыковые явления (Язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы: Сб. ст. Тарту, 1979.
- [101] *Лотман М.* Мандельштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). Таллин, 1996-1997.
- [102] *Успенский Б.* Поэтика композиции. СПб., 2000.
- [103] *Жолковский А.* Клавишные прогулки без подорожной // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/1. М., 2000.
- [104] Русско-еврейский (идиш) словарь / Под ред. М. Шапиро и др. М., 1984.
- [105] *Harkavy A.* Yiddish-English-Hebrew Dictionary. N.Y., 1988.
- [106] *Лифшиц О.* Русско-новоеврейский словарь. Житомир, 1869.
- [107] *Weinreich U.* Modern English-Yiddish & Yiddish-English Dictionary. N.Y., 1977.
- [108] *Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1999.
- [109] *Черных П.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994.
- [110] Dictionnaire des mots d'origine hébraïque et araméenne en usage dans la langue Yiddish (compilé par Yitskhok Niborski). Paris, 1999 (идиш, иврит).

- [111] Большой немецко-русский словарь / Под ред. О. Москальской. М., 1998.
- [112] *Wasserzieher E.* Ableitendes Wörterbuch der Deutschen Sprache. Berlin; Bonn, 1930.
- [113] *Кацис Л.* Вокруг «Фагота и «Египетской марки»» (к теме «Мандельштам и Шолом-Алейхем» // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [114] *Аверинцев С.* Страх как инициация: одна тематическая константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. М., 2001.
- [115] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996.
- [116] *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Strassburg, 1910.
- [117] Немецко-русский словарь / Сост. Павловский И. Рига, 1902.
- [118] *Любченко В.* Евреи в городском политическом фольклоре Украины 1920-х годов // Тирош: Сб. ст. Вып. 6. М., 2003.
- [119] *Нерлер П.* Мандельштамовская конференция в Лондоне // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/2. М., 2000.
- [120] *Перцов Н.* Игроки (Пары истолкованья Осипа Мандельштама) // Вопросы литературы. – 2001. – Ноябрь-декабрь.
- [121] *Mandelstam O.* Die beiden Trams / Russ. übertr. von Ralph Dutli. Zürich, 2000.

- [122] Русско-немецкий словарь / Сост. Павловский И. Рига, 1900.
- [123] Полный русско-новоеврейский словарь / Сост. Дрейзин И. Варшава, 1913.
- [124] *Сегал Д.* Еще один неизвестный текст Мандельштама? // *SLAVICA HIEROSOLYMITANA*. Vol. III. The Hebrew Univ., Jerusalem, 1978.
- [125] *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle, 1960.
- [126] Полный русско-немецкий словарь / Сост. Макаров Н., Шеерер В. СПб., 1911.
- [127] *Горнфельд А.* Жаргонная литература на русском книжном рынке // Еврейский мир: Ежемесячник. Январь 1909, СПб.
- [128] *Birnbaum S.* Yiddish. A Survey and a Grammar. Toronto, 1979.
- [129] *Соколова Н.* Кое-что вокруг Мандельштама // Сохрани мою речь...: Сб. ст. Вып. 3/2. М., 2000.
- [130] *Эпштейн М., Юркина Е.* Образы детства // Новый мир. – 1979. – №12.
- [131] *Маковский С.* Портреты современников. М., 2000.
- [132] *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. М., 1979.
- [133] *Pollak N.* Mandelstam the Reader. Baltimore; London, 1995.
- [134] *Апресян Ю.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.

- [135] *Эйхенбаум Б.* Конспект речи о Мандельштаме // *Мой временник...: Сб. работ Б. Эйхенбаума.* СПб., 2001.
- [136] *Эйхенбаум Б.* Мой временник // *Мой временник...: Сб. работ Б. Эйхенбаума.* СПб., 2001.
- [137] *Ганицфрид С.* Киццур шульхан арух. М., 2006.
- [138] *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993.
- [139] *Флоренский П.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М., 2004.
- [140] *Флоренский П.* Имена. М., 2003.
- [141] *Сошкин Е.* Горенко и Мандельштам. М., 2005.
- [142] *Панова Л.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М., 2003.
- [143] *Видгоф Л.* Москва. Мандельштама: книга-экскурсия. М., 2006.
- [144] О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007.
- [145] *Бугаев Б. (Белый А.)* На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // *Весы: Ежемесячник. – 1909. – № 9.*
- [146] *Поляновский Э.* Гибель Осипа Мандельштама. Петербург; Париж, 1993.
- [147] *Белый А.* Серебряный голубь. М., 1990.
- [148] *Хазан В.* Довид Кнут: судьба и творчество. Лион, 2000.

- [149] *Эпштейн М.* Хасид и талмудист: сравнительный опыт о Пастернаке и Мандельштаме // Звезда. – 2000. – № 4.
- [150] *Мец А.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. СПб., 2005.
- [151] *Лихачев Д., Панченко А.* «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976.
- [152] *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.
- [153] *Мельчук И.* Курс общей морфологии. М.; Вена, 1997. Т. 1.
- [154] *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- [155] *Болтянский В., Ефремович В.* Очерк основных идей топологии // Математическое просвещение: Сб. ст. Вып. 2. М., 1957.
- [156] *Ямпольский М.* Сообщество одиночек: Арндт, Беньямин, Шолем, Кафка // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67.
- [157] *Зинченко В., Зусман В., Кириозе З.* Межкультурная коммуникация: системный подход. Н.-Новгород, 2003.
- [158] *Goodman P.* The Purim Anthology. Philadelphia, 1973.
- [159] *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. Нерлер П. М., 2007.
- [160] *Хазанов О.* Установка на инновацию в еврейском религиозно-историческом сознании // Мат. 9-ой ежегод. междунар. междисц. конф. по иудаике. М., 2002. Ч. 2.

- [161] *Топоров В.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- [162] *Горнунг Б.* Поход времени. В 2 кн. Кн. 1: Стихи и переводы. М., 2001.
- [163] *Копылкова Е.* Еврейский анекдот как материал для анализа семейных отношений // Тирош: Сб. ст. Вып. 7. М., 2005.
- [164] *Зеленина Г.* От скипетра Иуды к жезлу шута: придворные евреи в средневековой Испании. М., 2007.
- [165] *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.
- [166] *Белова О., Петрухин В.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008.
- [167] *Берковский Н.* Текущая литература: статьи критические и теоретические. М., 1930.
- [168] *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: морфология, идеология, контекст. М., 2002.
- [169] *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы. Новосибирск, 2005.
- [170] *Белова О.* Евреи и нечистая сила // Дьявол и евреи. М., 1998.
- [171] *Гильдебрандт-Арбенина.* Девочка, катящая серсо... М., 2007.

